

ДЕМИС. Демографические исследования
2023. ТОМ 3. № 3

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru

ДЕМИС
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

2023. ТОМ 3. № 3

ДЕМИС. Демографические исследования.
2023. Том 3. № 3

DEMIS. Demographic research.
2023. Vol. 3. No. 3

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2023.3.3

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2023.3.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Моисеева Евгения Михайловна**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Лукьянец Артем Сергеевич**, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фолклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия
- Охаси Кэнити**, магистр социологии, профессор кафедры культурологии и туризма, колледж туризма, университет Рикке, Токио, Япония
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Письменная Елена Евгеньевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Рыбаковский Леонид Леонидович**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норико**, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Храмова Марина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Vadim A. Bezverbnny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasilij I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Central European University, Budapest, Hungary
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Department of Culture and Tourism Studies, College of Tourism, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Leonid L. Rybakovsky**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khramova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

<i>Бурханова Ф. Б., Садретдинова Э. В.</i> ОЦЕНКИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РАБОТАЮЩИМИ ЖЕНЩИНАМИ В РОССИИ	8
<i>Ван Е.</i> НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТРЕХДЕТНОСТИ В КИТАЕ.....	26
<i>Рославцева М. В., Новикова В. С.</i> ФАКТОРЫ СЕПАРАЦИИ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОТ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ	43

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

<i>Надеждин А. Е.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АВСТРИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТРЕНДЫ	57
<i>Деловарова Л. Ф., Султанмуратов Н.</i> МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС И НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЙ.....	71
<i>Вазиров З. К., Афзали М., Гарибова Ф. М.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАНОМ В КОНТЕКСТЕ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	87
<i>Кузнецов Н. Г.</i> БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЫЕЗДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ	100
<i>Кхант Вин, Письменная Е. Е., Рязанцев С. В., Моисеева Е. М.</i> ТРЕНДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ МЬЯНМЫ ЗА РУБЕЖ	111

УРБАНИЗАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ

<i>Безвербный В. А.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1897–2020 ГГ.	131
<i>Стеценко В. В.</i> ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990–2010 ГГ.	153
<i>Рязанцев С. В., Добрякова В. А., Смирнов А. В., Рязанцев Н. С.</i> ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СИСТЕМУ РАССЕЛЕНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	171

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Мищук С. Н.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАВОДНЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 2013–2023 ГГ.	191
<i>Мирязов Т. Р.</i> ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИБАЙКАЛЬЕ.....	208

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Храмова М. Н.</i> ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ	224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Осадчая Г. И., Киреев Е. Ю., Рославцева М. В.</i> II МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ЕВРАЗИЙСКИЕ ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ»	234
<i>Кочербаева А. А., Осадчая Г. И., Юдина Т. Н.</i> НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ).....	241
<i>Ростовская Т. К.</i> ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТА-ДЕМОГРАФА: ОБЗОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА.....	253

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ахметова Г. Ф.</i> СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ОБЗОР РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДОКЛАДА	259
<i>Писарро С. А.</i> МИГРАЦИОННЫЙ АТЛАС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ АРГЕНТИНЫ	265
<i>Суций С. Я.</i> КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ: ОБЗОР «МИГРАЦИОННОГО АТЛАСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»	273

CONTENT

FAMILY AND FERTILITY

- Flura B. Burkhanova, Evellina V. Sadretdinova.* RUSSIAN WORKING WOMEN'S EVALUATIONS OF MARITAL RELATIONSHIPS 8
- Ye Wang.* NEW DEMOGRAPHIC THREE-CHILD POLICY IN CHINA.....26
- Maria V. Roslavtseva, Victoria S. Novikova.* FACTORS OF MOSCOW YOUTH'S SEPARATION FROM THEIR PARENTAL FAMILIES 43

FOREIGN DEMOGRAPHICS

- Alexander E. Nadezhdin.* MIGRATION PROCESSES IN AUSTRIA: FEATURES AND TRENDS 57
- Leila F. Delovarova, Nuriddin Sultanmuratov.* MIGRATION IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF EEU INTEGRATION AND NEW INTERNATIONAL REALITIES71
- Zafar K. Vazirov, Mehdi Afzali, Farzona M. Garibova.* MIGRATION PROCESSES BETWEEN RUSSIA AND IRAN IN THE CONTEXT OF DEEPENING COOPERATION UNDER SANCTIONS..... 87
- Nikita. G. Kuznetsov.* BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF EDUCATIONAL EMIGRATION STUDIES100
- Khant Win, Elena E. Pismennaya, Sergey V. Ryazantsev, Evgeniya M. Moiseeva.* TRENDS IN EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUNG PEOPLE FROM MYANMAR ABROAD 111

URBANIZATION AND POPULATION DISTRIBUTION

- Vadim A. Bezverbny.* DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES ACCORDING TO POPULATION CENSUSES OF 1897–2020 131
- Vladimir V. Stetsenko.* POPULATION DYNAMICS AND SETTLEMENT TRANSFORMATION OF RUSSIANS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 1990–2010 153
- Sergey V. Ryazantsev, Valentina A. Dobryakova, Alexey V. Smirnov, Nikita S. Ryazantsev.* IMPACT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES ON THE SETTLEMENT SYSTEM IN THE TYUMEN REGION 171

REGIONAL DEMOGRAPHICS

<i>Svetlana N. Mishchuk.</i> SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF FLOODS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN 2013–2023	191
<i>Timur R. Miryazov.</i> DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE BAIKAL REGION.....	208

FIELD STUDIES

<i>Marina N. Khramova.</i> EXPEDITION TO STUDY RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES IN LATIN AMERICA	224

SCIENTIFIC LIFE

<i>Galina I. Osadchaya, Egor Y. Kireev, Maria V. Roslavl'tseva.</i> II INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL "EURASIAN SOCIETIES IN THE FOCUS OF YOUNG SOCIOLOGISTS"	234
<i>Ainura A. Kocherbaeva, Galina I. Osadchaya, Tatyana N. Yudina.</i> NEW MIGRATION TRENDS IN EURASIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES (BASED ON MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)	241
<i>Tamara K. Rostovskaya.</i> FEATURES OF THE WORK OF A DEMOGRAPHER: AN OVERVIEW OF THE PROFESSIONAL STANDARD.....	253

REVIEWS

<i>Guldar F. Akhmetova.</i> CONTEMPORARY DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: REVIEW OF THE REGIONAL DEMOGRAPHIC REPORT.....	259
<i>Cynthia A. Pizarro.</i> MIGRATION ATLAS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A VIEW FROM ARGENTINA.....	265
<i>Sergey Ya. Suschiy.</i> MAPPING MIGRATION IN RUSSIA: REVIEW OF THE "MIGRATION ATLAS OF THE RUSSIAN FEDERATION"	273

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.1)

EDN [YAXFOU](https://edn.yaxfo.ru)

ОЦЕНКИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РАБОТАЮЩИМИ ЖЕНЩИНАМИ В РОССИИ

Бурханова Ф. Б.

*Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
E-mail: burhanova.flura@mail.ru*

Садретдинова Э. В.

*Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
E-mail: golichev@mail.ru*

Для цитирования: Бурханова, Ф. Б. *Оценки супружеских отношений работающими женщинами в России / Ф. Б. Бурханова, Э. В. Садретдинова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 8–25. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.1). EDN [YAXFOU](https://edn.yaxfo.ru).*

Аннотация. Целью представленного анализа является характеристика оценок супружеских отношений, которые дали работающие, состоящие в браке женщины; выявление того, как характер отношений влияет на некоторые другие стороны семейной жизни, какие внутрисемейные факторы обуславливают полученные оценки. Анализ основан на результатах опроса, проведенного в 2020 г. в десяти российских регионах в рамках проекта «Демографическое самочувствие России». Результаты показали, что во многих семьях один из измерявшихся показателей супружеских отношений (оценка сплоченности либо конфликтности) – неблагоприятный, что говорит о наличии проблем. Только треть опрошенных имеет очень хорошие отношения с мужем – бесконфликтные и сплоченные. Установлено прямое влияние оценок характера супружеских отношений (благоприятные/неблагоприятные) на психологическое самочувствие и образ жизни. Подтверждена гипотеза о связи восприятия характера отношений с общей психологической атмосферой и образом своей семьи, а также отношениями с близкими родственниками. Факторами, влияющими на оценки супружеских отношений, выступают: 1. Гендерный порядок семейной власти (главенство в семье и практики распоряжения бюджетом). Наиболее благоприятно оцениваются отношения в семьях, где мужчина является главой семьи и практикуется совместное распоряжение бюджетом; 2. Собственные взгляды на качество брака в родительской семье. Женщины, позитивно оценивающие супружеские отношения родителей, более оптимистичны в оценках своих супружеских отношений; 3. Материальное положение семьи, которое предопределяет ухудшение суждений женщин о супружеских отношениях в зависимости от негативных оценок условий жизни.

Ключевые слова: супружеские отношения; работающие женщины; семья; семейные конфликты; сплоченные отношения; конфликтные отношения.

Введение

Значимым изменением семейной жизни, которое произошло в XX–XXI веке, является повышение запроса супругов к качеству брака, прежде всего, к такой его составляющей, как благоприятные, гармоничные и удовлетворяющие межличностные супружеские отношения. Хорошие отношения мужа и жены, которые включают взаимное уважение, помощь и поддержку друг друга, ответственность перед семьей,

терпение и терпимость – весомые факторы стабильности брака [1]. А неудовлетворенность межличностными отношениями, конфликты, отсутствие взаимопонимания и уважения многократно повышают риск распада семьи и выступают причиной разводов.

Изучение характера супружеских отношений в семьях работающих женщин имеет принципиальное значение: работающие женщины – многочисленная категория населения. Согласно обследованиям Росстата, уровень занятости женщин составляет 78,3% среди имеющих несовершеннолетних детей и 77,5% – среди не имеющих¹. В возрастных группах показатель занятости изменяется от 51,6% (20–24 года) до 92,2% (45–49 лет)².

Семейная и трудовая жизнь работающих женщин оказывают взаимное влияние друг на друга. Удачно складывающаяся жизнь, хорошие отношения с мужем способны позитивно влиять на рабочее настроение и результаты труда. И наоборот, плохие отношения – один из факторов, которые могут негативно сказываться на работе.

Для работающих женщин встает проблема нахождения баланса между семейными и трудовыми обязанностями, что, с одной стороны, увеличивает риски для семейной жизни, выполнения женщиной семейных обязанностей, сохранения благоприятных супружеских отношений, а с другой – формирует запрос на качественные супружеские отношения, повышает потребность в участии мужа в семейных делах.

Целью работы является ответ на вопросы о том, как сегодня оценивают российские работающие женщины отношения с супругом, как характер отношений влияет на другие аспекты их семейной жизни и какие внутрисемейные факторы обуславливают эти оценки.

Обзор научных публикаций

Ряд исследователей [2; 3; 4; 5; 6] рассматривает удовлетворенность семейной жизнью и браком как основу качества и удовлетворенности жизни человека в целом. Так, А. В. Аистов и Л. А. Леонова отмечают, что сам факт вступления в брак содействует повышению субъективной оценки удовлетворенностью жизни, прежде всего у женщин.

К числу основных измеряемых внутренних маркеров качества супружеских отношений исследователи относят субъективную оценку удовлетворенности браком, наличие конфликтов в семье и умение их решать, социально-демографические характеристики супругов, продолжительность семейной жизни [7, с. 133]. Несмотря на то, что женщины чуть ниже, чем мужчины, оценивают удовлетворенность супружескими отношениями по мере возрастания стажа семейной жизни и одинаково с ними оценивают частоту конфликтов, они в два раза чаще, чем мужчины, задумываются о завершении отношений с партнером независимо от того, как давно был сформирован их брачно-партнерский союз [7, с. 136–137].

Кроме того, некоторые исследователи выявляют зависимость между продолжительностью семейной жизни супругов и уровнем агрессии между супругами в

¹ Труд и занятость в России 2021 // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 15.06.2023).

² Там же.

отношении друг друга, а также готовностью оказывать психологическую поддержку супругу. В целом удовлетворенность семейными отношениями с годами супружеской жизни снижается [8]. Но особую группу риска наименее благополучных в данном аспекте семей составляют супруги со средним стажем супружеской жизни [9, с. 64–65].

К числу внешних маркеров качества супружеских отношений можно отнести влияние родительской семьи [10, с. 50–52], которое является двойственным. С одной стороны, плохие отношения с родителями (в особенности с матерью) и неблагоприятный климат в родительской семье содействуют раннему уходу из родительской семьи и вступлению в брак при низкой оценке значимости супружеских отношений, прежде всего, у женщин. С другой стороны, успешность супружества родителей содействует повышению значимости семьи и брака, построению сплоченных супружеских отношений в собственной семье. Коррелирует с этим то обстоятельство, что по мере повышения уровня образования женщин, возрастает и уровень удовлетворенности в браке [3].

На уровень удовлетворенности супружескими отношениями оказывает влияние форма супружества (зарегистрированный или незарегистрированный, альтернативные формы брака). Так, люди, состоящие в зарегистрированном браке, демонстрируют более высокий уровень удовлетворенности семейно-брачными отношениями и жизнь в целом по сравнению с теми, кто одобряет и применяет альтернативные формы супружества [2; 8].

Уровень удовлетворенности семейной жизнью, в том числе супружескими отношениями, детерминирован сложившимся в обществе гендерным дисбалансом социального положения женщин и мужчин. В современных российских семьях сохраняется гендерная асимметрия в распределении семейных ролей: неравноправное разделение семейных обязанностей (женщина – работающая домохозяйка, а мужчина – только помощник в хозяйстве), что со временем приводит к неравноценному обмену ресурсами и, как следствие, неудовлетворенности качеством супружеских отношений и семейной жизни [11; 12, с. 239–240; 13, с. 66].

В дополнение отметим, что к числу важнейших факторов, оказывающих влияние на супружеские отношения и семейную жизнь в целом, относится рождение ребенка. Оно содействует переосмыслению различных аспектов супружеских отношений, в том числе в решении вопросов организации и перераспределения бюджетов времени, распределения домашних обязанностей на основе перераспределения между супругами или обращения к модели «компенсирующего третьего» (помощи старших родственников), поиску стратегий в разрешении супружеских конфликтов, переосмыслению возможностей для самореализации «вне семьи» при поддержке/отсутствии поддержки со стороны супруга [14, с. 88–93].

Говоря о проблеме баланса между семейными и трудовыми обязанностями, подчеркнем, что семейный статус, а в особенности его ценностная значимость в глазах женщины, во-первых, определяют степень вовлеченности, характер и тип занятости женщины на рынке труда. Во-вторых, динамика супружеских отношений (как межличностных, психологических, так и экономических) со временем детерминирует изменения экономической активности женщины на рынке труда [15, с. 23–24]. Поиск оптимального баланса для женщины не всегда оказывается удачен. Например, увеличение масштабов удаленной занятости и фриланса среди женщин в последние

годы показал двойственное влияние подобных практик. Негативные влияние состоит в том, что может ухудшаться и ухудшается качество общения в семье – с супругом, детьми, другими родственниками, может повышаться конфликтность в отношениях [16, с. 483–485].

Изучение влияния характера супружеских отношений на такую сторону семейной жизни, как репродуктивные установки, мотивы и поведение, показало, что улучшение оценок отношений сопровождается увеличением доли намеревающихся иметь ребенка, а ухудшение – снижением. В группах с самыми сплоченными, бесконфликтными отношениями наиболее высока вероятность рождения ребенка в ближайшие годы, к тому же она повышается, если вводятся новые меры поддержки семьи [17, с. 191].

Методология исследования

Анализ оценок супружеских отношений основан на результатах опроса населения РФ, проведенного в феврале-марте 2020 г. в рамках исследования «Демографическое самочувствие России». Опрос охватил десять регионов страны. В сборе информации использовались анкетирование и личное интервью. Описание методики, полученной выборки и основных результатов содержится в докладе по итогам исследования «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020» [18, с. 6–10].

В статье анализируется подвыборка женщин, которые работают и находятся в браке, официальном или незарегистрированном (1 194 человека из общей выборки в 5616 человек). В первом браке состоят 84,6%, в повторном – 15,4%. Имеют одного ребенка – 32,0%, двоих – 45,6%, троих и более – 9,3%, не имеют детей – 13,1%. Родили всех своих детей в нынешнем браке 84,4% опрошенных, а 15,6% имеют детей от разных браков. Возраст на момент опроса: до 25 лет включительно – 7,4%, 26–35 лет – 36,1%, 36–45 лет – 43,1% и 46–49 лет – 13,4%.

Считают себя верующими 67,1%, не считают – 12,9%, затруднились ответить на вопрос о вере 20,0%. Относят себя к православным 84,9%, к мусульманам – 13,2%, к другому вероисповеданию – 3,9%.

Проживают в городах – 73,1%, в сельских населенных пунктах – 26,9%. Распределение подвыборки по регионам: г. Москва – 7,1%, Вологодская область – 13,1%, Волгоградская – 8,5%, Ивановская – 4,4%, Московская – 7,3%, Нижегородская – 12,7%, Свердловская – 14,5%, Ставропольский край – 10,5%, Республика Башкортостан – 10,9%, Республика Татарстан – 11,0%.

Оценки супружеских отношений в исследовании были получены с помощью двух вопросов: «Оцените свои взаимоотношения с супругом по пятибалльной шкале, где 1 означает разобщенность, а 5 – сплоченность»; «Приходится ли Вам сталкиваться с проблемой конфликтных отношений с супругом?» (дайте оценку по пятибалльной шкале, где 1 – «проблема практически не имеет никакого значения», а 5 – «имеет очень большое значение»). На основе выставленных оценок по первой переменной респонденты были объединены в три группы: с «разобщенными» (1–3 балла); «отчасти сплоченными» (4 балла) и «очень сплоченными» (5 баллов) отношениями. По второй переменной так же были выделены три группы: с «очень конфликтными» (4–5 баллов); «отчасти конфликтными» (2–3 балла) и «бесконфликтными» отношениями (1 балл) (табл. 1).

Таблица 1

Оценки сплоченности и конфликтности отношений с мужем

Table 1

Assessments of the cohesion and conflict of relations with her husband

Оценка сплоченности	Вся подвыборка		Вся подвыборка	Оценка конфликтности	
	человек	%		человек	%
Очень сплоченные	586	49,1	Бесконфликтные	502	44,1
Отчасти сплоченные	288	25,9	Отчасти конфликтные	320	28,1
Разобщенные	147	12,7	Очень конфликтные	129	11,3
Затруднились ответить	42	4,6	Затруднились ответить	187	16,4
Всего*	1063	100	Всего*	1138	100

*Примечание: не ответили на вопросы 131 и 56 человек соответственно.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Наибольший интерес представляет сравнительный анализ групп женщин, выделенных на основании оценок одновременно двух характеристик супружеских отношений (сплоченность и конфликтность). Групп с разным сочетанием указанных характеристик образовалось девять. Учитывая то, что некоторые из них невелики по численности, такой анализ не свободен от больших отклонений получаемых распределений. Поэтому сравнение делается по группам, выделенным отдельно по каждой характеристике.

В ходе обработки и анализа данных, помимо описания полученных ответов, характеризующих супружеские отношения, нами решались три задачи. Первая – выявить, как влияют оценки характера супружеских отношений (благоприятные/ неблагоприятные) на психологическое состояние и образ жизни опрошенных женщин. Проверяется гипотеза: худшие отношения между мужем и женой негативно влияют на психологическое самочувствие женщин.

Вторая задача – установить связь оценок характера супружеских отношений с восприятием своей семьи, с общей психологической атмосферой в ней, с отношениями с ближайшими родственниками (родителями с обеих сторон). Проверяется гипотеза: разобщенные и конфликтные отношения между мужем и женой способствуют созданию менее благоприятного общесемейного климата, сопровождаются такими же отношениями с родственниками.

Третья задача – определить, какие факторы из числа включенных в исследование влияют на оценку супружеских отношений. Устанавливается связь с социально-демографическими характеристиками, оценками брака родителей, гендерным порядком семейной власти и материальными условиями жизни. В рамках данной задачи проверяются две гипотезы: благоприятные финансовые, жилищные и другие условия жизни семьи проецируются на отношения супругов и их оценки, в таких семьях они характеризуются сплоченностью и низкой степенью конфликтности; равное участие в семейной иерархии, в принятии решений по бюджету семьи способствует более благоприятным оценкам отношений супругов.

Оценки супружеских отношений во всей подвыборке и в социально-демографических группах

Большинство опрошенных женщин дали позитивные оценки отношениям с мужем: 49,1% характеризуют отношения как сплоченные и 44,1% – как совершенно бесконфликтные. Группа с проблемными отношениями, где они являются разобщенными и очень конфликтными, насчитывает, соответственно, 12,7% и 11,3%. Промежуточная группа с отчасти сплоченными и отчасти конфликтными отношениями составляет 25,9–28,1% (табл. 2). Заметим, что в исследовании обнаружена слабая связь с полом респондентов (коэффициент сопряженности равен 0,081 и 0,087 при $p=0,001$). И мужчины, и женщины одинаковым образом оценили свои супружеские отношения, но, все же мужчины реже выбирали ответы «очень сплоченные» и «бесконфликтные», то есть реже давали крайние позитивные оценки отношениям. Такой результат не коррелирует с данными других исследований, в которых женщины хуже оценивали супружеские отношения и были менее удовлетворены браком [7, с. 135–137], поскольку для них характерна большая критичность при оценках семейной жизни.

Таблица 2

Оценки супружеских отношений в общей подвыборке и в социально-демографических группах (%)

Table 2

Assessments of marital relations in the general subsample and in socio-demographic groups (%)

Группы по оценкам отношений	Вся подвыборка	Возраст, лет				Образование*			Место жительства	
		до 25	26–35	36–45	46–49	1 гр.	2 гр.	3 гр.	город	село
Оценка сплоченности отношений с мужем										
Очень сплоченные	49,1	66,7	52,7	55,5	57,1	56,6	48,8	56,3	56,7	57,3
Отчасти сплоченные	25,9	21,7	28,6	26,9	31,4	24,5	31,0	26,5	27,3	22,0
Разобщенные	12,7	11,6	15,9	11,8	9,3	11,3	16,3	13,5	13,2	11,5
Затруднились ответить	4,6	2,8	2,7	5,8	2,1	7,5	3,9	3,6	2,9	9,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Оценка конфликтности отношений с мужем										
Бесконфликтные	44,1	44,4	48,3	44,8	39,9	42,1	40,7	45,5	41,9	49,3
Отчасти конфликтные	28,1	30,9	30,3	28,6	18,9	35,1	31,7	26,7	32,1	20,7
Очень конфликтные	11,3	13,6	8,7	10,3	16,2	10,5	18,1	9,9	11,0	11,9
Затруднились ответить	16,4	11,1	12,6	16,3	25,0	12,3	9,5	17,8	14,9	18,1
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

*Примечание: Образование: 1 группа – начальное профессиональное и ниже; 2 группа – среднее профессиональное; 3 группа – высшее и незаконченное высшее.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Между двумя переменными «сплоченность отношений» и «конфликтность отношений» имеется тесная связь. Отношения как очень конфликтные наиболее часто оценивают женщины, имеющие одновременно и разобщенные отношения (табл. 3). В этой группе каждая пятая респондентка (27,6%) охарактеризовала свои отношения как очень конфликтные, тогда как в группе с очень сплоченными отношениями

ми – только каждая семнадцатая (5,9%). В группе с очень сплоченными отношениями каждая вторая (55,6%) сообщила об отсутствии конфликтов с мужем, тогда как в группе с разобщенными отношениями – только каждая шестая (17,9%).

Таблица 3

Связь двух оценок отношений с супругом (%)

Table 3

The connection of the two assessments of the relationship with the spouse (%)

Оценка конфликтности отношений с мужем	Оценка сплоченности отношений с мужем		
	Очень сплоченные	Отчасти сплоченные	Разобщенные
Бесконфликтные	55,6	37,9	17,9
Отчасти конфликтные	18,4	40,4	46,2
Очень конфликтные	5,9	10,2	27,6
Затруднились ответить	19,8	11,6	8,3
Всего	100	100	100
Значимость, p	0,000		
Кoeffициент сопряженности	0,369		

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Обратим внимание на то, что критическими можно назвать отношения лишь у 4,7% опрошенных. Они одновременно очень конфликтные и разобщенные. А группа семей с наиболее благоприятными отношениями, в которых они одновременно очень сплоченные и бесконфликтные, составляет 37,9%. Средняя группа с отчасти сплоченными и отчасти конфликтными отношениями – 13,6%. Остальные шесть групп, объединяющие 43,8% женщин, – это группы, в которых даны иные сочетания двух характеристик. Из них 12,8% – это семьи, в которых отношения бесконфликтные, но лишь отчасти сплоченные; 12,4% – семьи, в которых очень сплоченные, но конфликтные отношения.

Оценки отношений либо не связаны, либо крайне слабо связаны с демографическими характеристиками – возрастом, образованием и местом жительства (табл. 2). Тем не менее самая молодая группа (до 25 лет) отличается сплоченностью отношений, а самая старшая (46–49 лет) – бесконфликтностью. С возрастом сокращается число женщин, оценивающих свои отношения с супругом как очень сплоченные. Возможно, это может свидетельствовать о снижении общего уровня удовлетворенности отношениями со временем. Кроме того, у женщин более старших возрастных групп по мере взросления детей появляются возможности самореализации «вне дома», что содействует автономности супругов друг от друга, особенно если женская самореализация не поддерживается мужем. Небольшое увеличение чувства сплоченности среди женщин самой старшей возрастной группы (46–49 лет), вероятно, связано с тем, что в некоторых семьях после долгой совместной жизни отношения между супругами строятся в соответствии с моделью возрастного уравнивания, когда взаимная поддержка и солидарность возрастают, и отношения в целом становятся более эгалитарными.

Особое положение занимают женщины 26–35 лет, которые несколько чаще других характеризуют свои отношения с мужем как разобщенные или отчасти сплоченные, а также очень конфликтные. Обозначенный возрастной интервал в жизни женщины и ее семьи можно охарактеризовать как период репродуктивного и социализационного родительства (рождение и воспитание малолетних детей). В этот период диадные отношения между супругами (ориентация друг на друга), трансформируются в триадные. На данном этапе супругам приходится решать множество вопросов, начиная от увеличения

или перераспределения семейного бюджета и заканчивая перераспределением домашних обязанностей. Поведение женщины в это время зачастую реализуется в соответствии с моделью дифференцированной семейной привязанности. А именно: женщина, заботясь о детях, привязывается к домохозяйству, «забывая» о самореализации в иных сферах жизнедеятельности, а мужчина-кормилец не всегда готов активно включаться в приватное пространство семьи – в домашние обязанности и родительство.

Сельские жительницы чаще городских оценивают отношения с мужем как бесконфликтные и чаще затрудняются дать оценку сплоченности. Семейно-брачные изменения и инновации на селе, как правило, следуют за инновациями в городах. Возможно, что запрос на качество супружеских отношений на селе выражен слабее и именно это обуславливает менее критичные оценки брака. Такое объяснение, безусловно, требует эмпирического обоснования, которое не может быть сделано в рамках проведенного опроса.

Оценки супружеских отношений не связаны с показателями религиозной идентичности, с ответами на вопросы: «Считаете ли Вы себя верующей?», «К какому вероисповеданию себя относите?» и «Как часто Вы читаете молитвы?».

Существует мнение, что позитивные отношения отца и матери в родительской семье являются образцом и способствуют формированию благоприятных супружеских отношений в собственной семье. Что отчасти подтверждает обнаруженная связь характера супружеских отношений женщин с качеством брака их родителей. Отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете брак своих родителей?», назвали его «удачным» и «скорее удачным» в сумме 40,9% женщин с разобщенными, 56,7% с отчасти сплоченными и 63,7% с очень сплоченными супружескими отношениями. «Скорее неудачным» и «неудачным» брак родителей был расценен у 34% разобщенных, 18,9% отчасти сплоченных и 12,4% очень сплоченных семей (значимость 0,000; коэффициент сопряженности 0,269). Менее выражена связь с оценками конфликтности, но и здесь заметны более положительные оценки родительской семьи в группе с бесконфликтными отношениями (значимость 0,000; коэффициент сопряженности 0,195).

Влияние супружеских отношений на психологическое самочувствие и оценки образа жизни

Плохие супружеские отношения могут влиять на психологическое состояние и здоровье. В исследовании такое влияние подтвердилось. Все опрошенные в той или иной мере испытывают негативные чувства и состояния: подавленность, стресс, усталость, переутомление, безысходность. Но они возникают чаще или более значимы как проблемы у женщин с негативными супружескими отношениями (табл. 4).

Разобщенные и очень конфликтные отношения сопровождаются чувством подавленности. Ежедневно оно возникает у 14,7% женщин с разобщенными отношениями и лишь у 5,7% женщин с очень сплоченными отношениями, промежуточное положение занимает группа с отчасти сплоченными отношениями – 7,7%. Практически каждый день подавленность испытывают 19,7% женщин с очень конфликтными супружескими отношениями и лишь 3,8% женщин с бесконфликтными отношениями.

Суммарная доля испытывающих стресс ежедневно и несколько раз в неделю возрастает последовательно в трех группах с разным уровнем сплоченности отношений супругов: среди «очень сплоченных» – 28,5%; «отчасти сплоченных» – 33,8%; «разобщенных» – 43,8%. Это также свидетельствует в пользу предположения о том, что неблагоприятные супружеские отношения, наряду с другими семейными и внесемейными факторами, вносят свой вклад в возникновение стрессовых ситуаций.

С чувствами усталости и переутомления сталкивается в своей жизни более чем каждая вторая женщина. Но такие чувства тоже чаще характерны для тех, кто имеет плохие отношения с мужьями: среди «очень сплоченных» – 47,7%, «отчасти сплоченных» – 68,0% и «разобщенных» – 72,1%.

Не переживают в своей жизни безысходность и отсутствие перспектив более двух третей женщин с очень сплоченными (72,7%) и бесконфликтными (77,9%) отношениями. В группах с отчасти разобщенными и конфликтными отношениями таких половина (55,3% и 49,3%), а среди разобщенных и очень конфликтных – лишь третья или четвертая часть (34,1% и 25,0%).

Женщины, имеющие очень сплоченные отношения с мужем, чаще, чем те, кто говорит о разобщенности своих отношений, имеют здоровый образ жизни (35% против 19,3%). А в группе с очень конфликтными отношениями в два раза чаще, чем в группе с бесконфликтными отношениями, образ жизни оценивается как далекий от здорового (20,5% против 10,6%). Однако не обнаружено связей характера отношений с курением и употреблением алкоголя женщинами.

Таблица 4

Связи оценок супружеских отношений с психологическим самочувствием и образом жизни (коэффициент сопряженности переменных, $p=0,000^*$)

Table 4

Relationship of marital relationship assessments with psychological well-being and life-style (coefficient of conjugacy of variables, $p=0,000^*$)

Вопросы, оценивающие психологическое самочувствие и образ жизни	Оценка сплоченности	Оценка конфликтности
«Как часто Вы чувствуете себя подавленной?»	0,361	0,236
«Как часто за последние 6 месяцев Вы испытывали стрессовые ситуации?» **	-	0,174
«Приходится ли Вам сталкиваться с усталостью, переутомлением?»	0,230	0,410
«Приходится ли Вам сталкиваться с безысходностью, отсутствием перспектив в жизни?»	0,327	0,466
«Как Вы оцениваете свой образ жизни?»	0,287	0,130

*Примечание: $p=0,000$ для всех переменных, кроме переменной**

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Оказывать влияние на отношения мужа и жены могут «факторы работы». В частности, продолжительный рабочий день/ неделя, постоянные переработки женщины способны нарушать баланс затрачиваемого времени на работу и семью в ущерб семье, и, соответственно, вызвать недовольство мужа. Ориентация женщины на карьеру, стремление делать ее, много работая, тоже создают риски для супружеских отношений.

Вопреки ожиданиям, выяснилось, что измеренные в исследовании переменные, относящиеся к работе, оказывают крайне слабое влияние на супружеские отношения. Слабая прямая связь имеется с продолжительностью рабочей недели, с ценностными ориентациями на карьеру (цель жизни – «карьерный рост») и на работу (цель жизни – «много работать и получать высокую заработную плату за нее»). Вопреки ожиданиям, сильно ориентированные на карьеру (оценили значимость данной жизненной цели в пять баллов по пятибалльной шкале) дали несколько лучшие оценки отношениям с мужем, чем не ориентированные. В этой группе 62,4% имеют очень сплоченные и 57,2% бесконфликтные отношения, тогда как в группе не ориентированных на карьеру (значимость цели оценили в 1–2 балла) – соответственно, 51,8% и 50,4% (значимость 0,000, коэффициент сопряженности 0,160 и 0,182).

Оценки семейной жизни в семьях с позитивными и негативными супружескими отношениями

Характер сложившихся отношений мужа и жены может проявляться в разных аспектах семейной жизни и оказывать влияние на них. Наши предположения о том, что позитивные отношения способствуют созданию благоприятной атмосферы в семье, формированию и поддержанию хороших отношений с другими членами семьи и близкими родственниками, результатами опроса подтвердились.

В семьях со сплоченными и бесконфликтными отношениями супругов женщины дали более позитивные оценки своим семьям. Их степень согласия со всеми суждениями, которые характеризуют семью как представляющую единое целое, преодолевающую жизненные трудности, реализующую свои жизненные планы и с уверенностью смотрящую в завтрашний день, выше, чем в семьях других групп (табл. 5). Таким образом, можно утверждать, что у женщин с позитивными супружескими отношениями имеется более позитивный образ своей семьи.

Таблица 5

Образ своей семьи в группах с разными супружескими отношениями (средний балл по 10-балльной шкале, стандартное отклонение)

Table 5

The image of your family in groups with different marital relationships (average score on a 10-point scale, standard deviation)

«С каким из следующих суждений о своей семье Вы согласны и в какой мере?»	Группы по оценке сплоченности*				Группы по оценке конфликтности**			
	Все	1 гр.	2 гр.	3 гр.	Все	1 гр.	2 гр.	3 гр.
«Наша семья – это единое целое»								
Средний балл	8,83	9,63	8,21	6,71	8,78	9,41	8,23	7,63
Стандартное отклонение	1,84	1,07	1,75	2,39	1,92	1,21	2,10	2,70
«У нас хватает сил, чтобы преодолевать трудности»								
Средний балл	8,40	8,97	8,05	6,84	8,31	8,68	8,08	7,41
Стандартное отклонение	2,21	2,12	1,84	2,36	2,26	2,24	1,94	2,76
«Мы, как правило, реализуем наши жизненные планы»								
Средний балл	8,11	8,78	7,50	6,64	8,07	8,56	7,66	7,15
Стандартное отклонение	2,03	1,75	1,84	2,26	2,06	1,73	2,08	2,60
«Мы чувствуем уверенность в завтрашнем дне»								
Средний балл	6,85	7,60	6,24	5,06	6,79	7,28	6,29	6,19
Стандартное отклонение	2,67	2,55	2,37	2,53	2,69	2,55	2,70	2,85

*Примечание: 1 группа – очень сплоченные; 2 группа – отчасти сплоченные; 3 группа – разобщенные.

**Примечание: 1 группа – бесконфликтные; 2 группа – отчасти конфликтные; 3 группа – очень конфликтные.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Как показали полученные данные, хорошие отношения с мужем часто сопровождаются такими же хорошими отношениями с ближайшими родственниками – родителями с обеих сторон (табл. 6). Оценки отношений со своими родителями и родителями мужа, последовательно, от группы к группе, от очень сплоченных – к разобщенным и от бесконфликтных – к очень конфликтным, ухудшаются. Разобщенные и очень конфликтные супруги имеют наихудшие отношения с родственниками.

Таблица 6

Оценки отношений со своими родителями и родителями мужа в группах с разными супружескими отношениями (средний балл, стандартное отклонение)

Table 6

Assessments of relationships with their parents and husband's parents in groups with different marital relationships (average score, standard deviation)

Оценки отношений	Вся подвыборка	Группы по оценке сплоченности****			Группы по оценке конфликтности****		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Со своей матерью*							
<i>Средний балл</i>	4,36	4,65	4,03	3,75	4,55	4,20	4,07
<i>Стандартное отклонение</i>	0,95	0,78	0,90	1,19	0,80	0,92	1,17
Со своим отцом*							
<i>Средний балл</i>	4,19	4,50	3,82	3,59	4,29	4,08	4,00
<i>Стандартное отклонение</i>	1,08	0,90	1,09	1,29	1,02	1,09	1,33
С матерью мужа*							
<i>Средний балл</i>	3,68	4,12	3,14	3,02	3,92	3,54	3,36
<i>Стандартное отклонение</i>	1,30	1,23	1,13	1,23	1,22	1,26	1,42
С отцом мужа*							
<i>Средний балл</i>	3,66	4,02	3,16	2,99	3,82	3,53	3,25
<i>Стандартное отклонение</i>	1,31	1,28	1,15	1,22	1,30	1,23	1,50
Оценка конфликтности отношений с родителями**							
<i>Средний балл</i>	1,60	1,50	1,56	2,12	1,16	1,83	3,02
<i>Стандартное отклонение</i>	1,12	1,10	1,02	1,31	0,62	1,10	1,60
Оценка общей психологической атмосферы в семье***							
<i>Средний балл</i>	7,73	8,42	7,51	5,42	8,22	7,03	6,52
<i>Стандартное отклонение</i>	2,01	1,65	1,66	2,12	1,74	2,02	2,57

*Примечание: оценки давались по критерию сплоченность/разобщенность по пятибалльной шкале, где 1 – совсем разобщенные, 5 – очень сплоченные.

**Примечание: Оценка давалась по пятибалльной шкале, где 1 – «совсем не важная проблема для семьи», 5 – «очень важная».

***Примечание: Оценка давалась по десятибалльной шкале, где 1 – «очень плохая», 10 – «очень хорошая».

****Примечание: 1 группа – очень сплоченные; 2 группа – отчасти сплоченные; 3 группа – разобщенные. 1 группа – бесконфликтные; 2 группа – отчасти конфликтные; 3 группа – очень конфликтные.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Ожидается более высокие оценки женщины дали отношениям со своей матерью (4,36 баллов) и отцом (4,19 баллов), чем отношениям с родителями мужа (3,68 и 3,66 баллов, соответственно). Это проявляет традиционно существующую в семьях проблему взаимоотношений между снохой и свекровью, снохой и свекром.

Более благоприятной является общая психологическая атмосфера в семьях с хорошими отношениями между мужем и женой. Например, оценили атмосферу как очень хорошую (9–10 баллов по десятибалльной шкале) 57,7% женщин с очень сплоченными отношениями и только 4,8% – с разобщенными. Очень пло-

хие оценки (1–2 балла) в указанных группах дали, соответственно, 0,2% и 11,6% опрошенных. Средние оценки семейной атмосферы последовательно ухудшаются от групп с благоприятными к группам с самыми неблагоприятными отношениями.

Характер супружеских отношений и гендерное разделение семейной власти

Для семейной иерархии опрошенных женщин характерно то, что в каждой второй семье (54,8%) главой признается мужчина, в каждой пятой (21,2%) – женщина, и еще в каждой пятой (20,4%) главы семьи нет (табл. 7). Не обнаружены связи типа главенства с возрастом, образованием и местом жительства женщин. Хотя женское главенство все же несколько чаще встречается в старших возрастных группах (до 25 лет включительно – 11,5%; 26–35 лет – 17,7%; 36–45 лет – 26,1%; 46–49 лет – 23,9%), в сельских семьях (городские жительницы – 21,3%, сельские – 29,4%).

Доминирующий порядок распоряжения бюджетом семьи – совместное управление (73,3%), женское и раздельное встречаются намного реже (14,9% и 10,4%), а мужское – большая редкость (1,4%).

Если брать одновременно две характеристики семейной власти (кто глава семьи и кто распоряжается бюджетом), то самый распространенный тип – семья, в которой главой является муж и практикуется совместное управление бюджетом (доля среди семей составляет 44,4%). На втором месте находятся семьи с отсутствием главы и с принятием совместных решений по бюджету (14,9%), на третьем – с женским главенством и совместным бюджетом (11,8%). Все остальные типы (суммарно составляют 28,9%) – гораздо более редкие.

Таблица 7

Гендерное разделение семейной власти в группах с разными оценками супружеских отношений (% , коэффициент сопряженности $p=0,000$)

Table 7

Gender distribution of family power in groups with different assessments of marital relations (% , conjugacy coefficient $p=0,000$)

Гендерное разделение	Вся подвыборка	Группы по оценке сплоченности**			Группы по оценке конфликтности***		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Кто является главой семьи:*							
Муж	54,8	59,7	52,1	38,7	60,7	46,7	35,1
Жена	21,2	19,9	21,3	33,6	18,1	23,3	37,8
Кто-то другой	2,7	3,3	1,7	2,5	5,1	1,6	1,8
Главы нет	20,4	17,2	25,0	25,2	16,1	28,4	25,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Коэффициент сопряженности	–	0,165	0,237				
Кто распоряжается бюджетом семьи:*							
Муж	1,4	0,9	2,1	2,7	1,3	1,9	2,3
Жена	14,9	10,7	20,0	18,5	12,8	15,0	26,6
Совместно	73,3	81,5	63,2	47,3	71,1	68,4	53,1

Гендерное разделение	Вся подвыборка	Группы по оценке сплоченности**			Группы по оценке конфликтности***		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Раздельно	10,4	6,1	14,4	29,5	8,8	14,7	18,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Коэффициент сопряженности	–	0,300			0,184		

*Примечание: без учета «затрудняюсь ответить».

**Примечание: 1 группа – очень сплоченные; 2 группа – отчасти сплоченные; 3 группа – разобщенные.

***Примечание: 1 группа – бесконфликтные; 2 группа – отчасти конфликтные; 3 группа – очень конфликтные.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Как видно из табл. 7, по мере ухудшения оценок отношений доля семей, в которых главой является муж, последовательно снижается. А доля семей с женским главенством, наоборот, растет. Такая закономерность явно указывает на то, что мужское главенство больше связано с хорошими супружескими отношениями, а женское – с конфликтными и разобщенными. Можно предположить, что в части семей женщины вынужденно берут на себя роль главы, и у них существует неудовлетворенный запрос на повышение роли мужа. Ценностная ориентация на традиционную/традиционалистскую модель семейных отношений, в которой муж – глава семьи, обеспечивает основной доход и ответственен за нее, не подкрепляемая соответствующей практикой, порождает у женщин неудовлетворенность мужем и ухудшает отношения с ним. Заметим, что проверить указанную цепочку связей (установка на мужское главенство - реальная практика - неудовлетворенность отношениями) в нашем исследовании не представляется возможным, поскольку установки не замерялись. Но аргументом в пользу изложенного объяснения являются результаты других исследований. Согласно им модель традиционного гендерного распределения семейных ролей, при всех изменениях социального гендерного порядка, у российских женщин остается очень востребованной [19].

Если рассматривать управление бюджетом в семьях с различающимся характером отношений, то здесь наиболее заметная тенденция – последовательное снижение совместного управления по мере их ухудшения (табл. 7). В крайних группах – «очень сплоченных» и «разобщенных» – доля совместного управления различается в 1,7 раза, а в «бесконфликтных» и «очень конфликтных» – в 1,3 раза. Одновременно в семьях с разобщенными и очень конфликтными отношениями сильно возрастает роль раздельного и женского управлений. Крайние группы с лучшими и худшими отношениями различаются между собой по долям раздельного и женского управления бюджетом от 1,7 раза до 4,8 раза. Выделяется группа «разобщенных», в которой раздельное управление составляет 29,5% (для сравнения: в группе «очень сплоченных» – 6,1%), а также группа «очень конфликтных», в которой на женское управление приходится 26,6% (для сравнения: в группе бесконфликтных – 12,8%).

Оценки супружеских отношений в семьях с разными материальными условиями жизни

Женщины дали относительно хорошие оценки всем условиям жизни своих семей (табл. 8). Они сложились на уровне немногим выше семи баллов, кроме оценок финансового положения. Лучше всего оценены жилищные условия и обе-

спеченность предметами длительного пользования (7,23), а хуже всего – финансовое положение (6,20). Общий уровень жизни семей в целом оценен в 7,04 балла.

Таблица 8

Оценки супружеских отношений в зависимости от материальных условий жизни семей (% , коэффициент сопряженности $p=0,000$)

Table 8

Assessments of marital relations depending on the material conditions of family life (% , conjugacy coefficient $p=0,000$)

Оценки условий жизни*	Вся подвыборка	Группы по оценке сплоченности**			Группы по оценке конфликтности***		
		1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Финансовое положение семьи							
Средний балл	6,20	6,58	5,93	5,22	6,20	5,97	5,88
Стандартное отклонение	1,93	1,83	1,79	2,13	1,96	2,00	2,48
Жилищные условия							
Средний балл	7,23	7,60	6,92	6,36	7,24	6,98	7,16
Стандартное отклонение	2,26	2,24	2,11	2,26	2,36	2,15	2,67
Обеспеченность предметами длительного пользования							
Средний балл	7,23	7,59	6,93	6,40	7,28	6,89	7,04
Стандартное отклонение	2,04	2,02	1,76	2,29	2,05	1,93	2,59
Питание семьи							
Средний балл	7,14	7,48	6,86	6,35	7,26	6,87	7,01
Стандартное отклонение	1,94	1,92	1,71	2,10	1,95	1,89	2,35
Обеспеченность одеждой и обувью							
Средний балл	7,14	7,46	6,85	6,44	7,20	6,83	7,00
Стандартное отклонение	2,03	2,04	1,75	2,24	2,03	1,99	2,36
Уровень жизни семьи в целом							
Средний балл	7,04	7,58	6,59	5,91	7,26	6,69	6,59
Стандартное отклонение	1,85	1,73	1,65	1,94	1,86	1,81	2,10

*Примечание: оценки давались по десятибалльной шкале, где 1 – «очень плохие», 10 – «очень хорошие».

**Примечание: 1 группа – очень сплоченные; 2 группа – отчасти сплоченные; 3 группа – разобщенные.

***Примечание: 1 группа – бесконфликтные; 2 группа – отчасти конфликтные; 3 группа – очень конфликтные.

Источник: составлено авторами по материалам исследования [18]

Средние оценки условий жизни, за некоторым исключением, последовательно ухудшаются с ухудшением оценок отношений жены и мужа (табл. 8). Можно предположить, что условия жизни, воспринимаемые как менее благоприятные, чем хотелось бы иметь, являются одной из причин разобщенных и конфликтных отношений в семье. Недостаток финансовых средств, ограничения в удовлетворении потребностей в питании, одежде провоцируют недовольство, создают негативную семейную атмосферу и портят отношения. Подтверждают такое объяснение другие данные. Считают нехватку денег, постоянные материальные трудности очень значимой проблемой своей

семьи (выставили оценки значимости 4 и 5 по пятибалльной шкале) 33,7% женщин, а плохие жилищные условия – 22,6%. Обе проблемы одновременно (нехватка денег и плохие жилищные условия) очень значимы для 15,3% опрошенных женщин.

Заключение

Работающие женщины дали супружеским отношениям в основном позитивные оценки. Более одной трети семей имеют наиболее благоприятные отношения – очень сплоченные и бесконфликтные. Группа с критическими отношениями, которые одновременно и разобщенные, и очень конфликтные, составляет менее 5%. Но во многих семьях все-таки есть проблемы, поскольку один из показателей (либо оценка сплоченности, либо конфликтности) – неблагоприятный.

Все гипотезы, которые выдвигались, подтвердились. Установлено прямое влияние супружеских отношений на психологическое самочувствие. Женщины с негативными супружескими отношениями чаще сообщали о подавленности, усталости, переутомлении, чувстве безысходности и возникновении стресса. Неблагоприятные отношения с мужем сопровождаются также и худшими оценками образа жизни. Женщины с очень конфликтными отношениями с мужем чаще, чем группа с бесконфликтными отношениями, сообщали о своем образе жизни как далеком от здорового.

Нашла подтверждение и гипотеза о связи характера отношений между супругами с общей психологической атмосферой в семье и отношениями с близкими родственниками. Женщины с позитивными отношениями с мужем чаще характеризуют свою семью как единое целое, которая преодолевает жизненные трудности, реализует свои жизненные планы и с уверенностью смотрит в завтрашний день. Хорошие отношения с мужем сопровождаются хорошими отношениями с родителями с обеих сторон.

Характер супружеских отношений опрошенных женщин обуславливается рядом факторов. Отчасти он связан с качеством брака их родителей. Женщины, которые дали более положительные оценки родительской семье, собственные отношения с мужем оценили как очень сплоченные и бесконфликтные. И в то же время давшие худшие оценки браку своих родителей хуже оценивают и свои отношения.

Другой важный фактор, обуславливающий супружеские отношения – властный порядок в семье. Данные показывают, что хорошие супружеские отношения связаны с мужским главенством и совместным управлением бюджетом семьи, а конфликтные и разобщенные – с женским главенством, женским и раздельным управлением семейным бюджетом. Здесь явно прослеживается женский запрос на традиционную роль мужчины как человека, ответственного за семью.

Еще один значимый фактор – это материальные условия жизни семьи. Оцениваемые как менее благоприятные, не соответствующие ожиданиям, они провоцируют напряженность, недовольство жизнью и являются одной из причин разобщенных и конфликтных отношений с мужем.

Список литературы

1. *Лактюхина, Е. Г.* Причины развода в современной России / Е. Г. Лактюхина, Г. В. Антонов // Народонаселение. 2016. № 4. С. 57–67. EDN [XRZXLZ](#).
2. *Антонов, А. И.* Удовлетворенность жизнью, семья и брак в России и Европе / А. И. Антонов, О. Л. Лебедь, А. А. Соколов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 3. С. 61–69. EDN [NCGRHT](#).

3. Аистов, А. В. Семейный статус и удовлетворенность жизнью / А. В. Аистов, Л. А. Леонова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 6. С. 5–8. EDN [QAPEDV](#).
4. Панкратова, Е. В. Удовлетворенность жизнью в «городе невест» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 164–176. EDN [RSZJLT](#).
5. Золотнюк, О. П. Социологический взгляд на удовлетворенность браком: измерительные возможности // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. С. 168–176. EDN [SYRYGF](#).
6. Смолева, Е. О. Качество жизни и ценностные ориентации населения региона / Е. О. Смолева, М. Б. Морев // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 108–126. EDN [VDAILL](#).
7. Чурилова, Е. В. Качество семейных отношений, намерения расстаться и их реализация у мужчин и женщин в России / Е. В. Чурилова, С. В. Захаров // Женщина в российском обществе. 2022. № 3. С. 131–142. DOI [10.21064/WinRS.2022.3.9](#). EDN [BIDOAQ](#).
8. Арженовский, С. В. Эконометрическое моделирование влияния семейного статуса на субъективное благополучие. Ч. 2 // Учет и статистика. 2016. № 1 (41). С. 79–87. EDN [WTATWH](#).
9. Гурко, Т. А. Эволюция и трансформация института брака: анализ эмпирических индикаторов // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 58–69. DOI [10.31857/S013216250014117-1](#). EDN [XHOQBC](#).
10. Ростовская, Т. К. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак / Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева, О. А. Золотарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 40–60. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60](#). EDN [JVTJVQ](#).
11. Панкратова, Е. В. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект / Е. В. Панкратова, О. А. Хасбулатова // Женщина в российском обществе. 2018. № 1 (86). С. 43–52. DOI [10.21064/WinRS.2018.1.4](#). EDN [YTBKXA](#).
12. Егорова, Н. Ю. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» / Н. Ю. Егорова, А. Л. Янак, Е. С. Рябинская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251. DOI [10.14515/monitoring.2020.2.782](#). EDN [UUHTMB](#).
13. Гурко, Т. А. Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 63–73. DOI [10.31857/S013216250008526-1](#). EDN [WNAKVN](#).
14. Голева, М. А. Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 82–102. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2363](#). EDN [TWKEGP](#).
15. Черных, Е. А. Женщины с семейными обязанностями на рынке труда: особенности трудового поведения и совершенствование политики занятости / Е. А. Черных, У. А. Назарова, Н. В. Локтюхина // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 14–36. DOI [10.21064/WinRS.2023.2.2](#). EDN [XGMMLM](#).
16. Тонких, Н. В. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин / Н. В. Тонких, Е. А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 4. С. 477–490. DOI [10.19181/lspr.2022.18.4.5](#). EDN [COCEXY](#).
17. Бурханова, Ф. Б. Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы / Ф. Б. Бурханова, Г. Р. Баймурзина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 190–204. DOI [10.15838/esc.2022.2.80.12](#). EDN [AMBEPА](#).
18. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД «Перспектива», 2021. 214 с. ISBN 978-5-905790-49-2. DOI [10.38085/978-5-905790-49-2-2020-1-210](#). EDN [QYVXHF](#).
19. Клецина, И. С. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформации / И. С. Клецина, С. А. Векилова // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78–91. DOI [10.21064/WinRS.2020.3.7](#). EDN [IKGCGP](#).

Сведения об авторах:

Бурханова Флюра Булатовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор, кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: burhanova.flura@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7342-3974](#); ПИНЦ Author ID: [365515](#); Web of Science Researcher ID: [AAV-2747-2020](#); Scopus Author ID: [56940800100](#).

Садретдинова Эвеллина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: golichev@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1665-5370](https://orcid.org/0000-0003-1665-5370); РИНЦ Author ID: [729969](https://elibrary.ru/729969); Scopus Author ID: [57211398683](https://orcid.org/57211398683).

Статья поступила в редакцию 13.07.2023; принята в печать 15.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

RUSSIAN WORKING WOMEN'S EVALUATIONS OF MARITAL RELATIONSHIPS

Flura B. Burkhanova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: burhanova.flura@mail.ru

Evellina V. Sadretdinova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: golichev@mail.ru

For citation: Burkhanova, Flura B. Russian Working Women's Evaluations of Marital Relationships / F. B. Burkhanova, E. V. Sadretdinova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 8–25. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.1).

Abstract. The purpose of the presented analysis is to characterize the estimates of marital relations given by working married women, as well as to identify how the nature of the relationship affects some other aspects of family life, and what intrafamily factors determine the obtained estimates. The analysis is based on the results of a survey conducted in 2020 in 10 Russian regions within the framework of the project "Demographic Well-Being of Russia". The results showed that in many families, one of the measured indicators of marital relations (either an assessment of cohesion or conflict) is unfavorable, which indicates the presence of problems. Only a third of the respondents have a very good relationship with their husband – conflict-free and cohesive. The direct influence of the nature of marital relations (favorable/unfavorable) on psychological well-being and lifestyle assessments has been established. The hypothesis about the connection between the perception of the nature of relationships and the general psychological atmosphere and image of one's family, as well as relationships with close relatives, was confirmed. Factors influencing assessments of marital relations are: 1. Gender order of family power (headship in the family and budget management practices). Relationships are assessed most favorably in families where the man is the head of the family and joint management of the budget is practiced; 2. Own views on the quality of marriage in the parental family. Women who positively assess their parents' marital relationships are more optimistic in their assessments of their marital relationships; 3. The financial situation of the family, which predetermines the deterioration of women's judgments about marital relationships, depending on negative assessments of living conditions.

Keywords: marital relations; working women; family; family conflicts; close-knit relations; conflict relations.

References

1. Laktyukhina, E. G. Prichiny razvoda v sovremennoy Rossii [Reasons for divorce in modern Russia] / E. G. Laktyukhina, G. V. Antonov. *Population*. 2016. No. 4. Pp. 57–67. (In Russ.).
2. Antonov, A. I. Udovletvorennost' zhizn'yu, sem'ya i brak v Rossii i Evrope [Life satisfaction, family and marriage in Russia and Europe] / A. I. Antonov, O. L. Lebed, A. A. Sokolov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2010. No. 3. Pp. 61–69. (In Russ.).
3. Aistov, A. V. Marital Status and Satisfaction with Life / A. V. Aistov, L. A. Leonova. *Vestnik of Kostroma State University*. 2012. No. 6. Pp. 5–8. (In Russ.).
4. Pankratova, E. V. Udovletvorennost' zhizn'yu v «gorode nevest» [Satisfaction with Life in the "City of Brides"]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy [Labyrinth: Journal of Social Sciences and Humanities]*. 2013. No. 5. Pp. 164–176. (In Russ.).
5. Zolotnyik, O. P. A. Sociological View on Marital Satisfaction: Measuring Capabilities. *Russian Sociological Review*. 2014. Vol. 13, No. 2. Pp. 168–176. (In Russ.).

6. Smoleva, E. O. Living Standard and Value Orientations of Population in the Region / E. O. Smoleva, M. B. Morev. *Problems of Territory's Development*. 2015. No. 6 (80). Pp. 108–126. (In Russ.).
7. Churilova, E. V. Partnership Quality, Union Dissolution Intentions and their Realization among Men and Women in Russia / E. V. Churilova, S. V. Zakharov. *Woman in Russian Society*. 2022. No. 3. Pp. 131–142. DOI [10.21064/WinRS.2022.3.9](https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.3.9). (In Russ.).
8. Arzhenovskiy, S. V. Econometric Modelling of Marital Status Impact on Subjective Well-Being. Part II. *Accounting and Statistics*. 2016. No. 1 (41). P. 79–87. (In Russ.).
9. Gurko, T. A. Evolution and Transformation of the Institution of Marriage: Analysis of Empirical indicators. *Sociological Studies*. 2021. No. 5. Pp. 58–69. DOI [10.31857/S013216250014117-1](https://doi.org/10.31857/S013216250014117-1). (In Russ.).
10. Rostovskaya, T. K. Russian Student Family: Determinants of Marriage / T. K. Rostovskaya, O. V. Kuchmaeva, O. A. Zolotareva. *RUDN Journal of Sociology*. 2023. Vol. 23, No. 1. Pp. 40–60. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60). (In Russ.).
11. Pankratova, E. V. The Concept of Family Life Quality in Sociology: Gender Aspect / E. V. Pankratova, O. A. Khasbulatova. *Woman in Russian Society*. 2018. No. 1 (86). Pp. 43–52. DOI [10.21064/WinRS.2018.1.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.1.4). (In Russ.).
12. Egorova, N. Y. Parental Roles in the Modern Russian Family: The Male Boundaries / N. Y. Egorova, A. L. Yanak, E. S. Ryabinskaya. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020. No. 2. Pp. 233–251. DOI [10.14515/monitoring.2020.2.782](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782). (In Russ.).
13. Gurko, T. A. The Concept of Ambivalence in the Study of Family Relations. *Sociological Studies*. 2020. No. 2. Pp. 63–73. DOI [10.31857/S013216250008526-1](https://doi.org/10.31857/S013216250008526-1). (In Russ.).
14. Goleva, M. A. The Transition to Parenthood in the Perspective of Spousal Relations: The Case of Interviews with Young Parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 2. Pp. 82–102. DOI [10.14515/monitoring.2023.2.2363](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363). (In Russ.).
15. Chernykh, E. A. Women with Family Responsibilities in the Russian Labor Market: Features of Labor Behavior and Improvement of Employment Policy / E. A. Chernykh, U. A. Nazarova, N. V. Loktyukhina. *Woman in Russian society*. 2023. No. 2. Pp. 14–36. DOI [10.21064/WinRS.2023.2.2](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.2). (In Russ.).
16. Tonkikh, N. V. The Quality of Work, Family and Personal Life During Remote Work: Opinions of Russian Women / N. V. Tonkikh, E. A. Chernykh. *Living Standards of the Population in the regions of Russia*. 2022. Vol. 18, No. 4. Pp. 477–490. DOI [10.19181/isprr.2022.18.4.5](https://doi.org/10.19181/isprr.2022.18.4.5). (In Russ.).
17. Burkhanova, F. B. Influence of the Spouse on Reproductive Attitudes and Motives / F. B. Burkhanova, G. R. Baimurzina. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. Vol. 15, No. 2. Pp. 190–204. DOI [10.15838/esc.2022.2.80.12](https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.12). (In Russ.).
18. *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'ny'j demograficheskij doklad-2020 [Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report-2020]* / T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova, V. N. Arkhangelsky [et al.]; Ed. T. K. Rostovskaya, A. A. Shabunova; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House, 2021. 214 p. ISBN 978-5-905790-49-2. DOI [10.38085/978-5-905790-49-2-2020-1-210](https://doi.org/10.38085/978-5-905790-49-2-2020-1-210). (In Russ.).
19. Kletsina, I. S. Gender Relations in the Russian Family: Transformation Trends / I. S. Kletsina, S. A. Vekilova. *Woman in Russian Society*. 2020. No. 3. Pp. 78–91. DOI [10.21064/WinRS.2020.3.7](https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7). (In Russ.).

Bio notes:

Flura B. Burkhanova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia; Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: burhanova.flura@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7342-3974](https://orcid.org/0000-0002-7342-3974); RSCI Author ID: [365515](https://www.rsci.info/author/365515); Web of Science Researcher ID: [AAV-2747-2020](https://orcid.org/AAV-2747-2020); Scopus Author ID: [56940800100](https://orcid.org/56940800100).

Evellina V. Sadretidinova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: golichev@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-1665-5370](https://orcid.org/0000-0003-1665-5370); RSCI Author ID: [729969](https://www.rsci.info/author/729969); Scopus Author ID: [57211398683](https://orcid.org/57211398683).

Received on 13.07.2023; accepted for publication on 15.09.2023.
The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2)

EDN [ZJZOCL](https://www.edn.ru/ZJZOCL)

НОВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ТРЕХДЕТНОСТИ В КИТАЕ

Ван Е

*Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия*

E-mail: towangye@126.com

Для цитирования: Ван Е. Новая демографическая политика трехдетности в Китае // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 26–42. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2) EDN [ZJZOCL](https://www.edn.ru/ZJZOCL).

Аннотация. Статья посвящена вопросу о том, насколько население Китая готово принять изменение цели регулирования рождаемости и реализовать пронатальные возможности новой политики, направленной на увеличение числа детей в семье до трех. Актуальность трехдетной семьи стала очевидной после того, как по завершению нескольких десятилетий обязательной однодетности рождаемость не увеличилась с разрешением, а затем и с поощрением двухдетности. По данным официальной статистики, информации из общедоступных источников в СМИ и результатам авторских опросов 2018 и 2022 гг. показано, что демографические реформы 2016–2021 гг. усилили внимание к национальной специфике формирования и реализации репродуктивных намерений. С учетом опыта стран, кардинально изменивших вектор natalного регулирования, определены национальные социокультурные и материальные факторы, способствующие выбору в пользу роста числа детей в семье, а также группы населения, наиболее чувствительные к пронатальным мерам. В частности, авторский опрос китайских граждан, несколько лет работающих за рубежом, выявил, что при стабильном достатке в двухдетных семьях решение о третьем ребенке может быть принято, если оба ребенка одного пола, а предпочтительны разнополые дети. Предпосылками позитивных перспектив является пронатальная переориентация финансовых, налоговых, страховых, трудовых, образовательных, жилищных мер контроля рождаемости, доказавших эффективность в период обязательной однодетности. Новым направлением становится активная и разнообразная пропаганда многодетности, рассчитанная на категории населения, дифференцированные по числу детей, месту проживания, доходам и проч. Большое значение приобретает разъяснительная работа среди единственных детей, многие из которых не хотят делить ни с кем семейное имущество и внимание родителей. Важно распространение всех мер и на городское, и на сельское население, что позволит учесть региональную и демографическую дифференциацию страны.

Ключевые слова: демографическая политика; пронатальное и антинатальное регулирование; обязательная однодетность; многодетность.

Введение

Сегодня Китайская Народная Республика – самая многонаселенная страна в мире, с ярко выраженной дифференциацией по регионам и социально-демографическим группам. С момента основания КНР в 1949 г. демографические проблемы менялись, и государство решало их с помощью политики, ограничивающей число детей в семье. Институциональной особенностью стала исключительная роль контроля рождаемости как фактора общественного прогресса, отмеченная в действующей Конституции 1982 г.: «Государство осуществляет планирование рождаемости, чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития»¹. Это предполагает корректировку регулирующих мер, которая привела к диаметральному

¹ Конституции Китайской Народной Республики 1954, 1975, 1978 и 1982 годов / Институт Дальнего Востока АН СССР. Москва : Наука, 1983. 110 с.

развороту от жестких ограничений однодетности в 1981 г. до разрешения двухдетности в 2016 г. и стимулирования многодетности в 2021 г. Но демографическая ситуация не улучшилась: в 2022 г. в стране родились 9,56 млн человек (общий коэффициент рождаемости (ОКР) = 6,77‰), умерли 10,41 млн (общий коэффициент смертности (ОКС) = 7,37‰), а естественный прирост населения сменился естественной убылью в -0,60‰².

Поскольку пронатальные реформы, от отмены штрафов за нарушение антინатальных запретов до налоговых льгот, не смогли убедить большинство семей решиться даже на второго ребенка, актуальным стал вопрос о том, насколько население Китая готово принять изменение цели регулирования рождаемости и реализовать пронатальные возможности новой политики. Многочисленные общенациональные, региональные и локальные исследования, начавшиеся сразу после разрешения трехдетности, показали заметный разброс мнений относительно количества желающих иметь троих детей, условий реализации намерений или препятствующих им. В статье эта проблема рассматривается в контексте региональных особенностей и специфики групп населения репродуктивного возраста. В основу исследования положен историко-социологический подход, позволяющий проследить генезис изменений рождаемости во взаимосвязи с макроэкономическим развитием. Информационную базу составили данные официальной статистики, а также общедоступные источники в СМИ и результаты авторских опросов 2018 и 2022 гг.

Разработанность проблемы

Низкая рождаемость и быстрое старение населения привлекли внимание ученых во всем мире. Поскольку регулирование рождаемости проводилось с первых лет образования КНР, тематика исследований охватывала разные аспекты проблемы. Анализ национальных проявлений общих демографических закономерностей в работах китайских и зарубежных демографов, экономистов, социологов указал на своеобразие естественного движения: массовая однодетность, гендерный дисбаланс, ускоренное старение, региональная дифференциация процессов развития народонаселения [1; 2; 3; 4]. В условиях реформирования политики рождаемости последних лет усилилось внимание к локальным социокультурным и материальным факторам, равно как и к задачам макроэкономического планирования, связанным с фискальной поддержкой социальной сферы, жилищными вопросами и проч. [5; 6; 7; 8; 9]. Особое значение получило изучение опыта государств, кардинально изменивших направление регулирования рождаемости с антინатального на пронатальное³, и влияния внешнего фактора – пандемии COVID-19 [10]. Поскольку пронатальная политика реализуется во многих странах длительное время, важность приобрели работы, касающиеся влияния ее продолжительности на семьи с разным числом детей [11], взаимосвязи с социальными факторами и формирования «культуры фертильности»^{4,5}. Тематика многодетности в

² National Data // National Bureau of Statistics of China : [site]. URL: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01> (accessed on 01.06.2023).

³ По Линь Тан. Преодоление демографического спада // Международный валютный фонд : [сайт]. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/03/pdf/lessons-from-singapore-on-raising-fertility-rates-tan.pdf> (дата обращения: 01.08.2023).

⁴ 穆光宗：三孩政策是生育政策进一步优化的体现 // 中國日報 : [сайт]. 01.06.2021. URL: <https://column.chinadaily.com.cn/a/202106/01/WS60b593f6a3101e7ce9752b3b.html> (дата обращения: 01.08.2023).

⁵ 穆光宗.“全面二孩”政策实施效果如何 // 人民论坛 : [сайт]. 07.05.2018. URL: <http://www.rmlt.com.cn/2018/0507/518336.shtml> (дата обращения: 01.08.2023).

современной китайской семье поднималась еще в период проведения политики однодетности [12], в настоящее время этому посвящены, преимущественно региональные работы и исследования зарубежного опыта стимулирования рождаемости

Мировой опыт стимулирования рождаемости: теория и практика

Мировая практика доказывает, что поднять уровень рождаемости населения после его падения ниже уровня воспроизводства (суммарный коэффициент рождаемости (СКР) меньше 2,3) чрезвычайно трудно. На постиндустриальном этапе с такой проблемой сталкивались многие государства, но практически нигде не наблюдалось стабильного положительного эффекта. Общий тренд обратной зависимости уровней жизни и рождаемости, несмотря на социальные программы, религиозные традиции и проч., сохраняется и сейчас. Но даже кратковременное минимальное увеличение показало, что и этот результат невозможен без развития сфер, позволяющих женщинам совмещать двух-трехдетное материнство с профессиональным ростом, а семейному бюджету без ущерба справляться с расходами на детей. Одной из наиболее распространенных мер являются льготы в виде «детских бонусов», национальные варианты которых практикуются уже несколько десятилетий, хотя лишь только во Франции удалось максимально приблизиться к уровню воспроизводства. Несмотря на финансовые стимулы, все больше женщин развитых стран предпочитает детям карьеру. Однако в Китае неравенство по доходам гораздо сильнее, поэтому для малообеспеченного населения материальные преференции могут иметь существенное значение⁶.

Пример учета региональной дифференциации рождаемости дает Италия, где средний возраст матери при рождении первенца самый большой в Европе – 31 год, а СКР один из самых маленьких – 1,32. Из-за экономической стагнации и «эффекта домино» правительственные средства выделяются только на «бонус для детсадовцев», пока ребенку не исполнится три года, а также для ежемесячного пособия ребенку первого года жизни. Однако в Больцано, провинции с наибольшей автономией в стране, региональные власти почти вдвое увеличили выплаты на детей и назначили субсидии родителям с низким доходом, что способствовало росту СКР до 1,67⁷.

Фискальные меры стимулирования рождаемости действуют в Венгрии, где СКР в 2019 г. составил 1,48, и реализуется идея «деторождение вместо иммиграции». Здесь женщины в возрасте до 40 лет при вступлении в брак получили право на кредит, который не придется возвращать после появления третьего ребенка, молодые семьи после рождения второго и третьего ребенка – ипотечную помощь, семьи с тремя детьми и более – денежные субсидии для покупки семиместных автомобилей, а женщины после рождения четвертого ребенка – освобождение от подоходного налога⁸.

Повышенное внимание привлекает опыт государств Восточной Азии, имеющих хозяйственные и культурные сходства с Китаем. При СКР в Японии и Южной Корее около 1,3, в Гонконге и Тайване около 1,0 поощрение деторождения стало приоритетом, достижению которого препятствовала необходимость сочетания затрат времени и средств на детей со стремлением родителей к профессиональной деятельности и полноценному отдыху. В Сингапуре рождаемость упала до 1,26, поскольку население

⁶ Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications // Daxue Consulting : [site]. 19.07.2021. URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

⁷ 5 global initiatives to tackle falling birth rates // Raconteur : [site]. 23.03.2020. URL: <https://www.raconteur.net/healthcare/global-birth-rate> (accessed on 01.08.2023).

⁸ Ibid.

«все чаще отдает приоритет таким целям, как дальнейшее образование, построение карьеры и путешествия», а не рождению детей. Чтобы переломить подобную тенденцию, кроме «бэби-бонусов» в размере 8 000 долл. США за первого и второго ребенка и 10 000 долл. США за каждого последующего, расширены программы отпуска по уходу за ребенком, введены налоговые льготы при многодетности, пособия работающим матерям, родители которых присматривают за внуками. Чтобы заинтересовать бабушек и дедушек, правительство предлагает жилищный грант в сумме 30 000 долл. США семьям, приобретающим жилье для проживания с родителями или в пределах 4 км от них. Информация публикуется на специальном сайте, а в местах массового пребывания, например, на железнодорожных станциях, проводятся рекламные кампании под лозунгами типа «Чем раньше Вы планируете, тем легче забеременеть»⁹.

В России, после максимума 1,71 в 2015 г., рождаемость постепенно снизилась до 1,42 к 2022 г.¹⁰, и в рамках национального проекта «Демография» продолжилась корректировка величины и возможностей использования материнского (семейного) капитала, изначально предусматривающего индексацию по уровню инфляции, формирование будущей пенсии мамы и оплату образования детей. Исходная цель – второй ребенок, поставленная в 2007 г., была в основном достигнута. В 2020 г. материнский капитал стал доступен уже родителям первенцев, в 2018 г. появилась льготная семейная ипотека. Дополнительно возможны ежемесячные выплаты при рождении детей в размере регионального прожиточного минимума для ребенка до достижения им трехлетнего возраста: средства на второго ребенка поступают из материнского капитала, на третьего и последующих детей софинансируются из федерального бюджета в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией и на отдаленных территориях¹¹. Социальная помощь многодетным регулируется специальными законами.

Общим для всех стран являются относительно новые стимулирующие меры, направленные на коррекцию нарушений репродуктивной функции самыми современными методами. После достижения общественного консенсуса по поводу принципиальной возможности применять экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) при лечении бесплодия вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) были включены в национальные системы здравоохранения, а затем государства стали создавать условия для повышения их доступности населению и возможностей реализации репродуктивных намерений на разных этапах жизненного цикла.

Социально-демографические предпосылки и препятствия многодетности

В 2013 г. решением ЦК КПК семейным парам было разрешено иметь двоих детей, если хотя бы один родитель сам был единственным ребенком. Такая «избирательная двухдетность» стала первой реальной попыткой избежать «гериатрической экономики», негативные последствия которой проявлялись в Японии и некоторых южноевропейских странах: сокращение численности молодежи и рабочей силы, скатывание экономики в депрессию, ухудшение финансового состояния, сокращение инноваций. Массовая однодетность привела к столь стремительному старению населения, что возникли опасения «неплатежеспособности» национального пенсионного фон-

⁹ 5 global initiatives to tackle falling birth rates // Raconteur : [site]. 23.03.2020. URL: <https://www.raconteur.net/healthcare/global-birth-rate> (accessed on 01.08.2023).

¹⁰ Демография // Росстат : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.08.2023).

¹¹ Демография // Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/demografiya> (дата обращения: 01.08.2023).

да к 2035 г. и перспективы для пенсионеров обеспечивать себя за счет собственных сбережений: при «политике 4–2–1» заработка одного работающего не хватит на содержание двоих родителей, двух бабушек и двух дедушек¹². Старение сопровождалось гендерным дисбалансом, особенно заметным в дорепродуктивных и репродуктивных возрастах: с началом политики однодетности в 1981 г. гендерный разрыв стал формироваться еще на стадии беременности из-за предпочтений появления мальчиков, и рост прекратился после частичного снятия антиnatalных запретов в 2013 г. (рис. 1А). До этого гендерное соотношение в дорепродуктивных возрастах оставалось сбалансированным (рис. 1Б).

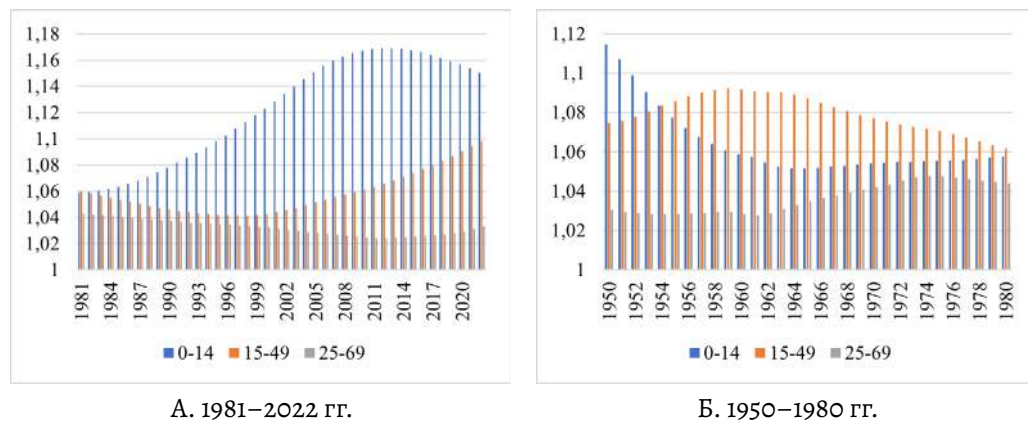

Рис. 1. Число мужчин на одну женщину
Fig. 1. Number of men per one woman

Источник: составлено автором по данным ООН¹³

Ситуация усугублялась многолетней пропагандой контроля рождаемости, искажившей традиционные представления о детях. Мнение о том, что иметь двух детей ненормально, а единственный ребенок – вклад в развитие нации, укрепилось настолько, что после разрешения в Шанхае иметь двоих детей парам, где оба супруга – единственные дети, лишь в каждой пятой из них родился второй ребенок, а локальный СКР упал ниже 0,8. После официального отказа от политики однодетности в одном из опросов 61,7% респонденты причиной, по которой они не хотели второго ребенка, назвали финансовые ограничения, 67,3% – невозможность найти помощника по уходу за ребенком, 54% – отсутствие подходящих детских садов, 41,6% – жилищные проблемы. Каждая четвертая женщина ответила, что второй ребенок мешает ей достичь карьерных успехов¹⁴.

Выводы подтверждаются данными, полученными из опроса, проведенного автором в 2018 г. среди граждан КНР, длительное время работающих за границей. Анкета

¹² Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications // Daxue Consulting : [site]. 19.07.2021. URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

¹³ Total fertility rate // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/19/locations/156/start/1950/end/2022/table/pivotbylocation> (accessed on 19.07.2023).

¹⁴ Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications // Daxue Consulting : [site]. 19.07.2021. URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

состояла из 18 вопросов и включала сведения о гражданах (пол, возраст, образование и т. д.), блок вопросов о наличии детей у самих опрошенных и их родителей (бабушек/дедушек), мнения о том, сколько детей должно быть в семье и сколько бы хотели иметь, если бы позволило материальное состояние. Также в анкете содержались вопросы о постоянном месте работы, финансовом положении и предыдущем месте жительства. В опросе приняли участие 129 граждан КНР, трудоустроенных за рубежом.

69% опрошенных – в возрасте старше 29 лет, 71% – мужчины. 49% респондентов имели высшее образование, 45% – незаконченное высшее, 6% – среднее общее образование. Преобладающие сферы занятости – финансы, информационные технологии, обслуживание, торговля, лингвистика. Семейное состояние было представлено всеми статусами: 34% состояли в официальном браке, 31% – в неофициальном («гражданском» браке), 35% не имели серьезных отношений. 91% опрошенных находился в России на постоянном месте работы и проживал в Москве или Санкт-Петербурге. 86% оказались бездетными, у остальных было по одному ребенку, 87% из которых – мальчики, и только у четверых было двое детей. Это позволяло сделать вывод о том, что работающие за границей китайские граждане более заинтересованы в получении качественного образования и развитии профессиональной деятельности, чем в расширении формальной или фактической семьи, хотя «зарубежное» рождение детей позволяло обойти запреты однодетности, существующие внутри страны.

У 98% родители/бабушки/дедушки имели двоих детей. 79% респондентов жили в городах с населением 0,5–1 млн человек, 18% – 0,1–0,5 млн человек, 3% – свыше 1 млн человек. До отъезда за рубеж все респонденты проживали совместно с родителями, а не самостоятельно. 90% покинули КНР в возрасте от 23–25 лет и уже с 2013 г. находились на постоянном месте работы за пределами государства.

77% назвали свой доход средним – его хватало на самое необходимое, но не позволяло делать сбережения. 2% посчитали себя хорошо обеспеченными, 8% не отказывали себе ни в чем, вплоть до ежемесячных сбережений. Лишь 9% оценили свой доход как низкий, которого хватает только на еду и одежду.

В перспективе, с учетом нынешнего материально положения, 61% опрошенных хотел бы иметь двоих детей, но если бы финансовое состояние позволило, то столько же хотели бы иметь трех и более детей.

Таким образом, уже первые итоги новой «политики двухдетности» не оправдали ожиданий, т. к. большинство желающих второго ребенка, уже имели его и просто оформили хукоу, формализовав давно существующий факт, а оставшимся недостаточно было простого разрешения. Пронатальные меры оказались наиболее актуальными лишь для тех, чьи репродуктивные намерения еще не сформировались окончательно: городские супружеские пары с одним ребенком, несемейная молодежь, а также материально обеспеченное работающее население репродуктивного возраста.

Поскольку часть семей намерена оставаться однодетными, часть – бездетными, для повышения рождаемости до уровня воспроизводства потребовалось не просто стимулирование двухдетности, но и поощрение многодетности и восстановление нарушенных репродуктивных традиций.

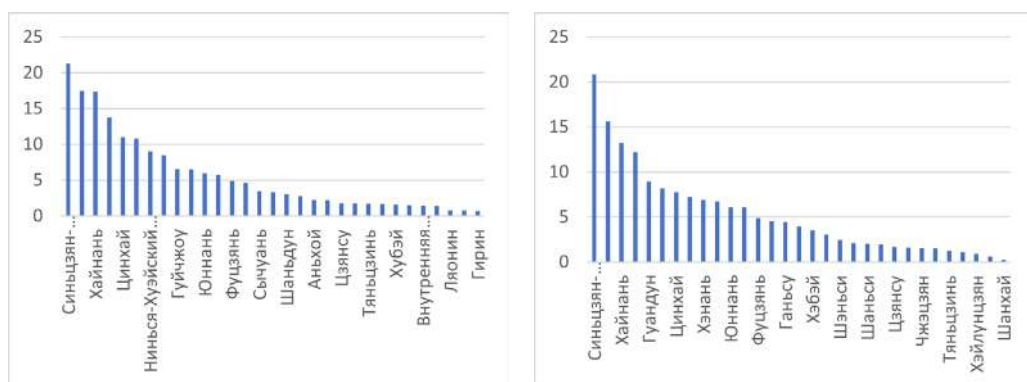
Кто готов к третьему ребенку?

Население некоторых регионов с большой долей этнических меньшинств

Еще до официального начала политики трехдетности общенациональные и региональные исследования оценивали возможную реакцию населения на перспекти-

вы многодетности. Опросы разных групп населения репродуктивного возраста показывали, что идеальное число детей для большинства – двое, троих называли менее 10% [13; 14]. По расчетным данным Национального обследования рождаемости (2017 г.), лишь 5,01% женщин 20–34 лет хотели бы родить третьего ребенка, но реализация этого намерения дифференцировалась по регионам [15].

В другом исследовании вопросы о желаемом числе детей («Сколько детей Вы планируете иметь?») – предикторе фактических рождений, и об идеальном («Как Вы думаете, сколько детей идеально подходит для семьи?»), нивелирующим социальное, экономическое и политическое влияние [16], позволили оценить личные репродуктивные намерения, с одной стороны, и возможности общества по их реализации, с другой (рис. 2).

А. Идеальное число детей 3 и более

Б. Желаемое число детей 3 и более

Рис. 2. Доля женщин 20–34 лет с идеальным и желаемым числом детей три и более в разных регионах Китая (%)

Fig. 2. Proportion of women 20–34 years old with an ideal and desired number of children of three or more in different regions of China

Источник: [16]

Анализ результатов показал, что больше всего женщин с желаемым числом детей три и более отмечено в относительно слаборазвитых сельскохозяйственных Синцзян-Уйгурском автономном районе на северо-западе (20,87%) и Тибете (15,63%) на юго-западе, за ними следовали экономически более сильные центрально-южные Хайнань (13,24%) и Гуанси-Чжуанский автономный район (12,22%). Здесь же были самые высокие показатели идеального числа детей (21,36%, 17,53%, 17,38% и 13,74% соответственно). Меньше всего женщин с желаемым и идеальным числом детей три и более отмечалось в северо-восточных провинциях: Гирин (1,07% и 0,73%), Хэйлуцзянь (0,94% и 0,75%), Ляонин (0,62% и 0,79%). Таким образом, женщины из этнических меньшинств, проживавшие в сельской местности, имевшие братьев и сестер, значительно чаще намерены иметь троих и более детей, чем женщины с хорошим доходом, высоким уровнем образования, занятые в несельскохозяйственных отраслях, женщины-мигранты и матери сыновей. Важной для выбора в пользу трехдетной семьи оказалась оценка предполагаемых, а не фактических расходов на услуги по уходу за детьми.

Опросы, проведенные вскоре после разрешения трехдетности в городах пров. Чжэцзян, Цзянси, Шаньдун, Сычуань на юго-западе и Шэньси на северо-западе Китая

зафиксировали, что лишь 4,4% респондентов считают семейный доход достаточным для троих и более детей, а 46,3% – только для одного ребенка. В г. Сиан (провинция Шэньси) лишь 8% населения фертильного возраста готовы иметь третьего ребенка, причем пронатальность репродуктивных намерений усиливается с возрастом и укреплением экономической стабильности – среди 35–40-летних третьего ребенка хотели бы 15,4% опрошенных, среди 30–35-летних – 14,3%, 25–30-летних – 12,8%, 20–25-летних – 10%. Желание иметь третьего ребенка в сельских семьях на 6,9% выше, чем в городских¹⁵. В г. Цзиньхуа (провинция Чжэцзян) более 90% семей заявили о том, что не намерены заводить третьего ребенка; в г. Цзинань (провинция Шаньдун) это подтвердили даже образованные пары с высоким доходом. В г. Яньчэнь (провинция Цзянсу) 209 человек 20–49 лет и в г. Цзиньхуа 303 человека сказали, что третий ребенок более популярен у сельских жителей (11,8% и 10,2%), чем у горожан (8,9% и 7,5%), поскольку в сельских семьях сильнее влияние старшего поколения, ориентированного на многодетность, меньше финансовое давление, больше распространены традиционные мнения о детях как источнике счастья и поддержки в старости. 95,6% и 92,8% семей вообще не хотели иметь третьего ребенка, но в Яньчэне 5% двухдетных все же хотели бы, в Цзиньхуа 3,63% планировали его через два года, 6,12% сельских семей – в течение года, а 4,72% городских семей – через три года или позже. Финансовые расходы, особенно на образование, стали основной причиной отказа от намерений родить троих детей¹⁶.

Семьи с хорошим доходом и традициями многодетности

Предварительные оценки позволяют предположить, что в некоторых регионах трехдетность будет не очень легко принята и активно реализована. Например, в г. Вэньжоу (пров. Чжэцзян), известном большими семьями с репутацией нарушителей законов о единственном ребенке и самым высоким в провинции уровнем рождаемости, политика двухдетности мгновенно дала результаты: около половины новорожденных в 2016–2020 гг. (гораздо больше, чем в среднем по стране) были вторыми детьми. Однако даже здесь разрешение на третьего ребенка не встретило энтузиазма ни у двухдетных, ни у однодетных семей. Замужняя горожанка 32 лет с 5-летним ребенком не определилась относительно второго ребенка, но ни она, ни ее муж абсолютно не хотят третьего, считая «это слишком тяжелым бременем». По ее словам, «когда у сестры родился второй сын, она почувствовала, что работает на двух работах...». Родители хотят дать своим детям все, что нужно, при этом не забывая о себе: «Люди, которые ценят качество своей жизни и образования, мыслят везде одинаково: им нелегко будет решиться на рождение третьего ребенка»¹⁷.

Такие отклики поставили задачу выяснения условий, при которых семьи готовы иметь троих детей. Упомянутый ранее авторский опрос 2018 г. продемонстрировал значимость улучшения материального положения семей для намерения иметь трех и более детей. Исходя из вышесказанного, в конце 2022 г. на курортном о. Хайнань по аналогичной анкете был проведен электронный опрос трех групп по 150 респондентов репродуктивного возраста в каждой, работающих сейчас, работавших ранее и никогда не работавших за рубежом. Состав респондентов предполагал отсутствие материаль-

¹⁵ Surveys indicate third child more preferable for families aged from 30–40 // Global Times : [site]. 24.06.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202106/1227019.shtml> (accessed on 01.08.2023).

¹⁶ Xu Keyue. Surveys in Chinese cities show only 4% of urban families have willingness to have third child // Global Times : [site]. 06.07.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202107/1227942.shtml> (accessed on 01.08.2023).

¹⁷ Ni Dandan. What China's Parents Really Think About the Three-Child Policy // Sixth Tone : [site]. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1008341> (accessed on 01.08.2023).

ных проблем и относительно свободный выбор числа детей, поскольку в период обязательной однодетности рождение детей за рубежом при отсутствии у них китайского гражданства нарушением не считалось. Среди прочих результатов опрос показал, что в семьях, не испытывающих материальных проблем, решение о третьем ребенке принимается с учетом пола уже имеющихся детей (предпочтительны разнополые), но для 20–30% опрошенных в разных группах желаемое число детей безразлично, остальные хотели бы ограничиться одним ребенком любого пола либо двумя разнополыми.

Бесплодные и вынужденно бездетные

В период политики однодетности регулирование индивидуального числа рождений происходило в рамках обязательного планирования семьи, среди способов которого особенно поощрялась необратимая стерилизация. Массовое распространение получили почти все традиционные и современные методы: уже на старте политики однодетности в 1981 г. 83,2% женщин репродуктивного возраста, состоящих в официальном или фактическом браке, удовлетворяли потребность в планировании семьи любыми методами, а в 2022 г. их стало 96,3%¹⁸. Использовалась барьерная контрацепция и внутриматочные спирали [17; 18], реже – более современные средства, но часто результатом нежелательной беременности становился хорошо доступный медицинский аборт, который, по мнению многих специалистов, способствовал бесплодию [19].

Несмотря на то, что прямая реакция населения на ослабление антинаatalных ограничений оказалась меньше ожидаемой, косвенным подтверждением пронаatalных ориентаций явилось изменение структуры применяемой контрацепции: за 2015–2019 гг. количество операций по мужской стерилизации сократилось с 149 432 до 4 742, в 2018 г. Барьерные контрацептивы применяли 66,7%, внутриматочные спирали – 35,8%, комплексные оральные контрацептивы – 14,3%, хирургические методы – 6,8%¹⁹. Этот аспект регулирования рождаемости стал особенно важным, поскольку с 2016 г. в возрасте активной репродуктивности 20–34 года находится малочисленное поколение, родившееся после введения норм однодетности, с усиливающимся гендерным дисбалансом и новыми нормами репродуктивного поведения.

В 2016 г. у 15–20% женщин и 10–12% мужчин репродуктивного возраста диагностировалось бесплодие, но доступ к современным методам его лечения регулировался необходимостью соответствия политике планирования семьи [20]. Разработанные в 2001 г. министерством здравоохранения КНР «Административные меры в отношении вспомогательных репродуктивных технологий» допускали их только «в медицинских учреждениях с целью лечения и в соответствии с национальной политикой в области планирования семьи, этическими принципами и соответствующими правовыми положениями» (ст. 3), запрещали суррогатное материнство, донорство эмбрионов и половых клеток²⁰. На практике это означало реализацию всего двух программ: искусственной инсеминации и «классического» ЭКО, способных удовлетворить лишь минимальную потребность в медико-ассоциированной репродукции (МАР). Постепенно рестрикции смягчались, программы ВРТ стали использоваться не только по медицинским причинам: ЭКО повышало шансы на рождение двоен и

¹⁸ Total fertility rate // United Nations Population Division : [site]. URL: <https://population.un.org/dataportal/data/indicators/19/locations/156/start/1950/end/2022/table/pivotbylocation> (accessed on 01.08.2023).

¹⁹ China Contraceptive Market is growing in 2022 //E-Commerce China : [site]. 19.10.2022. URL: <https://ecommercechinaagency.com/the-contraception-market-in-china/> (accessed on 01.08.2023).

²⁰ 人类辅助生殖技术管理办法 // 国家卫生健康委员会 : [сайт]. URL: <http://www.nhc.gov.cn/fzs/s3576/201808/99ad3444a14340c79c8361ee23b96251.shtml> (дата обращения: 01.08.2023).

троен, которые не облагались штрафами за дополнительных детей, и потому привлекало состоятельные семьи с суррогатными матерями²¹, а также родителей-шиду, т. е. потерявших единственных детей – таких семей в 1980–2010 гг. насчитывалось около 1 млн [21]. Прогнозируется рост случаев шиду [22], и хотя они всегда давали право на повторные рождения, пострепродуктивный возраст и здоровье родителей препятствовали его реализации без помощи МАР.

Институционально обусловленные меры стимулирования многодетности в Китае

Основные направления коррекции социальных последствий политики однодетности

Меры по устранению негативных социальных последствий массовой однодетности обусловлены тем, что долгое время деятельность таких сфер национального хозяйства, как общественное здравоохранение, образование, социальное обеспечение, жилищное строительство, не предусматривала наличия нескольких детей в семье. Почти все услуги здесь предоставлялись населению платно либо подразумевали целевые расходы. Например, закон о защите прав и интересов пожилых людей, принятый в 1996 г., с поправками 2009, 2012, 2015 и 2018 гг. обязывал взрослых детей посещать родителей и оказывать им ежемесячную материальную помощь²², сужая репродуктивные перспективы уже на стадии формирования установок на число детей в семье.

На старте антинаatalной политики система здравоохранения КНР ограничивала участие государства общим организационным контролем, финансированием противозидемических мероприятий и выполнением базовых принципов охраны материнства и детства. В результате реформ к 2016 г. почти все население получило медицинские страховки, в том числе с частичным государственным покрытием²³. Пандемия COVID-19 способствовала удлинению сроков откладывания рождений, приостановила реализацию мер, стимулирующих двухдетность и настолько увеличила спрос на эффективные контрацептивы, что в правительстве обсуждались предложения по их бесплатному распространению²⁴. Однако ВРТ, признаваемые «необходимой и полезной дополнительной технологией по охране здоровья матери и ребенка для пар с бесплодием», остались вне национальной системы медицинского страхования, и потому в некоторых регионах разрабатываются местные схемы возмещения расходов на них²⁵.

Учитывая потребности населения в современных средствах планирования семьи, предусматривается расширение таких возможностей и для откладывания, и для стимулирования рождений. Однако однозначного мнения о допустимости ВРТ для не состоящих в браке женщин и однополых пар нет. Из-за опасений роста внебрач-

²¹ Nicola Davison. China's surrogate mothers see business boom in year of the dragon // The Guardian : [site]. 08.02.2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/feb/08/china-surrogate-mothers-year-dragon> (accessed on 01.08.2023).

²² Закон о защите прав и интересов пожилых людей Китая (2018 г.) 老年人权益保障法 // China Laws Portal CJO : [сайт]. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/the-law-on-protection-of-the-rights-and-interests-of-the-elderly-of-china-20181229> (дата обращения: 01.08.2023).

²³ Making cities, workplaces healthy for all // World Health Organization : [site]. URL: <http://www.who.int/healthpromotion/conferences/9gchp/healthy-china/en/> (accessed on 01.08.2023).

²⁴ China Contraceptive Market is growing in 2022 // E-Commerce China : [site]. 19.10.2022. URL: <https://ecommercechinaagency.com/the-contraception-market-in-china/> (accessed on 01.08.2023).

²⁵ China's fertility rate falls to an all-time low // Focus on Reproduction : [site]. 09.08.2022. URL: <https://www.focusonreproduction.eu/article/News-in-Reproduction-China-fertility-rate> (accessed on 01.08.2023).

ных рождений и криоконсервации яйцеклеток для использования в будущем предлагается, по крайней мере, на ближайшие пять лет запретить лицам с нетрадиционной ориентацией, а также одиноким женщинам современные методы регулирования индивидуальной фертильности²⁶.

В 1986 г. китайское правительство приняло закон об обязательном девятилетнем образовании, и сегодня более 99% детей школьного возраста получают его бесплатно²⁷. Остальные уровни образования (дошкольное, старшие ступени средней школы, среднее и высшее профессиональное, докторантура) за небольшими исключениями – платные. Причем размер оплаты на каждом уровне зависит от направления подготовки, рейтинга учебного заведения и проч. Более 70% школьников обращаются за помощью к репетиторам или посещают дополнительные внеклассные занятия [23], в том числе из-за нехватки школ, ранее закрывшихся после сокращения количества детей²⁸.

Чтобы снизить остроту проблемы, региональные власти предлагают собственные решения. К примеру, Пекинская муниципальная комиссия по образованию намерена предоставлять бесплатные услуги или скидки для учащихся начальной школы, включая посещение учебных центров, библиотек и спортивных мероприятий во время летних каникул, субсидировать частные детские сады для привлечения семей с низким доходом. В Шанхае намерены открыть еще 543 центра по уходу за детьми и пригласить туда на работу 12 тыс. волонтеров. Подобные меры позволят довести число учреждений дошкольного образования до 6,3 млн, что на 150% увеличит их доступность²⁹.

Система государственного распределения жилья прекратила существование в 1998 г., и главной возможностью его получения в городе стала покупка на рынке недвижимости. Семьям с низким доходом помогало государство, строя дешевое жилье, предоставляя жилищные субсидии, создавая общественные фонды жилья. Строительство социального жилья как средство регулирования рынка недвижимости было включено в программу 12-й пятилетки, что замедлило рост цен до 2016 г. Концепция социально эффективной системы обеспечения жильем «Жилье для проживания, а не для спекуляции» помогла снизить социальную напряженность вследствие роста цен. К 2019 г. 38 млн человек получили социальное жилье, и 22 млн человек – пособие на аренду жилья³⁰.

В последние годы жилищная политика была ориентирована либо на решение жилищных проблем низкодоходных групп населения, либо на ускорение развития рынка жилья для населения с высокими доходами. Однако семьи со средним доходом не имеют ни возможности покупать дорогое жилье, ни права на приобретение или

²⁶ Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications // Daxue Consulting : [site]. 19.07.2021. URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

²⁷ Education in China // China Education Center : [site]. URL: <https://www.chinaeducenter.com/en/cedu.php> (accessed on 01.08.2023).

²⁸ Liyan Qi. China Delivers Three-Child Policy, but It's Too Late for Many // The Wall Street Journal : [site]. 03.06.2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/china-delivers-three-child-policy-but-its-too-late-for-many-11622547144> (accessed on 01.08.2023).

²⁹ Beijing announces a third-child policy to tackle China's ageing population, here are the economic implications // Daxue Consulting : [site]. 19.07.2021. URL: <https://daxueconsulting.com/chinas-third-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

³⁰ 十三五”成就巡礼 我国建成世界最大住房保障体系 // 中国新闻网 : [сайт]. 12.12.2020. URL: <https://www.chinanews.com.cn/sh/shipin/2020/12-12/news875028.shtml> (дата обращения: 01.08.2023).

аренду (субсидируемого из государственных фондов) доступного социального жилья. Собственниками жилья в Китае являются до 90% граждан, но это результат приватизации, а не строительства и покупки на рынке недвижимости. В конце 2017 г. 20% горожан арендовали жилье, в крупных городах – больше 40%³¹.

Массовое «отложенное» однодетное материнство привело к тому, что женщины на практике столкнулись со сложностями при трудоустройстве, ограничениями в заработной плате и карьерном росте. Возможности женщин совмещать занятость в общественном производстве с рождением детей и семейными обязанностями определяются законом о народонаселении и планировании семьи (29.12.2001 г.), который в редакции 2015 г. смягчил требования по откладыванию вступления в брак и рождения детей для продления отпуска по беременности и родам. В гл. IV «Поощрение и социальное обеспечение», декларирующей поощрение супругов, следующих политике рождаемости (ст. 23), страховых компаний за создание страховых продуктов, благоприятствующих планированию рождаемости (ст. 24), записано: «граждане, придерживающиеся предусмотренных законом норм и подзаконных правил деторождения вправе получить поощрение в виде продленного отпуска в связи с рождением ребенка и другие виды социальных льгот» (ст. 25), «в период беременности, родов и кормления к женщинам применяются специальные положения об охране труда (ст. 26)³².

Новая редакция закона в 2021 г. усилила поддержку женского профессионального равноправия и защиту беременных женщин и матерей на рынке труда: ст. 26 предусматривает, что «государство гарантирует права и интересы женщин в отношении трудоустройства и оказывает услуги в сфере трудоустройства для женщин, у которых деторождение повлияло на трудоустройство³³. С учетом заявленного компаниям вменяется в обязанность адаптировать условия труда сотрудников, вводя гибкий график работы, дополнительные отпуска по уходу за ребенком, в том числе и для работающих мужчин, от семи дней до одного месяца по региональным нормам³⁴. 28.03.2022 г. Государственный совет КНР опубликовал «Уведомление об установлении дополнительного вычета по индивидуальному подоходному налогу за детей младше трех лет, которых кормят грудью»; до конца 2025 г. доходы от услуг по уходу за пожилыми людьми и детьми освобождаются от НДС и предполагают 10%-й вычет из налогооблагаемого дохода³⁵.

Пропанганда многодетности

Среди мер демографической политики в Китайской Народной Республике всегда особое место занимали агитационно-пропагандистские. Даже в период ослабления антинаatalных рестрикций и отказа от политики однодетности закон о народонаселении сохранял нормы публичного поощрения населения, выполняющего требования регулирования рождаемости. В редакции 2021 г. отмечалось: «супругам, которые на протяжении всей жизни завели только одного ребенка в период поощрения государством рождения одного ребенка одной супружеской парой», государство

³¹ 大城市租房比例超过50% 中国进入住房租赁时代 // 腾讯房产 : [сайт]. 01.08.2017. URL: <https://sz.house.qq.com/a/20170801/008003.htm> (дата обращения: 01.08.2023).

³² Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» (в редакции 2015 г.) // Chinalaw.center : [сайт]. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/ (дата обращения: 01.08.2023).

³³ Там же.

³⁴ China Releases Supporting Measures for Three-Child Policy // The China Briefing Magazine : [site]. 29.03.2021. URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-releases-supporting-measures-for-three-child-policy/> (accessed on 01.08.2023).

³⁵ Ibid.

выдает «Почетное свидетельство родителей единственного ребенка» с соответствующими льготами (ст. 31, 32)³⁶. В связи с переходом к трехдетности возникла новая проблема – сформировался стереотип семьи с одним ребенком из «поколения без братьев и сестер» с поведенческим «синдромом маленького императора»³⁷, для которого однодетность стала социальной нормой. Поскольку семья остается важным элементом китайского общества, даже под влиянием социально-экономических перемен и современных медицинских технологий потребовалась реклама многодетности, основанная на отказе от тезиса «населения как бремени» и разъяснении пользы двух-трехдетной семьи. Предпосылки к этому существовали еще до разрешения массовой двухдетности: в 2013 г. для изменения репродуктивных стереотипов и повышения осведомленности предлагалось учредить такие праздники, как День двоих детей (Two Children Day) и даже День троих детей, аналогичные Всемирному дню защиты детей³⁸. Использовались современные и традиционные инструменты, учитывающие специфику момента и целевую аудиторию. Например, к 2016 г. (год обезьяны) выпустили марку с изображением двух детенышей обезьяны как поощрение двухдетной семьи, к 2019 г. (год свиньи) – двух больших свинок с тремя поросятами (затем эту марку разместили на банковской карте), к 2022 г. (год тигра) – тигрицы с двумя тигрятами. Марка, посвященная 7-й всекитайской переписи населения (ВПН) 2020 г., демонстрировала семью с двумя детьми³⁹.

После официального старта политики трехдетности региональные власти сами разрабатывали пронатальную агитацию, которая не всегда получала поддержку. Так, в 2021 г. конкурс на разработку новых лозунгов отменили после негативной реакции населения на призывы типа «Заведи больше детей, чтобы они заботились о тебе, когда состаришься. Правительство этого не сделает». В провинции Хэбэй практиковали громкие уличные призывы: «Рождение детей – важная часть жизни!» и «Политика трех детей хороша!»⁴⁰.

Специфически китайской является пропаганда многодетности среди единственных детей. Часть взрослых, родившихся в нарушение правил однодетности, вспоминает, как в детстве им приходилось скрываться от инспекторов по планированию семьи: «Всякий раз, когда появлялись эти люди с черными зонтиками, соседи предупреждали меня, и я пряталась». В 2021 г. некоторые ученики седьмых классов г. Вэньчжоу в сочинении на тему «Почему родители должны подарить мне еще одного брата или сестру» высказались категорически против, чтобы оставаться единственными наследниками и ни с кем не делить внимание родителей⁴¹.

³⁶ Закон КНР «О народонаселении и планировании рождаемости» (в редакции 2015 г.) // Chinalaw.center : [сайт]. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_population_family_planning_law_revised_2015_russian/ (дата обращения: 01.08.2023).

³⁷ Susan H. Greenberg. The Rise Of The Only Child // Newsweek : [site]. 22.04.2001. URL: <https://www.newsweek.com/rise-only-child-150329> (accessed on 01.08.2023).

³⁸ Liang Jianzhang, Huang Wenzheng, He Yafu. How One-Child China Can Become Three-Child China // Worldcrunch : [site]. 25.11.2013. URL: <https://worldcrunch.com/culture-society/how-one-child-china-can-become-three-child-china> (accessed on 01.08.2023).

³⁹ PSBC Launches Zodiac-Themed Debit Card // China Post: [site]. 29.01.2019. URL: <http://english.chinapost.com.cn/html1/report/190674/7643-1.htm> (accessed on 01.08.2023).

⁴⁰ China is trying to get people to have more babies // The Economist. 29.09.2022. URL: <https://www.economist.com/china/2022/09/29/china-is-trying-to-get-people-to-have-more-babies> (accessed on 01.08.2023).

⁴¹ Ni Dandan. What China's Parents Really Think About the Three-Child Policy // Sixth Tone : [site]. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1008341> (accessed on 01.08.2023).

Заключение

Трехдетная семья в Китае – цель, поставленная после того, как рождаемость не увеличилась с разрешением, а затем и с поощрением двухдетности. Меры политики трехдетности носили не только перспективный стимулирующий, но и компенсирующий характер, поскольку вводились в период пандемийных ограничений. Слабый отклик на первых этапах политики трехдетности обусловлен рядом причин, одни из которых связаны с разной потребностью в нескольких детях у различных категорий населения, а другие – с разной возможностью удовлетворения этой потребности. У двухдетных семей есть «потенциал трехдетности», поэтому для большинства из них эффективны прямые меры стимулирования, направленные на то, чтобы рождение третьего ребенка не снизило уровень жизни семьи, а женщине позволило бы продолжить профессиональную деятельность. Адресность мер определяется региональными ресурсами, этническими традициями, семейными доходами, гендерными предпочтениями и проч.

У однодетных и бездетных семей перспективы трехдетности обусловлены пронатальными намерениями, на формирование которых направлены косвенные меры, нивелирующие организационные последствия антинатальной деятельности социальных сфер. Предпосылками для позитивных перспектив является пронатальная переориентация финансовых, налоговых, страховых, трудовых, образовательных, жилищных мер контроля рождаемости, доказавших эффективность в период обязательной однодетности.

Инерционность демографических процессов привела к потере традиций «горизонтальных родственных связей» (отношений между братьями, сестрами и их потомками), поэтому потребовалось дополнение обязательных институциональных мер рекомендательными и разъяснительными, направленными на исправление перекосов и последствий «культуры однодетности» и создание позитивного имиджа многодетности.

Список литературы

1. Баженова, Е. С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. Москва : Форум, 2010. 303 с. ISBN 978-5-8199-0422-0. EDN [YXXNDV](#).
2. Баженова, Е. С. Население Китая: новые тенденции в эпоху модернизации и экономических реформ // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № S5-1. С. 101–111. DOI [10.31857/S013128120007131-5](#). EDN [TZXCQ](#).
3. Островский, А. В. Экономика КНР в 2030 году: проблемы и перспективы (как относиться к прогнозу экономического развития КНР, сделанному центром изучения положения в стране университета Цинхуа) // Доклады ИДВ РАН – 2012. Москва : ИДВ РАН, 2013. С. 29–50. ISBN 978-5-8381-0274-4. EDN [UHQQDR](#).
4. Kalabikhina, I. E. Demographic Situation in China: Convergence or Divergence? / I. E. Kalabikhina, E. Shatalova, F. Lieming // BRICS Journal of Economics. 2020. Vol. 1, № 1. Pp. 81–101. DOI [10.38050/2712-7508-2020-6](#).
5. Lieming, F. Determinants of Regional Fertility in China During the First Years of Reaching Below-Replacement Fertility / F. Lieming, E. Shatalova, I. Kalabikhina // BRICS Journal of Economics. 2022. Vol. 3, № 3. Pp. 101–127. DOI [10.3897/brics-econ.3.e83259](#).
6. Lieming, F. Will China's "Two-Child in One Family" Policy to Spur Population Growth Work? // Population and Economics. 2019. Vol. 3, № 2. Pp. 36–44. DOI [10.3897/popoecon.3.e37962](#).
7. 何亚丽, 林燕, 张黎阳. 教育及社保投入对生育率和教育水平的影响 // 南开经济研究. 2016. № 3. Pp. 133–153.
8. 陈友华, 苗国. 教育资源配置与生育率 // 江苏社会科学. 2019. № 3. Pp. 97–102.
9. 葛玉好, 张雪梅. 房价对家庭生育决策的影响 // 人口研究. 2019. Vol. 43, № 1. Pp. 52–63.

10. Zi Li, Siwen Qian. The Impact of COVID-19 on the Intention of Third-Child in China: An Empirical Analysis Based on Survey Data // BMC Public Health. 2023. Vol. 23. Article № 1195. DOI [10.1186/s12889-023-15944-w](https://doi.org/10.1186/s12889-023-15944-w).
11. Fauske, A. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature / A. Fauske, J. Bergsvik, R. Kalldager // Population and Development Review. 2021. Vol. 47, № 4. Pp. 913–964. DOI [10.1111/padr.12431](https://doi.org/10.1111/padr.12431).
12. Whyte, M. Challenging Myths About China's One-Child Policy / M. Whyte, Wang Feng, Yong Cai // The China Journal. 2015. Vol. 74. Pp. 144–159. DOI [10.1086/681664](https://doi.org/10.1086/681664).
13. 风笑天. 三孩生育政策与新型生育文化建设 // 新疆师范大学学报 (哲学社会科学版). 2022. Vol. 43, № 1. Pp. 98–105.
14. Zhang, C. Fertility Intentions Among Young People in the Era of China's Three-Child Policy: A National Survey of University Students / C. Zhang, L. Wei, Y. Zhu [et al.] // BMC Pregnancy and Childbirth. 2022. Vol. 22. Article № 637. DOI [10.1186/s12884-022-04873-y](https://doi.org/10.1186/s12884-022-04873-y).
15. Zhuang, Y. Fertility Intention and Related Factors in China: Findings from the 2017 National Fertility Survey / Y. Zhuang, Y. Jiang, B. Li // China Population and Development Studies. 2020. Vol. 4. Pp. 114–126. DOI [10.1007/s42379-020-00053-7](https://doi.org/10.1007/s42379-020-00053-7).
16. Yang, H. Third-Child Fertility Intention and Its Socioeconomic Factors Among Women Aged 20–34 Years in China / H. Yang, R. Han, Z. Wang // BMC Public Health. 2023. Vol. 23. Article № 821. DOI [10.1186/s12889-023-15719-3](https://doi.org/10.1186/s12889-023-15719-3).
17. Mao, L. Cross-Sectional Study of Contraceptive Use Among Chinese Women of Reproductive Age: Results Based on a Mobile Application (APP)-Derived Data / L. Mao, W. Bai, Y. Huo [et al.] // Archives of Gynecology and Obstetrics. 2018. Vol. 297, № 5. Pp. 1193–1199. DOI [10.1007/s00404-018-4687-7](https://doi.org/10.1007/s00404-018-4687-7).
18. Yang, X. Practices and Knowledge of Female Gynecologists Regarding Contraceptive Use: A Real-World Chinese Survey / X. Yang, X. Li, Y. Wang [et al.] // Reproductive Health. 2018. Vol. 15. Article № 115. DOI [10.1186/s12978-018-0557-9](https://doi.org/10.1186/s12978-018-0557-9).
19. Zhang, W.-H. Family Planning Needs and Induced Abortion in China: Two Cross-Sectional Studies / W.-H. Zhang, S. Wu, M. Temmerman // European Journal of Public Health. 2016. Vol. 26, № 1. Article № ckw166. DOI [10.1093/eurpub/ckw166](https://doi.org/10.1093/eurpub/ckw166).
20. Qiao, J. Assisted Reproductive Technology in China: Compliance and Non-Compliance / J. Qiao, H. Feng // Translational Pediatrics. 2014. Vol. 3, № 2. Pp. 91–97. DOI [10.3978/j.issn.2224-4336](https://doi.org/10.3978/j.issn.2224-4336).
21. 王广州. 独生子女死亡总量及变化趋势研究 // 中国人口科学. 2013. № 1. Pp. 57–65.
22. 王广州. 中国失独妇女总量, 结构及变动趋势计算机仿真研究 // 人口与经济. 2016. № 5. Pp. 1–11.
23. Bray, M. Shadow Education: Private Supplementary Tutoring and Its Implications for Policy Makers in Asia / M. Bray, Ch. Lykins. Manila : Asian Development Bank, 2012. 114 p. ISBN 978-92-9092-659-7.

Сведения об авторе:

Ван Е, выпускник аспирантуры, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; коммерческий директор, ООО «ВЛВ ГРУП», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: towangye@126.com; ORCID ID: [0009-0009-2706-0509](https://orcid.org/0009-0009-2706-0509); РИНЦ Author ID: [1208791](https://elibrary.ru/1208791).

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; принята в печать 03.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

NEW DEMOGRAPHIC THREE-CHILD POLICY IN CHINA

Ye Wang

Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: towangye@126.com

For citation: Wang, Ye. New Demographic Three-Child Policy in China. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 26–42. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.2).

Abstract. The article is devoted to the question of how ready the Chinese population is to accept the change in the goal of birth control and realize the pronatal possibilities of the new policy aimed at increasing the number of third children in the family. The relevance of a three-child family became apparent after the completion of several decades of mandatory one-child birth rate did not increase with the permission, and then with the encouragement of two-child. According to official statistics, information from publicly available sources in the media and the results of author surveys in 2018 and 2022 it is shown that the demographic reforms of 2016–2021 increased attention to the national specifics of the formation and implementation of reproductive intentions. Taking into account the experience of countries that have radically changed the vector of natal regulation, national socio-cultural and material factors contributing to the choice in favor of an increase in the number of children in the family, as well as the population groups most sensitive to pronatal measures are identified. In particular, the author's survey of Chinese citizens who have been working abroad for several years revealed that with stable income in two-child families, the decision on a third child can be made if both children are of the same sex, and different-sex children are preferred. The prerequisites for positive prospects are the pronatal reorientation of financial, tax, insurance, labor, educational, and housing birth control measures that have proven effective during the mandatory one-child period. A new direction is the active and diverse promotion of large families, designed for categories of the population differentiated by the number of children, place of residence, income, etc. The Chinese feature is the explanatory work among the only children, many of whom do not want to share family property and parents' attention with anyone. It is important to extend all measures to both urban and rural populations, which will allow considering the regional and demographic differentiation of the country.

Keywords: fertility policy; pronatal and antinatal regulation; mandatory single-childedness; large families.

References

1. Bazhenova, E. S. *1 300 000 000. Naseleniye Kitaya: strategiya razvitiya i demograficheskoy politiki [Population of China: strategy for development and demographic policy]*. Moscow : Forum Publishing House, 2010. 303 p. ISBN 978-5-8199-0422-0. (In Russ.).
2. Bazhenova, E. S. China's Population: New Trends in the Era of Modernization and Economic Reforms. *Far Eastern Studies*. 2019. No. S5-1. Pp. 101–111. DOI [10.31857/S013128120007131-5](https://doi.org/10.31857/S013128120007131-5). (In Russ.).
3. Ostrovsky, A. V. *Ekonomika KNR v 2030 godu: problemy i perspektivy (kak otносит'sya k prognozu ekonomicheskogo razvitiya KNR, sdellannomu tsentrom izucheniya polozheniya v strane universiteta Tsinghua) [Economy of the People's Republic of China in 2030: problems and prospects (how to relate to the forecast of economic development of the People's Republic of China made by the center for studying the situation in the country at Tsinghua University)]*. *Doklady IDV RAN – 2012 [Reports of the Institute of Far Eastern Studies RAS – 2012]*. Moscow : IFES RAS Publishing, 2013. Pp. 29–50. ISBN 978-5-8381-0274-4. (In Russ.).
4. Kalabikhina, I. E. Demographic Situation in China: Convergence or Divergence? / I. E. Kalabikhina, E. Shatalova, F. Lieming. *BRICS Journal of Economics*. 2020. Vol. 1, No. 1. Pp. 81–101. DOI [10.38050/2712-7508-2020-6](https://doi.org/10.38050/2712-7508-2020-6).
5. Lieming, F. Determinants of Regional Fertility in China During the First Years of Reaching Below-Replacement Fertility / F. Lieming, E. Shatalova, I. Kalabikhina. *BRICS Journal of Economics*. 2022. Vol. 3, No. 3. Pp. 101–127. DOI [10.3897/brics-econ.3.e83259](https://doi.org/10.3897/brics-econ.3.e83259).
6. Lieming, F. Will China's "Two-Child in One Family" Policy to Spur Population Growth Work? *Population and Economics*. 2019. Vol. 3, No. 2. Pp. 36–44. DOI [10.3897/popecon.3.e37962](https://doi.org/10.3897/popecon.3.e37962).
7. 何亚丽, 林燕, 张黎阳 [He Yali, Lin Yan, Zhang Liyang]. 教育及社保投入对生育率和教育水平的影响 [The Effect of Public Education Investment and Social Security on Fertility Rate and Education Level]. *南开经济研究 [Nankai Economic Studies]*. 2016. No. 3. Pp. 133–153. (In Chin.).
8. 陈友华, 苗国 [Y. Chen, G. Miao]. 教育资源配置与生育率 [Distribution of Resources for Education and Fertility]. *江苏社会科学 [Jiangsu Science]*. 2019. No. 3. Pp. 97–102. (In Chin.).
9. 葛玉好, 张雪梅 [Ge Yuhao, Zhang Xuemei]. 房价对家庭生育决策的影响 [The Effect of Housing Price on Family Fertility Decision in China]. *人口研究 [Population Research]*. 2019. Vol. 43, No 1. Pp. 52–63. (In Chin.).
10. Zi Li, Siwen Qian. The Impact of COVID-19 on the Intention of Third-Child in China: An Empirical Analysis Based on Survey Data. *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article No. 1195. DOI [10.1186/s12889-023-15944-w](https://doi.org/10.1186/s12889-023-15944-w).
11. Fauske, A. Can Policies Stall the Fertility Fall? A Systematic Review of the (Quasi-) Experimental Literature / A. Fauske, J. Bergsvik, R. Kalldager. *Population and Development Review*. 2021. Vol. 47, No. 4. Pp. 913–964. DOI [10.1111/padr.12431](https://doi.org/10.1111/padr.12431).
12. Whyte, M. Challenging Myths About China's One-Child Policy / M. Whyte, Wang Feng, Yong Cai.

The China Journal. 2015. Vol. 74. Pp. 144–159. DOI [10.1086/681664](https://doi.org/10.1086/681664).

13. 风笑天 [Feng Xiaotian]. 三孩生育政策与新型生育文化建设 [Three-Child Policy and the Construction of the New Fertility Culture]. 新疆师范大学学报(哲学社会科学版) [*Journal of Xinjiang Normal University (Edition of Philosophy and Social Sciences)*]. 2022. Vol. 43, No. 1. Pp. 98–105. (In Chin.).

14. Zhang, C. Fertility Intentions Among Young People in the Era of China's Three-Child Policy: A National Survey of University Students / C. Zhang, L. Wei, Y. Zhu et al. *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2022. Vol. 22. Article No. 637. DOI [10.1186/s12884-022-04873-y](https://doi.org/10.1186/s12884-022-04873-y).

15. Zhuang, Y. Fertility Intention and Related Factors in China: Findings from the 2017 National Fertility Survey / Y. Zhuang, Y. Jiang, B. Li. *China Population and Development Studies*. 2020. Vol. 4. Pp. 114–126. DOI [10.1007/s42379-020-00053-7](https://doi.org/10.1007/s42379-020-00053-7).

16. Yang, H. Third-Child Fertility Intention and Its Socioeconomic Factors Among Women Aged 20–34 Years in China / H. Yang, R. Han, Z. Wang. *BMC Public Health*. 2023. Vol. 23. Article No. 821. DOI [10.1186/s12889-023-15719-3](https://doi.org/10.1186/s12889-023-15719-3).

17. Mao, L. Cross-Sectional Study of Contraceptive Use Among Chinese Women of Reproductive Age: Results Based on a Mobile Application (APP)-Derived Data / L. Mao, W. Bai, Y. Huo et al. *Archives of Gynecology and Obstetrics*. 2018. Vol. 297, No. 5. Pp. 1193–1199. DOI [10.1007/s00404-018-4687-7](https://doi.org/10.1007/s00404-018-4687-7).

18. Yang, X. Practices and Knowledge of Female Gynecologists Regarding Contraceptive Use: A Real-World Chinese Survey / X. Yang, X. Li, Y. Wang et al. *Reproductive Health*. 2018. Vol. 15. Article No. 115. DOI [10.1186/s12978-018-0557-9](https://doi.org/10.1186/s12978-018-0557-9).

19. Zhang, W.-H. Family Planning Needs and Induced Abortion in China: Two Cross-Sectional Studies / W.-H. Zhang, S. Wu, M. Temmerman. *European Journal of Public Health*. 2016. Vol. 26, No. 1. Article No. ckw166. DOI [10.1093/eurpub/ckw166](https://doi.org/10.1093/eurpub/ckw166).

20. Qiao, J. Assisted Reproductive Technology in China: Compliance and Non-Compliance / J. Qiao, H. Feng. *Translational Pediatrics*. 2014. Vol. 3, No. 2. Pp. 91–97. DOI [10.3978/j.issn.2224-4336](https://doi.org/10.3978/j.issn.2224-4336).

21. 王广州 [Wang Guangzhou]. 独生子女死亡总量及变化趋势研究 [Study on the Total Number of Deceased Only Children and Changing Trends]. 中国人口科学 [*Chinese Journal of Population Science*]. 2013. No. 1. Pp. 57–65. (In Chin.).

22. 王广州 [Wang Guangzhou]. 中国失独妇女总量, 结构及变动趋势计算机仿真研究 [Research Using Computer Simulation for the Population Size, Age Structure and Developing Trend of Women who Lost an Only Child]. 人口与经济 [*Population Economics*]. 2016. No. 5. Pp. 1–11. (In Chin.).

23. Bray, M. *Shadow Education: Private Supplementary Tutoring and Its Implications for Policy Makers in Asia* / M. Bray, Ch. Lykins. Manila : Asian Development Bank, 2012. 114 p. ISBN 978-92-9092-659-7.

Bio note:

Ye Wang, post-graduate, Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS; Commercial Director, VLV GROUP LLC, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: towangye@126.com; ORCID ID: [0009-0009-2706-0509](https://orcid.org/0009-0009-2706-0509); RSCI Author ID: [1208791](https://orcid.org/1208791).

Received on 31.05.2023; accepted for publication on 03.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.3)EDN [SVLYKX](https://www.edn.ru/SVLYKX)

ФАКТОРЫ СЕПАРАЦИИ МОСКОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ ОТ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Новикова В. С.

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: v1ctorr1a@mail.ru

Для цитирования: Рославцева, М. В. Факторы сепарации московской молодежи от родительской семьи / М. В. Рославцева, В. С. Новикова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 43–56. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.3). EDN [SVLYKX](https://www.edn.ru/SVLYKX).

Аннотация. Процесс сепарации от родительской семьи – неотъемлемая часть процесса социализации, в ходе которого индивид учится перерабатывать и воспроизводить ранее усвоенные социальные практики. Причем результат такого социально-психологического процесса напрямую влияет на степень зрелости и самостоятельности личности. В статье анализируется процесс сепарации московской молодежи от родительской семьи. Целью исследования является, с одной стороны, раскрытие понятия «сепарация» в социологическом ключе, а с другой – обнаружение факторов, влияющих на процесс сепарации подрастающего поколения. Также в работе формулируется разделение факторов сепарации от родительской семьи на макро- и микроуровни. В рамках теоретического обзора анализируются социологические труды, изучающие социализацию молодежи и семейную социализацию; психологические труды, раскрывающие суть процесса сепарации от родительской семьи. Выделяются ключевые аспекты внешней и внутрисемейной среды, обуславливающие приобретение автономии и зрелости. Выдвигается гипотеза о влиянии семьи, ее материального положения, жилищных условий и характера отношений, равно как пола и возраста представителей молодежи на приобретение автономии. Отдельно изучается внутренняя сепарация как процесс приобретения эмоциональной автономии, и внешняя, суть которой заключается в смене ролевого набора и оформлении поведенческой независимости. Для проверки предполагаемых взаимосвязей авторами проводится эмпирическое исследование молодежи Москвы методом онлайн-опроса с выборкой 324 человека, в результате которого выявляются факторы внутренней сепарации: состав семьи (наличие матери), теплота отношений в семье. Последний аспект особенно влияет на становление личности, но в то же время мешает выработке молодежью собственных жизненных целей. Внешняя сепарация обусловлена материальным положением семьи, полом, возрастом респондента, наличием у него работы. В целом и внутренняя, и внешняя сепарация несколько ярче выражена у мужчин в возрасте от 26 до 30 лет: они чаще трудоустроены, имеют независимость суждений и более приспособлены к бытовому самообслуживанию. В то же время женщины испытывают трудности в приобретении эмоциональной автономии: реже чувствуют уверенность в принимаемых решениях, чаще боятся разочаровать родителей и советуются с ними. Полученные в ходе исследования результаты могут быть применены учеными, изучающими процесс взросления, психологами для проведения частной и семейной терапии, государственным деятелями в рамках планирования молодежной и демографической политики. Тема исследования имеет перспективу дополнительного изучения с помощью качественных социологических методов, позволяющих более детально раскрыть суть взаимоотношений родительской семьи и их взрослеющих детей.

Ключевые слова: сепарация; автономия личности; родительская семья; молодежь; социализация; индивидуализация.

Введение

Процесс сепарации от родительской семьи является неотъемлемой частью процесса социализации, в ходе которого индивид учится перерабатывать и воспроизво-

доть ранее усвоенные социальные практики [1, с. 198]. Результат этого социально-психологического процесса напрямую влияет на степень зрелости и самостоятельности личности.

Семья как агент первичной социализации играет ключевую роль в формировании норм, ценностей и моделей поведения подрастающего поколения. Т. Парсонс отмечает: «Поскольку человеческая личность не рождается, а «делается» в процессе социализации, постольку именно семья становится необходимостью» [2, с. 229].

Современные тенденции нуклеаризации, конъюгализации и индивидуализации трансформируют систему семейных ценностей, что влияет на сепарационное поведение молодежи. Завершающей жизненной стадией новых семей нуклеарного типа является, как пишет представитель фамилистской парадигмы А. И. Антонов, «пустое гнездо» – ситуация, в которой родители остаются жить одни, а повзрослевшие дети отдаляются от них физически и духовно [3, с. 94]. В то же время происходит редукция первых двух элементов из триединой основы семьи: «родства-родительства-супружества», преобладании последнего. Индивидуализация же характеризуется смещением «центра общения с совместного супружества на формы внесемейного и внесупружеского, одиночно-индивидуального образа жизни, где преобладают ценности эгоцентрического существования» [3, с. 136].

Таким образом, сепарация от родительской семьи раскрывается как двойственный процесс в рамках современных тенденций. Молодежь стремится отдалиться от родителей физически и духовно. Однако отказ от расширения ролевого набора в сторону ценности эгоцентрического существования противоречит цели и завершающей стадии сепарационного процесса. Эта особенность раскрывается в термине «кидалтизм», который означает стремление молодежи сохранить свой статус ребенка без принятия дополнительной ответственности и соответствия набору социальных ролей, характерному для взрослого индивида [4].

В сфере воспроизводства населения, в том числе и в России, ситуация описывается в теории «второго демографического перехода» [5]. Снижение уровня смертности населения, в частности в детском возрасте, приводит к тому, что процесс деторождения в настоящее время не выражен в виде многодетности. Следовательно, для воспроизводства населения нет необходимости в прежних темпах уровня рождаемости.

На практике описанные тенденции выражаются в динамике демографических показателей: сдвиге в большую сторону возраста вступления в брак, рождения первого и последующих детей и т. д. Как отмечает А. В. Носкова, «противоречие между демографическими потребностями общества и репродуктивными желаниями семьи и индивида ... породили острые проблемы в сфере рождаемости» [6, с. 10]. М. В. Вдовиной с рядом соавторов было проведено исследование готовности женщин репродуктивного возраста к патронатному воспитанию. Были опрошены респонденты в возрасте с 18 до 50 лет. В результате опроса было выявлено, что из них «в браке состоят 39% респондентов, 46% не состоят, 15% проживают совместно с партнером без заключения брака» [7, с. 21].

Изучение факторов сепарации позволит объяснить механизм взросления человека, что важно для стабилизации демографической ситуации в стране, поскольку только взрослый индивид способен принять на себя ролевой набор супруга и родителя. Данную точку зрения обосновывает Н. Е. Харламенкова в ходе исследования психологической сепарации: «для того, чтобы выбор был осознанным, стал отправной точкой развития успешного профессионала и счастливого семьянина, молодому

человеку необходимо проявить известную долю независимости, самостоятельности. Такой выбор возможен лишь в том случае, если молодой человек обладает внутренней независимостью, ответственностью ... может существовать психологически автономно от родителей» [8, с. 194].

Теоретические основы изучения процесса сепарации от родительской семьи

Сепарация от родительской семьи тесно связана с процессом социализации личности. Это явление активно исследовала Г. М. Андреева, говоря об активности позиции личности и расширении каталога деятельности как основы усвоения социальных норм [1, с. 214]. Она разделяла социализацию на три стадии: дотрудовую, трудовую и послетрудовую. Первый этап включает в себя два уровня: период от рождения до начала учебы и период обучения. Описывая трудовую стадию, Г. М. Андреева отмечала, что ее границы используются для определения периода зрелости человека [1, с. 218]. В ходе профессиональной реализации происходит усвоение нового опыта и воспроизводство уже накопленных навыков. В рамках данного исследования нас интересует переход молодежи с первого этапа на второй.

Процесс социализации подразделяется также по возрастным периодам. В этом плане для нас интерес представляет результирующая социализация молодежи периода перехода от юности к взрослости (зрелости). Молодые люди к окончанию периода юности должны выстроить чувство Я, сформулировать свой ролевой набор. Чаще всего данный процесс завершается к 18–21 годам [9, с. 285]. В этом возрастном диапазоне для расширения ролевого набора индивиду необходимо начинать процесс сепарации от родительской семьи.

Сепарацию принято разделять на два аспекта: внутреннюю (связанную с разрывом прежних паттернов поведения, формированием собственной системы ценностей, чувства уверенности в принимаемых решениях) и внешнюю (выражающуюся в обретении поведенческой независимости) [8]. Такое разделение послужило методологическим основанием для проведения авторского исследования в целях разработки системы показателей сепарационного процесса молодежи. Н. Е. Харламенкова раскрывает сепарацию как «процесс, в который личность включена в течение всей своей жизни ... это процесс становления себя, своей самобытности в кругу людей, в тесном взаимодействии с ними» [8, с. 8]. Данная трактовка принимается в качестве рабочего определения, поскольку оно не акцентировано исключительно на психологических аспектах сепарации и тесно связано с описанным выше процессом социализации.

Авторами настоящей статьи было выдвинуто разделение факторов сепарации от родительской семьи на макро- и микроуровни. Предпосылки смены приоритетов в молодежной среде с сохранения семейного образа жизни на рост независимости прослеживаются в работах классиков социологии и выступают макрофакторами исследуемого процесса.

Характеризуя переход общества от механической к органической солидарности, Э. Дюркгейм актуализирует рост независимости личности от коллективного сознания (в первую очередь от традиций и семьи) в сторону профессиональной и творческой реализации [10]. Г. Зиммель дополняет его предпосылкой всеобщей ценности индивидуальности [11], делая акцент на том, что разделение труда и конкуренция позволяют индивиду полностью проявить свои способности, так как существует подходящее именно ему место.

В то же время происходит рост рационализации, который формирует «правильный» образ жизни, устанавливая порядок и ограничения. Ю. Хабермас описывает данный процесс как «вторжение системы в жизненный мир» [12]. В ходе сепарации этот процесс выражается в том, что молодой человек вынужден следовать заранее прописанной образовательно-карьерной траектории. Ему необходимо пройти несколько ступеней образования и сориентироваться на поиск удовлетворяющей его работы. Таким образом, необходимость вкладываться в качественные показатели детей (интеллект, знание, умения и т. д.) обеспечивает большую вовлеченность родителей в процесс их воспитания. Что осложняет процесс сепарации, поскольку процесс становления личности затягивается, а выбор жизненной траектории предопределен нормами системы.

Как пишет А. Турен, к концу XX века мы переходим скорее к «ускоренному авангардизму», в котором стремимся найти баланс между свободой самовыражения и рациональным устройством жизни [13]. Другими словами, сепарация для подрастающего поколения превращается в дихотомию выбора: молодой человек либо сепарируется и ищет себя, либо живет в семье, следует ее правилам, помогает ей, ведет совместный быт и разделяет процесс принятия решений.

Для выявления микрофакторов сепарации от родительской семьи необходимо изучать труды в рамках психологической науки, так как они наиболее полно раскрывают процесс смены внутреннего восприятия в отношениях родителя и взрослеющего ребенка. Ранние работы, посвященные сепарации, были связаны с физическим разделением матери и младенца [14]. Г. Левальд же смещает фокус исследования с родительского объекта на характер отношений, поддерживаемых с ребенком [15]. С его точки зрения, личность ребенка закладывается в процессе усвоения моделей поведения с самого раннего детства. В этой работе интерес представляет воздействие периода раннего детства на формирование взрослой личности и ее сепарацию. Психолог М. Малер пишет, что процесс индивидуации, который описывал К. Юнг, продолжается на протяжении всей жизни. В ходе него человек осознает себя отдельной личностью, имеющей свободу индивидуального выбора [16]. Процесс внутренней сепарации связан с решением противоречия: растущий ребенок нуждается в сохранении связи с фигурой значимого взрослого, но ему необходимо утвердить свое понимание мира. Для разрешения такого конфликта необходимо наличие автономности у самих родителей, а также надежного типа связи между ними и ребенком.

Исследователи разделяют сепарацию в юношеском возрасте от стадии зрелости, так как эти этапы отличаются по смыслу задач. В. Перри отмечает, что в ходе обучения мировоззрение студентов трансформируется в пользу восприятия множества противоречивых точек зрения с последующим формированием собственной [17]. Аспектом внутренней сепарации является эмоциональная автономия. Р. Райан и Дж. Линч установили, что высокий уровень эмоциональной автономии свидетельствует не об успешном протекании сепарации, а об отсутствии эмоциональной связи и поддержки со стороны родителей [18]. Кроме того, К. Рис и др. констатировали, что девушкам сложнее обрести психологическую независимость от родителей [19]. Дж. Маттана и др. в ходе своего исследования выяснили, что индивиды сильнее привязаны к своим матерям, чем к отцам [20]. Описанные работы послужили методологическим основанием для авторского исследования.

Взрослость выражается в том, что молодой человек к 30-летнему возрасту интегрировал сферы своей жизни, отвечая за события своей жизни. С. Ли и Х. Грамотнев

подчеркивают, что сепарация является длительным процессом, активизирующимся именно в период наступления зрелости человека во внутреннем и внешнем проявлении [21]. На данном этапе новые ролевые наборы невозможно совмещать с прежними моделями поведения. Это приводит к кризису и пересмотру жизненных идеалов и стремлений. Выходом становится поиск большей автономности, перемены в профессии и личной жизни.

Важным в изучении сепарации в зрелом возрасте является понятие привязанности. Дж. Боулби предложил его первое теоретическое осмысление как эмоциональной связи между ребенком и матерью, дающей чувство защищенности и безопасности [22]. Аналогичными исследованиями занималась М. Эйнсворт, выделившая четыре типа привязанности: надежный, избегающий, амбивалентный и дезорганизованный в зависимости от наличия или отсутствия чувства безопасности [23].

Схожим по определению с сепарацией является понятие автономии. Э. Дэси и Р. Райан определяют ее как возможность человека действовать из глубинного ощущения себя, самому инициировать и контролировать свою деятельность [24]. Авторы фиксируют три вида личностной ориентации: автономная, подконтрольная и безличная. Человек, имеющий автономную ориентацию деятельности осознает свои желания и чувства, последствия деятельности. К. Роджерс выделяет пять черт «полноценно функционирующих людей»: готовность к проживанию новых ситуаций, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, практически выраженную свободу и оригинальность [25].

Методология и методы исследования

Теоретический анализ позволяет выявить аспекты сепарации и факторы, влияющие на ее протекание. Их следует разделять в зависимости от внешней или внутренней стороны процесса сепарации. С одной стороны, речь идет о переезде от родительской семьи, обретении финансовой и поведенческой независимости. С другой, рассматривается эмоциональная автономия личности, которая выражается в уверенности в принимаемых решениях, выработке собственной системы взглядов [26]. Далее исследуются ключевые факторы сепарации: семейная ситуация, состав семьи, ее материальное положение, уровень теплоты и доверия в ней, социально-демографические характеристики самого респондента [27].

В процессе анализа необходимо было оценить состояние сепарационного процесса респондента, а затем выявить, какие из факторов на него повлияли. Для реализации поставленной цели был выбран метод анкетного онлайн-опроса, позволивший структурировать факторы и аспекты сепарации, проверить наличие связи между ними. Инструментарий включал 31 вопрос по трем тематическим блокам в зависимости от факторов и аспектов проявления сепарационного поведения.

Первоначальным был блок вопросов о семье респондента, ее материальном и эмоциональном благополучии. Этот блок выступал в качестве факторов сепарации. Внешние проявления сепарации выявлялись через ответы на вопросы об имеющемся ролевом наборе интервьюируемого и планах на жизнь, таких как переезд, поиск работы и создание семьи. Эмоциональная автономия респондента и ее уровень раскрывались с помощью ответов на вопросы об ориентирах при принятии важных решений, о потребностях разделять переживания с кем-то из окружения, в том числе с родительской семьей, а также из ответов на вопросы о том, считают ли опрашиваемые авторитетом своих родителей, насколько разделяют их идеалы, боятся ли их

разочаровать. Заключительным стал блок вопросов о социально-демографическом портрете респондента.

Генеральной совокупностью исследования выступила московская молодежь в возрасте от 18 до 30 лет ($N = 1\,851\,491$)¹. Выборочная совокупность при 95% доверительном интервале составила 384 человека. Переход с генеральной на выборочную совокупность осуществлялся с помощью квотного типа выборки (целенаправленный отбор). Подбор респондентов производился на основе критериев по полу (процентное соотношение мужчин и женщин), возрасту (от 18 до 30 лет) и территориальному признаку (проживание в Москве). Анкетирование проводилось с февраля по июль 2023 г. Отбор респондентов происходил методом уличного опроса, с предложением перейти по ссылке на анкету. Кроме того, поиск участников исследования осуществлялся в онлайн-сообществах.

Результаты

После изучения полученных данных и фильтрации анкет выборка составила 324 человека в возрасте от 18 до 30 лет. Принявшие в опросе молодые москвичи были разбиты на следующие возрастные группы: 18–22 лет, 23–25 лет и 26–30 лет. Распределение по возрасту составило 29,9%, 28,4% и 41,7% соответственно. Структура выборки включала 55,9% женщин и 44,1% мужчин. Подавляющая часть респондентов оказалась с высшим образованием (40,1% – бакалавриат, 34,6% – специалитет или магистратура). Большинство опрошенных работает – 42,6%, 38,3% совмещают работу и учебу, а 16,0% только учатся.

Респондентам был предложен блок вопросов, раскрывающих их жизненные стратегии. Согласно полученным ответам, 67,9% уже устроились на работу, 28,1% планируют выйти на работу, а 4,0% отказываются от этого в перспективе на ближайшие 3–5 лет. Выход на рынок труда имеет прямую корреляцию средней силы с возрастом и чуть меньшую с полом (коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s) 0,333 и 0,260 соответственно).

Устройство на работу оказывает небольшое влияние на уверенность молодого человека в его решениях ($r_s = 0,137$) и меньший страх разочаровать родителей ($r_s = 0,198$). Люди, которые планируют переезд ($r_s = 0,172$) или ищут работу ($r_s = 0,160$), реже склонны делиться своими переживаниями с родителями, предпочитая для этого друзей и партнера. На таких примерах прослеживается взаимосвязь внутренней и внешней сепарации. А именно: начало трудовой деятельности обеспечивает эмоциональную автономию.

Построение жизненных планов респондентов взаимосвязано. Если молодой человек планирует устраиваться на работу, то это сопровождается переездом из родительского дома или наличием подобных планов ($r_s = 0,231$). На решение переехать от родителей также влияет возраст ($r_s = 0,248$). При этом люди, стремящиеся найти работу или съехать от родителей, лучше владеют бытовыми навыками ($r_s = 0,300$ и $0,234$). Переехать из родительского дома хотят 31,2% участников опроса, примерно 60,0% уже переехали, а чуть более 10,0% не планируют этого в обозримом будущем.

Молодые люди также отвечали на вопрос о том, с кем они в настоящее время проживают. Из их ответов стало ясно, что 40,7% опрошенных все еще живут совместно

¹ Итоги ВПН-2020. Том 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Росстат : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno_polovoj_sostav_i_sostoyanie_v_brake (дата обращения: 27.06.2023).

с родителями, 32,7% проживают одни, около четверти переехали к супругу/партнеру и 3,0% проживают с друзьями (совместный съем жилья или общежитие). Кроме того, был задан дополнительный вопрос о происхождении места проживания. При ответе на него 36,7% указали на то, что проживают на территории родителей, почти 30,0% снимают жилье, 20,4% имеют собственное, 7,7% ответили, что живут в месте, которое им купили или снимают родители. Таким образом, около половины московской молодежи не имеет собственного жилья, что может быть объяснено сложностью решения жилищного вопроса в целом.

Была выдвинута гипотеза о том, что менее благоприятные жилищные условия ускоряют процесс внешней сепарации. Почти 60,0% заявили, что в их родительской семье каждый имел свою комнату. Чуть менее четверти опрошенных отметили, что в квартире много свободного места, и только у 17,0% проживало по несколько человек в комнате. При проверке гипотезы была обнаружена прямая слабая связь между качеством жилищных условий и планами на переезд ($r_s = -0,118$). Наличие комфортных жилищных условий не вынуждает московскую молодежь съезжать от родительской семьи.

Материальное положение семьи также имеет обратную связь с планами молодежи на переезд ($r_s = -0,141$): чем беднее семья, тем большее число молодых людей съезжает от родителей. Материальное положение родительской семьи 41,4% респондентов описали так: «Нам хватает денег на крупную технику, но покупка автомобиля – уже проблема». Чуть более четверти семей могут позволить себе все, кроме таких вещей как дача или квартира, а 12,7% не испытывают никаких финансовых затруднений.

Еще одним проявлением смены ролевого набора является построение серьезных отношений и вступление в брак. В отношениях уже состоит 21,0% опрошенных, планируют сделать это около 50,0%, а отказываются от подобных планов 29,6%. Наличие в родительской семье бабушек/дедушек ($r_s = 0,114$), братьев и сестер ($r_s = 0,152$) несколько повышает вероятность того, что молодежь будет строить планы на брак/серьезные отношения. Если ребенок с детства видит в качестве примера модель расширенной семьи, то уровень доверия к институту семьи выше.

Наличие нестесненных жилищных условий у родителей имеет обратную связь со стремлением молодежи к вступлению в брак или серьезные отношения ($r_s = -0,125$). Свободное место в квартире родителей не мотивирует молодежь к переменам в жизни. Теплота в отношениях с родителями имеет слабую, но также отрицательную связь с планами на серьезные отношения/брак ($r_s = -0,112$). Молодежь, имея опору и поддержку в виде родителей, меньше смысла видит в поиске значимого другого в виде партнера. В случае если у респондента уже есть серьезные отношения/вступил в брак, в первую очередь он разделяет эмоциональные моменты жизни именно с этим человеком ($r_s = 0,174$). Мало того наличие партнера снижает авторитет родителей/старших членов семьи в глазах молодых людей ($r_s = 0,188$), что говорит о пересмотре значимости родительской фигуры.

Достаточно сильную взаимосвязь имеют планы завести серьезные отношения и планы на рождение ребенка ($r_s = 0,450$). Чаще планируют отношения и детей те, кто уже имеют приличный доход ($r_s = 0,213$ и $r_s = 0,162$ соответственно). Планировать детей склонны больше женщины, чем мужчины ($r_s = -0,141$). Среди опрошенных 62,3% не планируют заводить ребенка в течение 3–5 ближайших лет, почти 32,0% планируют это сделать, и только 6,0% опрошенных уже стали родителями.

Наличие братьев и сестер в семье заметно влияет на планы молодежи о рождении детей ($r_s = 0,246$). Проживание в детстве с другими родственниками также имеет слабую прямую связь с планами молодежи на рождение детей ($r_s = 0,143$). Так, расширенная модель родительской семьи стимулирует молодых людей к созданию собственной семьи. На планы завести детей негативно влияет переезд от родителей ($r_s = -0,144$): те, кто проживают с родительской семьей, более уверены в том, что заведут детей в предстоящие 3–5 лет. Это можно объяснить тем, что проживающие с родителями молодые люди при рождении ребенка могут рассчитывать на их помощь. В то же время молодежь в возрасте ранней зрелости не всегда более готова к появлению детей ($r_s = -0,130$). Это говорит о том, что чем старше молодые люди, тем меньше они видят рождение детей своей жизненной перспективой, что может свидетельствовать о кидалтизме.

Внешняя сепарация опять-таки предполагает наличие навыков к самообслуживанию: 92,3% самостоятельно могут убираться, 7,4% нуждаются в помощи или подсказке при уборке. Чуть меньше участников опроса (88,0%) готовят совершенно самостоятельно, 10,8% нуждаются в помощи и 1,2% не умеют готовить вообще. Больше затруднений вызывает мелкий бытовой ремонт: 59,3% могут осуществить его сами, 33,3% нужна помощь и 7,4% полностью не владеют такими навыками. Простой бытовой задачей для молодежи оказалось совершение покупок: самостоятельно в этом вопросе 92,3%. Молодежь, как правило, в схожей мере обладает всеми бытовыми навыками. Однако на все навыки самообслуживания прямо влияет возраст респондента. Так, степень владения бытовым ремонтом и возраст имеют прямую среднюю по силе связь ($r_s = 0,305$). Примерно в 70,0% случаев молодежь владеет большинством навыков, но затруднения у них вызывают вопросы ремонта, этот навык также имеет гендерную и возрастную обусловленность. В первую очередь навык ремонта лучше развит у мужчин ($r_s = 0,396$).

Далее следовал блок вопросов, посвященных аспектам внутренней сепарации. Респондентам предлагалось оценить степень теплоты отношений в родительской семье по десятибалльной шкале. Так, 13,9% в сумме оценили свои отношения в семье по уровню теплоты на 1–4 балла, 33,3% ответов оказались в диапазоне 5–7 баллов, но больше половины респондентов (52,8%) дали высшую оценку таким отношениям – 8–10 баллов. Внесем некоторую ясность: благоприятное влияние на теплоту отношений в семье оказывают жилищные условия ($r_s = 0,210$).

Уровень теплоты в семье крайне сильно влияет на большинство переменных, связанных с внутренней сепарацией личности: на понимание своих родителей, восприятие их как друзей ($r_s = 0,447$), на авторитет родителей у детей ($r_s = 0,537$) и на страх их разочаровать ($r_s = 0,349$). Следовательно, теплота не всегда благоприятствует сепарации т. к. не способствует выработке собственных жизненных взглядов у молодых людей. Оценка теплоты в семье связана с полом: мужчины более склонны к указанию высокого уровня теплоты в родительской семье ($r_s = 0,204$).

Чаще всего уровень свободы в своем воспитании участники опроса оценивают на пять (19,1%) или на три балла (17,0%). Максимальный уровень свободы (8–10 баллов) отмечают в сумме 11,1%, минимальный (1–3 балла) – 23,8%. Теплота имеет слабую отрицательную связь с уровнем свободы в семье ($r_s = -0,115$). Соответственно, теплота зачастую сопровождается контролем за детьми.

Уровень контроля/свободы в семье также оказывает прямое влияние на страх разочаровать родителей ($r_s = 0,246$). На вопрос о страхе разочаровать своих родите-

лей/старших членов семьи 46,0% ответили, что испытывают его, а почти 40,0% – что опасений не имеют, 14,2% затруднились с ответом. Наблюдается корреляция с полом и возрастом: чем старше респондент, тем меньше он переживает по поводу мнения родителей, при этом чаще такая проблема волнует женщин.

Среди участников опроса около 74,0% чувствует уверенность в принимаемых решениях, а 12,3% заявили об обратном. Почти 14,0% с ответом затруднились, что может свидетельствовать о сложностях внутренней сепарации. Уверенность в действиях обретается с возрастом ($r_s = 0,158$) и чаще проявляется у мужчин ($r_s = -0,145$), что подтверждает гипотезу о меньшей эмоциональной автономии женщин. Проживание на отдельной от родителей жилплощади и владение бытовыми навыками имеет слабую прямую связь с чувством уверенности. Кроме того, небольшое влияние на уверенность молодого человека в его решениях ($r_s = 0,137$) оказывает трудоустройство. Эти связи, несомненно, являются подтверждением важности внутренней сепарации, а затем уже ее внешнего выражения. В то же время жилищные условия родительской семьи положительно влияют на уверенность в принимаемых молодежью решениях ($r_s = 0,243$). Чувство уверенности к тому же связано с тем, что молодежь начинает лучше понимать своих родителей ($r_s = 0,133$).

Свидетельствовать о взрослении может такой факт, что дети стали лучше понимать своих родителей. Об этом сказали 70,2% респондентов, в то время как 17,0% ответили отрицательно, и почти 13% затруднились ответить. Наличие матери влияет на то, что ребенок лучше понимает родителей во взрослом возрасте ($r_s = 0,256$). Этот вопрос положительно коррелирует с уверенностью молодежи в своих решениях ($r_s = 0,133$). Также присутствует связь со страхом разочаровать родителей ($r_s = 0,207$).

Аспектом внутренней сепарации, по В. Перри, является формирование собственных убеждений и идеалов. На вопрос о том, являются ли родители авторитетом и эталоном поведения, большинство (43%) заявило «скорее нет», 39% указали на то, что родители не единственный авторитет, 11,7% однозначно так не считают, а 6,5% безусловно считают своих родителей авторитетом. Жилищные условия оказывают благоприятное влияние на авторитет родителей у выросших детей ($r_s = -0,167$). Имеется прямая корреляция средней силы между авторитетом родителей и страхом разочаровать их ($r_s = 0,311$). Это говорит о том, что люди, которые менее внутренне автономны, склонны давать схожие ответы на вопросы о внутренней сепарации.

Об эмоциональной автономии свидетельствует наличие значимых социальных связей во взрослой жизни человека. Основная масса участвовавших в опросе молодых москвичей (40,7%) по-прежнему ищет совета у родителей или старших членов семьи, 21,0% обсуждает проблемы с друзьями, почти столько же – с супругом или партнером, почти 18,0% отрицают, что нуждаются в чьей-либо помощи при принятии решений. Это может свидетельствовать об описанной Р. Райан и Дж. Линч эмоциональной оторванности, связанной с отсутствием эмоциональной связи с родителем в детстве. Наличие матери коррелирует с тем, что выросший ребенок чаще советуется со своими родителями ($r_s = -0,127$). В довершение всего отметим, что женщины чаще мужчин склонны советоваться с родителями и партнерами.

При ответе на вопрос, с кем они готовы разделить эмоциональные моменты своей жизни, респонденты сообщили, что в 36,2% случаев они делятся переживаниями с друзьями, 29,8% готовы обратиться к родителям, 28,2% к супругам или партнерам, и только 6,0% ни с кем не разделяют эмоциональные моменты. Следовательно, более 60,0% опрошенных приобрели значимые социальные связи за пределами роди-

тельской семьи и эмоциональную автономию от родителей. Была обнаружена связь средней силы между тем, с кем люди советуются, принимая решения и тем, с кем они делятся переживаниями: это как правило одни и те же люди ($r_s = 0,502$).

Заключение

На основе теоретического обзора были описаны основные тенденции общественного развития, влияющие на процесс сепарации, которые выступают макрофакторами изучаемого явления. Так, была изучена суть процесса индивидуализации, которая нашла свое отражение в теоретическом предположении о стремлении молодежи к самореализации и отказу от семейных норм и правил.

В свою очередь были выделены микрофакторы, влияющие на процесс сепарации: семейная ситуация (характер отношений в семье, ее состав, материальные и жилищные условия), пол, возраст, ведущая деятельность (работа/обучение). Анализ таких факторов показал, что состав семьи оказывает влияние на сепарацию: наличие матери в семье обуславливает лучшее понимание родителей во взрослом возрасте, а наличие братьев/сестер повышает шанс того, что молодые люди будут планировать завести детей. Улучшенные материальные и жилищные условия негативно сказываются на планах молодежи к переезду от родительской семьи, т. е. осложняют внешнюю сепарацию, что подтверждает авторскую гипотезу.

Теплота отношений в семье не всегда способствует внешней и внутренней сепарации, поскольку не мотивирует молодых людей к поиску «значимого другого» вне родительской семьи. При этом уровень теплоты сильно связан с авторитетом родителей и наличием страха их разочаровать. В то же время теплота отношений в семье способствует уверенности молодых людей в принимаемых решениях, так как обеспечивает им поддержку.

Смена ролевого набора молодежи происходит комплексно: поиск работы осуществляется наряду с переездом от родителей, а планы на серьезные отношения коррелируют с желанием завести детей. Переезд от родителей и начало трудовой деятельности имеют связи с большим числом аспектов сепарации, выступая и ее проявлениями и факторами одновременно. Наблюдается трансформирующая роль этих двух жизненных решений, особенно среди мужчин 26–30 лет. Была обнаружена слабая обратная связь между возрастом молодых людей и планами на рождение детей: это является показателем неготовности молодежи периода ранней взрослости к принятию дополнительной ответственности и смене ролевого набора. Примерно 70,0% молодых москвичей одинаково хорошо владеют всеми навыками ведения быта, лишь совершение мелкого бытового ремонта вызывает чуть большее затруднение. Этим умением чаще обладают более взрослые мужчины.

Проживание отдельно от родителей и бытовая самостоятельность также сказываются на чувстве уверенности. Внешняя сепарация развивает навык принятия решений и повышает уверенность в своем решении. Уверенность в действиях обретается с возрастом и чаще проявляется у мужчин. Около 60,0% опрошенных не обращаются за советом и поддержкой к родителям, и таким образом приобрели эмоциональную автономию от них. В то же время чуть более 70,0% отмечают лучшее понимание своих родителей и того, что они стали им друзьями. Однако те, кто указали на это, также склонны чаще испытывать страх разочаровать родителей, что говорит о неполной внутренней сепарации. Страх разочаровать родителей менее выражен с возрастом и чаще присутствует у женщин. Причем женщины чаще советуются с родителями и/

или партнерами. Такие выводы подтверждают гипотезу о меньшей эмоциональной автономии женщин.

В заключение подчеркнем, что выдвинутые гипотезы о связи сепарации с особенностями семейной ситуации и полом подтвердились. Мало того поиск работы и переезд от родителей можно считать отправным пунктом для появления остальных, в том числе и внутренних, аспектов сепарации. Полученные результаты являются первым шагом в социологическом изучении сепарации молодежи от родительской семьи. Интерес представляют более глубокие исследования отношений молодежи с родителями, уровень самостоятельности, близость или удаленность проживания от них. Сформулированные выводы дают обширную возможность для их проверки и уточнения качественными методами, которые несомненно лучше подходят для уточнения эмоциональных связей и планов респондентов.

Список литературы

1. Андреева, Г. М. Социальная психология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология». Москва : Аспект Пресс, 2009. 362 с. ISBN 978-5-7567-0274-3.
2. Parsons, T. Family, Socialization and Interaction Process / T. Parsons, R. Bales. Glencoe : Free Press, 1955. 422 p. ISBN 0-415-17647-6.
3. Социология семьи : учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Социология» / [А. И. Антонов и др.]. Москва : ИНФРА-М, 2010. 636 с. ISBN 978-5-16-003785-1. EDN [QODLHX](#).
4. Карпов, В. А. Кидалтизм как социальный феномен // Социальные процессы современной России / Под общей редакцией проф. З. Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Нижний Новгород : изд-во НИ-СОЦ, 2020. С. 506–509. ISBN 978-5-93116-223-2. EDN [AQPTBI](#).
5. Aries, P. Two Successive Motivations for the Declining Birth Rate in the West // Population and Development Review. 1980. Vol. 6, №. 4. Pp. 645–650. DOI [10.2307/1972930](#).
6. Носкова, А. В. Семья в современном мире: меняющиеся контексты и вызовы // Современная семья: изменяющиеся смыслы и практики: сб. научных трудов (13–14 мая 2019 г.) / под ред. Ю. А. Зубок, Т. Н. Каменевой. Курск : Курск. гос. ун-т, 2019. С. 9–13. ISBN 978-5-88313-943-6. EDN [RDLWMI](#).
7. Вдовина, М. В. Социологическое исследование готовности женщин репродуктивного возраста к патронатному воспитанию / М. В. Вдовина, М. В. Фирсов, А. В. Карпунина, Е. В. Фомина // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 18–25. DOI [10.24158/tipor.2023](#). EDN [IHRJPU](#).
8. Харламенкова, Н. Е. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы / Н. Е. Харламенкова, Е. В. Кумыкова, А. К. Рубченко. Москва : Институт психологии РАН, 2015. 367 с. ISBN 978-5-9270-0298-6. EDN [TVEKUZ](#).
9. Деркач, А. А. Акмеология : Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. Москва : Питер, 2003. 252 с. ISBN 5-314-00082-2. EDN [QXGVNZ](#).
10. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва : Наука, 1991. 572 с. ISBN 5-02-013399-X.
11. Зиммель, Г. Социальная дифференциация : Социол. и психол. исслед. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1909. 323 с.
12. Кимелев, Ю. А. Концепция общества Юргена Хабермаса / Ю. А. Кимелев, Н. Л. Полякова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: социология. 1997. № 2. С. 3–24.
13. Турен, А. Возвращение человека действующего : Очерк социологии. Москва : Науч. мир, 1998. 203 с. ISBN 5-89176-042-8.
14. Юнг, К. Г. Психология бессознательного. Москва : Канон+, 1998. 397 с. ISBN 5-15-001035-9.
15. Loewald, H. Instinct Theory, Object Relations and Psychic Structure Formation // Journal of American Psychoanalytic Association. 1978. No. 26. Pp. 493–506. DOI [10.1177/000306517802600302](#).
16. Малер, М. С. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / М. С. Малер, Ф. Пайн, А. Бергман. Москва : Когито-Центр, 2011. 411 с. ISBN 978-5-89353-333-0. EDN [SDSHCV](#).

17. Perry, W. G. Forms of Intellectual and Ethical Development in the College Years : a scheme. New York : Holt, Rinehart&Winston, 1970. 256 p. ISBN 03-081326-3.
18. Ryan, R. M. Emotional Autonomy Versus Detachment: Revisiting the Vicissitudes of Adolescence and Young Adulthood / R. M. Ryan, J. H. Lynch // Child Development. 1989. Vol. 60, No. 2. Pp. 340–356. DOI [10.2307/1130981](https://doi.org/10.2307/1130981).
19. Lapsley, D. K. Psychological Separation and Adjustment to College / D. K. Lapsley, K. G. Rice, G. E. Shadid // Journal of Counseling Psychology. 1989. Vol. 36, No. 3. Pp. 286–294. DOI [10.1037/0022-0167.36.3.286](https://doi.org/10.1037/0022-0167.36.3.286).
20. Mattanah, J. F. Parental Attachment, Separation Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects / J. F. Mattanah, G. R. Hancock, B. L. Brand // Journal of Counseling Psychology. 2004. Vol. 51, No. 2. Pp. 213–225. DOI [10.1037/0022-0167.51.2.213](https://doi.org/10.1037/0022-0167.51.2.213).
21. Lee, Ch. Life Transitions and Mental Health in a National Cohort of Young Australian Women / Ch. Lee, H. Gramotnev // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43, No. 4. Pp. 877–888. DOI [10.1037/0012-1649.43.4.877](https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.4.877).
22. Боулби, Дж. Привязанность. Москва : Гардарики, 2003. 447 с. ISBN 5-8297-0138-3.
23. Ainsworth, M. D. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation / M. D. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. Wall. Hillsdale : Erlbaum, 1978. ISBN 978-1-848-72681-9.
24. Ryan, R. M. Overview of Self-determination Theory: An Organismic Dialectical Perspective / R. M. Ryan, E. L. Deci // Handbook of Self-determination Research [ed. E. L. Deci, R. M. Ryan]. Rochester : The University of Rochester Press, 2002. Pp. 3–33. ISBN 1-58046-108-5.
25. Роджерс, К. Становление личности. Взгляд на психотерапию. Москва : ИОИ, 2017. 237 с. ISBN 978-5-88230-349-4.
26. Hoffman, J. A. Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. Vol. 31, No. 2. Pp. 170–178. DOI [10.1037/0022-0167.31.2.170](https://doi.org/10.1037/0022-0167.31.2.170).
27. De Wuffel, F. J. Attachment Beyond Childhood (Individual and Development Differences in Parent-Adolescent Attachment Relationships). Nijmegen : Stellingen, 1986. 116 p. ISBN 90-9001241-9.

Сведения об авторах:

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); РИНЦ Author ID: [1137594](https://elibrary.ru/1137594); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Новикова Виктория Сергеевна, магистрант, социологический факультет, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: v1ctorr1a@mail.ru; ORCID ID: [0009-0003-2845-0070](https://orcid.org/0009-0003-2845-0070); РИНЦ Author ID: [1195123](https://elibrary.ru/1195123); Web of Science ID: [ICE-9205-2023](https://orcid.org/ICE-9205-2023).

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; принята в печать 15.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FACTORS OF MOSCOW YOUTH'S SEPARATION FROM THEIR PARENTAL FAMILIES

Maria V. Roslavtseva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Victoria S. Novikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: v1ctorr1a@mail.ru

For citation: Roslavtseva, Maria V. Factors of Moscow Youth's Separation from Their Parental Families / M. V. Roslavtseva, V. S. Novikova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 2. Pp. 43-56. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.3).

Abstract. The process of separation from the parental family is an integral part of the socialization process, during which the individual learns to process and reproduce previously learned social practices. Moreover, the result of such a socio-psychological process directly affects the degree of maturity and independence of the individual. The article analyzes the process of separation of Moscow youth from their parental families. The purpose of the study is, on the one hand, to reveal the concept of "separation" in a sociological manner, and on the other, to discover factors influencing the process of separation of the younger generation. The work also formulates the division of separation factors from the parental family into macro and micro levels. As part of the theoretical review, sociological works studying the socialization of youth and family socialization are analyzed; psychological works that reveal the essence of the process of separation from the parental family. Key aspects of the external and intrafamily environment that determine the acquisition of autonomy and adulthood are highlighted. A hypothesis is put forward about the influence of the family, its financial situation, living conditions and the nature of relationships, as well as the gender and age of young people on the acquisition of autonomy. Internal separation is studied separately as a process of acquiring emotional autonomy, and external, the essence of which is a change in role set and the formation of behavioral independence. To test the proposed relationships, the authors conduct an empirical study of Moscow youth using an online survey with a sample of 324 people, as a result of which factors of internal separation are identified: family composition (presence of a mother), warmth of family relationships. The latter aspect especially influences the development of personality, but at the same time prevents young people from developing their own life goals. External separation is determined by the financial situation of the family, gender, age of the respondent, and whether he or she has a job. In general, both internal and external separation are somewhat more pronounced among men aged 26 to 30 years: they are more often employed, have independence of judgment and are more adapted to everyday self-care. At the same time, women experience difficulties in acquiring emotional autonomy: they are less likely to feel confident in the decisions they make, more often they are afraid of disappointing their parents and consult with them. The results obtained during the study can be used by scientists studying the process of growing up, psychologists for private and family therapy, and government officials as part of planning youth and demographic policy. The research topic has the prospect of additional study using qualitative sociological methods, allowing us to reveal in more detail the essence of the relationship between the parent family and their growing children.

Keywords: separation; personal autonomy; parental family; the youth; socialization; individualization.

References

1. Andreeva, G. M. *Social'naya psikhologiya [Social Psychology]* : Textbook for University Students for Specialty «Psychology». Moscow : Aspect Press, 2003. 362 p. ISBN 978-5-7567-0274-3. (In Russ.).
2. Parsons, T. *Family, Socialization and Interaction Process* / T. Parsons, R. Bales. Glencoe : Free Press, 1955. 422 p. ISBN 0-415-17647-6
3. *Sociologiya sem'i [Sociology of the Family]* : Textbook for University Students for Specialty «Sociology» / A. I. Antonov et al. Moscow : INFRA-M Publ., 2010. 636 p. ISBN 978-5-16-003785-1. (In Russ.).
4. Karpov, V. A. Kidalting as Social Fenomena. *Social processes of modern Russia* / Ed. Z. Kh. Saraliev. Nizhny Novgorod : NISOC Publ, 2020. Pp. 506–509. ISBN 978-5-93116-223-2. (In Russ.).
5. Aries, P. Motivations for the Declining Birth Rate in the West. *Population and Development Review*. 1980. Vol. 6, No. 4. Pp. 645–650. DOI [10.2307/1972930](https://doi.org/10.2307/1972930).
6. Noskova, A. V. Sem'ya v sovremennom mire: menyayushhiesya konteksty i vyzovy [Family in the Modern World: Changing Contexts and Challenges]. *The Modern family: Changing Meanings and Practices*. Kursk, 2019. Pp. 9–13. (In Russ.).
7. Vdovina, M. V. The Sociological Research on the Readiness of Women of Reproductive Age for Foster Care / M. V. Vdovina, M. V. Firsov, A. V. Karpunina, E. V. Fomina. *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 2 (180). Pp. 18–25. DOI [10.24158/tipor.2023.2.1](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.1). (In Russ.).
8. Kharlamenkova, N. E. *Psikhologicheskaya separatsiya: podkhody, problemy, mekhanizmy [Psychological Separation: Approaches, Problems, Mechanisms]* / N. E. Kharlamenkova, E. V. Kumykova, A. K. Rubchenko. Moscow : Institute of Psychology of the RAS Publishing, 2015. 366 p. ISBN 978-5-9270-0298-6. (In Russ.).
9. Derkach, A. A. *Akmeologiya [Acmeology]* : Textbook for University Students for Psychology Specialties / A. A. Derkach, V. G. Zazikin. Moscow : Piter Publishing House, 2003. 252 p. ISBN 5-314-00082-2. (In Russ.).
10. Durkheim, E. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii [On the Division of Social Labor. Method of Sociology]*. Moscow : Nauka Publishing House, 1991. 572 p. ISBN 5-02-013399-X. (In Russ.).

11. Simmel, G. *Social'naya differenciatsiya. [Social Differentiation]* : Sociological and Psychological Research. Moscow : M. and S. Sabashnikov Publishing House, 1909. 323 p. (In Russ.).
12. Kimelev, Y. A. *Koncepciya obshhestva Yurgena Xabermasa [The Concept of the Jurgen Habermas Society]* / Y. A. Kimelev, N. L. Polyakova. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology.* 1997. No. 2. Pp. 3–24. (In Russ.).
13. Touren, A. *Vozvrashhenie cheloveka dejstvuyushhego [The Return of the Acting Man]* : An Essay in Sociology. Moscow : Scientific World, 1998. 203 p. ISBN 5-89176-042-8. (In Russ.).
14. Jung, K. G. *Psikhologiya bessoznatel'nogo [Psychology of the Unconscious]*. Moscow : Kanon+ Publishing House, 1998. 397 p. ISBN 5-15-001035-9. (In Russ.).
15. Loewald, H. Instinct Theory, Object Relations and Psychic Structure Formation. *Journal of American Psychoanalytic Association.* 1978. No. 26. Pp. 493–506. DOI [10.1177/000306517802600302](https://doi.org/10.1177/000306517802600302).
16. Mahler, M. S. *Psikhologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsza: simbioz i individuatsiya [Psychological Birth of a Human Baby: Symbiosis and Individuation]* / M. S. Mahler, F. Pine, A. Bergman. Moscow : Kogito-Center Publishing House, 2011. 411 p. ISBN 978-5-89353-333-0. (In Russ.).
17. Perry, W. G. *Forms of Intellectual and Ethical Development in the College Years: A Scheme.* New York : Holt, Rinehart&Winston, 1970. 256 p. ISBN 03-081326-3.
18. Ryan, R. M. Emotional Autonomy Versus Detachment: Revisiting the Vicissitudes of Adolescence and Young Adulthood / R. M. Ryan, J. H. Lynch. *Child Development.* 1989. No. 60. Pp. 340–356. DOI [10.2307/1130981](https://doi.org/10.2307/1130981).
19. Lapsley, D. K. Psychological Separation and Adjustment to College / D. K. Lapsley, K. G. Rice, G. E. Shadid. *Journal of Counseling Psychology.* 1989. Vol. 36, No. 3. Pp. 286–294. DOI [10.1037/0022-0167.36.3.286](https://doi.org/10.1037/0022-0167.36.3.286).
20. Mattanah, J. F. Parental Attachment, Separation Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects / J. F. Mattanah, J. F. Hancock, B. L. Brand. *Journal of Counseling Psychology.* 2004. Vol. 51, No. 2. Pp. 213–225. DOI [10.1037/0022-0167.51.2.213](https://doi.org/10.1037/0022-0167.51.2.213).
21. Lee, Ch. Life transitions and mental health in a national cohort of young Australian women / Ch. Lee, H. Gramotnev. *Developmental Psychology.* 2007. Vol. 43, No. 4. Pp. 877–888. DOI [10.1037/0012-1649.43.4.877](https://doi.org/10.1037/0012-1649.43.4.877).
22. Bowlby, J. *Privyazannost' [Attachment]*. Moscow : Gardariki Publishing House, 2003. 447 p. ISBN 5-8297-0138-3. (In Russ.).
23. Ainsworth, M. D. *Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation* / M. D. Ainsworth, M. C. Blehar, E. Waters, S. Wall. Hillsdale : Erlbaum, 1978. ISBN 978-1-848-72681-9.
24. Ryan, R. M. *Overview of Self-Determination Theory: An Organismic Dialectical Perspective.* Handbook of Self-Determination Research / R. M. Ryan, E. L. Deci. Rochester : The University of Rochester Press, 2002. Pp. 3–33. ISBN 1-58046-108-5.
25. Rogers, K. Stanovlenie lichnosti. *Vzglyad na psikhoterapiyu [The Formation of Personality. A Look at Psychotherapy]*. Moscow : IOI Publishing House, 2017. 237 p. ISBN 978-5-88230-349-4. (In Russ.).
26. Hoffman, J. A. Psychological Separation of Late Adolescents from Their Parents. *Journal of Counseling Psychology.* 1984. Vol. 31, No. 2. Pp. 170–178. DOI [10.1037/0022-0167.31.2.170](https://doi.org/10.1037/0022-0167.31.2.170).
27. De Wuffel, F. J. *Attachment Beyond Childhood (Individual and Development Differences in Parent-Adolescent Attachment Relationships)*. Nijmegen : Stellingena, 1986. 116 p. ISBN 90-9001241-9.

Bio notes:

Maria V. Roslavtseva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI Author ID: [1137594](https://www.rsci.ru/author/1137594); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://www.webofscience.com/author/AAE-1252-2022).

Victoria S. Novikova, Master Student, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vtictorr1a@mail.ru; ORCID ID: [0009-0003-2845-0070](https://orcid.org/0009-0003-2845-0070); RSCI Author ID: [1195123](https://www.rsci.ru/author/1195123); Web of Science ID: [ICE-9205-2023](https://www.webofscience.com/author/ICE-9205-2023).

Received on 14.07.2023; accepted for publication on 15.09.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.4)

EDN [WMTTMN](https://www.wmttmn.ru)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АВСТРИИ: ОСОБЕННОСТИ И ТРЕНДЫ

Надеждин А. Е.

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

E-mail: 3039210@mail.ru

Для цитирования: Надеждин, А. Е. Миграционные процессы в Австрии: особенности и тренды // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 57-70. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.4) EDN [WMTTMN](https://www.wmttmn.ru).

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные миграционные процессы в Европейском союзе с акцентом на Австрию. Проведен анализ предпосылок и факторов, ставших причинами демографических и социальных изменений в обществе после Второй мировой войны и способствующих сохранению миграционной привлекательности Австрии на текущем этапе. Обобщены нормативно-правовые инструменты регулирования миграции, включая вопросы пребывания и осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, особенности функционирования интеграционных механизмов и обеспечения национальной безопасности. В условиях нарастания внешнего миграционного давления на Евросоюз проанализированы подходы Вены к управлению миграционными процессами, которые традиционно характеризуются жесткой позицией и зачастую контрастируют с официальным курсом Брюсселя, в особенности в отношении приема беженцев. Австрийцы в целях пресечения неупорядоченных трансграничных перемещений людей, вторичной миграции и минимизации угроз национальной безопасности активно взаимодействуют с сопредельными государствами и странами-миграционными донорами. На внутривнутриполитическом треке особый интерес для анализа представляет новое явление – массовое прибытие украинских граждан. Данный поток беженцев в качественно-количественном отношении значительно отличается от «традиционной» миграции (гендерная принадлежность, образовательный и социальный уровень, значительное количество несовершеннолетних). Несмотря на жесткость своей миграционной политики, Австрия вынуждена оперативно искать варианты решения комплекса проблем, связанных с размещением и финансированием пребывания выходцев из Украины, а также аргументировано разъяснять электорату причины сохраняющихся негативных социально-экономических изменений в условиях избранного внешнеполитического курса. Побочным эффектом предоставления широких социально-правовых гарантий украинцам наряду с низким уровнем интеграции в социум является рост недовольства титульного населения и мигрантов, прибывших из других стран.

Ключевые слова: миграционные процессы; Австрия; национальная безопасность; украинский кризис; социально-экономические проблемы; криминализация; принимающий социум.

Введение

Миграционные процессы являются неотъемлемой частью глобализации и оказывают воздействие на жизнедеятельность общества, в первую очередь, на политические, социокультурные и экономические аспекты. Основные трудности связаны с неконтролируемыми трансграничными перемещениями людей, которые несут риски как для стран выбытия (отток трудоспособного населения, сокращение темпов экономического роста, демографические изменения), так и прибытия (снижение стоимости рабочей силы в стране, дополнительные финансовые издержки, криминализация и рост напряженности в принимающем обществе и др.) [1, с. 14]. Проблема нелегальной миграции сохраняет актуальность для стран-членов ЕС. По данным Агентства Евросоюза по безопасности внешних границ «Фронтекс», за первые шесть

месяцев 2023 г. зафиксировано 132 370 попыток незаконного пересечения границ ЕС (максимальный показатель с 2016 г.)¹. Основные направления следования иностранцев – центрально-средиземноморский и западно-балканский маршруты. Наряду с выходцами из Сирии, Афганистана, Кот-д’Ивуар, Марокко нелегально границы Европейского союза пытаются пересечь и украинские граждане.

Усиление внешнего миграционного давления продолжает испытывать Австрия, чью привлекательность можно объяснить комплексом факторов, включая высокий уровень жизни, развитую систему социальных гарантий, устоявшиеся позиции национальных диаспор. Несмотря на традиционно жесткие подходы к регулированию миграции и обеспечению национальной безопасности, обусловленные в т. ч. событиями европейского кризиса 2015 г., Австрия в настоящий момент сталкивается с миграционными процессами высокой интенсивности и структурной неоднородности. Так, по данным Федерального статистического ведомства Австрии, за первые 6 месяцев 2023 г. иностранными гражданами подано 28 491 ходатайство на получение статуса беженца, большинство из которых прибыли из стран мусульманского мира (в 2022 г. поступило 112 272 аналогичных обращения)². Геополитическая напряженность, прежде всего, в контексте событий на Украине и Ближнем Востоке, провоцирует опасения дальнейшего усиления миграционных потоков на территорию страны.

Источники и методы исследования

Эмпирической базой настоящей публикации стали официальные статистические данные государственных учреждений Европейского союза и Австрии, профильные нормативно-правовые документы и доклады, аутентичные материалы немецкоязычных СМИ, которые позволили выявить тенденции, масштабы и специфику актуальных миграционных процессов. При подготовке статьи использовался сравнительно-исторический метод для анализа изменения структуры миграционных процессов в обществе-реципиенте в конкретный промежуток времени и определения основных этапов формирования государственной политики в данной сфере. Причинно-следственный анализ позволил определить специфику и качественно-количественные характеристики миграционных процессов в Австрии.

В рамках отечественной германистики вопросы, непосредственно связанные с миграционными процессами в современной Австрии, включая их качественно-количественные показатели, инструменты политико-экономического регулирования и тенденции развития в полной мере не исследованы, а скорей выступают элементом изучения в рамках общеевропейских исследований. Среди российских ученых, фокусирующихся непосредственно на изучении Австрии, необходимо отметить Ф. М. Максимичева, А. А. Синдеева, А. М. Филитова, В. Я. Швейцера.

Австрия и актуальные миграционные процессы

По данным Федерального статистического ведомства Австрии, за последние десять лет в демографической структуре наблюдается постепенный прирост количества выходцев из семей с миграционными корнями (2012 г. – 1,57 млн человек или 18,8% от общей численности населе-

¹ Central Mediterranean top migratory route into the EU in first half of 2023 // Frontex. European Border and Coast Guard Agency : [сайт]. URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/central-mediterranean-top-migratory-route-into-the-eu-in-first-half-of-2023-XtMpdL> (accessed on 20.08.2023).

² Anzahl der Asylanträge in Österreich von 2013 bis 2023 // Statista : [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293189/umfrage/asylantraege-in-oesterreich/> (дата обращения: 25.07.2023).

ния; 2015 г. – 1,81 млн или 21,4%; 2021 г. – 2,24 млн или 25,4%; 2022 г. – 2,4 млн или 26,4%)³ (рис. 1).

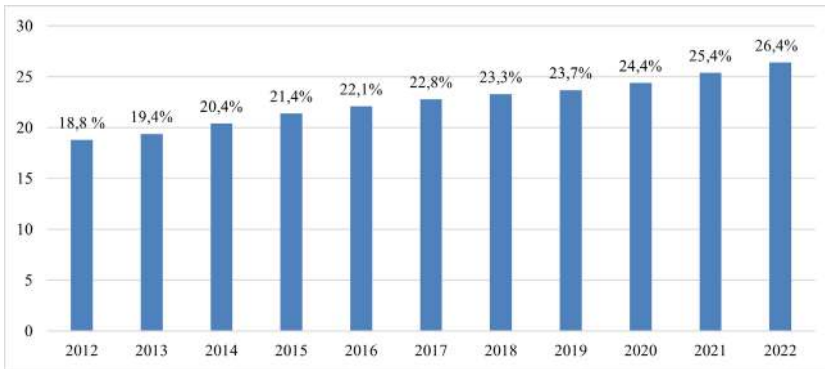

Рис. 1. Доля выходцев из семей с миграционными корнями в населении Австрии в 2012–2022 гг.

Fig. 1. Proportion of the population with a migrant background in Austria in 2012–2022

Источник: составлено автором на основе данных Statista⁴

В настоящий момент первое поколение мигрантов (родившиеся за рубежом) составляет 1,63 млн человек, второе поколение (родившиеся на территории страны в семье прибывших из-за рубежа) – 605 тыс. человек (рис. 2).

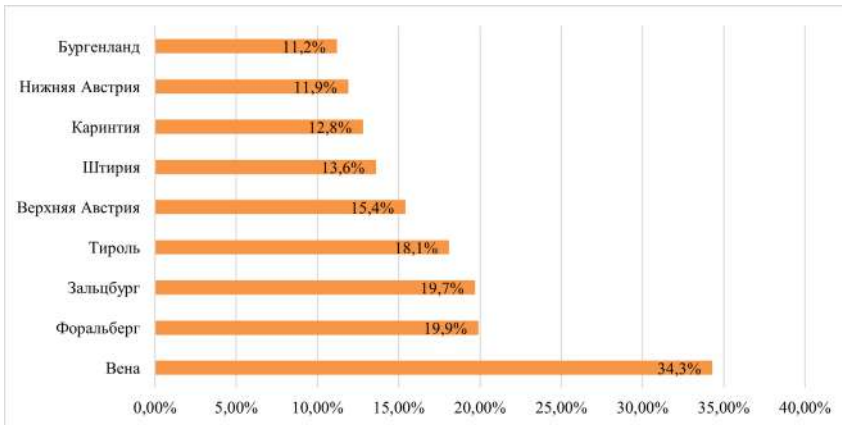

Рис. 2. Доля иностранцев в населении Австрии по федеральным землям в 2023 г.

Fig. 2. Proportion of foreigners in the population in Austria by federal state in 2023

Источник: составлено автором на основе данных Statista⁵

³ Выходец из семьи с миграционными корнями (нем. «mit Migrationshintergrund») – гражданин, оба родителя которого родились за рубежом. Лица, у которых один из родителей родился в Австрии, не подпадают под данную категорию.

⁴ Anteil der Bevölkerung mit Migrationshintergrund in Österreich von 2012 bis 2022 // Statista : [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/294028/umfrage/bevoelkerungsanteil-mit-migrationshintergrund-in-oesterreich/> (дата обращения: 12.07.2023).

⁵ Anteil der Ausländer an der Bevölkerung in Österreich nach Bundesländern zu Jahresbeginn 2023 // Statista : [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293150/umfrage/auslaenderanteil-in-oesterreich-nach-bundeslaendern/> (дата обращения: 12.07.2023).

Из этой диаграммы следует, что максимальная концентрация иностранцев наблюдается в столице Австрии ввиду широкого спектра возможностей для трудоустройства, высокого уровня жизни, наличия развитой инфраструктуры для проживания (1 млн 982 тыс. человек). Порядка 20% иностранцев присутствует в населении Форальберга (406 тыс.), Зальцбурга (156 тыс.), Тироля (771 тыс.), что связано с проживающими потомками иностранных рабочих, прибывших в 1960-е гг. на промышленные объекты данных федеральных земель, а также волной беженцев из республик бывшей Югославии. Минимальное количество (менее 12%) – в федеральных землях Нижняя Австрия (1 млн 718 тыс.) и Бургенланд (301 тыс.) (рис. 3).

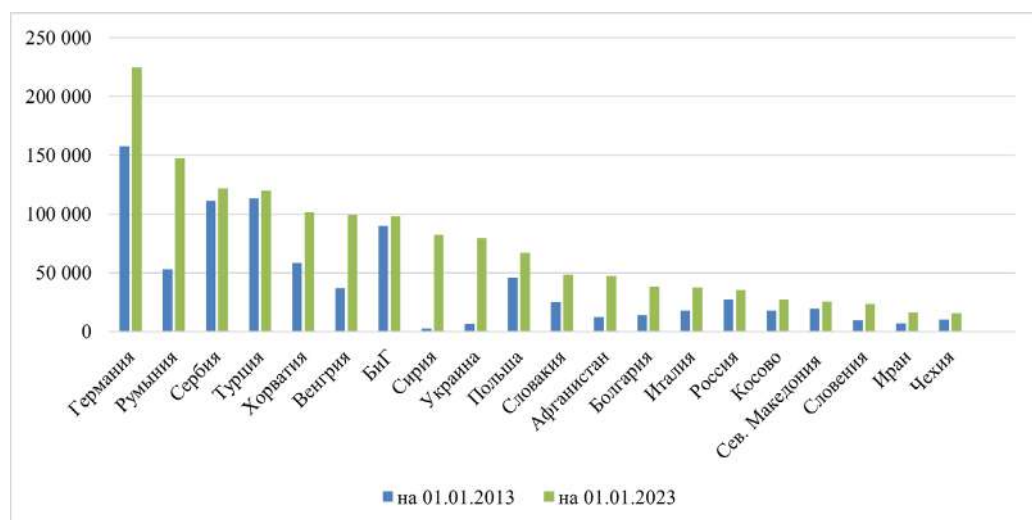

Рис. 3. Численность иностранных граждан, проживающих в Австрии (тыс. человек)
Fig. 3. Number of foreign citizens living in Austria (thousand people)

Источник: составлено автором на основе данных
 Австрийского интеграционного фонда⁶

Таким образом, за 10 лет значительный прирост выявлен среди выходцев из третьих стран. Так, численность сирийцев на фоне кризисных событий выросла в 30 раз, украинцев – 11,7 раз, афганцев – 3,8 раз, иранцев – 2,26 раз. Увеличение количества румын в 2,76 раз, болгар – 2,71 раз, венгров – 2,69 раз, словенцев – 2,45 раз связано, в первую очередь, с расширением Евросоюза в 2004 и 2007 гг. и распространения его законодательства на указанные страны. В абсолютном значении среди проживающих в Австрии иностранцев лидируют обладатели немецких паспортов (225 тыс.), румынских (147 тыс.), сербских (121 тыс.), турецких (119 тыс.), хорватских (101 тыс.), венгерских (99 тыс.), боснийских (98 тыс.), сирийских (82 тыс.) и украинских (79 тыс.). Актуальная численность граждан России составляет 35,5 тыс. человек (увеличение – 1,3 раза)⁷.

⁶ Statistiken // Österreichischer Integrationsfonds : [сайт]. URL: <https://www.integrationsfonds.at/statistiken/> (дата обращения: 12.07.2023).

⁷ Mehr als ein Viertel der österreichischen Gesamtbevölkerung hat Migrationshintergrund // Statistisches Jahrbuch Migration & Integration 2022 : [сайт]. URL: <https://www.statistik.at/fileadmin/announcement/2022/07/20220725MigrationIntegration2022.pdf> (дата обращения: 26.07.2023).

«Миграционная» составляющая австрийского общества неразрывно связана с историей становления государственности. В годы своего существования Австро-Венгерская империя была активным участником трансграничных миграционных потоков, выступая в качестве крупного донора и реципиента. В стране сформировались меньшинства чехов и словаков, хорватов, венгров, словенцев, цыган. После Второй мировой войны для восстановления разрушенного народного хозяйства Австрия инициировала процесс привлечения иностранных рабочих на основе соглашения Рааб-Олаха, согласно которому вводились квоты для промышленных секторов и принцип ротации трудящихся⁸. В данном контексте возможно провести параллели с использованием зарубежной рабочей силы в послевоенной Германии для реализации концепции «экономического чуда» федерального канцлера ФРГ Л. Эрхарда. Австрийцами были заключены соглашения о наборе гостевых работников с Испанией (1962 г.), Турцией (1964 г.), Югославией (1965 г.) и параллельно в странах исхода создавались профильные центры набора персонала [2]. Изначальный план, который подразумевал временное трудоустройство с последующим возвращением мигрантов в страну происхождения, не был реализован. В 1990-е гг. (пиковая фаза – 1990–1993 гг.) страна столкнулась с самым массовым после окончания Второй мировой войны притоком беженцев из кризисных регионов. Основными триггерами стали распад СФРЮ и обострение экономико-политической ситуации на Ближнем Востоке и Северной Африке. Вступление Австрии в Евросоюз в 1995 г. ввиду выгодного географического расположения – на основных маршрутах трансграничного перемещения из средиземноморского в центральный регион – поспособствовало усилению миграции из сопредельных государств Восточной и Южной Европы. В дальнейшем страна сталкивалась с притоком беженцев на фоне боевых действий в Афганистане и Ираке. Как представляется, такие процессы оказали значительное влияние на текущую демографическую ситуацию и социальную структуру социума.

К основным приоритетам миграционной политики Австрии в конце девяностых – начале двухтысячных годов можно отнести выработку механизмов по трудоустройству квалифицированной рабочей силы из третьих стран и адаптации прибывших иностранцев в рамках концепции «интеграция до иммиграции» [3, с. 42]. В практическом плане этот подход нашел отражение в усовершенствовании нормативно-правовой базы. Так, в 1997 г. состоялось объединение двух действовавших ранее законов – «Закона об иностранцах» и «Закона о пребывании», направленное на усовершенствование системы въезда и пребывания. Внесены изменения в «Закон о гражданстве», фиксирующие необходимость владения немецким языком и ужесточение критериев приобретения гражданства. Запущенная в 2002 г. система упорядоченного приема т. н. «ключевых» специалистов, деятельность которых имеет значение для экономики государства, и основанная на принципе квотирования, заложила базу для запуска в дальнейшем т. н. «красно-бело-красной карты». Данный инструмент посредством определенной бальной модели (квалификация, опыт, возраст, владение иностранными языками, учеба в стране) формирует

⁸ Migration und Wirtschaft // Integrationsfonds : [сайт]. URL: <https://www.integrationsfonds.at/publikationen/oeif-fact-sheets-archiv/> (дата обращения: 12.07.2023).

условия для привлечения на рынок труда зарубежных специалистов⁹. Особое внимание госорганы стали уделять усовершенствованию интеграционных механизмов. Наряду с ужесточением контроля за посещением прибывшими интеграционных курсов в 2007 г. запущена профильная платформа для координации взаимодействия исполнительных и законодательных органов власти с институтами гражданского общества, ответственных за вопросы интеграции. В дальнейшем она стала основой национального плана действий по интеграции, в котором впервые в австрийской истории обозначены цели и задачи, приоритетные направления политики в данной сфере, направленные как на создание «окна возможностей» для прибывших и инструментов минимизации дискриминационных практик и противодействия ксенофобии, так и закрепление обязанностей мигрантов перед принимающим обществом. Документ содержит такие тематические блоки, как образование, социальную сферу, здравоохранение, межкультурную коммуникацию, ценностно-правовые установки, региональную специфику, осуществление трудовой деятельности, жилищное хозяйство. В 2009 г. были внесены изменения в законодательство в сфере предоставления статуса беженца [4].

В 2015 г. Австрия столкнулась с небывалым в истории страны миграционным кризисом. По данным Федерального статистического ведомства, были поданы 88 340 ходатайств на получение статуса беженца (2014 г. – 25 700 аналогичных обращений). Из них 10% поступили от несовершеннолетних без сопровождения взрослых. Большинство иностранцев прибыли из Сирии, Афганистана и Ирака. В пиковую фазу Австрия приняла 7% от общего потока иностранцев, которые ходатайствовали о получении статуса беженца в ЕС несмотря на то, что основная масса следовала транзитом в Германию и страны Северной Европы. Подобная ситуация нашла отражение в значительном приросте популярности у населения правопопулистских партий. По результатам электоральных кампаний «Австрийская партия свободы» (далее – АПС) смогла значительно улучшить свои позиции в землях Штирия 26,8% (+16,1% к показателям 2009 г.), Верхняя Австрия 30,36% (+15,07%) и Вена 30,79% (+5,02%)¹⁰. Обострение миграционной проблематики и нарастание внутривнутриполитической напряженности потребовали от правительства страны оперативной корректировки плана действий. Как справедливо отмечает известный специалист В. Я. Швейцер, позиция австрийского руководства не совпадала с концепцией федерального канцлера ФРГ А. Меркель «открытых дверей» и «культуры приветствия», а подразумевала ужесточение миграционного законодательства [5, с. 85]. В частности, осенью 2015 г. в одностороннем порядке была возобновлена процедура погранконтроля с сопредельными государствами. Парламент Австрии оперативно одобрил закон, позволяющий правительству вводить режим ЧП в случае обострения ситуации с беженцами, которая обозначена в нем как «угроза общественному порядку и внутренней безопасности». Установлены количественные ограничения для впускаемых в страну иностранцев в качестве беженцев с постепенным доведением ежегодных показателей до 25 тыс. В 2017 г. одобрен интеграционный закон,

⁹ Zuwanderung aus nicht EU-Staaten // Advantage Austria : [сайт]. URL: https://www.advantageaustria.org/ru/zentral/business-guide/arbeiten-in-oesterreich/zuwanderung-aus-nicht-eu-staaten/Zuwanderung_aus_Nicht-EU-Staaten.ru.html (дата обращения: 04.07.2023).

¹⁰ Wahlanalyse im Detail // Sora : [сайт]. URL: <https://www.sora.at/themen/wahlverhalten/wahlanalysen/tw-bgld15.html> (дата обращения: 04.07.2023).

который формирует правовую основу интеграции непосредственно иностранцев, подавших ходатайство на получение статуса беженца или нуждающихся в субсидиарной (вспомогательной) защите лиц в возрасте старше 15 лет. Таким образом, все прибывшие обязаны подписывать т. н. согласие на участие в осуществляемой государством интеграции, подразумевающей регулярное посещение и окончание специальных курсов по изучению традиций страны пребывания и немецкого языка с получением сертификатов. Отказ от посещения учебных занятий несет для беженцев правовые издержки, в т. ч. сокращение объемов оказываемой финансовой поддержки. При федеральном министерстве по делам Европы, интеграции и внешних сношений функционирует экспертный совет по интеграции и мониторингу процессов в сфере миграции.

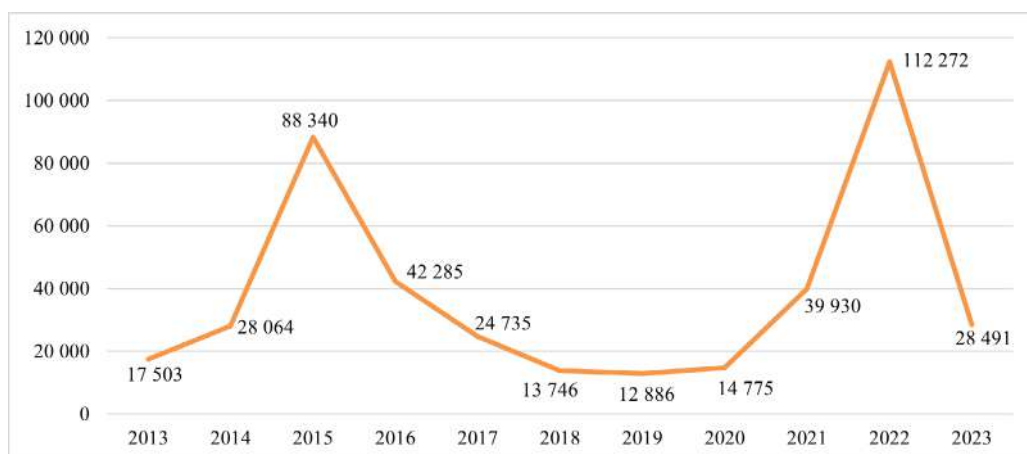

Рис. 4. Динамика поданных ходатайств на получение статуса беженца в Австрии в 2013–2023 гг.

Fig. 4. Dynamics of submitted applications for refugee status in Austria in 2013–2023

Источник: составлено автором на основе данных Statista¹¹

Как видно из данного графика (рис. 4), численность поданных ходатайств на получение статуса беженца своего пика достигла в период миграционного кризиса 2015 г. Последующее сокращение количества подобных обращений (2016–2020 гг.) можно объяснить как снятием общеевропейской напряженности, так и ужесточением Австрией инструментов собственной миграционной политики. Новый «рекорд» установлен в 2022 г., что объясняется в целом усилением внешнего миграционного давления на Европейский союз и соответственно государства, находящиеся на главных маршрутах следования беженцев.

Основной структурной проблемой является интеграция прибывших. По оценкам федерального министра по делам женщин и интеграции С. Рааб, отсутствует прогресс в плане интеграции в социум почти 30 тыс. иностранцев, которые подали ходатайство на получение статуса беженца. В подобной ситуации основные риски министр усматривает в укреплении параллельных обществ с воспроизведением эле-

¹¹ Anzahl der Asylanträge in Österreich von 2013 bis 2023 // Statista : [сайт]. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/293189/umfrage/asylantraege-in-oesterreich/> (дата обращения: 12.07.2023).

ментов стран исхода и собственными нормативно-правовыми установками¹². Другим вызовом становится криминальная «активность» иностранных граждан. По данным МВД Австрии, в 2022 г. в качестве подозреваемых в совершении различных деликтов проходили 128 594 человека [6]. Среди правонарушителей преобладали выходцы из Румынии, Германии, Сербии, Турции, Венгрии и Сирии. Проблемой является усиление экстремистских тенденций в миграционном сообществе. Как следует из проведенного ведомством федерального канцлера и МВД Австрии исследования, в среде мигрантов существует три вида экстремизма, схожесть которых заключается в отрицании принципов плюралистического общества. Наиболее опасным представляется насильственный экстремизм, цели которого достигаются радикальными физическими действиями и создают благоприятную среду для терроризма. Активистский экстремизм, основанный на побуждении в различных формах людей к противоправным действиям, выражается путем проведения несанкционированных протестных акций¹³. Пассивный экстремизм выражается в отчуждении от общества путем создания автономных социальных структур для формирования собственной идеологии. Так, значительный экстремистский потенциал фиксируется у прибывших в страну беженцев с Северного Кавказа. Имеются трудности с выходцами из арабского мира ввиду наличия среди них последователей радикальных религиозных течений. Среди выходцев из Турции не выявлено последователей джихадистской идеологии, но при этом генерируются представители различных объединений – от «Серых волков» и «Милли гюреш» – до курдских этнических криминальных структур и противников президента Турции Р. Эрдогана. Выходцы из Балканского полуострова в целом демонстрируют высокую устойчивость к экстремизму ввиду ряда национальных и региональных особенностей, в т. ч. доминирования светского варианта ислама в странах исхода [7, с. 97–99].

В настоящий момент Австрия, сталкиваясь с увеличением транзитного миграционного потока через Балканский полуостров, выступает за поэтапное ограничение масштабов неупорядоченной миграции в ЕС за счет использования «жестких» элементов безопасности (усовершенствование системы охраны и патрулирования границ, введение строгого пограничного контроля, увеличения штатных возможностей пограничных ведомств). Вена находится среди тех членов ЕС, которые требуют от Брюсселя наращивать ассигнования на модернизацию пограничной инфраструктуры, включая наблюдение с воздуха и ввод в эксплуатацию нового оборудования. Поддерживает принцип квотирования мигрантов и солидарна с позицией государств, образующих внешний пограничный контур Евросоюза, в т. ч. в вопросе использования европейских финансовых средств для увеличения штата пограничников и средств патрулирования на границе Болгарии с Турцией. В целом, как и другие партнеры по ЕС, австрийцы заинтересованы в создании упорядоченной системы привлечения квалифицированных мигрантов и придерживаются позиции о необходимости выработки условий для интеграции прибывающих и активизации усилий по поддержке стран первого въезда, включая предоставление гуманитарной помощи в кризисных

¹² Parallelgesellschaften: Wien wehrt sich gegen Kritik von Ministerin Raab // Der Standard : [сайт]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000118037764/parallelgesellschaftenwien-wehrt-sich-gegen-kritik-von-ministerin-raab> (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ Neue Studie über Extremismus in Migranten-Communitys // Der Standard : [сайт]. URL: <https://www.derstandard.at/story/3000000175427/neue-studie-ueber-extremismus-in-migranten-c> (дата обращения: 01.08.2023).

регионах и развитие кооперации со странами исхода. Австрия стремится отстаивать собственные интересы в принципиальных вопросах миграции, избирательно следуя миграционному курсу Брюсселя. Так, примером является проводимые на регулярной основе трехсторонние встречи глав Австрии, Венгрии и Сербии для обсуждения проблематики противодействия нелегальной миграции на уровне стран-соседей. На подобном мероприятии в июле 2023 г. заключен «Меморандум о понимании», подразумевающий ужесточение выдачи сербских въездных виз для выходцев из т. н. безопасных стран происхождения и усовершенствование практического взаимодействия по технической защите венгерской границы¹⁴. В рамках двусторонних отношений с другими государствами ЕС миграционной повестке уделяется серьезное внимание. Интенсивно развиваются контакты с Германией и Швейцарией, направленные на расширение кооперации на треке противодействия нелегальной миграции в рамках двусторонних контактов (в первую очередь, взаимодействие погранведомств и полиции, противодействие преступным сообществам, специализирующимся на перевозке людей, ускоренная процедура реадмиссии)¹⁵. Развивается взаимодействие с третьими странами. В частности, заключено соглашение о миграции и мобильности с Индией, направленное на противодействие неупорядоченным трансграничным перемещениям, реадмиссию и интенсификацию взаимодействия в рамках набора трудовых мигрантов, студенческих обменов и оптимизации оформления въездных документов.

Австрия и украинский кризис

Усиление миграционного давления наряду с активизацией центрально-средиземноморского маршрута связано со значительным увеличением беженцев из Украины. Двигаясь в фарватере общеевропейской политики по всеобъемлющей поддержке киевского режима, федеральный канцлер К. Нехаммер изначально заявил о проактивной позиции Вены в отношении приема украинцев¹⁶. С марта 2022 г. по февраль 2023 г. в стране были зарегистрированы 97 047 беженцев (70% – женщины, 30% – мужчины), большинство из которых концентрируется в столичном регионе. В структуре миграционного потока, который в качественно-количественном отношении отличается от событий 2015 г., преобладают разделенные семьи, состоящие из женщин в сопровождении несовершеннолетних и пожилые люди. Маршрут следования из Украины в Австрию пролегает по территории одного континента через безопасные страны (Польша, Словакия, Венгрия или Чехия). Сформулированы правовые условия для предоставления беженцам временной защиты, оформления разрешения на легальное пребывание сроком до одного года с возможностью продления, а также выдачи т. н. «голубой карты для изгнанного лица» – документа, который обеспечивает доступ на местный рынок труда, получение медицинской помощи и страховки,

¹⁴ Treffender Hardliner // Tagesschau : [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/ausland/europa/migrationsgipfel-oesterreich-100.html> (дата обращения: 10.07.2023)

¹⁵ Schallenberg: A Milestone in Relations with India – Signing the Migration and Mobility Agreement // BMEIA : [сайт]. URL: <https://www.bmeia.gv.at/en/the-ministry/press/news/2023/05/schallenberg-a-milestone-in-relations-with-india-signing-the-migration-and-mobility-agreement/> (accessed on 19.07.2023).

¹⁶ Bundeskanzler Nehammer: “Es ist jederzeit möglich, den Krieg zu beenden” // Bundeskanzleramt : [сайт]. URL: <https://www.bundeskanzleramt.gv.at/bundeskanzleramt/nachrichten-der-bundesregierung/2022/03/bk-nehammer-es-ist-jederzeit-moeglich-den-krieg-zu-beenden.html> (дата обращения: 22.08.2023).

участие в образовательном процессе сопровождающих детей. Украинцы перед выходом на рынок труда обязаны регистрироваться по упрощенной форме в государственной службе занятости Австрии без сдачи дополнительных экзаменов, что отличает их от других беженцев в плане процесса трудоустройства (по данным за январь 2023 г. трудоустроены порядка 8 300 человек). Ходатайство о трудоустройстве украинцев уполномочен также вносить и потенциальный работодатель. До 31 марта 2024 г. продлен срок временной защиты, что является триггером для изучения немецкого языка и поиска работы. Прибывшие получают юридическую и психологическую консультации. Государственная программа базовой помощи беженцам (по данным МВД, ее основные реципиенты – 48 600 украинцев и 15 300 сирийцев) подразумевает выплаты для семьи не более 330 евро на оплату коммунальных услуг и аренду жилья, на одинокого человека – 165 евро. 80% прибывших проживают в частных домовладениях, 20% – в местах компактного размещения¹⁷. Наблюдаются трудности с функционированием соответствующих языковых интеграционных программ и школьного образования для детей беженцев ввиду дефицита учебных материалов и специалистов, владеющих немецким и украинским языками. На фоне ограниченного желания выходить на локальный рынок труда циркулирующие в местных СМИ сообщения относительно трудностей с функционированием механизмов адаптации, неправомерного получения прибывшими государственной поддержки способствуют нарастанию негативного фона в обществе. В частности, появляются сообщения о передвижающихся по Австрии на автомобилях представительского класса с украинскими номерами и проживающих в дорогих отелях «беженцах». Как вытекает из проведенного Венским университетом социологического исследования, коренные жители обращают внимание на настороженное и даже предвзятое отношение приехавших украинцев по отношению к нуждающимся в помощи из других государств, особенно из стран мусульманского мира¹⁸. Выходцы из Украины проводят неформальные границы «свой-чужой» по финансовому и образовательному статусу, систематически подчеркивают свою культурную, географическую и историческую близость к общеевропейской семье, акцентируют отсутствие намерений оставаться в Австрии на длительный период времени. Большинство прибывших хочет жить в Вене или пригородах ввиду желания поддерживать максимально комфортный уровень жизни, использовать весь спектр возможностей для занятости, образования и организации досуга, а также дефицита в сельской местности пунктов раздачи питания и транспорта. Проблемой является обеспечение полноправного доступа к рынку труда украинских женщин за счет расширения компетенций государственных институтов по подбору вариантов сопряжения профессиональной деятельности и выполнения обязанностей по уходу за прибывшими детьми или пожилыми членами семьи. Сохраняются трудности с оптимизацией моделей функционирования дошкольных и средних полных образовательных заведений с учетом специфики и качественно-количественных характеристик нынешнего миграционного потока.

В сложившейся ситуации австрийские эксперты обращают внимание на возникшие сложности в интеграционной политике. Руководствуясь опытом прошлых

¹⁷ 92.000 ukrainische Flüchtlinge in Österreich: Nur 8262 haben einen Job // DerStandard : [сайт]. URL: <https://www.derstandard.at/story/2000143880766/immer-mehr-ukrainevertriebene-wollen-fix-in-oesterreich-bleiben> (дата обращения: 15.07.2023).

¹⁸ Studie Ukraine-Vertriebene in Österreich ein Jahr nach Kriegsbeginn // Europäische Kommission : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/system/files/2023-08/Dörfler-Bolt%2C%20Kaindl%20%282023%29%20-%20Ukraine-Vertriebene%20in%20Österreich%20ein%20Jahr%20nach%20Kriegsbeginn.pdf> (дата обращения: 04.08.2023).

периодов увеличения миграционного давления (в частности, на фоне распада Югославии и войн на Балканах, «Арабской весны» и кризисных событий в БВСА), они прогнозируют, что часть прибывших в среднесрочной перспективе не вернется в страну исхода, а останется в стране на ПМЖ. Как отмечает специалист в сфере политических исследований Венского университета В. Джичич, речь в первую очередь идет о семьях с маленькими детьми, которые прибыли в Австрию, смогли социализироваться и готовы начать новую жизнь¹⁹. В данном контексте целесообразно сместить фокус с классической интеграционной политики с акцентом на встраивание прибывших в социум на обеспечение приема и их размещение, выработку эффективных моделей изучения немецкого языка, создание условий доступа к образованию, медуслугам, нострификацию дипломов для осуществления трудовой деятельности в соответствии с полученной на родине специальностью (большинство беженцев заняты неполный трудовой день в сфере низкоквалифицированного труда – уборка помещений, сельское хозяйство, гастрономия). В австрийском отделении гуманитарного фонда «Каритас» призывают предоставить украинцам гарантии долгосрочного пребывания, прежде всего, в плане труда и легального статуса при том понимании, что прибывшие тоже должны демонстрировать заинтересованность в интеграции. Министр по цифровым и экономическим вопросам М. Кохер анонсировал упрощение критериев доступа на рынок труда за счет предоставления украинцам таких же возможностей, как у австрийцев и представителей других стран ЕС²⁰.

Чувствительным для любого принимающего общества и коренного населения является вопрос финансирования беженцев и возрастающей нагрузки на бюджет [8]. В целом официальные власти стараются лишней раз не публиковать подобную информацию, чтобы не будоражить общественное мнение. Как следует из ответа МВД на запрос депутата австрийского парламента от АПС Х. Амесбауэра, в 2022 г. содержание беженцев обошлось в 339,8 млн евро (в среднем расходы на одного беженца – 22 евро в день). При этом наблюдается поэтапное сокращение расходов в данной сфере (2018 г. – 466 млн; 2019 г. – 335 млн)²¹.

Заключение

Как видим, миграционная проблематика сохраняет свою актуальность, выступая фактором, дестабилизирующим ситуацию в Европейском союзе. Сохраняется тренд на увеличение масштабов неупорядоченной миграции в Европу через акваторию Средиземного моря и страны Балканского полуострова. К «традиционным» направлениям добавился новый маршрут следования беженцев с территории Украины.

«Благодаря» своим притягивающим факторам (высокий уровень жизни, система социальных гарантий, исторические особенности, позиции национальных диаспор), которые формировали облик страны, Австрия вновь оказывается в эпицентре миграционных процессов, которые характеризуются высокой интенсивностью и неоднородностью. Вена традиционно увязывает вопросы обеспечения безопасности с миграцией, придерживаясь жесткой позиции в отношении основных принципов

¹⁹ Optimismus in unsicheren Zeiten // Mein Bezirk : [сайт]. URL: https://www.meinbezirk.at/waidhofenthaya/c-lokales/optimismus-in-unsicheren-zeiten_a6100106 (дата обращения: 30.07.2023).

²⁰ Sind die steigenden Arbeitslosenzahlen in Österreich ein Alarmzeichen? // Kleine Zeitung : [сайт]. URL: https://www.kleinezeitung.at/wirtschaft/6295020/Arbeitsminister-Kocher_Sind-die-Steigenden-Arbeitslosenzahlen-in (дата обращения: 20.08.2023).

²¹ Soviel kostet Oesterreich ein Fluechtling pro Tag // Vienna : [сайт]. URL: <https://www.vienna.at/so-viel-kostet-oesterreich-ein-fluechtling-pro-tag/8040346> (дата обращения: 20.08.2023).

политики ЕС в данной сфере, включая противодействие ее нелегальной форме, кво-тирование беженцев, депортацию иностранцев, которым отказано в получении убе-жища, усовершенствование систем пограничного контроля. Приоритетом является привлечение на национальный рынок труда квалифицированной рабочей силы и обязательная интеграция прибывших иностранцев. Вместе с тем на данном этапе, руководствуясь актуальной политической конъюнктурой, Австрия реализует мас-штабную кампанию по приему и всеобъемлющей поддержке беженцев из Украины. В настоящий момент страна столкнулась с двумя различными по своей качествен-но-количественной структуре потоками – с традиционным из кризисных регионов БВСА и новым – с территории Украины, что требует верификации используемых инструментов для минимизации рисков негативного воздействия миграции на внутривнутриполитические процессы. Предоставление широкого спектра, зачастую чрез-мерных социально-правовых гарантий выходцам из Украины сопряжено как со зна-чительной финансовой нагрузкой и ограничением возможностей их полноценной интеграции в принимающий социум, так и с ростом недовольства среди коренно-го населения и других иностранцев, легально находящихся на территории страны. Реализация концепции «открытых дверей» применительно к украинцам имеет свои издержки. В частности, первоначальный расчет на поэтапный выход на рынок тру-да вновь прибывших и возвращение в страну исхода не оправдался. Так, по данным проведенного Австрийским интеграционным фондом социологического исследова-ния, в настоящий момент только 13% женщин планируют вернуться в страну исхода (в первой половине 2022 г. подобной позиции придерживались 30% респондентов) .

Список литературы

1. *Рязанцев, С. В.* Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические ис-следования. 2021. Т. 1, № 1. С. 7–16. DOI [10.19181/demis.2021.1.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1). EDN [K1VTEH](https://www.edn.ru/1K1VTEH).
2. *Нестерова, А. А.* Эволюция подходов к привлечению иностранной рабочей силы в странах Европейского союза: Опыт Австрии // Журнал международного права и международных отноше-ний. 2015. № 4. С. 70–75. EDN [CBZOGF](https://www.edn.ru/CBZOGF).
3. *Biffl, G.* Migration und Arbeit / G. Biffl, P. Huber: Wien : Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2023. 319 s. ISBN 978-3-7001-9327-2. DOI [10.1553/978OEAW93265](https://doi.org/10.1553/978OEAW93265).
4. Nationaler Aktionsplan fuer Integration. Wien : Bundeskanzleramt, 2007. 374 s.
5. *Швейцер, В. Я.* Политические проблемы современной Австрии [монография]. Москва : Ин-ститут Европы РАН, 2022. 114 с. ISBN 20978-5-98163-187-0. DOI [10.15211/report52022_391](https://doi.org/10.15211/report52022_391).
6. Polizeiliche Kriminalstatistik 2022. Die Entwicklung der Kriminalitaet in Oesterreich. Wien : Bundesministerium Inneres. Bundeskriminalamt, 2023. 84 s.
7. *Karabegovic, D.* Bosnian Studies. Perspectives from an Emerging Field / D. Karabegovic, A. Karamehic-Oates. Missouri : University of Missouri Press, 2023. 310 p. ISBN 978-0-8262-2273-2.
8. *Мовкебаева, Г. А.* Современный миграционный кризис и его последствия / Г. А. Мовкебае-ва, О. С. Маланченко // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. 2016. Т. 73, № 1. С. 19–23. EDN [XBNXBX](https://www.edn.ru/XBNXBX).

Сведения об авторе:

Надеждин Александр Евгеньевич, кандидат политических наук, первый секретарь, МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 3039210@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-4294-5972](https://orcid.org/0000-0002-4294-5972); РИНЦ Author ID: [1140825](https://elibrary.ru/1140825); Web of Science Researcher ID: [AAD-5855-2022](https://www.researcherid.com/rid/AAD-5855-2022).

Статья поступила в редакцию 01.07.2023; принята в печать 28.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION PROCESSES IN AUSTRIA: FEATURES AND TRENDS

Alexander E. Nadezhdin

The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: 3039210@mail.ru

For citation: Nadezhdin, Alexander E. *Migration Processes in Austria: Features and Trends. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 57-70. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.4).*

Abstract. *The article deals with the current migration situation in the European Union with an emphasis on Austria. The article analyzes the key prerequisites and factors that caused demographic and social changes in Austrian society after World War II, contribute to the preservation of the migration attractiveness of the state at the current stage. The regulatory and legal instruments for regulating migration, including the stay and employment of foreign citizens, as well as the parameters of the functioning of integration mechanisms and ensuring national security against the background of the crisis events of 2015 are summarized. In the context of increasing external pressure on the European Union, Vienna's approaches to managing migration processes are analyzed, which are traditionally characterized by a tough position and often contrast with the official course of Brussels, especially with regard to the reception of refugees. Austrians, in order to prevent irregular cross-border movements of people and secondary migration, minimize threats to national security, actively interact with neighboring states and countries – migration donors. On the domestic political track, of particular interest is the situation associated with a new phenomenon – the mass arrival of Ukrainian refugees. This flow is qualitatively and quantitatively significantly different from traditional migration (gender, educational and social level, significant number of minors). Despite the rigidity of its migration policy, Austria is forced to quickly look for solutions to a complex of problems related to the accommodation and financing of the stay of immigrants from Ukraine, as well as to explain to its electorate the reasons for negative socio-economic changes in the conditions of the chosen foreign policy course. A side effect of providing broad social and legal guarantees to Ukrainians, along with a low level of integration into society, is the growing discontent of the titular population and migrants who arrived from other countries.*

Keywords: *migration processes; Austria; national security; Ukraine crisis; social-economic problems; criminalization; host society.*

References

1. Ryazantsev, S. V. Migration Crisis: Concept and Criteria. *DEMIS. Demographic Research. 2021. Vol. 1, No. 1. Pp. 7–16. DOI [10.19181/demis.2021.1.1.1](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1). (In Russ.).*
2. Nesterova, A. A. Evolution of Approaches Towards Attraction of Foreign Labour Force in the EU Countries: Austrian Experience. *Journal of International Law and International Relations. 2015. No. 4. Pp. 70–75. (In Russ.).*
3. Biffl, G. *Migration und Arbeit [Migration and Labour]* / G. Biffl, P. Huber. Wien : Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 2023. 319 p. ISBN 978-3-7001-9327-2. DOI [10.1553/978OEAW93265](https://doi.org/10.1553/978OEAW93265). (In Germ.).
4. *Nationaler Aktionsplan fuer Integration [National Action Plan for Integration]*. Wien : Bundeskanzleramt, 2007. 374 p. (In Germ.).
5. Shveitser, V. Ya. *Political Problems of Modern Austria*. Moscow : Institute of Europe of the RAS, 2022. 114 p. ISBN 20978-5-98163-187-0. DOI [10.15211/report52022_391](https://doi.org/10.15211/report52022_391). (In Russ.).
6. *Polizeiliche Kriminalstatistik 2022. Die Entwicklung der Kriminalitaet in Oesterreich [Police Crime Statistics 2022. The Development of Crime in Austria]*. Wien : Bundesministerium Inneres. Bundeskriminalamt, 2023. 84 p. (In Germ.).
7. Karabegovic D. *Bosnian Studies. Perspectives from an Emerging Field* / D. Karabegovic, A. Karamehic-Oates. Missouri : University of Missouri Press, 2023. 310 p. ISBN 978-0-8262-2273-2.
8. Movkebaeva, G. A. Contemporary Migration Crisis in Europe and its Consequences / G. A. Movkebaeva, O. S. Malanchenko. *KazNU Bulletin. International Relations and International Law Series. 2016. Vol. 73, No. 1. Pp. 19–23. (In Russ.).*

Bio note:

Alexander E. Nadezhdin, Candidate of Political Sciences, First Secretary, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 3039210@mail.ru; RSCI Author ID: [1140825](#); ORCID ID: [0000-0002-4294-5972](#); Web of Science Researcher ID: [AAD-5855-2022](#).

Received on 01.07.2023; accepted for publication on 28.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5)
EDN [OEUFKFC](https://oeufkfc.org/)

MIGRATION IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES IN THE CONTEXT OF EEU INTEGRATION AND NEW INTERNATIONAL REALITIES

Leila F. Delovarova

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: delovarova@mail.ru

Nuriddin Sultanmuratov

Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: nuriddin.sultanmuratov@gmail.com

For citation: Delovarova, Leila F. *Migration in Central Asian Countries in the Context of EEU Integration and New International Realities* / L. F. Delovarova, N. Sultanmuratov. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5).

Abstract. Integration processes in the Eurasian space are the result of the evolution and transformation of approaches to cooperation and rapprochement of the members of the association, including the convergence of the development of all “four freedoms” of the EEU (movement of goods, movement of services, movement of labor and movement of capital). The EEU is now the only effective economic integration association in Eurasia, and the migration component is one of the key aspects that influences the other three and increases the integration potential of Central Asian countries that are not members of the associations. This study is aimed at analyzing the integration potential of Central Asian countries through the prism of existing and possible migration effects. The study carried out an overview analysis of the potential of Kazakhstan and Kyrgyzstan, the possibility of Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan joining the EEU, with an emphasis on the potential and role of labor migration for these countries in the context of the EEU. The relevance of the study is due not only to the importance of economic integration processes in the Eurasian space through the prism of migration effects for Central Asia, but also in general in the context of gaining important experience, processes of unification and raising common standards throughout the Eurasian space, and in particular, in the migration field. The effects of labor migration within the EEU for Central Asia will not only be indicators of rapprochement and integration, but also the expansion of cooperation in general at the regional and interregional level. Such experience is also important for the EAEU, since it is important for the Union, along with expanding the list of economic partners, to develop new mechanisms for coordinating labor migration.

Keywords: EEU; migration in Central Asia; EEU migration potential; Greater Eurasian Partnership.

Introduction

Modern Eurasian integration is represented by a complex of economic and social processes, which are constantly developing and transforming against the background of certain political and cultural-humanitarian aspects of interaction between the involved countries and partner organizations.

The relevance of studying the processes of Eurasian integration is due to the increasing role of the Eurasian space in international relations both in the context of new geo-economic changes and in the context of the potential of the Eurasian Economic Union, which is one of the promising economic projects with great potential for further development and transformation. Migration processes within and along the EEU are the important aspect connected with the internal conditions and enlarging external cooperation. Sustainability of labor migration processes is a serious pattern not only for EEU members but also for

Central Asian countries (with the exception of Turkmenistan) which are fully involve into the migration system but not into the membership.

This study is based mainly on the EEU documents posted on the organization's legal portal¹ and analysis of key events in the post-pandemic period interpreted on the main website of the organization, the Eurasian Economic Commission², on the official website of the President of the Republic of Kazakhstan³, on analytical reports [1; 2], as well as on expert opinions of Russian and Central Asian experts, which were accumulated in the process of personal meetings and through the study of secondary sources.

The main goal of the Union is to increase the competitiveness of the member countries through a set of measures aimed at streamlining trade between the main partners and stimulating their own production in the interests of the national economies of the EEU countries. It is also an effective platform for regulating the movement of labor resources in this area. At the same time, the processes of integration within the EEU are developing against the background of new geopolitical and geo-economic realities and complexities, determining which it is possible to identify some trends affecting the activities of the Union. In the external contour we see such trends as constant socio-political and economic turbulence along the perimeter of the Union and, practically, in all countries of the Union against the background of post-pandemic effects and the changed geopolitical situation in the Eurasian space; a new polarity in international relations and the impact of sanctions against the Russian Federation, which raises the question of new approaches of the EEU. Afghanistan remains a serious challenge both for the EEU and for the Central Asian countries (to a greater extent for Tajikistan and Uzbekistan). These are serious factors that hinder rapprochement, but also have potential for the development of integration.

In the internal contour it is necessary to emphasize the still existing economic barriers, the different structure of the economies of the participating countries; the still observed incomplete coordination of the involved national structures in the participating countries; the low level of people's trust and a certain pessimism about the feasibility and success in the countries of the Union at the expert level, despite the confident steps at the state and interstate level. One of the challenges of the Union is the need to adapt to the constantly changing realities and to use for the most part the strategy of so-called "quick response", which is not always to plan and model the situation.

Against the background of these trends, the strengthening of the internal potential is seen in the strengthening of the structure, regular interaction of all member countries of the Union, constant work, and improvement of mechanisms in the main areas of activity. This seems to be an important but complex task, which is being worked on continuously.

Assessing the state of Eurasian integration and the Union's activities in general, we can talk about the results in the context of deepening economic rapprochement and institutionalization, sustainability, and improvement of mechanisms. The process of institutionalization of the EEU has already been completed, the governing bodies of the Union have been formed and are working effectively. The work of the main bodies is synchronized with the public authorities of all member states of the organization. Decisions taken by the EEU bodies are clearly formulated and implemented in an organized manner.

¹ Legal Portal // Eurasian Economic Commission : [site]. URL: <https://docs.eaeunion.org/en-us> (accessed on 05.06.2023).

² Eurasian Economic Commission : [site]. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/> (accessed on 05.06.2023).

³ Official website of the President of the Republic of Kazakhstan : [site]. URL: <https://www.akorda.kz/en> (accessed on 05.06.2023)

The assessment of integration potential is supposed to be done through the evaluation of the effectiveness of the “four freedoms” of the EEU: movement of goods, movement of services, movement of labor and movement of capital. It is also necessary to consider the current challenges and the expansion of the Union’s international activities.

Active capacity-building activities are under way for each of the “four freedoms”. These processes are constantly evaluated not only at the level of the Union structures involved, but also at the expert level. It is worth highlighting a whole range of activities to develop and promote the main areas of activity, noted by experts⁴ and confirmed by the legal framework⁵.

Customs control was abolished at the internal borders of the Union, the weighted average rate of the common customs tariff was significantly reduced, and a common system of measures to protect the internal market was developed and put into effect.

There is a unified system of technical regulation within the EEU, and since January 2017, a unified EEU customs code has been introduced.

At the end of 2018, the Supreme Eurasian Economic Council (SEEC) adopted the Declaration on Further Development of Integration Processes within the EEU, the provisions of which expanded opportunities for cooperation in advanced areas of science and economy, including such areas as space, nuclear power, renewable energy, ecology, and medicine.

October 2019, the Concept of the Common Financial Market of the EEU was approved.

For each such significant activity there is a conceptual justification and a step-by-step development plan for the development of the common financial market⁶. Thus, it is possible to ascertain stable institutional processes in the internal contour of the Union, which are a solid basis not only for its sustainable development, but also for transformation.

The sanctions imposed on Russia are an urgent and serious challenge for the Union. On the one hand, sanctions are a serious challenge for all members of the Union, but on the other hand, they should be a catalyst for the development and implementation of a more pronounced common economic policy of the EEU. This should take place against the background of accelerated modernization and diversification of the economies of the Union’s countries, which will allow to achieve an effect both at the national and supranational levels.

Strengthening in the internal circuit is also seen in the search for new business opportunities in the changing global economy, assisting businesses in overcoming barriers related to disruptions in transportation and logistics chains and restrictions on financial settlements in international trade. It is necessary to continue working on the digitalization of all processes, as well as enhancing a positive image within the Union, especially among young people.

Capacity building against the backdrop of sanctions and rapidly changing geo-economic realities in the external environment is seen in the further expansion of the Union’s international activities. This is important not only for Russia, but also for other countries of the Union, including Kazakhstan and Kyrgyzstan and other Central Asian countries that are potential participants or observers of the Union.

⁴ Карпович, О. ЕАЭС в новых условиях: риски и вызовы // Общественный совет при ФТС России : [сайт]. 06.09.2022. URL: <https://www.osfts.ru/publikacii/2022/2882-caes-v-novykh-usloviyakh-riski-i-vyzovy> (дата обращения: 05.06.2023).

⁵ Legal Portal // Eurasian Economic Commission : [site]. URL: <https://docs.eaeunion.org/en-us> (accessed on 05.06.2023)

⁶ Свобода движения услуг и капитала // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/881/29.-Obschchiy-finansovyy-rynok.pdf> (дата обращения: 05.06.2023).

This direction is relevant from 2019 precisely in the context of the development of multilateral and multidimensional economic cooperation. The EEU's international activities are carried out in accordance with Article 7 of the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014⁷ and the Procedure for the implementation of international cooperation by the Eurasian Economic Union, approved by Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of December 23, 2014, No. 99. In accordance with paragraph 5 of the said Procedure, the Main Directions of the Eurasian Economic Union's international activities are formed.

As of 10 November 2022, the ECE has concluded 46 memorandums with international organizations, 27 memorandums with governments, ministries, and agencies of third countries, 14 memorandums with regional integration and interstate associations, 7 trade agreements with third countries⁸.

A serious step in this direction is the signing of Memoranda of Cooperation with UN structures, with the CIS, international and regional organizations CSTO, SCO, IOM, and others.

Prospects lie in the potential for expansion of trade and economic cooperation, which is ensured by increasing the range of partners under the preferential regime of economic cooperation. Moreover, new partnerships should be considered from the point of view of finding new logistics solutions.

Already in force Agreement on Trade and Economic Cooperation with the PRC, signed cooperation agreements with Serbia and Singapore and memoranda of cooperation with Indonesia, signed a declaration of partnership with the Pacific Alliance⁹.

It is also necessary to note the Interim Agreement leading to the formation of a free trade zone between the EEU and Iran, which entered into force in 2019, and on March 14, 2022, before the end of its term, a Protocol to the Interim Agreement was signed to extend its application for three years or until the entry into force of the free trade agreement¹⁰.

A new and serious stage in the consolidation of these results and in the development of international cooperation was the approval by the EEU of the main directions of foreign activity for 2023 on December 9 in Bishkek. The main priorities are stated strengthening of interaction with the CIS countries and other near abroad countries. The importance of developing a systemic dialogue with the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the European Union (EU), the BRICS countries and Mercosur in the context of the idea of the Greater Eurasian Partnership was also noted¹¹.

⁷ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.06.2023).

⁸ Main Directions of EAEU International Activities for 2023 approved // Eurasian Economic Commission : [site]. 09.12.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/utverzhdenny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2023-god/> (accessed on 05.06.2023).

⁹ EAEU develops international cooperation: Free Trade Agreement with Singapore signed, Interim Agreement leading to the formation of a free trade area with Iran to come into force soon // Eurasian Economic Commission : [site]. 10.11.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/01-10-2019-8.aspx> (accessed on 05.06.2023).

¹⁰ Islamic Republic of Iran // Eurasian Economic Commission : [site]. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/commission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/iran.php> (accessed on 05.06.2023).

¹¹ Main Directions of EAEU International Activities for 2023 approved // Eurasian Economic Commission : [site]. 09.12.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/en/news/utverzhdenny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2023-god/> (accessed on 05.06.2023).

The chosen areas are aimed at promoting the realization of the export potential of the EEU countries, including by entering new markets and expanding the use of national currencies in mutual settlements.

States such as China, Vietnam, Serbia, Singapore, and Iran have been identified as major partner countries in accordance with concluded trade agreements. The activation of the Union's ties with Latin America, the Middle East, Southeast Asia, and Africa will strengthen the EAEU's status and increase the potential of the integration association.

The Greater Eurasian Partnership (GEP) initiative was first proposed by President Putin in 2015 and was developed in the following years. Thus, in the Declaration on Further Development of Integration Processes within the EEU of December 6, 2018, the member states indicated their commitment to the idea of pairing integration processes in the Eurasian space within the BEP, and in the Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Comprehensive Partnership and Strategic Cooperation Entering a New Era of June 5, 2019, the parties expressed their readiness for "parallel and coordinated" development of the BEP and China's "One Belt, One Road" initiative.

Even though there is still no unified vision of the GEP, on May 26, 2022, the Eurasian Economic Forum highlighted some parameters of the GEP. First, the formation of development institutions, including the Eurasian Export Center and the Eurasian Reinsurance Company, and a special role in promoting the project is assigned to the system of business dialogues of the EAEU Business Council, which could become an example for a potential platform for business cooperation in Greater Eurasia. Thirdly, the BEP geography includes the SCO, ASEAN, and BRICS countries.

This study takes as a basis the definition made by a group of researchers of the Russian International Affairs Council (RIAC) in the report "EEU Development 2022+: Strategic Challenges and Time Requirements" [1]. According to this report, "The Greater Eurasian Partnership is a system of institutions and trade and economic agreements of varying degrees of depth between the EEU and external partners, as well as integration blocs, maximizing benefits for its participants from foreign economic activity. Trade and economic agreements include not only preferential and non-preferential trade agreements, but also investment agreements on the development and creation of infrastructure projects (international transport corridors), sectoral cooperation, formation of special economic zones". In our opinion, this definition reflects the full depth and scope of the GEP, considering that the goal of the partnership is to maximize the economic benefits of integration processes in Eurasia and increase the resilience of economies to external challenges and threats.

Integration potential of member states within the EEU framework

The integration potential of Kazakhstan, as one of the founders and active participants of the Union is seen in a rather multifaceted way, in particular, new challenges and prospects. At the same time, Kazakhstan's participation in the Union is constantly criticized both at the level of the expert community and at the level of public discussions of representatives of various spheres of activity of the domestic society, which is not without reason. Nevertheless, participation in the Union gives Kazakhstan a few opportunities for flexible response and balancing in new conditions, as well as for strengthening the integration potential in general and experience, which may be important in deepening economic cooperation in relation to the CA countries.

Moreover, the complexities associated with global and interregional crisis phenomena, including post-pandemic effects, increasing polarity in international relations, referring

the US-China line, the situation around Afghanistan and sanctions caused by Russia's conflict in Ukraine pose some challenges to Kazakhstan, including those of an economic and logistical nature.

Kazakhstan's potential in the EEU is seen in several aspects. One of these aspects is the possibility of relocation of large foreign companies to Kazakhstan. In July 2022, President Tokayev instructed to create conditions for the relocation to Kazakhstan of foreign companies that left Russia. Most of the company was forced to make decisions on the change of location. For 2023 in the republic is planned to open new branches of international companies, the number of such companies considered from 50 to 300. In general, the flow of foreign direct investment in Kazakhstan in 2022 increased by 28%¹². These figures have increased significantly, and Kazakhstan faces a serious challenge to improve its approaches with foreign partners, particularly from the EU and the US. This should also be seen as an increase in business opportunities in the country. It is also very important not to be affected by sanctions and to fulfill its obligations within the EEU.

The next aspect is the issue of increasing Kazakhstan's transit potential, as the country is the largest transit hub in Central Asia. There is a great potential here both for the EEU and for partner and third countries. Along with this, Kazakhstan faces the need to diversify transportation and logistics routes in new conditions and is actively working in this direction.

Kyrgyzstan had a certain way to join the EEU and faced a few difficulties. The process of accession of the Kyrgyz Republic directly to the EEU began in 2011 and was a logical continuation of Kyrgyzstan's participation since the 1990-s in integration projects in the CIS space, and as a member of the Eurasian Economic Community (EurAsEC), Kyrgyzstan exercised its right to join the Eurasian integration project "by default". The negotiation process significantly intensified in 2014. Roadmaps for the Kyrgyz Republic's accession to the Eurasian integration project were agreed upon [3].

In a relatively short period of time, Kyrgyzstan managed to carry out a large-scale work on the creation of customs infrastructure, including equipping checkpoints, debugging information systems and other aspects. Following the completion of the necessary measures, the EEU members together with the Kyrgyz Republic on December 23, 2014, in Moscow signed the Treaty on Accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union and on May 8, 2015 two special protocols to the Treaty and separate international treaties included in the EEU law in connection with the accession of the Kyrgyz Republic. The Treaty and its protocols entered into force on August 12, 2015 [2].

For all complex issues, the Kyrgyz side was provided with comfortable transition periods and proposed solutions, and mechanisms for providing logistical and financial support were developed at the bilateral level to adapt the country's economy to the conditions of functioning in the EEU.

It should be mentioned that in 2014, an Agreement was signed between the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Russian Federation on the development of economic cooperation in the conditions of Eurasian economic integration, under which the Russian side undertook to provide Kyrgyzstan on a free-of-charge basis for the implementation of activities related to the equipping of border crossing points and laboratory facilities of the Kyrgyz Republic to meet the requirements, finan-

¹² «Непростые условия»: что ждет ЕАЭС в 2023 году? // Журнал Exclusive : [site]. 12.01.2023. URL: <https://exclusive.kz/neprostone-usloviya-chto-zhdet-caes-v-2023-godu/> (дата обращения: 05.06.2023).

cial resources in the amount of up to 200 million USD [2]. In 2017, Kazakhstan allocated USD 100 million to assist Kyrgyzstan to integrate into the Eurasian Economic Union¹³. This assistance was provided in the form of training services and financial transfers for customs checkpoints, modernization of testing laboratories and training in technical regulation.

Since joining the Union, customs control on its border with Kazakhstan has been abolished. Kyrgyzstan started applying the EEU Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activities and the Single Customs Tariff of the EEU. Since November 18, 2015, after the completion of modernization of the necessary infrastructure, sanitary and phytosanitary controls on the border of Kyrgyzstan and Kazakhstan were removed by the Decision of the EEC Council of August 21, 2015 (Order No. 277 of the Ministry of Agriculture of the RK dated October 26, 2016) [2]. However, some controls, such as veterinary and sanitary controls at the border remain in place until an adequate level of food security between the countries is achieved.

Kyrgyzstan is the first country to undergo the process of joining the EEU and the first results of the country's participation in the EEU were ambiguous and even unprofitable. This was due to poor preparation in the collection of three types of taxes – value added tax (VAT), sales tax and excise tax. The results of the reduction of trade with third countries, especially with PRC, were tangible, exports of garments and other products from Kyrgyzstan decreased. Among the positive effects, the recovery of the sugar industry, the opening of production of construction materials, new production in the textile sector, in the knitwear industry, in the footwear industry¹⁴.

Experts cite several arguments about the incomplete realization of Kyrgyzstan's potential within the EEU, but there are also arguments in favor of expanding opportunities for Kyrgyzstan.

First, as noted above, is the increase in trade barriers with the rest of the world, including with three of the four neighboring states of the Kyrgyz Republic – the PRC, Tajikistan, and Uzbekistan. This is because the Kyrgyz Republic's trade barriers are lower than those of the Russian Federation, the dominant country in the EEU. With the introduction of higher trade barriers on PRC imports, the Dordoi market has lost its regional role and is increasingly becoming a market for Kyrgyz consumers [4]. Along with this, the improved road network connecting the PRC and the Kyrgyz Republic reduces trade costs, both through improved transportation and by attracting more traders to the market. This is important in a region where historically price differences have often been associated with high transportation and logistics costs and with overcoming formal trade barriers.

Even though the Kyrgyz Republic has close relations with the other four EEU member countries, but most of all with Russia and Kazakhstan, which account for about 45% of exports (excluding gold) and 40% of imports of the Kyrgyz Republic [4]. Thus, Kyrgyzstan's trade and total trade turnover after joining the EEU has not yet covered all countries.

Analyzing the results of Kyrgyzstan's participation in the EEU it is necessary to note the macroeconomic results, which are important for the integration potential of Central Asia. Kyrgyzstan has made significant progress in reforming the business environment. A whole

¹³ Сенат РК одобрил выделение Кыргызстану \$100 млн на интеграцию с ЕАЭС // Inbusiness.kz : [сайт]. 29.06.2017. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/senat-rk-odobril-vydelenie-kyrgyzstanu-100-mln-na-integrats> (дата обращения: 05.06.2023).

¹⁴ Zh. Zhanaltay. Kyrgyzstan in Eurasian Economic Union: Benefits and Losses // Eurasian Research Institute : [site]. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/kyrgyzstan-in-eurasian-economic-union-benefits-and-losses/> (accessed on 05.06.2023).

layer of modern supranational legislation based on the best international practices has been introduced in the country in key areas of the economy, including those focused on export development, which has already had an impact on improving the investment climate and increasing the investment attractiveness of the country's economy both for investors from third countries and within the Union.

The most notable benefits Kyrgyzstan has received from the freedom of movement of labor, goods, and services, which has affected, in particular, the growth of remittances to Kyrgyzstan from migrant workers in the EEU.

As a full member of the Union, Kyrgyzstan offers initiatives and could implement its own, which affects the future of the organization and the development of the country, as well as is important for the development of cooperation with third countries, including within the region.

One of the important initiatives that was realized was the holding of the EEU Economic Forum¹⁵. This year the forum was held for the second time and has become a permanent platform for discussion.

This year, within the framework of the second Eurasian Economic Forum Kyrgyzstan proposed several initiatives to expand the integration potential of the EEU, including a proposal to create a supranational EEU development institute performing the functions of preparation, analytical support and financing of integration projects, as well as the creation of the EEU Institute of Business Ombudsman in order to minimize barriers in the internal market of the Union and to form a mechanism for pre-trial resolution of arising issues¹⁶. Kyrgyzstan's initiative within the Union, the experience gained and openness to cooperation allow us to conclude that the country's integration potential is sufficient, despite the remaining difficulties. Kyrgyzstan's integration experience is important in the context of further deepening of cooperation in Central Asia.

It seems important that in the EEU's external contour it is necessary to focus separately on cooperation with Central Asian countries strengthening cooperation with Uzbekistan, which has significant economic and demographic potential.

In September 2020, the Eurasian Economic Commission considered granting Uzbekistan observer status in the Eurasian Economic Union. The Eurasian Economic Commission considered granting Uzbekistan observer status in the Eurasian Economic Union¹⁷. Uzbekistan's partnerships with the economies of the EAEU member states are quite strong and have great potential for cooperation. Uzbekistan is becoming increasingly attractive in terms of attracting foreign investment and developing industrial facilities.

In April 2021, a Memorandum of Cooperation between the Government of the Republic of Uzbekistan and the Eurasian Economic Commission and a plan of joint

¹⁵ По инициативе Кыргызстана пройдет Евразийский экономический форум // Sputnik Кыргызстан : [сайт]. 24.01.2022. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220124/kyrgyzstan-caes-forum-predlozhenie-1061477920.html> (дата обращения: 05.06.2023).

¹⁶ КР предложила создать институт развития ЕАЭС – главное из речи Жапарова // Sputnik Кыргызстан : [сайт]. 24.05.2023. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230524/sadyr-zhaporov-caes-forum-vystuplenie-1075615933.html> (дата обращения: 05.06.2023).

¹⁷ EEC Council considered granting Uzbekistan the Observer State status in EAEU // Eurasian Economic Commission : [site]. 09.04.2020. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/04-09-2020-4.aspx> (accessed on 05.06.2023).

activities for 2021–2023 were adopted¹⁸. The Memorandum identifies a wide range of areas of cooperation from regulation of goods and services markets to issues of digitalization and social agenda. The Memorandum provides for cooperation in the areas of trade policy, customs and technical regulation, consumer protection, protection of social and labor rights of workers, circulation of medicines and medical devices, financial markets, transport, energy, industry and agro-industrial complex, digital economy, and others. Cooperation will be carried out through the exchange of experience and information, consultations and meetings, joint preparation and organization of events, including with the participation of representatives of business communities. A joint working group on interaction between the Government of the Republic of Uzbekistan and the EEC was also established, the first meeting of which was held in October 2021, during which the main directions of interaction were discussed.

Among the advantages seen for Uzbekistan, one can particularly note the possibility of overcoming geographical isolation by increasing connectivity and connectivity and creating a common transport market for the Union. The country will have easier access to continental transportation hubs with access to the markets and sea routes of Russia, China, the Near and Middle East and the EU.

It should be noted that Uzbekistan has a stable system of industrial enterprises, the experience of which is important for the development of the EEU. The development of production and industry in general is now one of the priority tasks of the Union.

Assessing the prospects of Uzbekistan's accession to the EEU within the framework of expert discourse, it can be argued that in the short-term, and possibly in the medium term, the country does not consider this option of cooperation. In this context, Uzbekistan's role as an observer should be considered more. It seems important to strengthen this direction of the EEU and seriously consider President Tokayev's proposal to strengthen the institution of observer¹⁹.

It is possible to conclude a free trade agreement with Uzbekistan, which would meet the interests of both the Union and the country. In this regard, the signing of a preferential agreement with Uzbekistan appears to be a stage for closer cooperation with Eurasian structures with subsequent accession to the EEU. It is important to focus on the harmonization of national legislation in the field of consumer protection, intellectual property issues, regulation of companies' activities in accordance with the Union's norms, and investment interaction.

Thus, Uzbekistan is an important partner of the EEU in the CIS has large integration resources in all areas of interest to the organization.

The potential of Tajikistan and Turkmenistan in terms of new logistics routes and integration potential of the CA region should be seriously considered.

Tajikistan has shown interest in Eurasian integration since 2014, but the benefits of joining the Union are still being studied in the country. The country needs to undertake a whole series of reforms and work on the convergence of standards and harmonization of

¹⁸ ЕЭК и Правительство Узбекистана подписали меморандум о взаимодействии // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. 30.04.2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-pravitelstvo-uzbekistana-podpisali-memorandum-o-vzaimodejstvii/> (дата обращения: 05.06.2023).

¹⁹ Токаев по итогам ВЕЭС: Потенциал ЕАЭС важно системно реализовать во благо наших стран // Zakon.kz : [сайт]. 25.05.2023. URL: <https://www.zakon.kz/politika/6394783-tokaev-poitogam-vees-potentsial-caes-vazhno-sistemno-realizovat-vo-bлаго-nashikh-stran.html> (дата обращения: 05.06.2023).

legislation. In connection with Tajikistan's potential EEU observer status, it seems necessary to strengthen expert support and conduct consultations and negotiations at the expert level on these issues. It should be noted that Tajikistan has a great potential for realization of water-energy diplomacy, as well as migration potential.

When expanding cooperation with Tajikistan, it makes sense to rely on the experience of the European Union on regulatory convergence with other countries without their accession to the association²⁰. Joining the EEU is important for the country in the context of free movement of labor and social preferences for migrant workers. Tajikistan also appears to be an important partner for the EAEU and the definition of the format of cooperation is necessary for effective interaction.

Cooperation with Turkmenistan is one of the declared areas of EEU partnership. The country has a reserved position in cooperation with organizations due to its neutral status. At the same time, Turkmenistan is interested in cooperation with the EEU. Turkmenistan has established a governmental commission to study the possibilities of the EEU. In the declaration on deepening the strategic partnership between Russia and Turkmenistan signed by the leaders of both countries in June 2022, the parties expressed their intention to intensify trade and economic cooperation using the potential of the Eurasian Economic Union [1].

Involvement of Turkmenistan will activate its energy and logistics potential within the EEU.

Migration potential and migration effects of the EEU for Central Asian countries

The integration potential of the countries of the CA region should also be considered from the point of view of the migration component.

Labor migration is under the jurisdiction of the Eurasian Economic Commission (EEC) and all labor movement issues fall under the competence of the Department of Labor Migration and Social Protection of the EEC. The Department of Labor Migration and Social Protection consists of the Departments of Labor Resources, Migration and Social Protection²¹. The Department monitors and controls the implementation of the obligations of member states in the field of labor migration.

In general, the coordination of labor migration is determined by the Treaty on the Eurasian Economic Union. Section 26 of the Treaty on the Eurasian Economic Union "Labor Migration" defines the general principles of regulation of labor migration issues within the EAEU member states. The section consists of 3 articles – Articles 96, 97 and 98²². These articles of the Treaty determine the procedure and forms of cooperation between the member states in the field of labor migration, the procedure for the implementation of labor activities by employees of the EEU member state, as well as approve the principle of free access to the labor market. This Treaty provides guarantees for the stay of family members of labor migrants based on a labor contract, rights and obligations of labor migrants.

²⁰ А. Королев, Г. Калачигин. Новые контуры внешнеэкономической стратегии ЕАЭС // Российский совет по международным делам : [сайт]. 14.07.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novye-kontury-vneshneekonomicheskoy-strategii-eaes/> (дата обращения: 05.06.2023).

²¹ Labor Migration Department // Eurasian Economic Commission : [site]. URL: <https://eec.eaunion.org/en/commission/department/migration/> (accessed on 05.06.2023).

²² «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023) // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.06.2023).

The union also has a Protocol on the provision of medical assistance to employees of member states and their family members (Annex No. 30 to the Treaty on the Eurasian Economic Union), an Agreement on Cooperation in Countering Illegal Labor Migration from Third Countries, and an Agreement on Pension Provision for Employees in Member States of the Eurasian Economic Union dated December 20, 2019.

The Eurasian Economic Union is so far the only platform that contains specific norms and rules for labor migrants for member countries and is a good model for managing labor migration.

The migration direction is constantly developing not only within the Union, but also along the external contour. To date, the EEU has formed an independent labor market and has already shown stability in the complex international realities.

Free movement of citizens within the EEU is developing dynamically and requires further improvement of response and coordination mechanisms. According to the EEU authorities, annual labor migration flows within the union have increased from 800,000 people in 2016 to 1 million 700,000 people in 2022²³, this information is also confirmed by official EEU resources. According to EEU statistics, 447,832 labor migrants from Kyrgyzstan and 54,581 from Kazakhstan stayed in the Russian Federation in 2022. In Kazakhstan in 2022 there were 63,345 from Russia and 8,812 from Kyrgyzstan²⁴. It seems that such statistics do not reflect the real situation due to the fact that not all migrants go through the necessary registration and contracting procedures. Thus, it seems that migration volumes are much larger, and this has a corresponding impact on migration effects.

Within the framework of the union, labor migration has become a mutually beneficial process contributing to socio-economic development with coordinated movement of labor force between member states. The developed migration management system is important not only for Kazakhstan and Kyrgyzstan, as members of the union, but also for other Central Asian countries, as the countries are in the same migration sub-system but have different migration profiles.

The positioning of Kazakhstan as a country of primary, alternative, transit destination, as well as a country of origin of labor migrants is preserved, but also experiences some changes in the context of such phenomena as mobilization in Russia due to the conflict in Ukraine. This applies not only to re-locates from the Russian Federation, but also to other citizens of the Union, as well as labor migrants from Central Asia who have dual citizenship (their own and the Russian Federation) or plan to redirect to Kazakhstan. The EEU gives a few advantages to the member countries of the Union in the field of labor migration coordination. This is also important for Kazakhstan, which has a rather diversified migration profile.

For Kyrgyzstan, migration potential is of great importance since external labor migration is an integral part of the country's socio-economic sphere. The EAEU gives migrants many advantages for staying and carrying out activities in both Russia and Kazakhstan. At

²³ Рынок труда в ЕАЭС продемонстрировал устойчивость в непростых условиях, но требует внедрения новых современных технологий // Евразийский экономический форум : [сайт]. 24.05.2023. URL: [https://forum.eaeunion.org/news/rynok-truda-v-eaes-prodemonstriroval-ustoychivost-v-neprostykh-usloviyakh-no-trebuets-vnedreniya-novy/](https://forum.eaeunion.org/news/rynok-truda-v-eaes-prodemonstriroval-ustoychivost-v-neprostykh-usloviyakh-no-trebuets-vnedreniya-novykh-sovremennykh-tekhnologiy/) (дата обращения: 05.06.2023).

²⁴ Сведения о численности граждан государств-членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация) для осуществления трудовой деятельности за период с 2012 по 2015 годы // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d5b/Svedeniya-o-chislennosti-trudyashchikhsya-za-2012_-2022-gg..pdf (дата обращения: 05.06.2023).

the same time, since 2022 Kyrgyzstan has been a popular country for re-locates from Russia and at the same time the transit potential of the country is increasing.

For Tajikistan, migration processes are also an integral part of the economy and social development. Unlike Kyrgyzstan, migrants from Tajikistan do not have the advantages of the EAEU migration regime. Since labor migration from Tajikistan is mainly directed to Russia, the relevant legislation is in force here. This also applies to Kazakhstan, and it should be noted that due to the imposition of sanctions and mobilization there is an active redirection of Tajik migrants from Russia to Kazakhstan. Joining the union would provide several advantages for labor migrants according to Articles 96-98 of the above mentioned EEU treaty.

Uzbekistan leads in terms of demographic potential, in particular, young able-bodied population. Labor migrants from Uzbekistan, whose remittances contribute significantly to the country's GDP, prefer first Russia and then Kazakhstan. Joining the EEU will make it possible to solve several problems related to the coordination of labor migration and ensuring the rights of labor migrants and their families.

An important aspect for labor-surplus countries of Central Asia, whose migration is directed to Russia and Kazakhstan, is remittances, in particular, for Kyrgyzstan – the Union country and Tajikistan – the partner country. According to the World Bank in 2022 remittances to these countries amounted to about 30% of GDP²⁵. According to the same source, Uzbekistan, an observer country of the Union, is also among the top recipients of remittances. Most remittances to the countries of the Central Asian region come from Russia. In the new realities there is a serious redirection of migrants from Central Asia to Kazakhstan, as well as for re-locants from Russia. In this regard, further development of migration processes and procedures in the EEU is important for all Central Asian countries.

Another aspect to be emphasized is the diversification of migration from the Eurasian space to other regions. This process has already started due to globalization and global interdependence in the first decade of the 21st century. Labor migrants from Central Asian countries are choosing new destinations and looking for new opportunities. In the new realities in which the Union is being transformed, this process will intensify. Expansion of cooperation, the treaty on Free Trade Zones with third countries and the implementation of the Greater Eurasian Partnership can give a new impetus to the development of more sustainable mechanisms for regulating labor migration processes.

Migration challenges in the EEU

Along with numerous advantages for labor migrants and economies in the EEU, there are a few unresolved issues. The main problems of labor migration in the EEU are related to the health of migrants and their financial literacy. The development of the labor market in the EEU requires the creation of new digital products and conditions for easier access of workers, including to social protection systems and medical care. Keeping track of migrants and obtaining quality statistics remains an unresolved issue.

Along with this, it should be noted the imbalance of supply and demand in the EEU labor market, significant differences between working conditions in the coun-

²⁵ Remittances Grow 5% in 2022, Despite Global Headwinds // The World Bank : [site]. 30.11.2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/11/30/remittances-grow-5-percent-2022> (accessed on 05.06.2023).

tries of the Union²⁶. It is also noted that most migrants from the Central Asian region do not go through all the necessary procedures for introduction into the legal field to fully utilize the advantages that the EEU provides. Another challenge is the mismatch between the demand for specialists and the supply of these professional specialists. This leads to lower labor productivity and some economic effects are lost. Moreover, new forms of employment develop faster than the formation of relevant legislation.

Most of the labor force has low or medium qualifications, which affects both migrants themselves and the effects of labor migration. This applies to working conditions and issues of access to health and other social services.

To meet the challenges, it is necessary to develop a few solutions, which are already being discussed and sought by the relevant EEU bodies.

One of the important solutions for improving mechanisms for regulating labor migration and properly ensuring the rights of migrants is the wider use of digital tools, convenient and functional mobile applications for migrants, as well as the use of practices of forecasting the development of economic and financial processes. It is also important to improve notification and access to financial products to improve remittance and investment mechanisms.

Within the Union it is important to initiate certification and recognition centers for harmonization and introduction of common requirements in the EEU.

It is necessary to create easier access for workers and their families to social protection and health care in the state of employment. This is being worked on by the Eurasian Commission together with international partners and a project is being developed to raise awareness among workers about modern standards of health and safety²⁷.

It is also important to continue and improve preparation and adaptation activities in countries of departure through the development of national pre-departure training systems, as well as in host countries to create comfortable conditions for the stay and successful adaptation of workers and their families.

Thus, the migration effects of EEU activities are important not only for the countries of the Union, but also for the CA countries that are not part of the organization.

Conclusion

Thus, the EEU's activities in the new geopolitical and geo-economic realities appear to be quite multilevel, multifaceted, and ambiguous. Numerous economic and political challenges and security threats along the perimeter of Eurasia, including sanctions against Russia, imposed against the backdrop of the conflict with Ukraine, are, on the one hand, a serious obstacle to further development, on the other hand, give a new impetus to the development of the organization itself and its members and partners.

The integration potential of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the internal contour of the Union has different possibilities, and they should be aimed not only at the development of

²⁶ Рынок труда в ЕАЭС продемонстрировал устойчивость в непростых условиях, но требует внедрения новых современных технологий // Евразийский экономический форум : [сайт]. 24.05.2023. URL: [https://forum.eaeunion.org/news/rynok-truda-v-eaes-prodemonstriroval-ustoychivost-v-neprostykh-usloviyakh-no-trebuuet-vnedreniya-novy/](https://forum.eaeunion.org/news/rynok-truda-v-eaes-prodemonstriroval-ustoychivost-v-neprostykh-usloviyakh-no-trebuuet-vnedreniya-novykh-sovremennykh-tekhnologiy/) (дата обращения: 05.06.2023).

²⁷ Там же.

the organization, but also at strengthening their own economies and their diversification. In this context, Kazakhstan, and Kyrgyzstan first need to use the potential of the organization to implement their primary economic and socio-economic needs and goals, including to enhance the positive effects of migration.

The opportunities for accession and cooperation in the EEU for Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan are mixed and uneven, but important both for the sustainability of national economies to improve standards, economic security, logistical component, and migration cooperation.

Uzbekistan is seen as a priority in the context of expansion in the Central Asian vector due to its economic, resource and demographic potential. If the decision on accession is delayed by the government or it is difficult to overcome barriers, it is important to strengthen the institution of an observer in the EEU. As such, strengthening the integration potential will be important for both Uzbekistan and the EEU. The EEU is also interesting for Uzbekistan and Tajikistan in the context of free movement of labor force.

Migration effects in the EEU extend beyond the space of the organization - to the perimeter of Central Asian countries, they are important and interrelated for the transformation of the organization itself and the development of the region. The mechanisms that have already been developed in the EEU to coordinate migration processes are the only and so far, non-alternative platform in the entire Eurasian space. Despite a few challenges, including limited access to quality medical services, imperfect digital tools for migrants, imbalance in labor supply and demand and other aspects, the functionality and certain efficiency of existing mechanisms remain important. Importance of remittances and acquiring new skills for CA countries at the present stage.

In general, the Eurasian Economic Union has undergone a significant transformation in the new realities, strengthened institutionally and is in the process of searching for new approaches and solutions in economics, logistics and free movement. Modern global and regional challenges will force all members of the Union to seek new approaches, and this should be considered when assessing the performance of the organization and its partners.

References:

1. *EAEU Development 2022+: Strategic Objectives and Demands of the Times* : Report No. 84 / A. Tochin, T. Aliev, E. Chimiris, A. Bezrukov, K. Kuzmichev, N. Pyzhikov, E. Stoyanova ; ed. by E. Karpinskaya, Yu. Melnikova, A. Aleksandrov, K. Trotskaya S. Gavrilova ; Russian International Affairs Council. Moscow : NP RSMD, 2023. 72 p. ISBN 978-5-6048843-0-0.
2. *The Kyrgyz Republic in the Eurasian Economic Union. First Results*. Moscow : Eurasian Economic Commission, 2018. 80 p.
3. Shukhno, S. S. Kyrgyzstan in EEC: Contemporary Directions of Cooperation. *Problems of Modern Economics*. 2016. No. 2 (58). Pp. 22–24. (In Russ.).
4. Taalaibekova, K. Problems and Prospects of the Kyrgyz Republic's Participation in the EAEU. *Post-Soviet Research*. 2021. Vol. 4, No. 5. Pp. 409–426. DOI [10.53535/2618-7426_2021_5_409](https://doi.org/10.53535/2618-7426_2021_5_409). (In Russ.).

Bio notes:

Leila F. Delovarova, PhD in International Relations, Acting Associate Professor, Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: delovarova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-3163-5933](https://orcid.org/0000-0003-3163-5933); Web of Science Researcher ID: [N-4809-2014](https://orcid.org/N-4809-2014); Scopus Author ID: [55858531800](https://orcid.org/55858531800).

Nuriddin Sultanmuratov, PhD in Regional Studies, Senior Lecturer, Department of International Relations and World Economy, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Contact information: e-mail: nuriddin.sultanmuratov@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-3711-4303](https://orcid.org/0000-0003-3711-4303).

Acknowledgments and financing:

The research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, grant No. BR18574168.

Received on 03.07.2023; accepted for publication on 07.09.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИЯ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В ЕАЭС И НОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕАЛИЙ

Деловарова Л. Ф.

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы,
Казахстан*

E-mail: delovarova@mail.ru

Султанмуратов Н.

*Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы,
Казахстан*

E-mail: nuriddin.sultanmuratov@gmail.com

Для цитирования: Деловарова, Л. Ф. Миграция в странах Центральной Азии в контексте интеграции в ЕАЭС и новых международных реалий / Л. Ф. Деловарова, Н. Султанмуратов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 71–86. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.5). EDN [OEFKFC](https://orcid.org/0EFKFC).

Аннотация. Интеграционные процессы на Евразийском пространстве являются результатом эволюции и трансформации подходов к кооперации и сближению участников объединения, включая проработку всех «четырёх свобод» ЕАЭС (движение товаров, движение услуг, движение рабочей силы и движение капитала). ЕАЭС сейчас является единственным действенным экономическим интеграционным объединением в Евразии, а миграционная составляющая – одним из ключевых аспектов, влияющих на три остальные и повышающих интеграционный потенциал стран Центральной Азии, не являющихся членами объединения. Данное исследование направлено на анализ интеграционного потенциала государств Центральной Азии через призму существующих и возможных миграционных эффектов. В исследовании проведен обзорный анализ потенциала Казахстана и Кыргызстана, возможности присоединения к ЕАЭС Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана с акцентом на потенциал и роль трудовой миграции для этих стран в контексте ЕАЭС. Актуальность исследования обусловлена не только важностью экономических интеграционных процессов на Евразийском пространстве через призму миграционных эффектов для Центральной Азии, но и в контексте получения ценного опыта, процессов унификации и повышения общих стандартов на всем Евразийском пространстве, и в частности, в миграционной сфере. Эффекты трудовой миграции в рамках ЕАЭС для Центральной Азии будут не только индикаторами сближения и интеграции, но и расширения сотрудничества в целом на региональном и межрегиональном уровне. Такой опыт важен для ЕАЭС, так как Союзу наряду с расширением круга экономических партнеров важно развивать новые механизмы координации трудовой миграции.

Ключевые слова: ЕАЭС; миграция в Центральной Азии; миграционный потенциал ЕАЭС; Большое Евразийское партнерство.

Сведения об авторах:

Деловарова Лейла Федоровна, доктор PhD по специальности «Международные отношения», и. о. доцента, кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: delovarova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-3163-5933](https://orcid.org/0000-0003-3163-5933); Web of Science Researcher ID: [N-4809-2014](https://orcid.org/N-4809-2014); Scopus Author ID: [55858531800](https://orcid.org/55858531800).

Нуриддин Султанмуратов, доктор PhD по специальности «Регионоведение», старший преподаватель, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Контактная информация: e-mail: nuriddin.sultanmuratov@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-3711-4303](https://orcid.org/0000-0003-3711-4303).

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, грант № BR18574168.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; принята в печать 07.09.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.6)
EDN [OBIRML](https://obirmml.org/)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАНОМ В КОНТЕКСТЕ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Вазиров З. К.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: zafar.vazirov@mail.ru*

Афзали М.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: mehdiafzali1991@gmail.com*

Гарибова Ф. М.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: farzona.garibova@mail.ru*

Для цитирования: Вазиров, З. К. Миграционные процессы между Россией и Ираном в контексте углубления сотрудничества в условиях санкций / З. К. Вазиров, М. Афзали, Ф. М. Гарибова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 87–99. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.6). EDN [OBIRML](https://obirmml.org/).

Аннотация. В статье рассматривается положение иранских мигрантов в России с акцентом на их правовой и социально-экономический статус. Показывается политика русского мира в Иране и иранского мира в России. Выявляются подталкивающие факторы эмиграции из Исламской Республики Иран в Российскую Федерацию, а также специфика притягивающих факторов иранской миграции в России. Определяются виды, формы и тенденции миграции из Исламской Республики Иран в Российскую Федерацию. Проводится оценка влияния пандемии COVID-19 на изменение тенденций иранской миграции в России. Отдельный раздел посвящается воздействию санкций как фактору, способствующему укреплению связей между Россией и Ираном. Исследуются социально-экономические и геополитические взаимосвязи как стимулы для укрепления партнерства и предпосылки миграции между странами. Результаты показывают, что иранские мигранты вносят свой определенный вклад в российскую экономику и демографию, особенно на рынке образования и в таких секторах, как торговля.

Ключевые слова: санкции; иранская миграция в России; трудовая миграция; образовательная миграция; учебная миграция; демография; торговля; гражданство РФ; Иран.

Введение

Исторически сложилось так, что связи между двумя странами восходят к концу VIII века. У Ирана и России были непростые отношения, которые с течением времени развивались, сопровождаясь многочисленными конфликтами из-за территориальных проблем и влияния в Центральной Азии и Кавказском регионе [1]. Однако в последние годы две страны стремились укрепить свои экономические, социальные и политические связи, особенно в областях энергетики, торговли и обороны. Одним из главных факторов, повлиявших на взаимоотношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран в последнее время, является общая оппозиция

Соединенным Штатам Америки и их политике на Ближнем Востоке, особенно в Сирии. Тем не менее между Ираном и Россией существует напряженность по различным вопросам, включая поддержку Россией санкций против Ирана и продажу оружия его региональным конкурентам, таким как Саудовская Аравия¹. Кроме того, Иран выражает обеспокоенность по поводу растущих экономических и геополитических связей России с Израилем [2]. Однако при этом Россия и Иран критиковали США за их военное присутствие в регионе и за поддержку Израиля. В последние годы Российская Федерация и Исламская Республика Иран расширили свои геополитические и экономические связи, отчасти по причине санкций США и так называемых «западных стран» в отношении обеих стран. Введение санкций Соединенными Штатами в отношении Исламской Республики Иран привело к расширению сотрудничества между Россией и Ираном. Российская Федерация выступала против санкций и вела работу над тем, чтобы предоставить Ирану некоторое облегчение от их воздействия. Так, например, в 2019 г. Россия и Иран создали механизм для ведения двусторонней торговли в своих национальных валютах. В феврале 2023 г. на 9-й ежегодной конференции по электронному банкингу и платежным системам заместитель председателя ЦБ Исламской Республики Иран отметил, что почти все российские банки подключены к иранской системе финансовых телекоммуникаций, что устраняет необходимость использования SWIFT². Страны тесно сотрудничают в энергетическом секторе, причем Россия предоставляет Ирану техническую помощь, оборудование и инвестиции. Кроме того, Россия выразила заинтересованность в строительстве атомной электростанции в Иране. Российская Федерация также сыграла определенную роль в развитии инфраструктуры Исламской Республики Иран, включая строительство новой железнодорожной линии, которая соединит Россию, Иран и Индию. Между тем международные санкции в отношении Ирана ограничили масштабы российских инвестиций в эту страну. Мало того, экономические последствия пандемии COVID-19 затронули обе страны: экономика РФ реально ощущает на себе снижение цен на нефть, а Иран сталкивается с проблемами в сдерживании распространения вируса [3; 4].

Обзор научной литературы

В научной среде практически отсутствуют исследования, посвященные иранской миграции в Россию, не считая работы авторов данной статьи. Тем не менее нам удалось обнаружить увлекательную работу на эту тему, которую мы представляем ниже.

З. Т. Плиева в своей научной работе рассматривает иранскую миграцию на Северном Кавказе России и приходит к следующим выводам. Миграция иранцев в Россию на рубеже 19–20 веков была уникальной по сравнению с более ранними перемещениями иранского населения. Она характеризовалась регулярностью, в ней участвовало значительное количество людей разных возрастов и полов и была продиктован в первую очередь экономическими причинами. Примерно 500 тыс. иранцев приняли участие в процессе миграции, причем некоторые из них поселились на Северном Кавказе на длительный период, в то время как другие участвовали в сезон-

¹ Россия поставила Саудовской Аравии вооружение и военную технику // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/666791> (дата обращения: 24.02.2023).

² Иранским банкам больше не нужен SWIFT // Иран.ру : [сайт]. URL: https://iran.ru/news/economics/122405/Iranskim_bankam_bolshe_ne_nuzhen_SWIFT (дата обращения: 26.02.2023).

ной работе – путешествовали в Закавказье в целях заработка, прежде чем ежегодно возвращаться в приграничные поселения. По мнению автора статьи, Терская область Северного Кавказа сыграла значительную роль в миграционной истории иранцев благодаря миграционной политике России, стратегическому положению региона и благоприятным условиям труда. Значительный экономический бум в пореформенной России, наряду с преобразованием ее приграничных регионов, послужил основным катализатором миграционного процесса. Это привлекало тысячи персидских крестьян и рабочих каждый год, рассматривавших поездку в другое государство как возможность для новых профессиональных перспектив, культурного обмена и взаимодействия с русским народом. Постоянно растущая миграция персов к российским границам была вызвана развитием торговых отношений и экономическим спадом в Персии [5].

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составила модель американского ученого Э. Ли, основанная на теории «выталкивания-притяжения» мигрантов. Модель применяется для изучения специфики миграционных процессов, а также для оценки их воздействия на социально-экономические и демографические последствия как для стран-доноров, так и стран-реципиентов мигрантов [6].

Данные и методы

В статье использованы данные официальной статистики ГУВМ МВД России, Росстата, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства просвещения РФ, Мэрии Москвы, Многофункционального миграционного центра г. Москвы, Министерства экономического развития РФ, Министерства культуры РФ, Министерства энергетики РФ, МИД РФ, Международного торгового центра, Посольства Ирана в России, Института демографических исследований ФНИСЦ РАН и др. Также в работе были использованы такие общенаучные методы, как обзор научных и популярных статей, посвященных проблемам иранской миграции в России; анализ официальных статистических данных об иранских мигрантах в России.

Сотрудничество в торгово-экономической, социальной и гуманитарной сферах

В последние годы обе страны увеличили объем двусторонней торговли. Согласно данным Центра международной торговли, в 2020 г. общий объем товарооборота между Россией и Ираном составил около 1,8 млрд долл. США. Российский экспорт в Иран за тот же год составил 1,2 млрд долл. долларов США, в то время как экспорт Ирана в Россию оценивался примерно в 591 млн долл. США. Россия в основном экспортировала в Иран такие товары, как оборудование и продовольственные продукты, в то время как основными товарами, импортируемыми из Ирана в Россию, были транспортные средства, автомобили, запчасти для гражданских самолетов, полезные ископаемые, нефть, газ, химикаты и текстиль^{3,4}. Как упоминалась выше, на нынешние российско-иранские торговые отношения повлияли международные санкции, которые ограничили способность отдельных компаний вести бизнес с Ираном и затруднили Ирану доступ к международным рынкам. По данным ФТС РФ, товарооборот между

³ Россия и Иран // Международный торговый центр : [сайт]. URL: <https://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/> (дата обращения: 27.02.2023).

⁴ Товарооборот России и Ирана достиг рекорда // Лента : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/12/05/iransila/> (дата обращения: 27.02.2023).

Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран за последние 10 месяцев 2022 г. превысил рекордные 4 млрд долл. США⁵. В целом несмотря на то, что экономические связи между Россией и Ираном в последние годы расширились, в двусторонних отношениях по-прежнему существуют проблемы и ограничения. Масштабы их экономического сотрудничества будут зависеть от различных политических и экономических факторов, включая исход международных переговоров по ядерной программе Ирана и влияние санкций США. Ирану долгое время удавалось выживать в условиях коллективных санкций Запада, что по истине является уникальным опытом. Несмотря на санкции, торговые операции страны растут благодаря соглашению о свободной торговле со странами ЕАЭС, которое вступило в силу 27 октября 2019 г. Кроме того, 14 июля 2022 г. Президентом РФ В. В. Путиным был подписан протокол о продлении данного соглашения⁶. Также развитию сотрудничества в торговле способствуют дружественные отношения между государствами, опыт Тегерана в развитии экономики в условиях санкций и его выгодное географическое положение, которое открывает для России потенциал для установления новых маршрутов поставок.

Иран и Россия сотрудничают в совместных исследовательских проектах в различных областях, включая науку, образование, технологии и медицину. Две страны подписали соглашения о создании совместных исследовательских центров и развитии сотрудничества в конкретных областях исследований. К примеру, в 2022 г. Иран и Россия подписали соглашение о сотрудничестве в области медицины⁷, включающее производство и поставку лекарственных средств и изделий медицинского назначения. В соответствии с соглашением иранские и российские исследователи будут совместно разрабатывать новые методы лечения рака и других заболеваний. В дополнение к ядерной медицине Иран и Россия сотрудничают в таких областях исследований, как энергетика, биотехнологии и нанотехнологии⁸. Например, в 2019 г. Азербайджан, Иран и Россия подписали соглашение о создании совместного исследовательского центра в области энергетики, работа которого будет сосредоточена на возобновляемых источниках энергии и энергоэффективности⁹. Совместные исследовательские проекты между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией предоставляют возможность исследователям и ученым обеих стран сотрудничать и обмениваться знаниями и опытом. Кроме того, они будут способствовать развитию новых технологий и инноваций, которые смогут оказать положительное влияние на экономику и общество. Ярким и масштабным событием в 2020 г. стало проведение Институтом демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН первого Российско-Иранского социологического форума, целью которого стало содействие дискуссиям между учеными из России и Ирана по вопросам, связанным с социально-экономическими и демогра-

⁵ Товарооборот России и Ирана за 10 месяцев превысил \$4 млрд // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16499945> (дата обращения: 27.02.2023).

⁶ Федеральный закон от 14.07.2022 № 243-ФЗ. Официальное опубликование правовых актов // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202207140007> (дата обращения: 27.02.2023).

⁷ Россия и Иран подписали несколько меморандумов о сотрудничестве в сфере здравоохранения // ТАСС : [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/14415081> (дата обращения: 02.03.2023).

⁸ Iran and Russia to Cooperate in Nuclear Medicine // Tehran Times : [сайт]. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/432293/Iran-Russia-to-cooperate-in-nuclear-medicine> (accessed on 02.03.2023).

⁹ Россия, Азербайджан и Иран подписали соглашение о совместной разработке ТЭО проекта соединения энергосистем трех стран // Министерство энергетики РФ : [сайт]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/15560> (дата обращения: 02.03.2023).

фическими аспектами развития обеих стран в контексте глобальных вызовов, включая пандемию COVID-19¹⁰. Среди его участников были ведущие ученые, дипломаты, правительственные чиновники, представители СМИ, молодые исследователи и студенты из России и Ирана. На форуме докладчики подчеркивали сходство подходов к развитию общественных наук в Российской Федерации и Исламской Республике Иран. Что было расценено как важный шаг на пути к укреплению академического и гуманитарного сотрудничества между двумя странами. Мероприятие предоставило ученым и экспертам платформу для обмена идеями и знаниями, для изучения возможностей для осуществления совместных исследований и проектов в области социальных наук в будущем. В целом форум стал позитивным и конструктивным опытом для всех участников, и существует надежда, что он проложит путь к дальнейшему плодотворному сотрудничеству между российскими и иранскими академическими сообществами. Участники отмечали, что данное мероприятие будет способствовать укреплению партнерских и дружественных отношений между двумя странами и внесет вклад в концепцию многополярного мира. Кроме того, ученые из ИДИ ФНИСЦ РАН опубликовали «Атлас социально-демографического развития России и Ирана» [7]. Таким образом, подобные совместные исследовательские проекты являются важным аспектом сотрудничества между Ираном и Россией в области науки и техники.

Страны также продвигают программы культурного и религиозного обмена для укрепления своих двусторонних отношений и содействия к взаимопониманию. Эти программы включают художественные выставки, музыкальные концерты, кинофестивали и другие культурные мероприятия. Например, в 2018 г. в Москве прошла Неделя иранской культуры, которая включала в себя различные мероприятия, демонстрирующие иранскую культуру, такие как выставки иранских изделий ручной работы, музыкальные концерты и кинопоказы¹¹. В 2022 г. в столице России прошли Дни культуры и искусства Ирана¹². Аналогичным образом в Тегеране была проведена Неделя российской культуры, которая включала выставки российского искусства и культуры, музыкальные концерты и балетные представления¹³. В октябре 2022 г. в ходе встречи статс-секретаря – заместителя министра культуры Российской Федерации А. Ю. Маниловой и заместителя главы Организации по культуре и исламским связям Исламской Республики Иран Х. Рузбехи обсуждалось расширение сотрудничества двух стран в сфере культуры. Одной из таких инициатив стало проведение Дней иранской культуры в России в 2023 г.¹⁴ 20–23 февраля 2023 г. в Москве состоялся «Двенадцатый раунд диалога между Исламом и Православием», организованный Аппаратом Советника Посольства Ирана в Российской Федерации

¹⁰ Российско-иранский социологический форум // Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН : [сайт]. URL: <https://idrras.ru/news/2020/november/resolution-first-russian-iranian-sociological-forum/resolution-first-russian-iranian-sociological-forum.html> (дата обращения: 04.03.2023).

¹¹ Церемония открытия дней культуры Ирана в России прошла на сцене Малого театра // Государственный академический Малый театр : [сайт]. URL: <https://www.maly.ru/news/3263> (дата обращения: 10.03.2023).

¹² Дни культуры и искусства Ирана // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/live/broadcast/29727/dni-kulturny-i-iskusstva-irana> (дата обращения: 10.03.2023).

¹³ Дни культуры России в Иране торжественно открылись в Тегеране // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. URL: https://culture.gov.ru/press/news/dni_kulturny_rossii_v_irane_torzhestvenno_otkrylis_v_tegerane/ (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁴ В России в 2023 г. пройдут Дни культуры Ирана // Министерство культуры Российской Федерации : [сайт]. URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_rossii_v_2023_godu_proydu_t_dni_kulturny_irana/ (дата обращения: 10.03.2023).

по вопросам культуры и Центром диалога религий и культур при поддержке Даниловского монастыря и других партнеров¹⁵. Одной из целей, озвученных в ходе диалога, является совместная борьба с экстремизмом, который осуществляется под религиозными предлогами. Эти программы культурного и религиозного обмена не только предоставляют людям возможность узнать о культурах и традициях друг друга, но и способствуют взаимопониманию и терпимости между двумя странами. Они также укрепляют связи между гражданами Ирана и России.

Положение иранских мигрантов в России: правовой и социально-экономический статус

Напомним, что между Россией и Ираном действует визовый режим. Однако в целях дальнейшего углубления взаимопонимания и укрепления дружбы между народами двух стран с 1 января 2023 г. до конца декабря 2023 г. правительства Российской Федерации и Исламской Республики Иран договорились ввести безвизовый режим для групповых туристов сроком на 15 дней. Для того, чтобы быть квалифицированной как туристическая группа, группа должна состоять из 5–50 граждан и должна возглавляться представителем туристической организации, ответственной за организацию поездки. Целью этого соглашения является содействие развитию туризма между двумя странами и поощрение культурного и предпринимательского обмена¹⁶. Аналогичный проект был осуществлен в 2016–2017 гг.¹⁷. И, как показывает его результат, Россию с туристической целью в 2016 г. посетили 65 тыс. иранских туристов, в 2017 г. – 59 тыс. человек. В период COVID-19 показатели оказались минимальными: Россию посетили всего более двух тысяч иранских туристов. Начиная с 2022 г., темпы постепенно увеличиваются (табл. 1). И вышеупомянутый проект может дать толчок к притоку туристов из Ирана в Россию. Более того, в феврале 2023 г. посол Ирана в России К. Джалали отметил, что Москва и Тегеран могут полностью отменить визы в ближайшем будущем¹⁸. Если это произойдет, туристический рынок обеих стран получит очередной импульс для развития и выведет двусторонние отношения на новый уровень. Следует отметить, что также растет доля образовательной миграции из Ирана в Россию. Например, в 2016 г. на миграционный учет с целью учебы было поставлено 1 572 студента, в 2019 г. – 7 600 человек, а в 2022 г. данный показатель достиг 22 109 человек (табл. 1).

¹⁵ Открытие двенадцатого раунда диалога между Исламом и Православием // Посольство Исламской Республики Иран в России : [сайт]. URL: <https://russia.mfa.ir/ru/newsview/711787/Открытие-двенадцатого-раунда-диалога-между-Исламом-и-Православием> (дата обращения: 10.03.2023).

¹⁶ [دش مال عا-هيسور و ناری ای-هورگ یازی و غل نامز] // IsnaIR : [сайт]. URL: <https://www.isna.ir/news/1401061310481/دش-مال-عا-هيسور-ون-ناری-ای-هورگ-یازی-و-غل-نامز> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁷ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Исламской Республики Иран о безвизовых групповых туристических поездках граждан Российской Федерации и граждан Исламской Республики Иран (Москва, 28 марта 2017 г.) // Консульский информационный портал МИД РФ : [сайт]. URL: <https://www.kdmid.ru/docs/iran/regulatory-framework-for-bilateral-consular-relations/> (дата обращения: 15.03.2023).

¹⁸ Посол Ирана в Москве не исключил отмены виз с РФ в ближайшее время // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/1469425/2023-02-13/posol-irana-v-moskve-ne-iskluchil-otmeny-viz-s-rf-v-blizhaishee-vremia> (дата обращения: 15.03.2023).

Таблица 1

Миграционный учет граждан Ирана в России в 2016–2022 гг., человек

Table 1

Migration registration of Iranian citizens in Russia in 2016–2022, people

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Количество фактов постановки на миграционный учет в том числе:	72 479	69 395	51 836	45 811	9 793	7 648	49 418
зарегистрированных по месту жительства	113	112	147	210	201	249	250
по месту пребывания из них по целям въезда:	72 366	69 283	51 689	45 601	9 592	7 399	49 168
– деловая		-	-	-	-	1 038	5 046
– туризм	65 260	59 223	19 086	25 380	1 685	808	14 790
– учеба	1 572	3 036	5 060	7 600	3 743	1 911	22 109
– работа	956	991	1 676	1 975	719	1 382	2 210
– частная	949	1 228	17 441	1848	550	1 399	2 573
– гуманитарная	-	-	-	-	-	59	38
– иные	2 781	3 174	4 839	4 073	880	802	2 402

Источник: составлено авторами на основе данных ГУВМ МВД РФ¹⁹

С каждым годом набирает рост и трудовая миграция из Ирана в Россию: в 2016 г. в РФ въехали 956 трудовых мигрантов, в 2021 г. – 1 382, в 2022 г. – 2 210 (табл. 1). А вот оформили разрешения на работу в 2021 г. 236 человек, в 2022 г. – 257 человек (табл. 2). В основном это люди с высоким уровнем образования, как правило, топ-менеджеры, а небольшая часть иранских трудовых мигрантов занята в сфере торговли и ресторанный бизнес.

Таблица 2

Граждане Ирана, получившие разрешения на работу в РФ в 2021–2022 гг.

Table 2

Iranian Citizens Who Received Work Permits in the Russian Federation in 2021–2022

Год	Разрешения на работу			Количество действительных разрешений на работу на конец отчетного периода
	Оформлено разрешений на работу	в том числе		
		Квалифицированным специалистам	Высококвалифицированным специалистам	
2021	236	48	179	241
2022	257	74	178	222
Уведомления				
Год	Получено уведомлений о заключении трудового договора или ГПД, осуществляющими трудовую деятельность	На основании разрешения на работу		Без разрешения на работу

¹⁹ Статистические сведения по миграционной ситуации // ГУВМ МВД РФ : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya?ysclid=lfpp6xfmdn158447605> (дата обращения: 16.03.2023).

Год	Разрешения на работу			Количество действительных разрешений на работу на конец отчетного периода
	Оформлено разрешений на работу	в том числе		
		Квалифицированным специалистам	Высококвалифицированным специалистам	
2021	252	177		75
2022	290	122		168

Источник: составлено авторами на основе данных ГУВМ МВД РФ²⁰

В июле 2022 г. на Пятом Форуме ректоров вузов Российской Федерации и Исламской Республики Иран Министр науки и высшего образования РФ В. Н. Фальков подчеркнул, что Иран является давним партнером в образовательном сотрудничестве с Россией. С 1960 г. Россия занимается подготовкой специалистов для Ирана. В 2019–2020 учебном году иранцы проявили большой интерес к таким областям, как инженерия, технологии и технические науки, социальные и гуманитарные науки, искусство, культура, но в основном они были сконцентрированы на медицинские науки. Согласно данным Минобрнауки, в Первом Московском государственном медицинском университете имени И. М. Сеченова (Сеченовском Университете) было наибольшее количество иранских студентов – 1 414 человек (табл. 3). В целом, по подсчетам министерства, число иранских студентов увеличилось на 677 человек по сравнению с 2018 г.²¹

Таблица 3

**Количество иранских студентов, обучающихся
в российских вузах в 2019–2020 гг.**

Table 3

Iranian Students at Russian Universities in 2019–2020

Вуз	Число студентов	Местоположение университета
Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова	1 414	Москва
Российский университет дружбы народов	289	Москва
Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова	262	Москва
Казанский (Приволжский) федеральный университет	128	Казань
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова	118	Санкт-Петербург

Источник: составлено авторами на основе данных Министерства науки и высшего образования РФ²²

²⁰ Статистические сведения по миграционной ситуации // ГУВМ МВД РФ : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 16.03.2023)

²¹ Валерий Фальков: количество иранских студентов в российских вузах растет // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21518/> (дата обращения: 20.03.2023).

²² Валерий Фальков: количество иранских студентов в российских вузах растет // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21518/> (дата обращения: 20.03.2023).

В настоящее время в российских университетах обучаются 4,7 тысяч иранских студентов. Тенденция поступления иранских студентов в российские вузы за последние три года неуклонно растет, причем с 2019 по 2020 г. этот показатель заметно увеличился в 1,8 раза. В 2019 г. в России обучались 2,6 тысяч иранских студентов, в то время как в 2020 г. их число выросло до 3,7 тысячи²³. Такой всплеск интереса иранских студентов к обучению в России можно объяснить несколькими факторами: качество образования, предоставляемого российскими университетами, доступность расходов на обучение и проживание, а также наличие стипендиальных возможностей. Чтобы облегчить процесс приема иностранных студентов, в том числе из Исламской Республики Иран, каждый академический год российское правительство выделяет иранским студентам квоту для обучения в учебных заведениях по всей стране. В 2014–2015 уч. г. иранским студентам было выделено 62 места, в 2015–2016 уч. г. – 50 мест, в 2016–2017 уч. г. – 111 мест, в 2017–2018 уч. г. – 90 мест²⁴. Аналогичным образом и в 2020–2021 академическом году было распределено 90 мест. Эта инициатива является частью усилий России по привлечению талантливых иностранных студентов. Каждый год программа квотирования пересматривается и обновляется правительством РФ. В 2023 г. Россия намерена привлечь по квоте 30 тысяч иностранных студентов²⁵. Стоит также отметить, что не все студенты в России учатся по квотам, предоставленным российским правительством. Многие студенты, включая магистрантов и аспирантов, оплачивают свое образование сами. Получив возможность выбрать собственный путь к учебе, студенты, как правило, выбирают лучшие варианты, доступные на образовательном рынке, и чаще всего такие вузы расположены в крупных субъектах – Москве, Казани и Санкт-Петербурге. В последние годы российские и иранские университеты активно формируют прямые партнерские отношения, только в 2018 г. было подписано 37 соглашений о сотрудничестве между образовательными и научными организациями обеих стран. Эти соглашения к тому же помогают содействовать культурному взаимопониманию, облегчают передачу знаний и технологий между странами и способствуют укреплению долгосрочных академических связей между Ираном и Россией, что может оказать положительное влияние не только на академическую мобильность и образовательную миграцию, но и в целом на экономическое и социальное развитие государств.

Граждане Ирана за последние несколько лет начали активно приобретать российское гражданство. Например, в 2016 г. гражданство получили 33 иранца, а в 2022 г. новыми гражданами Российской Федерации стал 121 иранец. Растет и доля иранцев, получивших вид на жительство (первично) в 2016 г. – 58 человек, в 2021 г. – 154 человек, а в 2022 г. – 149 человек (рис. 1).

²³ Число студентов из Ирана в российских вузах за последние три года выросло в 1,8 раза // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/52533/> (дата обращения: 22.03.2023).

²⁴ Иностранцам абитуриентам: как получить стипендию (квоту) // Study in Russia : [сайт]. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannym-abiturientam-kak-poluchit-stipendiyu-kvotu/> (дата обращения: 25.03.2023).

²⁵ К 2023 г. Россия увеличит квоту для иностранных студентов до 30 тысяч мест // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/46932/> (дата обращения: 27.03.2023).

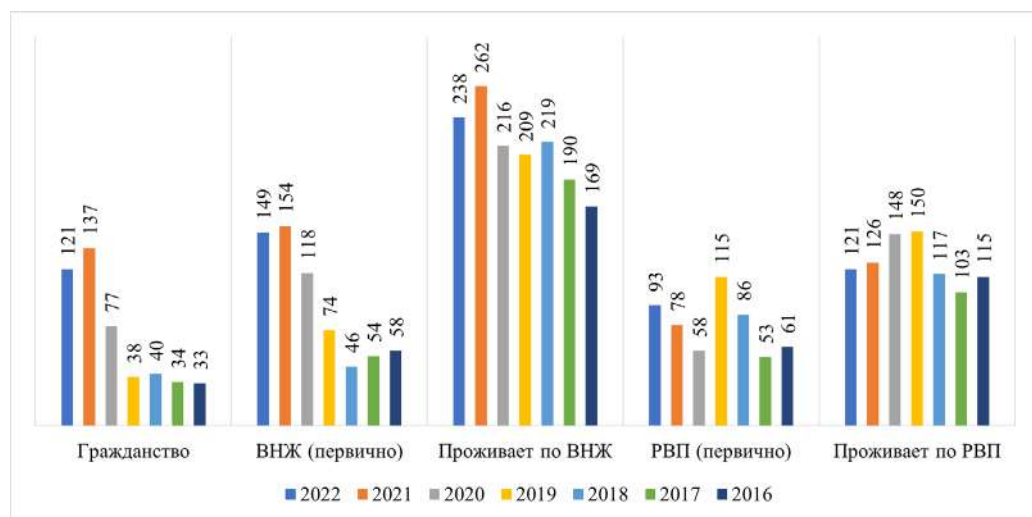

Рис. 1. Иранские граждане, получившие официальный статус для проживания в РФ в 2016–2022 гг.

Fig. 1. Iranian Citizens Who Received Official Status for Residence in the Russian Federation in 2016–2022

Источник: составлено авторами на основе данных ГУВМ МВД РФ²⁶

Может быть несколько причин, по которым иранцы приобретают российское гражданство в настоящее время. Одной из них могут быть экономические возможности. В последние годы Россия и Иран укрепляют свои экономические связи, причем РФ отменила многие санкции, введенные против Ирана, в обмен на нефтяные и газовые контракты. Граждане Ирана, получившие российское гражданство, могут рассматривать это как возможность воспользоваться преимуществами таких экономических связей и потенциально улучшить свои экономические перспективы. Другой возможной причиной может быть названа политическая нестабильность в Исламской Республике Иран, переживающей политические волнения, сопровождающиеся протестами против правительства и его политики. Правительство ответило на эти выступления репрессиями и подавлением инакомыслия, что вынудило некоторых иранцев искать убежища в других странах. Россия, с другой стороны, рассматривается некоторыми иранцами как относительно стабильная и безопасная страна с сильным правительством и низким уровнем политических волнений. Кроме того, возможно часть иранцев просто привлекает идея жить в России. Некоторые из них создают семьи с гражданами РФ, что приводит к кросс-культурным бракам, а брак является одним из оснований для получения гражданства. По закону супруги должны состоять в браке в течение трех лет, если в браке рождается ребенок, то трехлетний срок сокращается до одного года [8; 9]. Здесь следует подметить, что получение российского гражданства – непростой процесс, требующий от заявителей соответствия определенным критериям и прохождения длительного процесса подачи заявления. Однако тот факт, что все больше и больше иранцев решают сделать это, говорит о том, что у них есть значительные стимулы для подобного шага.

²⁶ Статистические сведения по миграционной ситуации // ГУВМ МВД РФ : [сайт]. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 02.04.2023)

Заключение

С 2023 г. наметилась небезынтересная тенденция: миграционные потоки из Ирана в Россию начали усиливаться, и эта тенденция, на наш взгляд, продолжит свое развитие в ближайшие годы. Одним из ключевых факторов, способствующих этому росту, стало упрощение визовых процедур, что делает перемещение между странами более доступным. К тому же открытие иранских автомобильных заводов на территории России при вовлечении иранских специалистов дополнительно подогревает интерес к миграции.

Российская Федерация, будучи обширной по размерам и многонациональной страной, привлекает внимание иранцев своей разнообразной культурой и традициями. Для многих из них получение российского гражданства становится исключительной возможностью окунуться в новую среду и познакомиться с уникальной российской культурой. Данный процесс влияет не только на саму демографию России, но и на обогащение местного культурного мозаичного полотна.

С каждым годом количество иранцев, становящихся гражданами РФ, растет, а новые кросс-культурные браки между представителями двух национальностей вносят свой вклад в расширение культурных горизонтов. И не последнюю роль в такой тенденции играют студенты из Ирана, приезжающие в Россию для обучения. Во время обучения, равно как и после окончания учебы, они с легкостью могут получить РВП и ВНЖ, что облегчает им возможность остаться жить и работать в России. Это подтверждает важность России как образовательного и культурного центра для иранских молодых людей.

В целом Исламская Республика Иран и Российская Федерация имеют сложные и развивающиеся отношения, которые отражают их общие интересы на Ближнем Востоке и обоюдное стремление поддерживать стабильность и безопасность в регионе.

Список литературы

1. Кулагина, Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века) / Л. М. Кулагина; Отв. ред. Н. М. Мамедова. Российская акад. наук, Ин-т Востоковедения. Москва : Ключ-С, 2010. 271 с. ISBN 978-5-93136-124-6. EDN [QPQQNT](#).
2. Джаббаринасир, Х. Р. Иран и Израиль во внешней политике России: ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная политика. 2020. № 1. С. 44–64. DOI [10.24411/2221-3279-2020-10004](#). EDN [KUDCUB](#).
3. Packiaraj, T. Impact of Sanctions on Russia on Global Economy / T. Packiaraj, Ch. Bibhas // International Journal of Business Forecasting and Marketing Intelligence. 2023. Vol. 1, № 1. Pp. 33–46. DOI [10.1504/IJBFMI.2023.10054389](#).
4. Sedighi, B. Multiple Sclerosis and COVID-19: A Retrospective Study in Iran / B. Sedighi, A. Haghdoost, A. Jangipour, Z. Abna, S. Bahmani, S. Jafari // PLoS ONE. 2023. Vol. 18, № 3. Pp. 1–11. DOI [10.1371/journal.pone.0283538](#).
5. Плиева, З. Т. Миграционная история иранцев на Северном Кавказе // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2021. № 4. С. 49–56. DOI [10.29025/1994-7720-2021-4-49-56](#). EDN [BBSLDV](#).
6. Everett, S. L. A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](#).
7. Атлас социально-демографического развития России и Ирана / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, О. Д. Воробьева [и др.] ; ФНИСЦ РАН. Москва : ИТД Перспектива. 2020. 136 с. ISBN 978-5-905790-46-1. DOI [10.38085/978-5-905-790-46-1-2020-1-136](#). EDN [AQZGIC](#).
8. Афзали, М. Российско-иранские кросс-культурные браки: социологический анализ / М. Афзали, О. В. Кучмаева, Т. К. Ростовская // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 3. С. 59–70. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.5](#). EDN [YLYFHY](#).

9. Hajro, A. Acculturation, Coping, and Integration Success of International Skilled Migrants: An Integrative Review and Multilevel Framework / A. Hajro, G. K. Stahl, C. C. Clegg // Human Resource Management Journal. 2019. Vol. 29, № 3. Pp. 328–352. DOI [10.1111/1748-8583.12233](https://doi.org/10.1111/1748-8583.12233).

Сведения об авторах:

Вазиров Зафар Кабутович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); РИНЦ Author ID: [943543](https://elibrary.ru/authors/943543); Web of Science Researcher ID: [S-7156-2018](https://orcid.org/571562018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Афзали Мехди, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9577-5639](https://orcid.org/0000-0002-9577-5639); РИНЦ Author ID: [985696](https://elibrary.ru/authors/985696); Web of Science Researcher ID: [AAA-5621-2019](https://orcid.org/AAA-5621-2019); Scopus Author ID: [57212506339](https://orcid.org/57212506339).

Гарибова Фарзона Майбалиевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); РИНЦ Author ID: [1088134](https://elibrary.ru/authors/1088134); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Статья поступила в редакцию 16.06.2023; принята в печать 16.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MIGRATION PROCESSES BETWEEN RUSSIA AND IRAN IN THE CONTEXT OF DEEPENING COOPERATION UNDER SANCTIONS

Zafar K. Vazirov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: zafar.vazirov@mail.ru

Mehdi Afzali

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: mehdiafzali1991@gmail.com

Farzona M. Garibova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: farzona.garibova@mail.ru

For citation: Vazirov, Zafar K. Migration Processes Between Russia and Iran in the Context of Deepening Cooperation under Sanctions / Z. K. Vazirov, M. Afzali, F. M. Garibova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 87–99. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.6).

Abstract. The article examines the situation of Iranian migrants in Russia with an emphasis on their legal and socio-economic status. The policy of the Russian world in Iran and the Iranian world in Russia is shown. The driving factors of emigration from Iran to Russia were identified, as well as the specifics of the attracting factors of Iranian migration in Russia. The types, forms and trends of migration from Iran to Russia are determined. The impact of the COVID-19 pandemic on the changing trends of Iranian migration in Russia was assessed. A separate section is devoted to the impact of sanctions as a factor contributing to the strengthening of ties between Russia and Iran. We also consider socio-economic and geopolitical interrelations as incentives for strengthening partnership and prerequisites for migration between the countries. The results show that Iranian migrants contribute to the Russian economy and demography, especially in the education market and in sectors such as trade.

Keywords: sanctions; Iranian migration in Russia; labor migration; educational migration; educational migration; demography; trade; citizenship of the Russian Federation; Iran.

References

1. Kulagina L. M. *Rossiya i Iran (XIX – nachalo XX veka) [Russia and Iran (XIX-early XX century)]* / L. M. Kulagina; ed. N. M. Mammadov; Russian acad. Sciences, Institute of Oriental Studies. Moscow : Klyuch-S Publ., 2010. 271 p. ISBN 978-5-93136-124-6. (In Russ.).
2. Jabbarinasir H. R. Iran and Israel in Russia's Foreign Policy: Restrictions on the Path of Cooperation. *Comparative Politics*. 2020. No. 1. Pp. 44–64. DOI [10.24411/2221-3279-2020-10004](https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10004). (In Russ.).
3. Packiaraj T. Impact of Sanctions on Russia on Global Economy / T. Packiaraj, Ch. Bibhas. *International Journal of Business Forecasting and Marketing Intelligence*. 2023. No. 1, Vol. 1. Pp. 33–46. DOI [10.1504/IJBFMI.2023.10054389](https://doi.org/10.1504/IJBFMI.2023.10054389).
4. Sedighi, B. Multiple Sclerosis and COVID-19: A Retrospective Study in Iran / B. Sedighi, A. Haghdoost, A. Jangipour, Z. Abna, S. Bahmani, S. Jafari. *PLoS ONE*. 2023. Vol. 18, No. 3. Pp. 1–11. DOI [10.1371/journal.pone.0283538](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0283538).
5. Plieva Z. T. Migration History of Iranians in the North Caucasus. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*. 2021. No. 4. Pp. 49–56. DOI [10.29025/1994-7720-2021-4-49-56](https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-4-49-56). (In Russ.).
6. Everett S.L. A. Theory of Migration. *Demography*. 1966. Vol. 3, No. 1. Pp. 47–57. DOI [10.2307/2060063](https://doi.org/10.2307/2060063).
7. *Atlas of Socio-Demographic Development of Russia and Iran* / S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya, O. D. Vorobieva [et al.] ; FCTAS RAS. Moscow : Perspektiva Publishing House. 2020. 136 p. ISBN 978-5-905790-46-1. DOI [10.38085/978-5-905-790-46-1-2020-1-136](https://doi.org/10.38085/978-5-905-790-46-1-2020-1-136). (In Russ.).
8. Afzali M. Russian-Iranian Cross-Cultural Marriages: A Sociological Analysis /M. Afzali, O. V. Kuchmaeva, T. K. Rostovskaya. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No 3. Pp. 59–70. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.5).
9. Hajro, A. Acculturation, Coping, and Integration Success of International Skilled Migrants: An Integrative Review and Multilevel Framework / A. Hajro, G. K. Stahl, C. C. Clegg. *Human Resource Management Journal*. 2019. Vol. 29, No. 3. Pp. 328–352. DOI [10.1111/1748-8583.12233](https://doi.org/10.1111/1748-8583.12233).

Bio notes:

Zafar K. Vazirov, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: zafar.vazirov@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9318-6873](https://orcid.org/0000-0002-9318-6873); RSCI Author ID: [943543](https://www.rsci.org/author/943543); Web of Science Researcher ID: [5-7156-2018](https://orcid.org/5-7156-2018); Scopus Author ID: [57194508693](https://orcid.org/57194508693).

Mehdi Afzali, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mehdiafzali1991@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-9577-5639](https://orcid.org/0000-0002-9577-5639); RSCI Author ID: [985696](https://www.rsci.org/author/985696); Web of Science Researcher ID: [AAA-5621-2019](https://orcid.org/AAA-5621-2019); Scopus Author ID: [57212506339](https://orcid.org/57212506339).

Farzona M. Garibova, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: farzona.garibova@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-6041-8204](https://orcid.org/0000-0001-6041-8204); RSCI Author ID: [1088134](https://www.rsci.org/author/1088134); Scopus Author ID: [57209849301](https://orcid.org/57209849301).

Received on 16.06.2023; accepted for publication on 16.08.2023.
The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.7)

EDN [MVDHTG](https://edn.mvdhtg.ru)

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ ВЬЕЗДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Кузнецов Н. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: nick_smith@mail.ru

Для цитирования: Кузнецов, Н. Г. Библиометрический анализ исследований выездной образовательной миграции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 100–110. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.7). EDN [MVDHTG](https://edn.mvdhtg.ru).

Аннотация. Образовательная эмиграция из России зачастую выпадает из поля зрения как исследователей, так и государственных деятелей. Тем не менее это один из каналов, который, с одной стороны, обуславливает отток молодого и многообещающего населения, а с другой – связывает нашу страну с ведущими мировыми научными и экономическими центрами. Данная статья призвана выявить пробелы в исследовании образовательной миграции из России с помощью структурированного обзора научной литературы. Предметом исследования являются тенденции изучения образовательной миграции в русскоязычной и англоязычной научной литературе. В рамках исследования доказываются нехватка комплексного подхода к изучению образовательной миграции в привязке к сравнительно новой концепции «интеллектуальной диаспоры». Используя библиометрический метод в сочетании с контент-анализом метаданных статей из библиографических баз Scopus и РИНЦ, автор приходит к выводу, что несмотря на очевидную связь этих понятий, лишь в единичных работах образовательные мигранты рассматриваются с точки зрения формирования таких диаспор. Также в статье формулируется необходимость выстраивания осознанной государственной диаспоральной политики, направленной не только на стимулирование реэмиграции, но и на иные формы взаимодействия с представителями национальных интеллектуальных сообществ за рубежом. Выбранные временные рамки (2017–2022 гг.) и объект исследования (статьи из двух библиографических баз), которые позволяют сделать выводы о тенденциях в изучении образовательной миграции в прошедшие пять лет и выявить перспективные направления исследований в данной области, становятся в какой-то степени ограничительными для нашей работы.

Ключевые слова: образовательная миграция; интеллектуальная диаспора; диаспоральная политика; миграционная политика, библиометрический анализ.

Введение

Образовательная миграция находится на стыке двух направлений государственной политики Российской Федерации – миграционной и образовательной. Однако, как и в случае с миграционной политикой, ключевым нормативным документом является соответствующая Концепция на период до 2025 г.¹, так и в случае с образовательной политикой, механизмы реализации которой сформулированы, среди прочего, в тексте Национального проекта «Образование»², выезд российских граждан за границу находится вне фокуса внимания. Государственное управление миграцией главным образом заключается в попытке привлечения населения и временных трудовых ресурсов в страну, схожая цель – увеличение численности иностранных студентов в отечественных вузах – поставлена и в сфере образования. Вместе с тем отток населения, в первую

¹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. 31.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 22.11.2022).

² Паспорт национального проекта «Образование» // Минпросвещения России : [сайт]. URL: https://edu.gov.ru/application/frontend/skin/default/assets/data/national_project/main/Паспорт_национального_проекта_Образование.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

очередь квалифицированной рабочей силы и талантливой перспективной молодежи, является серьезной проблемой для Российской Федерации, сокращая ее демографический и социально-экономический потенциал. Одним из каналов такого оттока оказывается образовательная миграция – до пандемии COVID-19, ограничившей возможности международной мобильности, до 60 тыс. студентов из РФ обучались за рубежом³. При этом высокая способность образовательных мигрантов к адаптации обуславливает значительный уровень невозвратной миграции среди студентов. К сожалению, достоверные и полные статистические данные об уровне невозвратной миграции при получении образования не собираются абсолютным большинством стран из-за понятных сложностей с организацией процесса, однако существует немалое количество исследований, описывающих миграционные намерения студентов. Для многих стран они демонстрируют результаты, где более половины образовательных мигрантов намерены остаться за рубежом после окончания учебы. В качестве примера можно привести исследование Е. А. Минаевой [1], указывающей на то, что около 60% российских студентов не планируют возвращаться на родину по завершении обучения за рубежом.

Сама международная академическая мобильность, является явлением положительным, расширяющим кругозор, компетентность и активность выпускников, и в конечном итоге оказывающем благоприятное воздействие на интеллектуальный и экономический потенциал стран, вовлеченных в студенческий обмен. Это нашло отражение в научной литературе, где трактовка миграции квалифицированных специалистов как «утечки умов» сменилась концепцией «циркуляции умов». Однако циркуляция умов подразумевает циклические перемещения специалистов в другие страны для работы и учебы, т. е. возвратную миграцию с повышением профессионального статуса мигранта за счет приобретаемых навыков, компетенций или прохождением образовательных программ [2]. Другими словами, для циркуляции умов важно наличие встречных (возвратных) миграционных потоков или иного механизма взаимодействия с интеллектуальными диаспорами или диаспорами знаний⁴, формирующимися за рубежом. Поскольку, как было отмечено выше, в государственной политике России практически не уделяется внимания эмигрантам (а также образовательной эмиграции, в частности), то отток перспективной молодежи из страны вызывает опасения и возвращает к восприятию рассматриваемого потока мигрантов как процесса «утечки умов».

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена значительным потенциалом, который может терять Российская Федерация вследствие образовательной миграции молодежи, а также отсутствия понятных механизмов взаимодействия с русскоязычной «диаспорой знаний», формирующейся в развитых странах.

Несмотря на значительный рост числа публикаций (в первую очередь, в англоязычной научной литературе), посвященных международной студенческой мобильности и взаимодействию стран происхождения мигрантов с диаспорами знаний, данные аспекты, как правило, рассматриваются исследователями отдельно. То есть, в академической среде су-

³ UIS Statistics // UNESCO: [site]. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed on 22.11.2022).

⁴ Понятие, близкое к англоязычному «knowledge diaspora / diaspora of knowledge» в русскоязычной научной литературе до сих пор не до конца устоялось – встречаются формулировки «диаспора знаний», «интеллектуальная диаспора», «научная диаспора» и др. В зависимости от того, включаются ли в число представителей такой диаспоры только ученые, объединенные этническим происхождением (или языковой общностью), либо также и высококвалифицированные специалисты, потенциально участвующие в трансфере знаний и технологий со страной происхождения, могут использоваться различные термины. Несмотря на разницу в формулировках и связанные с этим тонкости в определении принадлежности мигрантов к таким диаспорам, в данной статье они могут быть использованы как синонимы для более полного охвата рассматриваемых публикаций.

существует понимание [3] очевидной взаимосвязи образовательной миграции с формированием диаспор высококвалифицированных специалистов и ученых, однако работ, посвященных изучению долговременных процессов, приводящих к этому, крайне мало.

В российских научных изданиях, как и в государственной политике, акцент в целом смещен на изучение въездной образовательной миграции. Отдельные публикации посвящены миграционным потокам российских студентов в вузы конкретных стран, академической мобильности внутри ЕАЭС, но все же серьезного изучения связи «образовательная миграция из России – русскоязычная диаспора знаний» не проводилось. Это придает актуальность данной работе и формирует ее цель – доказать наличие пробела в структурном изучении образовательной миграции как явления, лежащего в основе формирования «диаспоры знаний», востребованность исследований, направленных на восполнение данного пробела, а также показать необходимость корректировки государственной политики, которая бы учитывала современное научное представление о потоках образовательных мигрантов.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- исследовать русскоязычные и англоязычные научные публикации за 2017–2022 гг., посвященные образовательной миграции, диаспорам знаний и государственной политике в сфере управления миграционными потоками и взаимодействия с диаспорами;
- опираясь на ключевые слова и аннотации, выделить основные направления исследований в этих сферах, тенденции и процессы, привлекающие внимание авторов;
- найти подтверждение гипотезе, указывающей на недостаток изученности связи между образовательной миграцией и взаимодействием с диаспорами знаний.

Методика отбора источников и научной литературы

Для проведения библиометрического анализа, направленного на выявление структурного пробела в изучении образовательной миграции, были выбраны библиографические базы РИНЦ (с использованием инструментов Научной электронной библиотеки eLibrary.ru), как наиболее полная база русскоязычных исследовательских работ, и Scopus, как одна из баз, объединяющих высокорейтинговые западные научные журналы. Безусловно, такой выбор имеет определенные ограничения, особенно в части исследования тематики зарубежными авторами (можно предположить, что большое количество азиатской и южноамериканской научной литературы осталось за рамками данной работы). Однако целью нашей статьи являлось не проведение претендующего на полноту обзора литературы, а выявление общих тенденций и направлений при изучении авторами образовательной миграции. Таким образом, можно говорить о достаточно полном охвате русскоязычной научной литературы (насколько это возможно при применении библиометрического метода) и использовании базы Scopus в качестве «среза» по работам зарубежных авторов, позволяющих получить представление о направлениях их исследований.

Выбранный период времени (2017–2022 г.) продиктован желанием отразить актуальные предпочтения ученых при изучении образовательной миграции и современные научные представления о данном объекте исследования.

Рассматриваемые темы, особенно образовательная миграция в целом, являются предметом исследования ряда областей знаний (социология, экономика, педагогические науки и т. д.), что обуславливает необходимость существенного сокращения анализируемых публикаций. Критерии включения статей в обзор представлены ниже в

табл. 1. Для отбора использовались встроенные инструменты поиска, предлагаемые библиографической базой Scopus и Научной электронной библиотекой eLibrary.ru.

Таблица 1

Критерии структурированного отбора источников

Table 1

Criteria for structured selection of sources

Критерии	Критерии включения (eLibrary.ru)	Критерии включения (Scopus)
Поле для поиска	«Образовательная миграция», «академическая мобильность», «студенческая миграция», «научная диаспора», «иностранные студенты» в названии статьи, аннотации либо ключевых словах	«Academic mobility», «educational migration», «student migration» and «knowledge diaspora», «international students» in the field Article Title, Abstract, Keywords'
Период времени	2017–2022 гг.	
Отрасль знаний	Общественные науки в целом, Социология, Экономика, Демография	Social science, Economics
Язык	Русский, английский	
Тип документа	Статья, Article	

Источник: составлено автором

Отобранные работы были отсортированы по количеству цитирований для выявления наиболее заметных статей по каждому из выбранных слов. Самый общий термин – «иностранные студенты»/ «international students» – даже с учетом ограничений по временному периоду и отрасли знаний был представлен более чем в 6 000 статей, среди которых были отобраны по 100 наиболее цитируемых в РИНЦ и Scopus работ. Аналогичная сортировка и отбор были проведены по другим ключевым словам. По ряду ключевых слов в соответствии с заданными параметрами было найдено менее 100 статей, в таком случае в отбор попадали работы, имеющие как минимум два цитирования. Это было сделано для исключения из анализа наименее ценных или слишком узкоспециализированных статей. Безусловно, подобный подход привел к тому, что в подборку попало меньше статей, опубликованных в 2021–2022 гг. Вместе с тем дополнительный несистематизированный поиск (по тексту статей, с использованием структурно более сложных словосочетаний) показал, что заметного увеличения числа работ по интересующей теме в указанный период не отмечалось, а значит итоговые выводы можно интерпретировать без оговорок на возможный рост интереса исследователей к данной теме в последние два года.

Выбор ключевых слов базировался на необходимости решения двух задач:

- рассмотреть наиболее общие понятия, связанные с образовательной миграцией, показав широту тем и даже предметных областей, в рамках которых данный процесс изучается;
- ввести в научный оборот и анализ наиболее узкое и сравнительно новое, не до конца устоявшееся понятие, продемонстрировав пробел в изученности этого направления.

Определенную сложность представлял тот факт, что терминология, используемая при изучении образовательной миграции, до сих пор полностью не устоялась. Наиболее общие понятия – «иностранные студенты»/«international students» и «академическая мобильность»/«academic mobility» – употребляются исследователями разных предметных областей, для термина «образовательная миграция» зачастую используется как синоним «учебная миграция», несмотря на то, что эти понятия несколько отличны (второй включает в себя только учащихся школ/вузов и т. д., первый – более широкий, включающий любую

миграцию с целью получения образования/повышения квалификации) [4]. Наконец, термин «knowledge diaspora», который постепенно становится широкоупотребимым в англоязычной литературе, имеет различные переводы на русский язык – «диаспора знаний» [5], «интеллектуальная диаспора» [6], «научная диаспора» [7] и др. Причем если в англоязычном термине, как правило, подразумевается часть этнической (иногда языковой) группы, проживающая за рубежом, сохраняющая общность и имеющая высокую квалификацию, то в русскоязычной литературе можно встретить как схожую трактовку, так и обособленное выделение группы ученых, мигрировавших в определенную страну, притом что такая группа может не отвечать критериям понятия «диаспора», сформулированным Р. Коэном [8].

Автором также было принято решение не использовать при отборе статей ключевые слова, связанные с управлением диаспорами. Это обусловлено отсутствием в научном дискурсе общеупотребимых терминов (как правило, используется «диаспоральная политика»/ “diaspora policy”), а кроме того, еще и тем, что отбор статей по данному запросу привел бы к искажению за счет большого числа работ по изучению политики стран приема мигрантов, а не стран их происхождения.

Анализ источников и научной литературы

Всего были отобраны 634 статьи (342 из eLibrary.ru и 292 из Scopus), проведен контент-анализ аннотаций и названий, на основании которых каждой статье присваивались тематические маркеры, разработанные автором на основе наиболее часто встречающихся направлений исследования.

Результаты отбора статей и их тематической маркировки представлены в таблицах: табл. 2 – Scopus, табл. 3 – eLibrary.ru.

Таблица 2

Отбор источников из библиографической БД «Scopus»

Table 2

Selection of sources from the “Scopus” database

Ключевые слова	International students	Academic mobility	Educational migration	Student migration	knowledge diaspora
Найдено статей	2 407	247	65	99	1
Отобрано статей	100	100	32	59	1
Интернационализация высшего образования	12	12	0	1	1
COVID	6	3	0	1	0
Миграционные потоки	9	20	7	17	0
Образование и педагогика	12	8	2	1	0
Причины /факторы миграции	8	2	5	7	0
Связь с рынком труда	5	22	3	3	0
Социокультурные аспекты	26	20	9	16	0
Управление потоками образовательных мигрантов	12	7	3	8	0
Связь «образование – миграция – диаспора»	2	5	1	2	0
Непрофильные темы	8	1	2	3	0

Источник: составлено автором

Таблица 3

Отбор источников из научной библиотеки «eLibrary.ru»

Table 3

Selection of sources from the eLibrary.ru science library

Ключевые слова	Иностранные студенты	Академическая мобильность	Образовательная миграция	Студенческая миграция	Научная диаспора
Найдено статей	3 660	1 007	599	86	19
Отобрано статей	100	100	100	35	7
Интернационализация высшего образования	1	21	4	1	0
COVID	1	2	2	0	0
Миграционные потоки	1	5	19	8	4
Образование и педагогика	77	29	6	5	0
Причины/ факторы миграции	2	0	7	10	0
Связь с рынком труда	1	7	11	1	0
Социокультурные аспекты	10	10	20	3	0
Управление потоками образовательных мигрантов	7	11	18	3	0
Связь «образование – миграция – диаспора»	0	0	2	0	3
Непрофильные темы	0	15	12	2	0

Источник: составлено автором

Для присвоения тематических маркеров осуществлен контент-анализ заголовков и аннотаций, в спорных случаях – фрагментов текстов статей (введение, заключение) и предметной области журналов, где они были опубликованы. Безусловно, однозначно отнести некоторые статьи к одной тематической группе возможным не представлялось, в таких случаях присваивался маркер наиболее близкой тематики, в т. ч. исходя из предметной области журнала.

Ниже представлены более широкие описания тематик, вошедших в группы маркировки (табл. 4).

Расшифровка группировки статей по тематикам

Specifying the classification of articles by subject

Интернационализация высшего образования	Интеграционные процессы в образовании, межвузовское сотрудничество, унификация программ подготовки, болонский процесс
COVID	Влияние пандемии COVID-19 на различные аспекты образовательной миграции, политику стран приема и происхождения мигрантов, социальные и бытовые проблемы учащихся
Миграционные потоки	Количественные и качественные исследования отдельных миграционных потоков (межрегиональных, международных), выявление устойчивых каналов миграции. Исключались статьи, где был очевиден фокус на изучение причин миграции (входят в соответствующую тематическую группу)
Образование и педагогика	Исследования образовательных технологий, педагогических вопросов, где миграция носит второстепенный характер (в т. ч. статьи, посвященные особенностям преподавания мигрантам)
Причины/факторы миграции	Качественные исследования миграции, направленные на выявление ее причин, факторов, влияющих на ее динамику
Связь с рынком труда	Исследования влияния миграции (в т. ч. образовательной) на рынок труда принимающей страны, на индивидуальные карьерные траектории. Исключались статьи, затрагивавшие процессы возвратной миграции после обучения (входят в группу «образование – миграция – диаспора»)
Социокультурные аспекты	Вопросы адаптации иностранных студентов, влияния гендерных, расовых, культурных, религиозных и иных факторов на процессы обучения и интеграции в общество
Управление потоками образовательных мигрантов	Изучение политики стран в отношении образовательных мигрантов, международного сотрудничества в области образования, использования данных процессов в качестве элемента «мягкой силы»
Связь «образование – миграция – диаспора»	Статьи, посвященные изучению связи между образовательной миграцией и формированием за рубежом т. н. «диаспор знаний», возможной политике взаимодействия с ними или исследования, посвященные стимулированию возвратной миграции после получения образования за рубежом (как одному из элементов такого взаимодействия)
Непрофильные темы	Статьи по истории, психологии, медицине, а также статьи, посвященные миграции, где непосредственно аспекту образовательной миграции уделяется лишь эпизодическое внимание (фактически она просто перечисляется в качестве одного из типов миграции).

Источник: составлено автором

Следует отметить, что в перечень работ с маркером «связь с рынком труда» попало некоторое количество статей, посвященных траекториям профессорско-преподавательского состава после возвращения на родину. Несмотря на это, они не были отнесены к тематике «Образование – миграция – диаспора», поскольку более подробный анализ текстов показал, что целью таких работ было продемонстрировать влияние миграции на индивидуальную карьеру (то есть изучались мотивы миграции и теория принятия решений), а не особенности формирования миграционных потоков в целом и их влияние на социально-экономическую жизнь страны, возможности выстраивания определенной политики в отношении таких профессиональных групп.

В группу «управление потоками образовательных мигрантов», как правило, включались статьи, посвященные политике стран-экспортеров высшего образования, т. е. политике привлечения иностранных студентов, преподавателей, ученых. При изучении механизмов взаимодействия с диаспорами знаний (и при формулировании национальной политики в этой сфере) данная категория работ может быть полезна с точки зрения возможной гармонизации политик стран приема и стран происхождения мигрантов.

Наибольшее внимание исследователей привлекают тематические группы «социокультурные аспекты» (24,3% работ в Scopus, 12,6% – eLibrary.ru), «миграционные потоки» (18,1% и 10,8% соответственно), «управление потоками образовательных мигрантов» (10,2% и 11,4%), «связь с рынком труда» (11,3% и 5,8%). В отечественной научной литературе обращает на себя внимание большое количество работ по изучению образовательных технологий и педагогике, что скорее всего связано с несовершенством классификации – существующий инструментарий eLibrary.ru не позволяет «безболезненно» исключить из анализа журналы по педагогике, сохранив в отборе интересные статьи. Этим же объясняется и более высокие показатели числа статей на непрофильные темы (8,5% против 4,8%).

Представляется, что количество работ, получивших маркер «Связь «образование – миграция – диаспора»», подтверждает гипотезу, сформулированную во введении нашей статьи. Наличие большого числа работ по смежным темам в сочетании с незначительным количеством наиболее тематически близких статей указывает на пробел в изученности темы: с одной стороны, ученые обращают внимание на процессы образовательной миграции, на политику государств в этой области, на изучение диаспор, однако комплексных работ, посвященных этим направлениям, в сфере крайне мало.

Данный постулат находит подтверждение и в текстах, отобранных в ходе принятого обзора статей [3]. Таким образом, наличие недостаточной исследованности названного направления в рамках общего изучения образовательной миграции можно считать доказанным. Необходимость комплексного подхода к изучению связи между потоками иностранных студентов, формированием диаспор знаний (интеллектуальных диаспор) и политикой государств в области взаимодействия с ними в целях сохранения и развития социально-экономического и демографического потенциала диктует целесообразность дальнейших исследований в этой области знания.

В то же самое время эпизодические исследования по интересующей нас тематике (например, [1; 6]), указывают на недостаточно полное использование в российской государственной политике современных мер взаимодействия с образовательными мигрантами. Так, из трех направлений этих мер – удержание, возвращение и вовлечение – в России фактически применяется только удержание (снижение влияния выталкивающих факторов, т. е. инвестиции в образование, повышение востребованности дипломов и т. п.) и возвращение (репатриационные инструменты, а также закрепление необходимости работы в России для стипендиатов специальных программ).

Проведение политики вовлечения само по себе не способствует возвращению образовательных мигрантов и выпускников, но обеспечивает их вклад в социально-экономическое, культурное и научное развитие страны, а также может способствовать переходу выпускников из категории «не планирую возвращаться в Россию» в категорию «вероятно вернусь в будущем». Это, в свою очередь, создает определенную массу квалифицированных специалистов, на которых могут быть направлены отечественные программы по репатриации, и которых можно рассматривать как демографический и экономический «резерв».

Кроме того, следует понимать, что ключевая проблема образовательных мигрантов и ключ к их адаптации за рубежом либо стимул для возвращения на родину – прямые и косвенные потери, связанные с переездом и поиском работы. Таким

образом, одной из важнейших задач российской государственной политики в сфере управления образовательной миграцией должно стать обеспечение соединения российских выпускников иностранных вузов с отечественным рынком труда. Создавая механизмы «заблаговременного трудоустройства» путем, например, финансирования летних стажировок в отечественных компаниях, создания базы данных российских студентов за рубежом, заинтересованных в получении предложений о работе, наша страна сможет более эффективно задействовать свой потенциал, которым являются студенты – молодые представители диаспоры знаний.

Сейчас, однако, Россия не имеет стратегии взаимодействия с образовательными мигрантами, которые финансируют свое образование самостоятельно, за счет заимствованных средств или за счет принимающей стороны. Это не позволяет поддерживать диалог с данной группой мигрантов, находить востребованные у них инструменты поддержания деловой и интеллектуальной связи с Россией, что в конечном счете помогло бы снизить риски утечки мозгов.

Заключение

Результаты обзора позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, тематика образовательной миграции является востребованным предметом изучения. Число статей в высокорейтинговых журналах по экономике, социологии, демографии и общественным наукам в целом, посвященных различным аспектам образовательной миграции, в последние пять лет оставалось на высоком уровне. Несмотря на барьеры, которые пандемия COVID-19 создала для миграционных процессов, потоки образовательных мигрантов остаются заметным явлением, особенно на фоне высокого потенциала мигрантов, их составляющих.

Вместе с тем комплексные исследования, посвященные связи образовательной миграции, формирования интеллектуальных диаспор и государственной политики в отношении процессов миграции и взаимодействия с такими диаспорами за рубежом, остаются единичными как в российском, так и в международном научном дискурсе. В результате обзора из 634 статей, отобранных по ключевым словам и заданным показателям, только 15 были близки к теме, заявленной в качестве гипотетически недостаточно исследованной. Именно это направление составляет заметный пробел в изученности тематики образовательной миграции.

В западной научной литературе наиболее востребованными для изучения остаются социокультурные аспекты образовательной миграции – проблемы адаптации иностранных студентов, влияние гендерных, расовых, религиозных, культурных и других особенностей на выбор места учебы за рубежом и сам процесс обучения. Отечественные исследователи уделяют этому вопросу меньше внимания, хотя существует весьма большое количество статей, посвященных этнокультурным аспектам приема иностранных студентов.

Выявлен высокий интерес исследователей к политике управления потоками образовательных мигрантов, но он в основном рассматривает политику стран приема, т. е. экспортеров высшего образования. Вопросы регулирования выездной образовательной миграции остаются вне фокуса внимания ученых (как, впрочем, и законодателей, что было отмечено во введении). Таким образом, структурированный обзор литературы дает основания для вывода о необходимости дальнейших исследований мировых подходов к формированию интеллектуальных диаспор, взаимодействия с ними и применения стимулов к реэмиграции или иных вариантов реинтеграции в

национальное сообщество. Это остается особенно актуальным в настоящее время, когда в России фиксируется заметный отток населения – молодого, образованного, трудоспособного, готового внести свой вклад в экономическое и демографическое развитие страны.

Список литературы

1. *Minaeva, E.* Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education // *University Management: Practice and Analysis*. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.020).
2. Интеллектуальная миграция в современном мире : учеб. пособие / под ред. М. М. Лебедевой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. мировых политических процессов. Москва : МГИМО-Университет, 2014. 253 с. ISBN 978-5-9228-1129-3. EDN [THOUEF](https://edn.ru/THOUEF).
3. *Brooks, R.* International Students and Alternative Visions of Diaspora / R. Brooks, J. Waters // *British Journal of Educational Studies*. 2021. Vol. 69, No. 5. Pp. 557–577. DOI [10.1080/00071005.2021.1948501](https://doi.org/10.1080/00071005.2021.1948501).
4. *Письменная Е. Е.* Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (Вопросы теории и методики исследования): диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Институт социально-политических исследований Российской академии наук. Москва, 2009. 328 с.
5. *Зубарева, Н. П.* Проблемы высшего образования в современном Китае // *Вестник педагогических наук*. 2022. № 2. С. 71–75. EDN [DXUQYS](https://edn.ru/DXUQYS).
6. *Соколов, Д. В.* Интеллектуальная диаспора как ресурс развития науки: обзор опыта стран BRICS (Бразилия, ЮАР, Россия). Управление наукой и наукометрия. 2007. № 1 (23). С. 25–37. EDN [YKMYVL](https://edn.ru/YKMYVL).
7. *Рязанцев, С. В.* Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // *Социологические исследования*. 2013. № 4 (348). С. 24–35. EDN [QBDQJJ](https://edn.ru/QBDQJJ).
8. *Cohen, R.* Diasporas and the nation-state: from victims to challengers // *International Affairs*. 1996. Vol. 72, No. 3. Pp. 507–520. DOI [10.2307/2625554](https://doi.org/10.2307/2625554).

Сведения об авторе:

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); PИИЦ Author ID: [1133154](https://pini.ru/1133154).

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; принята в печать 20.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

BIBLIOMETRIC ANALYSIS OF EDUCATIONAL EMIGRATION STUDIES

Nikita. G. Kuznetsov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nick_smith@mail.ru

For citation: Kuznetsov, Nikita G. *Bibliometric Analysis of Educational Emigration Studies*. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 100–110. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.7).

Abstract. Educational emigration from Russia often remains out of focus of both researchers and government officials. Nevertheless, this is one of the channels that, on the one hand, causes the outflow of a young and promising population, and on the other, connects our country with the world's leading scientific and economic centers. This article aims to identify gaps in the study of educational migration from Russia through a structured review of the scientific literature. The subject of the research is the trends in the study of educational migration in Russian-language and English-language scientific literature. The study proves

the lack of an integrated approach to the educational migration research in relation to the relatively new concept of “intellectual diaspora”. Using the bibliometric method in combination with content analysis of metadata of articles from the Scopus and RSCI bibliographic databases, the author concludes that despite the obvious connection of these concepts, only a few works consider educational migrants from the point of view of the formation of such diasporas. The article also formulates the need to build a conscious state diaspora policy aimed not only at stimulating re-emigration, but also at other forms of interaction with representatives of national intellectual communities abroad. The limitations of the work are the selected time frame (2017–2022) and the object of research (articles from two bibliographic databases), which allow us to draw conclusions on trends in the study of educational migration in the past five years and identify promising areas of research in this area.

Keywords: educational migration; knowledge diaspora; qualified migration; diaspora policy; migration policy; bibliometric analysis.

References

1. Minaeva, E. Outbound Student Mobility in Russia: Creating a Path for Brain Circulation through Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2020. No. 24. Pp. 145–156. DOI [10.15826/umpa.2020.02.020](https://doi.org/10.15826/umpa.2020.02.020).
2. *Intellectual Migration in Contemporary World* / Ed. M. M. Lebedeva. Moscow : MGIMO-University, 2014. 253 p. ISBN 978-5-9228-1129-3. (In Russ.).
3. Brooks, R. International Students and Alternative Visions of Diaspora / R. Brooks, J. Waters. *British Journal of Educational Studies*. 2021. Vol. 69, No. 5. Pp. 557–577. DOI [10.1080/00071005.2021.1948501](https://doi.org/10.1080/00071005.2021.1948501).
4. Pismennaya, E. E. *Sotsial'nyye posledstviya uchebnoy immigratsii v Rossiyu (voprosy teorii i metodiki issledovaniya) [Social Consequences of Educational Immigration to Russia (Problems of Theory and Research Methodology)]*: dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences / Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009. 328 p. (In Russ.).
5. Zubareva, N. P. Problems of Higher Education in Modern China *Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2022. No. 2. Pp. 71–75. (In Russ.).
6. Sokolov, D. V. Intellectual Diaspora as a Resource for Science Development in BRICS Countries (Brazil, South Africa and Russia). *Science Governance and Scientometrics*. 2017. No. 1, Vol. 23. Pp. 25–37. (In Russ.).
7. Ryazantsev, S. V. Emigratsiya uchenykh iz Rossii: «tsirkulyatsiya» ili «utechka» umov [Emigration of scientists from Russia: “brain circulation” or “drain”] / S. V. Ryazantsev, E. E. Pismennaya. *Sociological Studies*. 2013. No. 4, Vol. 348. Pp. 24–35. (In Russ.).
8. Cohen, R. Diasporas and the nation-state: from victims to challengers, *International Affairs*. 1996. Vol. 72, No. 3. Pp. 507–520. DOI [10.2307/2625554](https://doi.org/10.2307/2625554).

Bio note:

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nick_smith@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-0186-0208](https://orcid.org/0000-0003-0186-0208); RSCI Author ID: [1133154](https://www.rsci.ru/author/1133154).

Received on 18.05.2023; accepted for publication on 20.07.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.8)
EDN [MUHFSG](https://edn.muhfsg.ru)

ТРЕНДЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ ИЗ МЬЯНМЫ ЗА РУБЕЖ

Кхант Вин

МГИМО МИД России, Москва, Россия
E-mail: khant_w@my.mgimo.ru

Письменная Е. Е.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: nikitar@list.ru

Рязанцев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: riazan@mail.ru

Моисеева Е. М.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

Для цитирования: Кхант Вин. Тренды образовательной миграции молодежи из Мьянмы за рубеж / Кхант Вин, Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, Е. М. Моисеева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 111–130. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.8). EDN [MUHFSG](https://edn.muhfsg.ru).

Аннотация. В последние годы феномену образовательной миграции в научных исследованиях уделяется значительное внимание, поскольку все больше молодых людей во всем мире ищут возможности получения образования за рубежом. В данной статье исследуются тенденции образовательной миграции молодежи из Республики Союз Мьянма и факторы, влияющие на их решение учиться за границей. Резкое увеличение числа молодых граждан Мьянмы, стремящихся получить образование в других государствах, можно объяснить несколькими факторами, среди которых ограниченные возможности получения образования внутри своей страны, политическая нестабильность и конфликты, социально-экономические соображения, стремление к международным академическим стандартам, а также языковые барьеры и неравенство в образовании. Наша научная статья опирается на различные источники данных, включая академические исследования, правительственные отчеты, миграционную статистику, и представляет собой всесторонний анализ последних тенденций в образовательной миграции из Республики Союз Мьянма. В работе рассматриваются движущие силы и мотивы, которые способствуют принятию молодыми гражданами Мьянмы решения о получении образования за рубежом. Анализируются направления миграции и формы получения образования, предпочитаемые молодыми мигрантами из этой страны. Выводы, полученные в ходе данного исследования, могут представлять интерес для работников сферы образования и лиц, принимающих решения в странах как выхода, так и назначения иностранных студентов, в целях расширения образовательных возможностей и поддержки личного и профессионального развития молодежи.

Ключевые слова: образовательная миграция; иностранные студенты; миграция молодежи; факторы миграции; Мьянма; развитие образования.

Актуальность исследования

В последние десятилетия в мире начался «бум» образовательной миграции с целью получения высшего образования за границей. Экономический рост развивающихся государств сопровождался формированием среднего класса, который имеет четкие установки на инвестиции в обучение детей. Развивающиеся страны Юга с молодой возрастной структурой населения и недостаточно развитой системой высшего образования стали крупными поставщиками абитуриентов для университетов более развитых стран Севера.

Накануне пандемии COVID-19, в 2019 г., по данным ЮНЕСКО, число иностранных студентов в мире достигло 5,3 млн человек. В сравнении с 2000 г. число иностранных студентов удвоилось. Одним из крупнейших регионов – поставщиков студентов за рубеж стала Юго-Восточная Азия, в том числе Республика Союз Мьянма. Новой тенденцией оказалось распространение миграции на начальное и среднее образование: увеличивалось число иностранных учащихся в начальной и средней школе. По сведениям ОЭСР, в 2019 г. их число достигло 1,3 млн человек¹. Иностранные студенты вносят значительный вклад в экономику принимающей страны, оплачивая обучение, проживание и повседневные расходы. Согласно данным Института международного образования, в 2018–2019 учебном году иностранные студенты внесли в экономику США около 39 млрд долл².

Пандемия COVID-19 временно сократила масштабы образовательной миграции, поскольку были закрыты границы и университеты, ограничены перелеты. По сведениям ЮНЕСКО, в 2021 г. число иностранных студентов в мире не изменилось и составило 5,3 млн человек [1]. Ожидается, что тенденция роста сохранится в ближайшие годы вследствие растущего спроса на высоко- и квалифицированных работников.

Источники информации и методы исследования

Основными источниками информации стали базы данных Департамента народонаселения ООН по демографическим индикаторам, Института статистики ЮНЕСКО по образовательной миграции, ОЭСР по миграции (OECD Migration Outlook), Министерства образования Мьянмы о численности студентов за рубежом и иностранных студентов в стране. Проведен контент-анализ выступлений и высказываний официальных лиц по вопросам образования и культуры (министров, дипломатов, ученых). Проанализированы положения и особенности функционирования соглашений и меморандумов в сфере образования, которые были подписаны Республикой Союз Мьянма с различными государствами-партнерами, документы в сфере развития образования, принятые правительством и министерством образования Мьянмы. При проведении настоящего исследования были использованы статистические, социологические и аналитические методы.

Демографические и социально-политические факторы образовательной миграции молодежи из Мьянмы за границу

В середине 2023 г. численность населения Республики Союз Мьянма составила 55,5 млн человек, что соответствовало 26-му месту в мире. Страна оста-

¹ International student mobility // OECD iLibrary : [site]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/international-student-mobility/indicator/english_4bcf6fc3-en (accessed on 13.05.2023).

² Ibid.

ется слабо урбанизированной – только 31,4% населения проживает в городах. Мьянманское общество является очень молодым – средний возраст населения составляет 29 лет. В Мьянме один из самых низких уровней образования в Юго-Восточной Азии – всего лишь около 10% населения имеют полное среднее образование.

Это объясняется наследием многолетнего военного правления, в результате которого образование не только изрядно недофинансировалось, но и игнорировалось. Длительное время в Мьянме продолжалась политическая нестабильность и происходили внутренние конфликты, существенно повлиявшие на сектор образования. Это привело к закрытию школ, перемещению учащихся, нарушению образовательного процесса. Кроме того, неопределенность социально-политической обстановки создает серьезные проблемы для молодых людей, поэтому многие из них стремятся получить образование за рубежом, в стабильной и благоприятной обстановке.

Республика Союз Мьянма характеризуется языковым и этническим разнообразием. Хотя основным языком обучения является бирманский, языковые барьеры часто ограничивают доступ молодежи к образованию, особенно для представителей этнических меньшинств. В Мьянме сложилось значительное неравенство между городскими и сельскими районами по доступности и качеству образовательных возможностей. Стремясь преодолеть такие трудности, молодые мьянманцы часто выбирают обучение за границей, где языковые барьеры сведены к минимуму, а образовательные ресурсы более доступны.

Социально-экономические факторы (бедность, безработица, низкая зарплата) также способствуют решению молодых граждан Мьянмы получить образование за рубежом. Многие из них воспринимают обучение за границей как путь к получению конкурентных преимуществ на мировом рынке труда и увеличению своих долгосрочных карьерных перспектив.

Образование играет важную роль в формировании будущего человека и общества, в виду чего данный факт находит отклик и у молодых людей в Мьянме. В последние годы наблюдается заметный рост числа молодых мьянманцев, стремящихся получить образование за рубежом. Склонность к образовательной миграции может быть объяснима различными факторами, побуждающими молодых мьянманцев искать возможности для получения образования за пределами родины. Одной из основных причин является ограниченность возможностей получения образования в самой Мьянме. Несмотря на развитие системы образования, Республика Союз Мьянма продолжает сталкиваться с такими проблемами, как нехватка ресурсов, устаревшие учебные программы и недостаточно развитая образовательная инфраструктура. В результате многие молодые люди считают, что отечественная система образования не в состоянии удовлетворить их потребности, и стараются искать возможности для получения образования в других странах.

Многие молодые мьянманцы стремятся получить образование на уровне международных стандартов и специализироваться в областях, которые недостаточно доступны на их родине. Они хотят получить образование в известных учебных заведениях за рубежом, которые имеют разнообразные академические программы и возможности для исследований и инноваций. Перспектива получения качественного образования в сочетании с возмож-

ностью приобретения передовых знаний и навыков служит для молодых людей значительным мотивирующим фактором для образовательной миграции.

Масштабы и география образовательной миграции в Мьянме

Республика Союз Мьянма испытывает нехватку высоко- и квалифицированных кадров в экономике. Образовательная миграция может помочь решить эту проблему, предоставляя мьянманским студентам возможность учиться за рубежом, приобретать там ценные навыки и знания. Более того, иностранные студенты, приезжающие учиться в Мьянму, также могут внести вклад в человеческий капитал этой страны, делясь своими знаниями и навыками [2]. Количество иностранных студентов, обучающихся в Мьянме, из года в год растет. По данным министерства образования Республики Союз Мьянма, в 2019 г. в стране насчитывалось более 4 тыс. иностранных студентов. Большинство иностранных студентов приезжает из соседних государств, таких как Таиланд, Китай и Вьетнам³.

Однако Мьянма в большей степени отдает образовательных мигрантов за границу, нежели таковых принимает. После перехода страны к демократии в 2011 г. начал наблюдаться рост престижа образования и признания значимости образования для будущего развития Мьянмы. Правительство сделало значительные инвестиции в образование, особое внимание уделяя улучшению доступа к начальному и среднему звену. Новая схема предоставления стипендий стала частью более широких усилий по поддержке сектора образования и формирования человеческих ресурсов страны. Предоставляя мьянманским студентам возможность учиться в ведущих университетах мира, эта программа направлена на то, чтобы вооружить молодых людей знаниями и навыками, необходимыми для внесения вклада в развитие Мьянмы.

Согласно данным Министерства образования, в 2019 г. за рубежом обучались более 80 тыс. мьянманских студентов. По данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2020 г. за границей обучалось около 32 тыс. студентов из Мьянмы, что значительно больше, чем в 2010 г. – тогда их насчитывалось 13 тыс. человек. Столь значительное расхождение данных национальной и международной статистики очевидно связано с недоучетом мьянманцев, обучающихся за счет государственных, собственных и семейных средств, в то время как в международную статистику попадают только мьянманские студенты, получающие гранты принимающих стран и университетов. Большинство мьянманцев учится по программам бакалавриата и магистратуры, но постепенно растет и число обучающихся, в последующем получающих докторскую степень.

Страны обучения студентов из Мьянмы достаточно разнообразны. Главным образом это более развитые страны Азиатского региона – Япония, Таиланд, Австралия, Республика Корея, Малайзия, КНР, Индия, Шри-Ланка. А кроме того, такие страны как США, Австралия, Великобритания, Российская Федерация, Саудовская Аравия (табл. 1, рис. 1).

³ Myanmar: A New Frontier for International Student Recruitment // PIE News Blog : [site]. 07.07.2017. URL: <https://blog.thepienews.com/2017/07/myanmar-burma-new-frontier-higher-education-international-student-recruitment/> (accessed on 13.05.2023).

Таблица 1

Количество студентов из Мьянмы, обучавшихся в некоторых странах мира в 2016–2021 гг. (человек)

Table 1

Number of students from Myanmar studying in selected countries around the world in 2016-2021 (people)

Страна обучения	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Япония	1 576	1 797	2 634	3 336	3 652	н/д
Таиланд	1 896	н/д	н/д	н/д	2 690	н/д
США	1 305	1 482	1 688	н/д	1 950	н/д
Австралия	877	986	1 047	1 338	1 366	н/д
Республика Корея	322	372	474	597	692	н/д
Великобритания	424	501	538	592	604	н/д
Малайзия	516	418	н/д	457	428	356
Шри-Ланка	385	395	346	464	404	290
Индия	267	344	324	479	367	161
Российская Федерация	339	270	294	273	н/д	н/д

Источник: составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО⁴

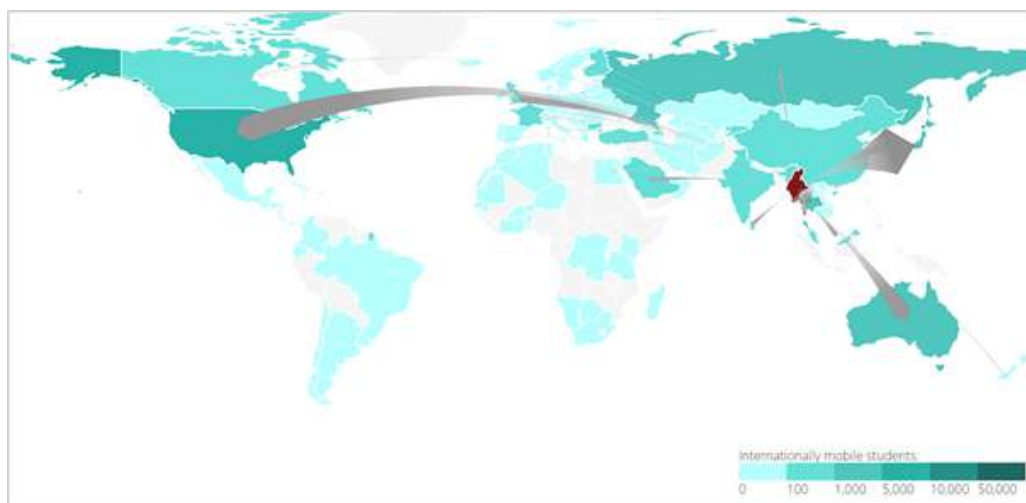

Рис. 1. Основные страны обучения студентов из Мьянмы в 2020 г.

Fig. 1. Top study destinations for Myanmar students in 2020

Источник: UNESCO Institute for Statistics (UIS)⁵

Образовательная эмиграция мьянманской молодежи в контексте развития двустороннего сотрудничества Мьянмы с другими государствами в сфере образования и науки

Япония. Наибольшее количество студентов из Республики Союз Мьянма обучается в Государстве Япония. По сведениям ЮНЕСКО, это около 3 700 человек (2020 г.). В японских университетах мьянманцы в основном получают образование в области технологий, инженерии и бизнеса.

⁴ UIS Statistics // UNESCO : [site]. URL: <http://data.uis.unesco.org/#> (accessed on 13.05.2023).

⁵ Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO UIS : [site]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed on 13.05.2023).

Японские вузы знамениты высоким качеством образования и научных исследований. В Японии студенты могут учиться у самых известных профессоров и участвовать в инновационных исследованиях в различных областях науки [3]. Привлекательность японского высшего образования для студентов из Мьянмы обусловлена финансовыми, организационными, социальными факторами.

Исторические и культурные связи между Мьянмой и Японией позитивно влияют на развитие образовательных контактов⁶. В последние годы Государство Япония активно содействует развитию образования и культурного обмена с Республикой Союз Мьянма. Правительство Японии реализует несколько инициатив по привлечению студентов и развитию образовательной инфраструктуры в Мьянме, в основе которых – стратегический план «300 тысяч иностранных студентов» [4].

В 2020 г. принята программа образовательного обмена между Японией и Мьянмой, направленная на содействие обмену молодежью между двумя странами и предоставления студентам из Республики Союз Мьянма возможности обучения в Государстве Япония в течение одного года⁷. Программа помогает расширять студентам из Мьянмы кругозор, вооружает их ценными навыками и знаниями, способствует ознакомлению с японской культурой, дает возможность лучше понять систему образования страны. Отбор студентов для участия в программе образовательного обмена между Японией и Мьянмой проводится на основе академических достижений молодых людей и уровня владения английским языком.

Программа образовательного обмена между Японией и Мьянмой представляет собой важный шаг в развитии образования и культурного обмена между двумя государствами. Предоставляя мьянманским студентам возможность учиться и приобретать ценный опыт в «стране восходящего Солнца», программа помогает наводить мосты между обеими странами и способствует их долгосрочному развитию. Программа является свидетельством важности образования и культурного обмена в продвижении глобального понимания и сотрудничества. Ожидается, что эта программа окажет положительное влияние на систему образования Республики Союз Мьянма и общее развитие страны⁸.

Стипендия Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий (МЕХТ) Японии предлагает возможность обучения по программам бакалавриата, магистратуры или проведение научных исследований в различных областях. Стипендия МЕХТ покрывает плату за обучение, ежемесячную стипендию, дорожные расходы и медицинскую страховку. Чтобы претендовать на стипендию МЕХТ, студенты из Мьянмы должны соответствовать определенным академическим критериям, включая владение японским или английским языками. Эта инициатива играет важную роль в предоставлении талантливым мьянманским студентам возможностей реализовать свои образовательные устремления в Японии⁹.

⁶ Kakuchi, S. New Internationalization Target Aims for 400,000 Foreign Students // University World News : [site]. 11.04.2023. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20230411135129522> (accessed on 13.05.2023).

⁷ Myanmar, Japan Sign Exchange of Agreement on Human Resource Development Scholarship // Myanmar Digital News : [site]. 07.07.2020. URL: <https://www.mdn.gov.mm/en/myanmar-japan-sign-exchange-agreement-human-resource-development-scholarship> (accessed on 13.05.2023).

⁸ Education Always a Major Focus for Japan's Bilateral Cooperation with Myanmar // ILO Skills and Employability Network : [site]. 15.09.2017. URL: <https://apskills.ilo.org/news/education-always-a-major-focus-for-japan2019s-bilateral-cooperation-with-myanmar> (accessed on 13.05.2023).

⁹ STUDY in JAPAN // MEXT (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology) : [site]. URL: <https://www.mext.go.jp/en/policy/education/highered/title02/detail02/sdetail02/1373897.htm> (accessed on 13.05.2023).

Через Японское агентство международного сотрудничества (JICA)¹⁰ и Японскую организацию студенческих услуг (JASSO)¹¹ Правительство Государства Япония выделяет целевые стипендии иностранным студентам, в том числе и из Мьянмы, покрывающие плату за обучение, расходы на проживание и проезд, таким образом делая возможным обучение в университетах страны доступным даже для малообеспеченных мьянманских студентов.

Программы и стипендии дают уникальную возможность студентам из Мьянмы получить ценный международный опыт, который поможет им в будущей карьере. Мьянманские студенты получают возможность изучать японский язык, культуру и историю «страны восходящего Солнца», заниматься научными исследованиями, осваивать современные технологии. Все это расширяет кругозор, формирует новые навыки, повышает квалификацию молодых мьянманцев.

Самым важным препятствием, с которым сталкиваются студенты из Мьянмы в японской системе образования, становится языковой барьер. Тонкости японской письменности и грамматических структур могут оказаться непосильными для тех, кто не является носителем языка. Учитывая то, что многие предметы и учебные программы преподаются в основном на японском языке, знание данного языка имеет решающее значение для академических успехов студентов из Мьянмы. Тест на знание японского языка (JLPT) является обязательным условием для поступления в университеты Японии. Мьянманским студентам рекомендуется записываться на языковые курсы или принимать участие в программах языкового обмена до прибытия в Японию. Мало того японские университеты предлагают программы поддержки в изучении японского языка с тем, чтобы помочь иностранным студентам повысить уровень владения языком и адаптироваться к академическим требованиям [5].

Еще одна проблема для мьянманских студентов в «стране восходящего Солнца» – культурные различия. Японское общество имеет своеобразные обычаи, социальные нормы и иерархию. Например, коллективистский характер японской культуры, в которой высоко ценится групповая гармония, может контрастировать с индивидуалистическими тенденциями, преобладающими в Республике Союз Мьянма. Процесс адаптации иногда эмоционально тяжел, поскольку мьянманские студенты поначалу испытывают тоску по дому или даже изоляцию. Для преодоления жизненных трудностей студенты из Мьянмы активно участвуют в мероприятиях по культурному обмену, в работе студенческих клубов и организаций, дружеских встречах. Эти шаги предоставляют возможность молодым мьянманцам больше узнать о японской культуре, установить социальные связи, создать сети поддержки, преодолеть чувство изоляции.

Общая религия – буддизм – помогает мьянманским студентам адаптироваться и интегрироваться в японское общество.

Мало того японские университеты принимают активные меры по созданию надежных систем поддержки, направленные на содействие интеграции иностранных студентов. Многие университеты внедряют комплексные программы ориентации, специально разработанные для ознакомления прибывающих студентов с различными аспектами жизни кампуса, академической политикой и до-

¹⁰ 'Innovative Asia' Scholarship to Japan // JICA (Japan International Cooperation Agency) : [site]. URL: https://www.jica.go.jp/english/overseas/asia/innovative_asia.html (accessed on 13.05.2023).

¹¹ Scholarships for Study in Japan // JASSO (Japan Student Services Organization) : [site]. URL: https://www.jasso.go.jp/en/ryugaku/scholarship_j/index.html (accessed on 13.05.2023).

ступными ресурсами. Ориентационные программы служат ценными инструментами, помогающими иностранным студентам, в том числе из Мьянмы, адаптироваться к новой академической среде и принимать решения на протяжении всего образовательного пути. В университетах Японии есть офисы для иностранных студентов, в которых они могут получить помощь и рекомендации по широкому кругу вопросов, включая визовые процедуры, организацию проживания, учебные проблемы [6].

В Японии создано множество мьянманских общин и студенческих ассоциаций, которые также поддерживают студентов-соотечественников в адаптационный период¹².

Таиланд. По данным ЮНЕСКО, в 2020 г. около 2 600 мьянманцев обучались в университетах Таиланда.

В 2021 г. Республика Союз Мьянма и Королевство Таиланд подписали меморандум о взаимопонимании, направленный на развитие сотрудничества в области образования и науки и содействующий росту научного потенциала обоих государств. Соглашение является свидетельством общего видения стран по продвижению образования как ключевого фактора социально-экономического развития, а также важным шагом на пути укрепления связей между государствами¹³.

Меморандум охватывает несколько областей сотрудничества, в том числе наращивание образовательного и научного потенциала; обмен передовой практикой и опытом в области высшего образования, исследований и инноваций; обмен образовательными технологиями (учебные программы, мастер-классы, семинары, методики преподавания); реализацию совместных научно-исследовательских проектов и научных разработок в различных сферах, включая инженерию, математику, социальные и гуманитарные науки; развитие цифровых технологий и инноваций в образовании и научных исследованиях; расширение программ обмена студентами и преподавателями.

Реализация меморандума вносит вклад в развитие сектора образования и науки в Мьянме, в том числе помогает повысить качество образования и научных исследований; способствует повышению квалификации научных и образовательных кадров; позволяет укреплять научно-педагогический и административный потенциал в целях обеспечения высококачественного образования и научных исследований, что в итоге будет содействовать социально-экономическому развитию; дает возможность повышать доступность и качество образования, особенно в отдаленных и сельских районах; благоприятствует расширению использования технологий и развитию цифровой грамотности.

Обмен студентами и преподавателями между университетами Мьянмы и Таиланда предоставляет возможность получить ценный международный опыт, познакомиться с новыми идеями и культурами, расширить кругозор, повысить уровень навыков и знаний молодых мьянманцев. А также будет способствовать внедрению инноваций, обмену научными знаниями, наращиванию научного потенциала, ин-

¹² Education Always a Major Focus for Japan's Bilateral Cooperation with Myanmar // International Labour Organization (ILO) : [site]. URL: <https://apskills.ilo.org/news/education-always-a-major-focus-for-japan2019s-bilateral-cooperation-with-myanmar> (accessed on 13.05.2023).

¹³ Myanmar, Thai Ministers Agree to Strengthen Educational Cooperation // Myanmar National Portal : [site]. 31.01.2023. URL: https://myanmar.gov.mm/news-media/news/latest-news/-/asset_publisher/idasset354/content/myanmar-thai-ministers-agree-to-strengthen-educational-cooperation (accessed on 13.05.2023).

тернационализации образования, культурному обмену, развитию научных связей между двумя странами¹⁴.

Соединенные Штаты Америки. По информации ЮНЕСКО, в 2020 г. в США обучались около 2 000 студентов из Мьянмы. В настоящее время Соединенные Штаты предлагают большое количество стипендий для иностранных студентов и являются относительно дешевой для обучения иностранцев страной. Для поступления в университеты различных штатов, включая университеты «Лиги плюща», и получения стипендий требуется сдать экзамен SAT (Scholastic Assessment Test I–II) или экзамен ACT (American College Test). Правда во время пандемии COVID-19 большинство американских университетов временно допускали подачу документов иностранными соискателями без сдачи SAT или ACT. Также внесем некоторую ясность относительно мьянманских студентов: большинство из них для обучения в США сдают экзамен SAT¹⁵.

Австралия. Страна очень востребована для обучения студентов из Мьянмы. По данным ЮНЕСКО, в 2020 г. в Австралии обучались около 1 400 мьянманских студентов.

Республика Союз Мьянма сталкивается с серьезными проблемами в сфере образования, и поддержка, оказываемая Австралийским Союзом, крайне необходима для решения этих проблем и содействия развитию человеческих ресурсов в стране. Австралия предоставляет техническую помощь и поддержку Мьянме в разработке учебных программ, подготовке преподавателей и обеспечении качества образования. Также обе страны совместно работают над интернационализацией высшего образования, уделяя особое внимание развитию мобильности студентов и обмену академическим персоналом и исследователями.

В 2014 г. между Мьянмой и Австралией был подписан меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области образования, а в 2021 г. он был обновлен. Меморандум, подтверждая приверженность обеих стран совместной работе по продвижению обмена знаниями и опытом, концентрируется на расширении сотрудничества в области высшего образования и профессионально-технического обучения, равно как и на содействии в развитии человеческих ресурсов. Поддержка программ профессионального образования и обучения в Мьянме направлена на развитие навыков и возможностей рабочей силы в приоритетных секторах экономики (туризм, гостиничный бизнес, строительство и автомобильная промышленность).

Меморандум поддерживает развитие научного сотрудничества и партнерства между университетами и научно-исследовательскими учреждениями Австралийского Союза и Республики Союз Мьянма с акцентом на продвижение совместных исследовательских проектов и обмен научными сотрудниками и исследователями. В рамках документа на пятилетний период предлагается ряд инициатив и проектов, направленных на укрепление институциональных связей и повышение качества и актуальности программ образования и обучения. Мероприятия этих программ представляют собой инвестиции в человеческий капитал Мьянмы и одновременно укреп-

¹⁴ Myanmar, Thai Universities to Cooperate in Education Sector // UNHCR Operational Data Portal : [site]. 11.12.2018. URL: <https://data.unhcr.org/es/news/21716> (accessed on 13.05.2023).

¹⁵ Sharma, S. How University Abroad Evaluate International Students Profile? // CollegeDekho Abroad : [site]. 09.03.2023. URL: <https://www.collegedekhoabroad.com/articles/how-admission-officers-evaluate-international-student-profile/> (accessed on 13.05.2023).

плюют отношения между двумя странами, способствуя обмену знаниями и опытом в различных областях¹⁶.

Правительство Австралии в сотрудничестве с международными агентствами развития предлагает программы поддержки для студентов из Мьянмы. Программы Australia Awards¹⁷ и стипендии Endeavor¹⁸ обеспечивают финансовую поддержку исследовательских программ для студентов и аспирантов. Стипендии покрывают плату за обучение, расходы на проживание, проезд и другие сопутствующие расходы, позволяя талантливым мьянманским студентам продолжить обучение в Австралии.

Государство Австралийский Союз предоставляет до 300 стипендий для обучения мьянманцев в аспирантуре в течение пяти лет в таких областях, как сельское хозяйство, здравоохранение и образование. Стипендии, присуждаемые с учетом академических заслуг и лидерского потенциала, покрывают плату за обучение, расходы на проживание и авиаперелеты. Для участия в программе Australia Awards ежегодно поступают несколько тысяч заявок от студентов со всего мира.

Австралийские университеты предлагают стипендии, направленные на поддержку студентов из Мьянмы для конкретных областей обучения. Университеты могут частично или полностью освободить от платы за обучение, оказывать помощь в оплате проживания и дополнительные льготы. Эти стипендии признают академические достижения и потенциал мьянманских студентов, предоставляя им средства для продолжения обучения без финансовых препятствий. Кроме того, университетские стипендии часто сопровождаются сопутствующими программами поддержки, возможностями наставничества и мероприятиями по налаживанию контактов, которые обогащают образовательный опыт мьянманцев.

Государственные и университетские стипендии не только способствуют академическому мастерству, но и укрепляют социокультурные и экономические связи между Мьянмой и Австралией. Обучение дает возможность студентам установить социальные связи, расширять кругозор и вносить вклад в укрепление прочных связей между Мьянмой и Австралией. Активно участвуя в различных мероприятиях, мьянманские студенты не только обогащают свой опыт, но и способствуют наведению социокультурных мостов между двумя странами. Участие в культурных мероприятиях, общественных работах и студенческих организациях оказывает позитивное воздействие на самих студентов из Мьянмы, обучающихся в Австралии.

Европейский союз. Поддержка образования в Мьянме является одним из основных приоритетов ЕС в вопросах оказания помощи стране в развитии. Сотрудничество в секторе высшего образования Европейский союз рассматривает как форму оптимизации прочных и устойчивых партнерских отношений и обмена знаниями между странами по всему миру. Кроме того, это инструмент устойчивого и инклюзивного экономического развития, а также механизм борьбы с бедностью. Стипендия «Эразмус Плюс» (Erasmus+) – проект в области образования, профессиональной деятель-

¹⁶ Enhancing Human Development in Myanmar // Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade : [site]. URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/myanmar/development-assistance/education-assistance-myanmar> (accessed on 13.05.2023).

¹⁷ Australia Awards Scholarships // Australian Government Department of Foreign Affairs and Trade : [site]. URL: <https://www.dfat.gov.au/people-to-people/australia-awards/australia-awards-scholarships> (accessed on 13.05.2023).

¹⁸ Endeavour Leadership Program // Australian Education International : [site]. URL: <https://internationaleducation.gov.au/scholarships/Scholarships-and-Fellowships/Pages/default.aspx> (accessed on 13.05.2023).

ности и спорта, финансируемый ЕС в размере 16,5 млрд евро и позволяющий студентам и преподавателям из государств-партнеров за пределами ЕС, включая Мьянму, обучаться и стажироваться в университетах стран союза¹⁹.

Великобритания. По сведениям ЮНЕСКО, в 2020 г. в Великобритании учились более 600 мьянманцев. По инициативе британского правительства с целью содействия образовательному обмену и поддержки развития человеческих ресурсов Мьянмы была запущена программа стипендий, позволяющая мьянманским студентам учиться в Великобритании. Стипендии покрывают плату за обучение, проживание и расходы на жизнь²⁰. Однако присутствуют сложности в доступности программы. Хотя стипендии покрывают основные расходы, студентам приходится оплачивать проезд к месту учебы, что для многих молодых мьянманцев является серьезным препятствием. Также процесс отбора кандидатов на стипендию подвержен политическому вмешательству или фаворитизму.

Таким образом, инициатива представляет собой важную веху в отношениях Мьянмы и Великобритании. Стипендии позволят мьянманским студентам учиться в учебных заведениях этой страны и будут способствовать укреплению связей между двумя государствами. Предоставляя возможность мьянманским студентам учиться в зарубежных университетах, программа позволяет вооружить молодежь Мьянмы знаниями и навыками, необходимыми для развития их родины.

Программа стипендий представляет собой не только инвестиции в образовательный сектор Мьянмы, но и более широкие инвестиции в будущее этой страны, в ее молодежь и человеческие ресурсы. Программа вносит вклад в долгосрочное развитие Республики Союз Мьянма и помогает строить процветающее и справедливое общество. Инициатива по предоставлению стипендий особенно важна в свете произошедших политических и экономических изменений в Мьянме. В последние годы страна пережила период значительных потрясений. Переход к демократии и снятие международных санкций открыли не только новые возможности, но и создали немалые проблемы для развития страны. Ввиду вышесказанного программа стипендий – способ взаимодействия мьянманского общества с международным сообществом.

Российская Федерация. В 2022 г. Мьянма и Россия подписали Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности²¹. При этом квота для мьянманских студентов на обучение в российских вузах в 2023/2024 учебном году по сравнению с прошлым годом увеличивалась почти вдвое – до 20 мест. Соглашение явилось частью усилий Мьянмы по продвижению международного образования и укреплению сектора высшего образования. Страна ищет пути улучшения системы образования и подготовки квалифицированной рабочей силы для поддержки своего экономического развития.

Соглашение между Мьянмой и Российской Федерацией углубляет дружеские отношения между двумя странами и способствуют развитию сотрудничества в области

¹⁹ Erasmus+ // European Union : [site]. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (accessed on 13.05.2023).

²⁰ Chevening in Myanmar // Chevening : [site]. URL: <https://www.chevening.org/scholarship/myanmar/> (accessed on 13.05.2023).

²¹ Россия и Мьянма подписали Меморандум о взаимопонимании в области сотрудничества в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. 05.12.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/61811/> (дата обращения: 13.05.2023).

образования и в других немаловажных сферах. Студенты из Мьянмы получили возможность обучаться в российских университетах по целому ряду предметов, включая такие приоритетные области, как электроника, авиастроение, ядерная энергетика, информационные системы и материаловедение. В настоящее время мьянманские вузы активно сотрудничают с российскими научными и образовательными учреждениями, прорабатывая способы для запуска совместных программ обучения с возможностью получения двойных дипломов²².

По информации ЮНЕСКО, в 2019 г. в российских университетах обучались около 500 мьянманских студентов по различным специальностям, включая технические, военные, гуманитарные (рис. 2).

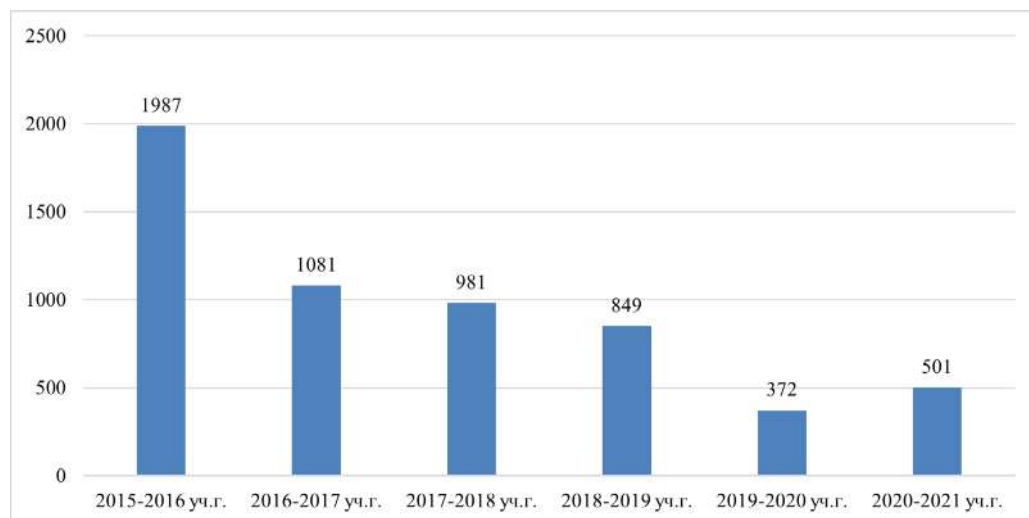

Рис. 2. Динамика численности студентов из Мьянмы в Российской Федерации в 2015–2021 гг. (человек)

Fig. 2. Changes in the number of students from Myanmar in the Russian Federation in 2015–2021 (people)

Источник: составлено авторами на основе данных ЮНЕСКО²³

Существует несколько видов стипендий на обучение мьянманцев в России. Эти стипендии расширяют возможности получения образования, укрепляют образовательные связи и культурный обмен между нашими странами.

С 2017 г. российско-мьянманская стипендиальная программа, которая финансируется совместно правительствами обоих государств, поддерживает выдающихся мьянманских студентов по различным дисциплинам.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации также выделяет стипендии по разнообразным направлениям подготовки и специальностям в соответствии с международными договорами, федеральными законами и установленной Правительством России квотой.

²² Россия и Мьянма: пути сотрудничества двух стран в области науки и образования // Министерство науки и высшего образования РФ : [сайт]. 14.11.2022. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/60964/> (дата обращения: 13.05.2023).

²³ Global Flow of Tertiary-Level Students // UNESCO UIS : [site]. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed on 13.05.2023).

Помимо этого, некоторые российские университеты предлагают стипендии и гранты для талантливых иностранных студентов, в том числе и из Мьянмы. Они присуждаются на основании академических заслуг, внеучебных достижений и конкретных критериев, установленных университетом. Могут покрывать плату за обучение, расходы на проживание.

Кроме государственных и университетских стипендий, студенты из Мьянмы имеют возможность получать стипендии через корпоративные спонсорские программы и фонды. Такие стипендии могут быть привязаны к конкретным областям обучения или иметь определенные критерии отбора, как, например, участие в общественной жизни или лидерский потенциал.

Обучение в России дает мьянманцам возможности культурного обмена и изучения языка. Общение с российскими студентами и участие в культурных мероприятиях помогают развить дружеские отношения и навыки межкультурного взаимопонимания и межличностного общения.

Мьянманские студенты, обучающиеся в российских вузах, используют различные стратегии в преодолении сложностей, с которыми они сталкиваются. Одним из основных способов культурного обмена является общение с российскими студентами не только на занятиях, но и во время внеучебных мероприятий и общественно значимых событий. Совместные проекты способствуют обмену идеями, взглядами и культурными практиками через участие в дискуссиях на занятиях и в студенческих организациях. Социальное взаимодействие расширяет мировоззрение, дает возможность узнать культуру, традиции, ценности российского общества. Мьянманские студенты участвуют в культурных мероприятиях и фестивалях. Также студенты в крупнейших российских университетах имеют возможность представлять мьянманскую культуру, в том числе традиционные танцы, костюмы, кухню [7].

Привлечение мьянманских студентов для учебы в России укрепило отношения между двумя странами. Программы академического обмена создали возможности для развития культурной дипломатии и прочных партнерских отношений. Вернувшись в Мьянму, студенты смогут внести вклад в развитие страны, применяя приобретенные навыки для развития разных отраслей экономики. Кроме того, международный опыт, полученный во время обучения в Российской Федерации, делает их конкурентоспособными на мировом рынке труда [8].

Китайская Народная Республика. Мьянма и КНР имеют долгую историю культурных и экономических связей, а в последние годы они стремятся углублять сотрудничество и в области образования. Китайская Народная Республика стала важным союзником Республики Союз Мьянма во время давления и санкций Запада, а ныне является крупнейшим торговым партнером и инвестором этой страны. Поэтому обучение в КНР позволяет мьянманцам не только получить представление о китайской культуре и обществе, но и в будущем найти хорошую работу в различных сферах стратегического сотрудничества между двумя странами²⁴.

Итак, Китай – популярнейшее направление для обучения мьянманских студентов. Многие мьянманцы получают образование в китайских университетах в области медицины, инженерии и бизнеса. По данным ЮНЕСКО, численность мьянманских

²⁴ Samsani, S. Understanding the Relations between Myanmar and China // Observer Research Foundation (ORF) : [site]. 26.04.2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/understanding-the-relations-between-myanmar-and-china/> (accessed on 13.05.2023).

студентов в 2016–2021 гг. составляла всего 25–40 человек. Однако реальное количество студентов-мьянманцев было на порядок выше.

В последние годы многие китайские университеты динамично развиваются и предлагают возможности получения стипендий молодым мьянманцам. Китайские университеты популярны среди студентов из Мьянмы благодаря их прочной репутации в области передового и качественного образования и научных исследований. Некоторые китайские университеты занимают высокие позиции в мировом рейтинге, многие предметы преподаются на английском языке.

Культурная близость двух стран делает китайские вузы дополнительно привлекательными для мьянманских студентов. Студенты из Мьянмы с удовольствием знакомятся с китайской культурой и обществом, получают ценные знания и навыки в выбранной области. И хотя основным языком обучения в большинстве китайских университетов является мандаринский китайский, многие молодые мьянманцы адаптируются к этому языковому барьеру.

Программы языкового обмена, культурные мероприятия и образовательное сотрудничество способствуют взаимопониманию и обмену знаниями между странами, помогают студентам из Мьянмы легче адаптироваться к новой образовательной среде²⁵.

Соглашение о сотрудничестве в области образования, подписанное между двумя государствами в 2020 г., направлено на укрепление институциональных связей и содействие сотрудничеству в области высшего образования, научных исследований и наращивания академического потенциала²⁶. В рамках соглашения осуществляется обмен студентами и учеными, финансируются совместные исследовательские проекты, наращивается академический потенциал Мьянмы (подготовка учителей, администраторов и других специалистов в области образования), разрабатываются учебные программы и образовательная политика.

Китайская Народная Республика осуществляет крупные инвестиции в сектор образования Республики Союз Мьянма. Одной из важных китайских инициатив является Школа дружбы Мьянма-Китай, которая предоставляет возможности для обучения и подготовки студентов, преподавателей и специалистов в Мьянме. Школа основана в Мандалае, втором по величине городе государства, важном культурном и экономическом центре. Школа предлагает курсы по науке, технологии, инженерному делу, математике, изучению языков и культуры. Школа предоставляет мьянманским студентам и специалистам возможности для получения образования и профессиональной подготовки, способствуя развитию человеческих ресурсов и социально-экономическому развитию страны. Учитывая то, что в последние годы КНР стремится расширить свое влияние в Мьянме, эксперты выражают озабоченность по поводу качества и независимости образования, предоставляемого школой, и его использования в качестве средства продвижения китайских ценностей и идеологии.

²⁵ Si Thu Tun. Voices of Myanmar Students in China | Living Here // China Report ASEAN : [site]. 13.12.2017. URL: <https://chinareportasean.com/2017/12/13/voices-of-myanmar-students-in-china-living-here/> (accessed on 13.05.2023).

²⁶ Joint Statement between Myanmar-China issued on the occasion of the State Visit of H. E. Mr. Xi Jinping, President of the People's Republic of China to the Republic of the Union of Myanmar // Myanmar National Portal : [site]. 18.01.2020. URL: <https://myanmar.gov.mm/en/news-media/announcements/-/asset-publisher/idasset291/content/joint-statement-between-myanmar-china-issued-on-the-occasion-of-the-state-visit-of-h.e.-mr.-xi-jinping-president-of-the-people-s-republic-of-china-to-> (accessed on 13.05.2023).

Индия. Республика Союз Мьянма и Республика Индия имеют продолжительную историю культурных и образовательных связей. Признавая важность образования как ключевого фактора социально-экономического развития, в последние годы обе страны стремились углубить сотрудничество в области образования. По сведениям ЮНЕСКО, в 2019 г. в Индии обучались около 480, а в 2021 г. – 160 мьянманцев.

В 2021 г. между Мьянмой и Индией был подписан меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области образования, направленный на укрепление институциональных связей и развитие сотрудничества в области высшего образования, научных исследований и наращивания потенциала. Меморандум включает обмен академическим персоналом и исследователями, совместную разработку учебных программ и содействие мобильности студентов между университетами обоих государств. Основной целью меморандума является интернационализации высшего образования, предоставление студентам и преподавателям возможности познакомиться с новыми идеями и перспективами²⁷.

Одной из ключевых инициатив стало создание Мьянма-индийского центра обучения английскому языку (MICELT) при Янгонском университете иностранных языков. Центр предоставляет возможности языковой подготовки и наращивания потенциала для преподавателей, студентов и специалистов в Мьянме²⁸. Создание MICELT помогает удовлетворить потребность в знании английского языка среди мьянманцев. Английский язык – важное средство общения в международной среде, и владение им рассматривается как ключевой навык для будущего экономического и социального развития Мьянмы.

Индийско-мьянманская программа дружбы (IMFP) предоставляет стипендии студентам из Мьянмы для обучения в Индии. Ежегодно индийские власти выделяют до 100 стипендий мьянманским студентам, покрывающих плату за обучение, расходы на проживание и авиабилеты. Стипендии предоставляются в различных областях, включая инженерное дело, менеджмент и медицину, присуждаются на основе академических заслуг и лидерского потенциала. Также программа содействует совместным исследовательским проектам и академическому сотрудничеству, предоставляя исследователям и ученым возможность обмениваться идеями и опытом, способствуя развитию новых знаний и решений ключевых проблем, стоящих перед обеими странами. Поддерживаются исследования в сельском хозяйстве,

²⁷ Development Cooperation // Embassy of India Yangon : [site]. URL: [²⁸ Training Institutions // Embassy of India Yangon : \[site\]. URL: \[125\]\(https://www.embassyofindia.yangon.gov.in/pages?id=eyJpdil6litqMGIJlVINDQlZwT0w0cWJUR09pZHE9PSIsInZhbHVlIjojSnMydXQrMEX-FODA5Y0VYzjJTVHE2UT09IiwibWFjIjojZGY5Mjc0ZGY4ODY0MTNjYzBiMGRkNThjMGNjNjM-wOTJiYjI4ZGJhMmIxN2VhOTQ3ZGVjOTcyMjYyZTdjODEwNiJ9&subid=eyJpdil6lMf0TTJaZWR-POGNaWWJBWXdW02aXc9PSIsInZhbHVlIjoic1VxdzNlbnVWHa0VLdHY2N1NSRVlJUT09Iiwib-WFjIjojNTY3Y2VhOTE2Yjc5MzJiNzQzNjg0YzFhNjNkOGFkMzExNDElMwY3NjVlZmQ1NTMx-MDNiY2JmYzAxMDc1YzhjMCI9&nextid=eyJpdil6lNlRmVGVldkREQ1ROQVVEaDV2NzRjaGc9PSI-sInZhbHVlIjojOXJib3dkNm9keUtVRmd0UGY2TGZHU09IiwibWFjIjojYTdjZDNjOWE4MmVlZG-FiODIjNGNmYWZjMwUxZDc4NjdhYzZjZTQ3MwYwMGYxYTRIMGRmOTUxZDA3YWNhNDB-mZCJ9# \(accessed on 13.05.2023\).</p>
</div>
<div data-bbox=\)](https://embassyofindia.yangon.gov.in/pages?id=eyJpdil6litPdmcw1bzdBK2VlOWdCaStpc2JwZXc9PSIsInZhbHVlIjojV-VZXY3hPMTUOVm1dUxFSWV6UURTZz09IiwibWFjIjojMjNmMGQlMDY1NTAzZDdlYjU5M-WE3OTVhM2U1YTY1YWQ4MjgwZDc5NWE3ODg4MGlxNjY1ZTliZDMyY2YzZTE3MSJ9&sub-id=eyJpdil6lVrSDZsWXFDUG9ISGorQUJwQ2pUSEE9PSIsInZhbHVlIjojZjZQUeMyQWpYNkdjS-GJuSWljWHY3UT09IiwibWFjIjojOTY0NTg2NzgwMTdlMwQ5NmEyZjkyNTBlYjQ2N2NhYTI2NT-FimM02NTA0ZjYyYzAyYzJmYWY1YjYwOTQ0NmVhOSJ9 (accessed on 13.05.2023).</p>
</div>
<div data-bbox=)

здравоохранении, энергетике и экологической устойчивости²⁹. Программа IMFP поможет сформировать навыки и знания будущих лидеров Мьянмы и будет способствовать развитию человеческих ресурсов и укреплению отношений между двумя государствами.

Политика правительства Мьянмы в области образовательной миграции и академической мобильности за границу

В Мьянме государственная поддержка обучения граждан за рубежом имеет длительную историю. Стипендии присуждались со времен британского правительства. Однако с 1963 г. выплата государственных стипендий была приостановлена.

Новый проект стипендий по поддержке обучения за границей объявил президент Тейн Сейн в своем ежемесячном радиообращении в феврале 2014 г. Президент Мьянмы сообщил о том, что будущие поколения смогут иметь реальные долгосрочные возможности для получения образования, а полученные знания принесут пользу развитию страны. Правительство заявило о программе стипендий для выдающихся студентов, желающих продолжить обучение по программам бакалавриата и аспирантуры зарубежных университетов.

В настоящее время любой мьянманец в возрасте от 16 до 18 лет с результатом выше 500 баллов, полученных на экзамене на аттестат зрелости, может подать заявку в президентскую стипендиальную программу и получить право на обучение в бакалавриате. Также могут получить стипендии на обучение в магистратуре и аспирантуре мьянманцы независимо от возраста. Официально отобранный список абитуриентов публикуется в государственной газете.

26 апреля 2022 г. министерство образования Республики Союз Мьянма издало специальные правила для студентов, обучающихся за рубежом. Из них следует, что студенты, обучающиеся за границей, должны представлять отчеты о предметах, которые они изучают во время учебы, и отправлять их в министерство образования Мьянмы. Также они должны представлять ежеквартальный отчет об успеваемости в комитет по отбору иностранных стипендиатов, министерство образования и посольство (генеральное консульство) Мьянмы в стране обучения.

Студенты, которые направляются государством на обучение за рубеж, должны вернуться на работу в Мьянму и отработать положенный срок в стране. Например, после окончания магистратуры и аспирантуры необходимо отработать четыре года на родине. Если стипендиаты не будут работать в течение этого периода, то им необходимо будет вернуть государству следующие денежные суммы: за обучение от шести месяцев до двух лет стипендиат должен выплатить государству компенсацию в размере 200 тыс. кьят; более двух лет (диплом магистра) – 400 тыс. кьят; за курсы с получением докторской степени – 700 тыс. кьят.

Заключение

Образовательная миграция из Мьянмы продолжает нарастать: многие студенты и ученые предпочитают учиться и работать за границей, где они рассчитывают на лучшие возможности. Хотя образовательная миграция может принести стране множество преимуществ, в т. ч. способствовать развитию ее экономики, существуют также негативные последствия такого явления, и их необходимо учитывать.

²⁹ India-Myanmar Friendship Programme // Mizzima Myanmar News and Insight : [site]. URL: <https://www.mizzima.com/tags/india-myanmar-friendship-programme> (accessed on 13.05.2023).

Система образования Республики Союз Мьянма сталкивается с немалыми проблемами, включая ограниченное финансирование, недостаточное количество ресурсов и низкое качество образования, что приводит к возникновению значительных потоков образовательных мигрантов из страны. Совершенствование управления этими миграционными потоками может способствовать разрешению части проблем в сфере образования. При условии эффективного управления образовательная миграция позволит мьянманским студентам и молодым исследователям получить доступ к возможностям зарубежного высшего образования и научных исследований мирового уровня, обеспечить обмен опытом, применение которого повысит качество образования на родине.

Ключевым шагом на пути к эффективному управлению образовательной миграцией является разработка комплексной национальной стратегии. Для успеха ее реализации решающее значение имеет вовлечение в разработку и внедрение программы всех заинтересованных сторон, включая образовательные учреждения, гражданское общество и международные организации, чьи действия будут координироваться правительством республики.

Проведенный нами анализ позволяет сформулировать ряд рекомендаций для органов власти Мьянмы и заинтересованных сторон, направленных на максимизацию преимуществ образовательной миграции и минимизацию ее потенциальных негативных последствий. Во-первых, необходимо инвестировать в образование и научные исследования для повышения их качества и расширения возможностей, доступных студентам и ученым внутри страны, что поможет снизить потребность молодежи в получении образования за рубежом. Во-вторых, следует разработать и реализовывать политику и программы, которые будут стимулировать студентов и молодых ученых, обучающихся за рубежом, по окончании учебы возвращаться в Мьянму и вносить свой вклад в развитие родины. Такие меры стимулирования могут включать прямую финансовую поддержку, расширение возможностей карьерного роста, улучшение доступа к ресурсам для научных исследований и разработок. В-третьих, нужно решить проблему социального и экономического неравенства, которая может возникнуть в результате образовательной миграции. Направленные на это меры могут включать инвестиции в образовательные программы для тех, кто не имеет возможности учиться за границей, а также предоставление поддержки и ресурсов для тех, кто возвращается в Мьянму после обучения за рубежом.

Список литературы

1. *Sabzalieva, E.* Moving Minds: Opportunities and Challenges for Virtual Student Mobility in a Post-Pandemic World / E. Sabzalieva, T. Mutize, C. Yerovi. Paris : UNESCO, 2022. 44 p. ISBN 978-980-7175-64-7.
2. *Ndegwa, D.* Migrants from Myanmar and Risks Faced Abroad: A Desk Study. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2016. 60 p.
3. *Kuroda, K.* Internationalization of Higher Education and Student Mobility in Japan and Asia : Background paper prepared for the 2019 Global Education Monitoring Report / K. Kuroda, M. Sugimura, Y. Kitamura, S. Asada. Paris : UNESCO, 2018. 57 p.
4. *Hu Ke.* International Students' University Choice to Study Abroad in Higher Education and Influencing Factors Analysis / Hu Ke, Diao Junfeng, Li Xiaojing // *Frontiers in Psychology*. 2022. Article № 1036569. DOI [10.3389/fpsyg.2022.1036569](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1036569).
5. *Rose, H.* Unique Challenges of Learning to Write in the Japanese Writing System // *L2 Writing Beyond English* / ed. N. Yiitolu, M. Reichelt. Bristol : Multilingual Matters, 2019. Pp. 78–94. ISBN 978-1788923125. DOI [10.21832/9781788923132-008](https://doi.org/10.21832/9781788923132-008).
6. *Lee, J. S.* Challenges of International Students in a Japanese University: Ethnographic Perspectives // *Journal of International Students*. 2017. Vol. 7, № 1. Pp. 73–93. DOI [10.32674/jis.v7i1.246](https://doi.org/10.32674/jis.v7i1.246).

7. *Espino, D. P. Best Practices in Developing Global Collaborations in Education : dissertation ... Doctor of Education in Organizational Leadership / D. P. Espino ; Pepperdine University. Los Angeles, 2018. 170 p.*

8. *Gomersall, S. Resilience: Myanmar Students' Experiences of Overcoming eLearning Challenges During COVID-19 and Political Instability / S. Gomersall, A. Floyd // Asia Pacific Education Review. 2023. Vol. 24. Pp. 447–459. DOI [10.1007/s12564-022-09781-6](https://doi.org/10.1007/s12564-022-09781-6).*

Сведения об авторах:

Khant Win, магистрант, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: khant_w@my.mgimo.ru.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); РИНЦ Author ID: [124770](https://elibrary.ru/124770); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071).

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ Author ID: [77673](https://elibrary.ru/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Моисеева Евгения Михайловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); РИНЦ Author ID: [665294](https://elibrary.ru/665294); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 19-511-92003.

Статья поступила в редакцию 06.06.2023; принята в печать 08.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

TRENDS IN EDUCATIONAL MIGRATION OF YOUNG PEOPLE FROM MYANMAR ABROAD

Khant Win

MGIMO University, Moscow, Russia

E-mail: khant_w@my.mgimo.ru

Elena E. Pismennaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: nikitar@list.ru

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Evgeniya M. Moiseeva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru

For citation: Khant Win. Trends in Educational Migration of Young People from Myanmar Abroad / Khant Win, E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, E. M. Moiseeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 111–130. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.8).

Abstract. In recent years, the phenomenon of educational migration has received considerable attention in scientific research, as more and more young people around the world seek educational opportunities abroad. This article examines the educational migration trends of youth from the Republic of the Union of Myanmar and the factors influencing their decision to study abroad. The sharp increase in the number of young Myanmar citizens seeking education in other countries can be explained by several factors, including limited educational opportunities within their own country, political instability and conflict, socio-economic considerations, the desire for international academic standards, as well as language barriers and inequality in education. Our research paper draws on various data sources, including academic research, government reports, migration statistics, and provides a comprehensive analysis of the latest trends in educational migration from the Republic of the Union of Myanmar. The paper examines the driving forces and motives that contribute to the decision of young Myanmar citizens to study abroad. The directions of migration and forms of education preferred by young migrants from this country are analyzed. Findings from this study may be of interest to educators and decision makers in both sending and receiving countries for international students to enhance educational opportunities and support the personal and professional development of young people.

Keywords: education migration; foreign students; youth migration; migration factors; Myanmar; development of education.

References

1. Sabzalieva, E. *Moving Minds: Opportunities and Challenges for Virtual Student Mobility in a Post-Pandemic World* / E. Sabzalieva, T. Mutize, C. Yerovi. Paris : UNESCO, 2022. 44 p. ISBN 978-980-7175-64-7.
2. Ndegwa, D. *Migrants from Myanmar and Risks Faced Abroad: A Desk Study*. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2016. 60 p.
3. Kuroda, K. *Internationalization of Higher Education and Student Mobility in Japan and Asia* : Background paper prepared for the 2019 Global Education Monitoring Report / K. Kuroda, M. Sugimura, Y. Kitamura, S. Asada. Paris : UNESCO, 2018. 57 p.
4. Hu Ke. International Students' University Choice to Study Abroad in Higher Education and Influencing Factors Analysis / Hu Ke, Diao Junfeng, Li Xiaojing. *Frontiers in Psychology*. 2022. Article No. 1036569. DOI [10.3389/fpsyg.2022.1036569](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1036569).
5. Rose, H. Unique Challenges of Learning to Write in the Japanese Writing System. In: *L2 Writing Beyond English* / ed. N. Yitolu, M. Reichelt. Bristol : Multilingual Matters, 2019. Pp. 78–94. ISBN 978-1788923125. DOI [10.21832/9781788923132-008](https://doi.org/10.21832/9781788923132-008).
6. Lee, J. S. Challenges of International Students in a Japanese University: Ethnographic Perspectives. *Journal of International Students*. 2017. Vol. 7, No. 1. Pp. 73–93. DOI [10.32674/jis.v7i1.246](https://doi.org/10.32674/jis.v7i1.246).
7. Espino, D. P. *Best Practices in Developing Global Collaborations in Education* : dissertation ... Doctor of Education in Organizational Leadership / D. P. Espino ; Pepperdine University. Los Angeles, 2018. 170 p.
8. Gomersall, S. Resilience: Myanmar Students' Experiences of Overcoming eLearning Challenges During COVID-19 and Political Instability / S. Gomersall, A. Floyd. *Asia Pacific Education Review*. 2023. Vol. 24. Pp. 447–459. DOI [10.1007/s12564-022-09781-6](https://doi.org/10.1007/s12564-022-09781-6).

Bio notes:

Khant Win, Master's Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: khant_w@my.mgimo.ru.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI Author ID: [124770](https://www.rsci.ru/author/124770); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI Author ID: [77673](https://www.rsci.ru/author/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Evgeniya M. Moiseeva, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-7571-2369](https://orcid.org/0000-0001-7571-2369); RSCI Author ID: [665294](https://www.rsci.ru/author/665294); Web of Science Researcher ID: [X-6836-2019](https://orcid.org/X-6836-2019); Scopus Author ID: [57214717819](https://orcid.org/57214717819).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by RFBR and VASS according to the research project No. 19-511-92003.

Received on 06.06.2023; accepted for publication on 08.08.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

УРБАНИЗАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9)

EDN [LZMIAK](https://edn.lzmiak.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1897–2020 ГГ.

Безвербный В. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;

РАНХиГС, Москва, Россия

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

Для цитирования: **Безвербный, В. А.** Демографическое развитие российских городов по данным переписей населения 1897–2020 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 131–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.9). EDN [LZMIAK](https://edn.lzmiak.ru).

Аннотация. Целью исследования стал анализ динамики численности населения и гендерной структуры российских городов с 1897 по 2020 г. Представленный временной период позволил исследовать как краткосрочные, так и долгосрочные тенденции в развитии городов различных категорий, опираясь на данные официальных переписей населения. Ключевым аспектом исследования явилась оценка динамики роста населения и изменение гендерного баланса в крупнейших городах страны. Основное внимание уделялось динамике изменения численности населения в городах различных категорий по классификации Министерства строительства Российской Федерации. Исследование дало возможность сделать вывод о значительной трансформации системы расселения Российской Федерации в анализируемый период. Наиболее заметна тенденция к увеличению числа крупнейших городов, что свидетельствует о процессах урбанизации и концентрации населения в крупных административных и экономических центрах страны. В то же время наблюдается восстановление числа малых городов, особенно с населением до 10 тыс. человек, что может быть связано с развитием инфраструктуры и улучшением условий жизни в небольших населенных пунктах. В рамках данного исследования рассматриваются количественные и процентные изменения численности населения в разрезе городов различных категорий, проводится анализ гендерного состава населения в крупнейших городах России за различные периоды, дается оценка темпам роста или сокращения населения в течение разных временных промежутков. Исследование стремится внести свою лепту в понимание процессов урбанизации и демографических изменений в России и может служить основой для разработки стратегий устойчивого городского развития и планирования социально-экономических политик на местном и региональном уровнях.

Ключевые слова: города; урбанизация; система расселения; демографическое развитие; численность населения; половозрастная структура населения; перепись населения.

Введение

В современном обществе урбанизация выступает как одно из ключевых направлений демографического и социокультурного развития, активно моделируя пространственно-экономическую структуру страны. Российская Федерация имеет богатую историю трансформаций в городском развитии, начиная с царской эпохи и заканчивая советским и постсоветским периодами. В этом контексте систематический анализ демографических данных, представленных в долгосрочной перспективе, может служить важным инструментом для понимания текущих и предвидения возможных будущих тенденций.

От средневековых городов Золотого кольца до современных мегаполисов Москвы и Санкт-Петербурга – центры городского развития оказали значительную роль на формирование российского культурного и исторического наследия. История первых городов России восходит еще к глубокой древности, когда европейскую часть страны начали населять различные племена и народности. Одним из самых выдающихся и древнейших русских городов стал Новгород, расположенный на берегу реки Волхов. Основанный в IX веке, Новгород превратился в процветающий центр торговли, управления и культурного развития. Его стратегическое положение способствовало развитию связей с Балтийским регионом, что сделало его жизненно важным центром торговли и культурной экспансии. Архитектурное наследие Новгорода свидетельствует о ранних примерах культурно-экономического процветания и цивилизационных достижениях Русского государства. В то время как Новгород процветал на севере, южный Киев превратился в политическую и культурную столицу Киевской Руси. Основанный в V веке, Киев существенно усилил свое экономическое и культурное значение в IX веке во время правления князя Олега. Город стал крупным торговым центром, соединившим Византийскую империю и северные земли Руси.

В XIII веке монгольское нашествие привело к упадку многих древнерусских городов, но в то же время усилилась политическая и экономическая роль Москвы – нового центра власти и влияния. Основанная как крепость в конце XII века, Москва превратилась в столицу Великого княжества Московского и со временем стала центром единого Русского государства. Знаковые достопримечательности Москвы, в том числе Кремль и собор Василия Блаженного, демонстрируют величие и архитектурное наследие города. Первые города России сыграли ключевую роль в формировании городской цивилизации и культурного наследия страны. От Новгорода и Киева до Владимира и Суздаля – эти ранние городские поселения заложили основу для развития будущих городов и их значения в общественно-политическом ландшафте.

Обзор научной литературы

Основополагающей работой, посвященной исследованию российских городов еще в дореволюционное время, можно назвать книгу «Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии» В. П. Семенова-Тян-Шанского, опубликованную в 1910 году. В своей монографии выдающийся ученый и путешественник исследовал города Европейской России и их разнообразие в зависимости от различных географических, исторических и демографических факторов, проанализировал географические основы русской оседлости и предложил типологию заселения, объединяя зональные и азональные принципы, а также исследовал изменения в функциях российских городов, таких как военные, административные и торгово-промышленные, и подверг критике произвольное упразднение городов и превращение сел в города, что привело к расхождению между официальными и фактическими списками городов. Книга завершается картой расселения городов Европейской России, которая стала прототипом будущих демографических карт. В целом эта монография представляет собой важное исследование экономической географии России начала 20 века, обогащенное статистическими данными и анализом разнообразных аспектов городской и сельской жизни [1].

По мнению автора, первой системной работой, посвященной системному исследованию развития городов в СССР, следует назвать монографию Б. С. Хорева «Проблемы городов (урбанизация и единая система расселения в СССР)», первоначально изданную еще в 1971 г. [2]. В данной работе рассмотрены характеристики современ-

ного процесса урбанизации и вопросы, связанные с теорией размещения населения. Описан процесс становления интегрированной системы поселений в СССР, взаимосвязанный с распределением производственных ресурсов страны. Проанализированы демографические и трудовые вопросы. Предложены стратегии для усовершенствования сети населенных пунктов и управления ростом городских агломераций.

Одной из первых попыток исследовать демографическую динамику городов России является коллективная монография «Демографическая история России: 1927–1959», подготовленная Е. М. Андреевым, Л. Е. Дарским и Т. Л. Харьковской в 2001 г. В этой работе исследуется период советской демографической политики, начиная с первой всеобщей переписи населения СССР в 1926 г. и до 1959 г. Анализируются важнейшие аспекты демографического развития страны: рождаемость, смертность, миграция, изменения в структуре населения [3].

В публикации А. А. Анохина и соавторов «Современные тенденции динамики численности населения городов» проведен глубокий анализ, позволивший выявить заметные диспропорции в динамике численности населения средних и больших городов в интервале времени с 1989 по 2010 г. Авторы этой статьи подробно осветили факторы и характерные черты дифференцированных темпов роста городов, которые обусловлены рядом параметров, включая административный статус, географическое расположение, особенности экономической специализации региона. Основопологающим критерием оценки устойчивости развития городских территорий, согласно выводам исследователей, стала миграционная активность населения. Основываясь на динамических показателях численности жителей [4], ученые предприняли попытку создать категоризацию городов.

В работе Л. Б. Карачуриной «Демографические трансформации городов постсоветской России» рассмотрены тенденции демографического развития городов России в период с 1989 по 2010 г. С опорой на результаты всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. проанализированы миграционные перемещения жителей городов России, учитывая их размеры и позицию в общей системе расселения, тенденции естественного и миграционного роста населения в городах [5].

Отдельное внимание необходимо уделить фундаментальному труду «Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность» коллектива Института географии РАН. Работа посвящена исследованию городов двух групп старых промышленных районов – Центрального и Уральского регионов, с учетом их уникальной исторической динамики, современных социально-демографических показателей, экономических и культурных особенностей, внутреннего устройства. Книга завершается выявлением современных пространственных социально-экономических различий на муниципальном уровне, предоставляя анализ успешных и наиболее проблемных городов и районов. Научный труд ученых основан на обширной статистической базе данных по муниципальным образованиям, результатам анализа космических снимков и полевым данным, собранным в ключевых регионах. Книга снабжена множеством карт, графиков и фотографий [6].

Большой интерес вызывает коллективная монография ФНИСЦ РАН «Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы», представляющая собой альтернативный анализ проблематики позиционирования и функций малых городов в контексте оседло-поселенческих формаций, включая агломерации, конурбации, мегаполисы, равно как и специфические социально-территориальные единицы, расположенные в отдалении от крупных городских центров. В ней представлен

анализ наиболее критических вопросов развития малых городов России, подходы и методы их устранения вкупе с предложениями по минимизации отрицательных явлений в социально-экономической и культурной областях [7].

Должно отметить, что в большинстве научных исследований временной интервал оценки демографической динамики ограничивался 1989 и 2010 гг., попыток же оценить демографические тенденции развития городов с момента первой переписи в Российской империи до актуальной переписи 2020 г. до сих пор замечено не было.

Методология и методы исследования, источники информации

Для достижения поставленных целей были использованы методы статистического анализа, включая сравнительный и динамический, что позволило выявить основные тенденции и закономерности в развитии городов Российской Федерации. Исследование основывается на данных официальных переписей населения, проведенных в 1897, 1939, 1957, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 и 2020 гг. (Всероссийская перепись населения 2020 была фактически проведена в 2021 г.). Данные агрегированы по городам, разделенным на категории в зависимости от численности населения: крупнейшие, крупные, большие, средние и малые города¹. Анализ динамики численности населения включает в себя изучение процентного соотношения мужчин и женщин, оценку темпов роста населения за различные периоды.

По мнению ряда авторитетных ученых в сфере экономической географии, градостроительства и урбанистики, наиболее релевантным индикатором пространственного роста территорий следует считать динамику численности населения [8]. Динамика численности населения может не только свидетельствовать об уровне естественной убыли и миграционного баланса территории, но и отражать привлекательность территории с точки зрения качества жизни, уровня доходов населения, развития городской инфраструктуры, климата и т. д. Напротив, территории, не способные выдержать конкуренцию за человеческий капитал с другими городами и регионами, как правило, сталкиваются с проблемой миграционного оттока трудовых ресурсов (включая т. н. «креативный класс» и молодых специалистов), характеризуются высокими значениями естественной убыли и ускоряющимися темпами старения населения. Кроме того, именно численность населения города в первую очередь определяет его место в иерархии городов страны/ субъекта/ региона, формируя как политический статус и уровень федерального внимания, так и социально-экономический потенциал территории.

Динамику численности населения также можно считать транспарентным и доступным индикатором и, в отличие от ряда других социально-экономических показателей – валового городского продукта, структуры и динамики промышленного производства, структуры доходной и расходной части городских бюджетов – значительно более простым в обработке и анализе. Во многом это обусловлено регулярным проведением Всероссийских переписей населения, после проведения которых данные по численности и структуре населения городов и регионов Российской Федерации публикуются официально. В этой связи коллективом исследователей было принято решение создать базу данных численности и структуры населения городов, начиная от первой в истории России всеобщей переписи

¹ Здесь и далее классификация городов представлена согласно: СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209?ysclid=lmossbnz2h604289699> (дата обращения: 18.06.2023).

1897 г. и заканчивая данными Всероссийской переписи населения 2020 (фактически проведенной в 2021 г.). Что позволило бы детально проанализировать не только темпы роста городов, но и, опираясь на методику Министерства строительства Российской Федерации, оценить динамику распределения городов по категориальному признаку более чем за столетний временной интервал (крупнейшие, большие, малые и т. д.).

Результаты

Изучая данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., можно обратить внимание на то, что в границах Российской Федерации на начало 2021 г. в городах проживали всего 7 млн 818 тыс. человек или 11,6% населения Российской империи. Общее же число городов составляло 435 населенных пунктов (далее – н. п.), при том что общее число городов в Российской империи составляло 876 н. п., и в них насчитывалось 16 млн 579 тыс. жителей, что составляло уже 13% от общей численности населения империи.

В соответствии с современной классификацией городов Минстроя РФ на 1897 г. в Российской империи выделялся только один крупнейший город (свыше 1 млн жителей) – Санкт-Петербург, насчитывавший тогда 1 млн 113 тыс. жителей; один крупный город (от 500 тыс. до 1 млн) – Москва; пять больших городов с населением от 100 до 250 тыс.: Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Астрахань и Тула; 19 средних и 409 малых городов (рис. 1).

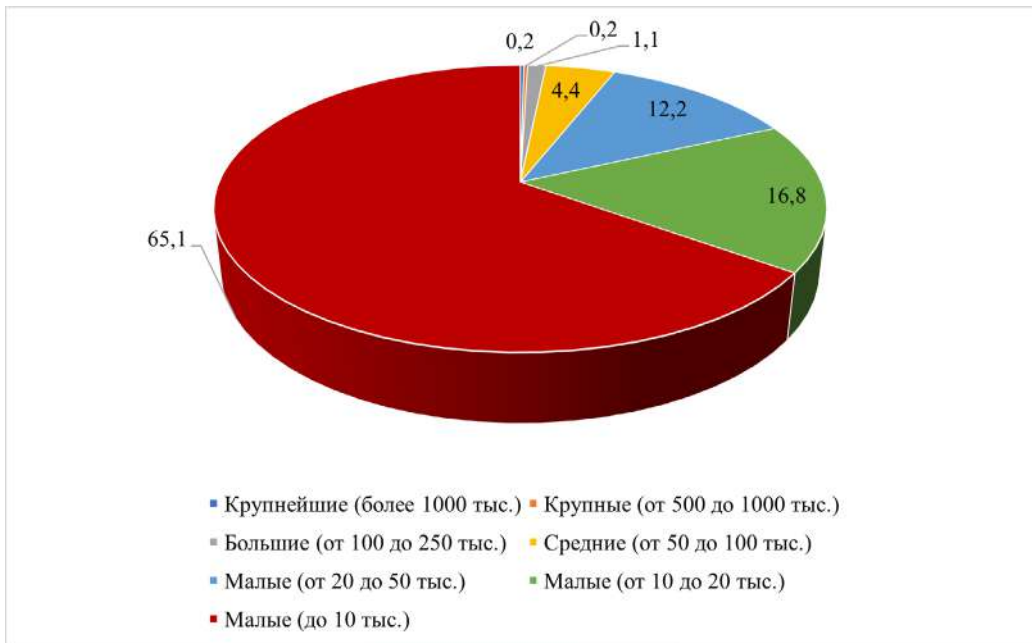

Рис. 1. Распределение основных категорий городов в зависимости от численности населения по материалам переписи населения 1897 г. (в границах Российской Федерации)

Fig. 1. Distribution of the main categories of cities depending on the population size according to the population census of 1897 (within the borders of the Russian Federation)

Источник: составлено автором на основе переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.²

² Население городов по переписи 28-го января 1897 года // Электронная библиотека ГПИБ : [сайт]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/15162-vyp-2-naselenie-gorodov-po-perepisi-28-go-yanvarya-1897-goda-1897> (дата обращения: 18.06.2023).

Рассматривая численность населения наиболее крупных городов Российской империи на конец XIX века, можно увидеть существенное доминирование Санкт-Петербурга и Москвы над городами других регионов в современных границах России. Мало того численность населения Санкт-Петербурга и Москвы выделялась и на фоне других важнейших городов, включая Варшаву (683 тыс. 700 человек), Одессу (403 тыс. 800 человек), Лодзь (314 тыс. человек), Ригу (282 тыс. 900 человек) и Киев (247 тыс. 700 человек) (табл. 1).

Таблица 1

Численность и гендерная структура 20 самых крупных городов Российской империи по материалам переписи населения 1897 г. (в границах Российской Федерации)

Table 1

Population and gender structure of the 20 largest cities of the Russian Empire according to the population census of 1897 (within the borders of the Russian Federation)

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Категория
Санкт-Петербург	1 132 677	54,5	45,5	крупнейший
Москва	988 614	56,7	43,3	крупный
Саратов	137 109	50,5	49,5	большой
Казань	131 508	53,2	46,8	большой
Ростов-на-Дону	119 889	52,4	47,6	большой
Астрахань	113 001	51,8	48,2	большой
Тула	111 048	54,9	45,1	большой
Нижний Новгород	95 124	53,9	46,1	средний
Самара	91 672	50,9	49,1	средний
Воронеж	84 146	51,2	48,8	средний
Оренбург	72 740	52,0	48,0	средний
Ярославль	70 610	53,7	46,3	средний
Орел	69 858	53,2	46,8	средний
Екатеринодар	65 697	52,4	47,6	средний
Пенза	61 851	50,5	49,5	средний
Кронштадт	59 539	69,2	30,8	средний
Царицын	55 967	50,4	49,6	средний
Екатеринбург	55 488	47,2	52,8	средний
Иваново-Вознесенск	53 949	52,5	47,5	средний
Тверь	53 477	53,5	46,5	средний

Источник: составлено автором на основе переписных листов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.³

³ Население городов по переписи 28-го января 1897 года // Электронная библиотека ГПИБ : [сайт]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/15162-vyp-2-naselenie-gorodov-po-perepisi-28-go-yanvarya-1897-goda-1897> (дата обращения: 18.06.2023).

Равным образом обращает на себя внимание и уровень диспропорций в гендерном составе населения городов империи. Так, например, Кронштадт выделялся существенным перевесом мужского населения – 69,2% по сравнению с 30,8% женского. Екатеринбург, напротив, имел большую долю женского населения – 52,8% против 47,2% мужского. Здесь же уточним, что, женское население в большинстве городов имело небольшое преимущество перед мужским.

Значительное преобладание мужского населения в ряде крупных городов Российской империи второй половины XIX века, по мнению автора статьи, было обусловлено активной индустриализацией, развитием промышленных отраслей и ремесел, а также военным статусом некоторых городов, как например, в случае Кронштадта.

Располагая данными Всесоюзной переписи населения 1926 г. о численности населения 68 наиболее крупных городов РСФСР, можно рассмотреть динамику роста больших и крупных городов с 1897 по 1926 гг. Несмотря на трагические события Первой мировой войны, последующей революции и гражданской войны, основные города советской России продолжали поступательный рост. Причем в ряде случаев численность населения города выросла более чем в 2–2,5 раза, что было характерно для Омска – рост 334%; Владивостока – рост 273,7%; Сталинграда (бывш. Царицына) – рост 165,1%; Ростова-на-Дону – рост 157%; Краснодара (бывш. Екатеринодара) – рост 190,4%. Новосибирск же за рассматриваемый период вырос на 109 тыс. человек или практически в 14 раз, что может указывать на значительное экономическое и промышленное развитие данных городов в указанный исторический период (табл. 2).

Таблица 2

**Численность и динамика роста крупнейших,
крупных и больших городов РСФСР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.**

Table 2

**Population and growth dynamics of the largest, large, and big cities of RSFSR
according to the materials of the All-Union
Population Census of 1926**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1897–1926 гг. (%)	Категория
Москва	2 025 947	48,8	51,2	104,9	крупнейший
Ленинград	1 614 008	48,6	51,4	42,5	крупнейший
Ростов	308 103	47,4	52,6	157,0	крупный
Саратов	215 276	46,5	53,5	57,0	большой
Нижний Новгород	185 267	48,8	51,2	94,8	большой
Казань	179 023	47,1	52,9	36,1	большой
Астрахань	176 530	47,4	52,6	56,2	большой
Самара	175 636	47,3	52,7	91,6	большой
Краснодар	162 520	48,5	51,5	190,4	большой
Омск	161 684	49,2	50,8	334,2	большой

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1897–1926 гг. (%)	Категория
Тула	152 677	49,7	50,3	37,5	большой
Сталинград	148 369	47,3	52,7	165,1	большой
Свердловск	136 420	47,7	52,3	145,9	большой
Оренбург	123 283	46,4	53,6	69,5	большой
Новосибирск	120 128	49,5	50,5	114,6	большой
Воронеж	120 017	47,8	52,2	42,6	большой
Ярославль	114 277	48,2	51,8	61,8	большой
Иваново-Вознесенск	111 460	46,8	53,2	106,6	большой
Тверь	108 413	47,0	53,0	102,7	большой
Владивосток	107 980	61,1	38,9	273,7	большой
Сталинград	105 857	53,1	46,9	103,6	большой

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1926 г.⁴

Кроме того, общая численность городских населенных пунктов на территории РСФСР увеличилась на 804 единицы и составила 1 239 городов, в то время как число сельских поселений – 489 тыс. 371.

Предвоенная Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала критическое сокращение числа как городов, так и поселений: число городов было равно уже 591 н. п., а число поселков сократилось до 793, включая 41 тыс. 354 сельсоветов. Такая статистическая аномалия может объясняться не только трагическими событиями 1930-х гг., но и сталинской политикой укрупнения городов и формирования сельсоветов.

Вместе с тем стоит отметить, что в 1939 г. было зафиксировано появление уже 11 крупных городов с населением более 250 тыс. человек (Горький, Ростов-на-Дону, Сталинград, Казань, Куйбышев, Воронеж, Архангельск, Ярославль, Тула, Иваново, Астрахань) и достижение семью городами статуса больших городов с населением свыше 100 тыс. человек (табл. 2). Обращает на себя внимание и интенсивный рост ряда городов, существенно увеличивших численность населения: Смоленск (рост 222,7%); Ростов-на-Дону (рост 159,9%); Воронеж (рост 155,4%); Иваново (рост 152,4%); Архангельск (рост 129,2%); Тула (рост 119,4%). Минимальный же рост был зафиксирован в г. Орджоникидзе (с 1990 г. Владикавказ) – 3,3%. (табл. 3).

⁴ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. : краткие сводки. – М, 1927–1929 // Электронная библиотека ГПИБ : [сайт]. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/17507-vsesoyuznaya-perepis-naseleniya-17-dekabrya-1926-g-kratkie-svodki-m-1927-1929> (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 3

**Численность и динамика роста крупнейших,
крупных и больших городов РСФСР по материалам
Всесоюзной переписи населения 1939 г.**

Table 3

**Population and growth dynamics of the largest, large, and big cities
of the RSFSR according to the All-Union Population Census of 1939**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1926–1939 гг. (%)	Категория
Москва	4 131 633	46,4	53,6	90,4	крупнейший
Ленинград	3 015 188	45,5	54,5	80,4	крупнейший
Горький	643 689	47,6	52,4	40,8	крупный
Ростов-на-Дону	510 212	45,9	54,1	159,9	крупный
Сталинград	445 312	47,2	52,8	27,9	крупный
Казань	398 014	47,5	52,5	104,2	крупный
Куйбышев	390 488	49,9	50,1	6,1	крупный
Воронеж	347 588	47,8	52,2	155,4	крупный
Архангельск	310 886	47,7	52,3	129,2	крупный
Ярославль	299 359	45,6	54,4	59,1	крупный
Тула	296 610	47,9	52,1	119,4	крупный
Иваново	285 182	44,8	55,2	152,4	крупный
Астрахань	253 595	46,8	53,2	77,1	крупный
Краснодар	224 228	45,6	54,4	62,5	большой
Калинин	216 131	44,8	55,2	8	большой
Таганрог	188 781	47,8	52,2	66,2	большой
Ижевск	175 567	46,2	53,8	98,1	большой
Грозный	175 139	48,6	51,4	42,8	большой
Пенза	159 776	46,4	53,6	29,7	большой
Смоленск	156 884	45,4	54,6	222,7	большой
Киров	143 558	44,8	55,2	40,8	большой
Симферополь	142 634	46,2	53,8	63,2	большой
Рыбинск	139 197	46,6	53,4	81,1	большой
Орджоникидзе	130 755	47,4	52,6	3,3	большой
Кострома	124 441	43,3	56,7	62,7	большой
Тамбов	123 207	47,3	52,7	30,5	большой
Курск	119 977	46,2	53,8	28,4	большой

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1939 г.⁵

Всесоюзная перепись населения 1959 г. ознаменовалась резким повышением значимости числа больших городов в системе расселения РСФСР. При общем количестве городов 876 н. п. число городов численностью свыше 100 тыс. человек за 20 лет увеличилось с 7 до 34. Мало того проявилась тенденция формирования ряда «го-

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года // Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина : [сайт]. URL: <https://www.prilib.ru/item/328812> (дата обращения: 18.06.2023).

родов-предмиллионников»: Горький (941 тыс. 962 человек), Новосибирск (885 тыс. 45 человек), Куйбышев (806 тыс. 356 человек). Общая структура городов в сравнении с предыдущими итогами всесоюзных переписей также претерпела существенные изменения. Так, до 11,5 % выросла доля средних городов, доля больших городов увеличилась до 6,4%, доля крупных городов составила 4% (рис. 2).

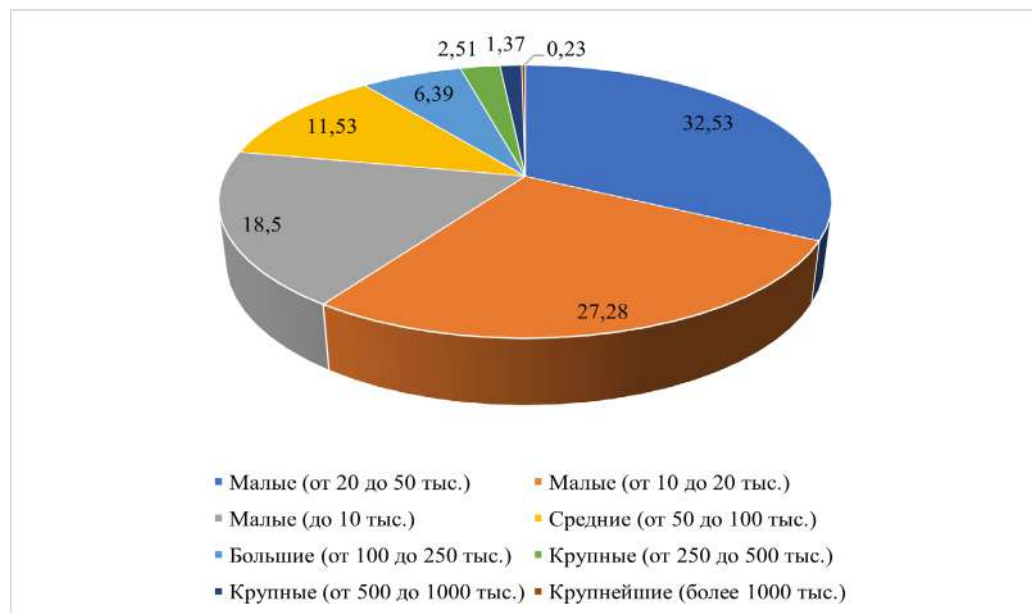

Рис. 2. Распределение основных категорий городов РСФСР в зависимости от численности населения по материалам переписи населения 1959 г.

Fig. 2. Distribution of the main categories of cities of the RSFSR depending on the population according to the 1959 Census

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.⁶

Если рассматривать динамику населения и гендерную структуру крупнейших и крупных городов РСФСР, становятся понятными катастрофические демографические последствия Великой Отечественной войны. В частности, обращает на себя внимание демографическая стагнация Ленинграда, увеличившего численность населения с 1939 г. всего на 3%; а кроме этого, существенное преобладание женского населения в половой структуре ведущих городов страны, варьирующееся от 54,1% до 58,8% или в среднем составившее 11,5 %. По мнению автора, это обусловлено колоссальными демографическими потерями мужского населения в годы Великой Отечественной войны.

В то же время заметен и значительный рост численности населения ряда городов. Например, за рассматриваемый период в 2–2,5 раза выросли такие крупные города, как Челябинск (152%), Пермь (146%), Уфа (118,7%), Новосибирск (118,4%), Куйбышев (106,5%), Омск (101,2%) (табл. 4).

⁶ Итоги переписей // Книга переписей : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1959/> (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 4

**Численность и динамика роста крупнейших и крупных городов РСФСР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г.**

Table 4

**Population and growth dynamics of the largest and large cities of the RSFSR
according to the All-Union Population Census of 1959**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1939–1959 гг. (%)	Категория
Москва	5 045 905	42,4	57,6	32,9	крупнейший
Ленинград	2 899 955	41,2	58,8	3,0	крупнейший
Горький	941 962	44,9	55,1	63,6	крупный
Новосибирск	885 045	45,2	54,8	118,4	крупный
Куйбышев	806 356	44,3	55,7	106,5	крупный
Свердловск	778 602	44,4	55,6	83,0	крупный
Челябинск	689 049	45,9	54,1	152,3	крупный
Казань	646 806	43,7	56,3	80,4	крупный
Пермь	629 118	44,9	55,1	146,5	крупный
Ростов-на-Дону	599 542	43,5	56,5	29,9	крупный
Сталинград	593 844	44,7	55,3	51,5	крупный
Саратов	584 092	44,3	55,7	77,1	крупный
Омск	581 108	45,5	54,5	101,2	крупный
Уфа	546 878	44,8	55,2	118,7	крупный

Источник: подготовлено и рассчитано автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 г.⁷

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., число городов в РСФСР составило уже 974 н. п., то есть увеличилось на 98 н. п. При этом в наибольшей степени выросло количество малых городов с численностью населения от 20 до 50 тыс. (+57 н. п.); малых с численностью населения от 10 до 20 тыс. (+22 н. п.); больших с численностью населения от 100 до 250 тыс. (+19 н. п.). Показательно и то, что за 11 лет, прошедших с момента проведения предыдущей переписи в 1970 г., сформировались уже 6 городов-миллионников (крупнейших городов) с численностью населения свыше 1 млн человек. Помимо исторически очевидных Москвы и Ленинграда, такими городами стали Горький, Новосибирск, Куйбышев, Свердловск. В свою очередь динамика роста крупных и крупнейших городов продемонстрировала устойчивый и поступательный характер. Городом с максимальной динамикой роста населения в этот период стал Красноярск с приростом в 57,2%, минимальный же рост наблюдался в Ленинграде – всего 21,1%. Женщины продолжали составлять большую часть населения во всех городах, что, возможно, как и раньше, было связано как с более высокой продолжительностью жизни женщин, так и с историческими факторами, включая последствия Второй мировой войны. Москва оставалась наиболее населенным городом, показывая заметный рост населения в 37,6% за данный период (табл. 5).

⁷ Итоги переписей // Книга переписей : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1959/> (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 5

**Численность и динамика роста крупнейших и крупных городов РСФСР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г.**

Table 5

**Population and growth dynamics of the largest and large cities of the RSFSR
according to the All-Union Population Census of 1970**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1959–1970 гг. (%)	Категория
Москва	6 941 961	43,9	56,1	37,6	крупнейший
Ленинград	3 512 974	42,9	57,1	21,1	крупнейший
Горький	1 170 133	44,7	55,3	24,2	крупнейший
Новосибирск	1 160 963	45,6	54,4	31,2	крупнейший
Куйбышев	1 044 849	45,3	54,7	29,6	крупнейший
Свердловск	1 025 045	43,7	56,3	31,7	крупнейший
Челябинск	875 210	46,1	53,9	27,0	крупный
Казань	868 537	44,5	55,5	34,3	крупный
Пермь	850 324	45,6	54,4	35,2	крупный
Омск	821 151	46,1	53,9	41,3	крупный
Волгоград	817 647	45,7	54,3	37,7	крупный
Ростов-на-Дону	788 827	44,1	55,9	31,6	крупный
Уфа	770 905	44,7	55,3	41,0	крупный
Саратов	757 330	45,0	55,0	29,7	крупный
Воронеж	660 182	45,8	54,2	47,6	крупный
Красноярск	648 113	45,6	54,4	57,2	крупный
Ярославль	517 314	44,0	56,0	27,1	крупный

Источник: подготовлено и рассчитано автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1970 г.⁸

В соответствии с результатами Всесоюзной переписи населения 1979 г. число городов в РСФСР выросло на 28 населенных пунктов и составило уже 1002 н. п. Налицо, главным образом, увеличение в категории средних городов (+21 н. п.), малых до 50 тыс. (+12 н. п.) и больших (+12 н. п.). В то время как число малых городов с населением до 20 тыс. сократилось на 35 н. п., что может говорить об интенсификации процесса урбанизации страны и планомерном росте численности населения городов с высоким экономическим и демографическим потенциалом.

По результатам переписи 1979 г. важно отметить формирование уже 8 крупнейших городов за счет впечатляющего роста таких городов, как Челябинск и Омск. Помимо этого, отмечался и постепенный рост доли мужского населения в большинстве городов РСФСР в сравнении с 1970 г. и 1959 г. Среди крупнейших городов городом с наибольшей динамикой роста населения в этот период стал Омск с приростом в 23,5%, наименьший же рост был характерен для Москвы – всего 12,8%. Во всех городах доля женского населения по-прежнему превышала численность мужского населения, с самым высоким показателем в Ленинграде (56,5%). (табл. 6).

⁸ Итоги переписей // Книга переписей : [сайт]. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1970/> (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 6

**Численность и динамика роста крупнейших городов РСФСР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г.**

Table 6

**Population and growth dynamics of the largest cities of the RSFSR
according to the 1979 All-Union Population Census**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1970–1979 гг. (%)	Категория
Москва	7 830 509	44,2	55,8	12,8	крупнейший
Ленинград	4 072 528	43,5	56,5	15,9	крупнейший
Горький	1 344 474	45,6	54,4	14,9	крупнейший
Новосибирск	1 312 480	45,1	54,9	13,1	крупнейший
Куйбышев	1 216 233	45,5	54,5	16,4	крупнейший
Свердловск	1 211 172	45,3	54,7	18,2	крупнейший
Челябинск	1 029 522	45,2	54,8	17,6	крупнейший
Омск	1 014 246	46,9	53,1	23,5	крупнейший

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1979 г.⁹

Последняя Всесоюзная перепись населения 1989 г. продемонстрировало увеличение количества городов до 1037 или на 35 н. п. При этом в большей степени выросло число средних городов (+33 н. п.), а число крупнейших городов достигло двенадцати городов-миллионников за счет дальнейшего роста таких городов, как Казань, Пермь, Уфа и Ростов-на-Дону (табл. 7). Стоит отметить и появление новых городов-«предмиллионников»: Волгоград (998 тыс. 894 человек), Красноярск (912 тыс. 629 человек), Саратов (904 тыс. 643 человек), Воронеж (886 тыс. 844 человек) (табл. 7).

Таблица 7

**Численность и динамика роста крупнейших городов РСФСР
по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.**

Table 7

**Population and growth dynamics of the largest cities of the RSFSR
according to the All-Union Population Census of 1989**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1979–1989 гг. (%)	Категория
Москва	8 769 117	44,9	55,1	12,0	крупнейший
Ленинград	4 460 424	44,9	55,1	9,5	крупнейший
Горький	1 438 133	45,7	54,3	7,0	крупнейший
Новосибирск	1 436 516	45,6	54,4	9,5	крупнейший
Свердловск	1 364 621	45,6	54,4	12,2	крупнейший
Куйбышев	1 254 460	45,1	54,9	3,1	крупнейший
Омск	1 148 418	46,7	53,3	13,2	крупнейший
Челябинск	1 141 777	46,5	53,5	10,9	крупнейший
Казань	1 094 378	46,0	54,0	10,2	крупнейший

⁹ Всесоюзная перепись населения 1979 г. // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/spp/ussr79_reg1.php (дата обращения: 18.06.2023).

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1979–1989 гг. (%)	Категория
Пермь	1 090 944	46,6	53,4	9,2	крупнейший
Уфа	1 082 052	47,1	52,9	11,6	крупнейший
Ростов-на-Дону	1 019 305	45,8	54,2	9,1	крупнейший

Источник: подготовлено и рассчитано автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 г.¹⁰

Наибольший рост населения за данный период – на 13,2% продемонстрировал г. Омск. Наименьший рост был характерен для г. Куйбышев – всего на 3,1%. Во всех городах доля женского населения продолжала превышать мужскую, хотя разница все же уменьшалась. Москва и Ленинград имели одинаковую долю женского населения – 55,1%. Городом с наибольшей долей мужчин в 1989 г. стала Уфа, показатель равен 47,1%.

Анализируя изменения в структуре городов, впору заметить изменение соотношений категорий городов в сравнении с предыдущими десятилетиями. По данным переписи населения 1989 г., 67,8 % всех городов можно было отнести к объединенной группе малых городов, но уже 7,3% городов относились к крупным и крупнейшим, что говорит о тенденции более быстрого роста крупных городов в 1980-е гг. (рис. 3).

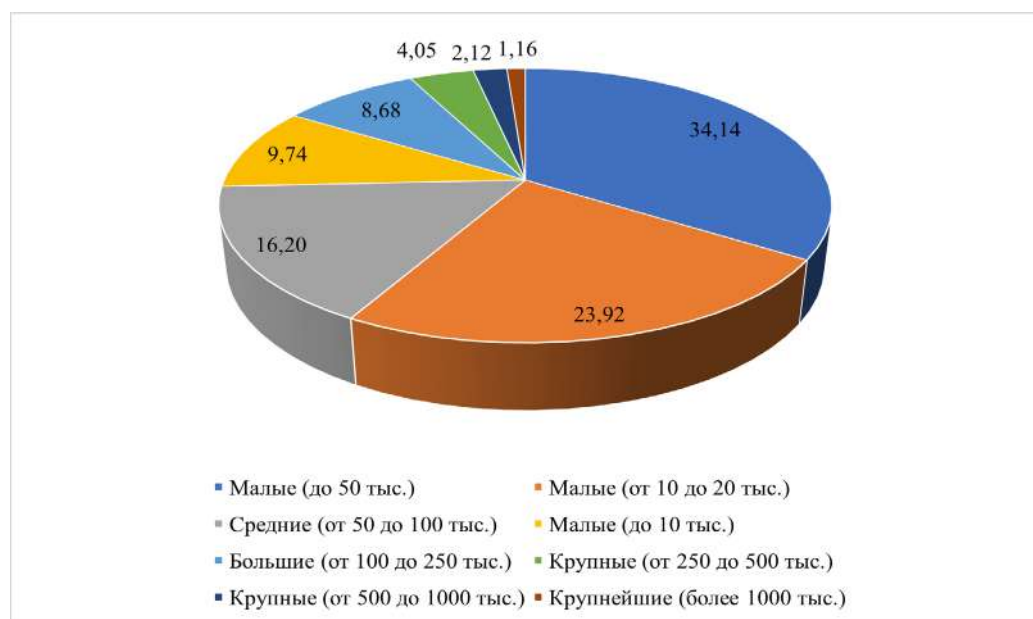

Рис. 3. Распределение основных категорий городов РСФСР в зависимости от численности населения по материалам переписи населения 1989 г.

Fig. 3. Distribution of the main categories of RSFSR cities depending on the population size according to the 1989 census¹¹

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 1989 г.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 18.06.2023).

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 18.06.2023).

Первая в истории Российской Федерации Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала уже 1 107 городов (+ 7 н.п.), но при общем увеличении общего числа городов было характерно снижение числа крупных (-2 н. п.) и средних городов (-3 н. п.). Что может свидетельствовать о негативных последствиях шоковых социально-экономических преобразований 1990-х гг. Это снижение произошло в связи с сокращением численности населения Томска (-14 тыс. 125 человек) и Кемерово (-35 тыс. 509 человек), а также таких средних к 1989 г. по размеру городов, как Рузаевка, Сатка и Чебаркуль. В то же время перепись 2002 г. зарегистрировала появление 13-го крупнейшего города – города Волгограда – с численностью населения в 1 млн 11 тыс. человек (табл. 8).

Таблица 8

Численность и динамика роста крупнейших городов Российской Федерации по материалам Всероссийской переписи населения 2002 г.

Table 8

Population and growth dynamics of the largest cities of the Russian Federation according to the All-Russian Population Census of 2002

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 1989–2002 гг. (%)	Категория
Москва	10 126 424	47,7	52,3	15,5	крупнейший
Санкт-Петербург	4 661 219	44,9	55,1	4,5	крупнейший
Новосибирск	1 425 508	45,7	54,3	-0,8	крупнейший
Нижний Новгород	1 311 252	44,5	55,5	-8,8	крупнейший
Екатеринбург	1 293 537	45,2	54,8	-5,2	крупнейший
Самара	1 157 880	45,1	54,9	-7,7	крупнейший
Омск	1 134 016	45,7	54,3	-1,3	крупнейший
Казань	1 105 289	44,7	55,3	1,0	крупнейший
Челябинск	1 077 174	45,1	54,9	-5,7	крупнейший
Ростов-на-Дону	1 068 267	45,7	54,3	4,8	крупнейший
Уфа	1 042 437	45,7	54,3	-3,7	крупнейший
Волгоград	1 011 417	45,7	54,3	1,3	крупнейший
Пермь	1 001 653	45,1	54,9	-8,2	крупнейший

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийской переписи населения 2002 г.¹²

Город Москва показал наибольший рост населения за данный период, увеличившись на 15,5%. В свою очередь, Нижний Новгород продемонстрировал наибольшее снижение населения, уменьшившись на 8,8%. Во всех городах доля женского населения превышала мужскую, а Санкт-Петербург по-прежнему характеризовался наивысшей долей женского населения – 55,1%. По доле мужского населения в 2002 г. наибольшее значение было уже зафиксировано в Москве – 47,7%, что может быть связано с ростом масштабов внутренней и трудовой миграции в столицу в пореформенный период.

¹² Всероссийская перепись населения 2002 года : [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/> (дата обращения: 18.06.2023).

Всероссийская перепись населения 2010 г. продемонстрировала тенденцию к сокращению практически всех категорий городов и общее снижение численности городов с 1 107 н. п. в 2002 г. до 1 100 н. п. в 2010 г. Наибольшее сокращение произошло в категории малых городов от 10 до 20 тыс. человек (-15 н. п.), средних (-10 н. п.) и больших (-2 н. п.).

Среди крупнейших городов Москва продолжала показывать наибольшие темпы роста населения, увеличившись в период 2002–2010 гг. на 13,6%. Наименьший, даже отрицательный рост населения, как и в 2002 г., стал характерным для Нижнего Новгорода, где за рассматриваемый период население сократилось на 4,6%. При изучении гендерной структуры населения увидим, что наибольшую долю женского населения – 56,1% показал Нижний Новгород, а Москва по-прежнему продемонстрировала наибольшую долю мужского населения среди всех крупнейших городов России – 46,1%. (табл. 9).

Таблица 9

**Численность и динамика роста крупнейших городов
Российской Федерации по материалам
Всероссийской переписи населения 2010 г.**

Table 9

**Population and growth dynamics of the largest cities
of the Russian Federation according to the materials
of the All-Russian Population Census 2010**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 2002–2010 гг. (%)	Категория
Москва	11 503 501	46,1	53,9	13,6	крупнейший
Санкт-Петербург	4 879 566	44,9	55,1	4,7	крупнейший
Новосибирск	1 473 754	45,9	54,1	3,4	крупнейший
Екатеринбург	1 349 772	44,7	55,3	4,3	крупнейший
Нижний Новгород	1 250 619	43,9	56,1	-4,6	крупнейший
Самара	1 164 685	44,7	55,3	0,6	крупнейший
Омск	1 154 116	45,5	54,5	1,8	крупнейший
Казань	1 143 535	44,5	55,5	3,5	крупнейший
Челябинск	1 130 132	44,7	55,3	4,9	крупнейший
Ростов-на-Дону	1 089 261	45,4	54,6	2,0	крупнейший
Уфа	1 062 319	45,2	54,8	1,9	крупнейший
Волгоград	1 021 215	45,2	54,8	1,0	крупнейший

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г.¹³

Наконец последняя на сегодняшний день Всероссийская перепись населения 2020 г. (фактически проведенная в 2021 г.) продемонстрировала рост общего числа городов на 40 н. п., увеличение количества крупнейших городов до 16 н. п., равно как и рост числа крупных и больших городов, что может свидетельствовать о дальнейшей концентрации населения в больших городах и агло-

¹³ ВПН-2010 // Росстат : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 18.06.2023).

мерировании территорий. В то же время снизилось число малых городов с населением от 10 до 50 тыс. человек (-18 н. п.), средних (-5 н. п.) и крупных от 500 тыс. (-4 н. п.).

Характерными для крупнейших городов России за период с 2010 по 2020 гг. стали разнонаправленные тенденции их роста. Если было зафиксировано заметное увеличение населения в городах Краснодар и Красноярск, то Омск и Нижний Новгород показали отрицательную динамику. В течение 2010–2020 гг. город Краснодар продемонстрировал самый значительный рост населения – 47,6%, что стало наибольшим показателем среди представленных городов. Екатеринбург и Краснодар среди крупнейших городов располагали наибольшей долей мужского населения, составлявшей 46,6% и 46,7% соответственно, тогда как Нижний Новгород все так же показывал наибольшую долю женского населения, равную 56,1% (табл. 10).

Обращает на себя внимание и изменение соотношения различных категорий городов в динамике с 1989 по 2020 г. Например, существенно снизилась доля малых городов с населением до 10 тыс. человек (-8,5%), но выросло представительство малых городов до 50 тыс. человек (+3,17%), малых с населением до 20 тыс. человек (+1,63%) и средних (+3%) (рис. 4).

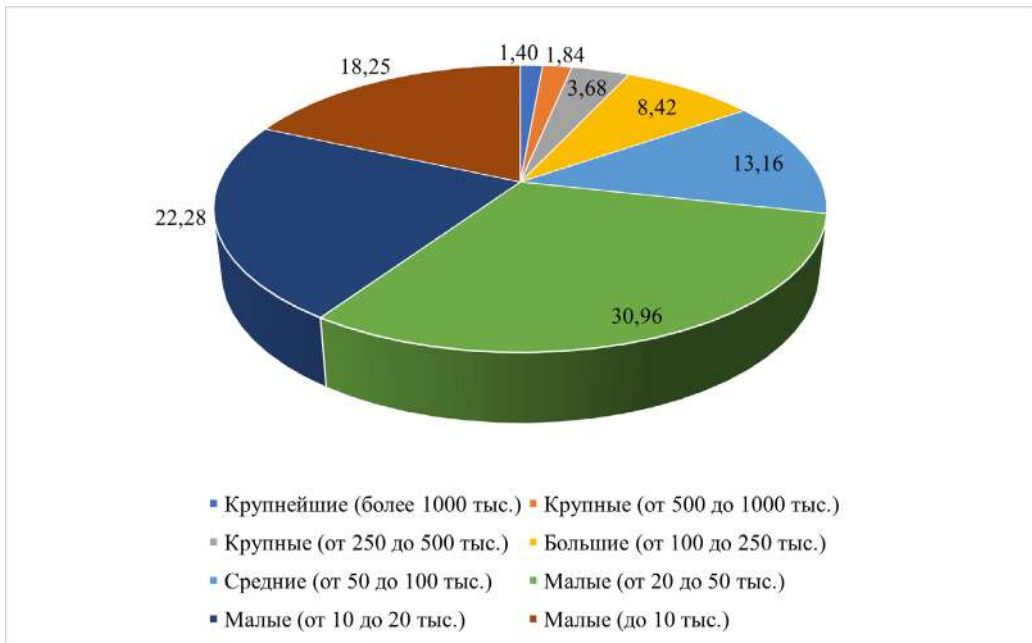

Рис. 4. Распределение основных категорий городов РФ в зависимости от численности населения по материалам переписи населения 2020 г.

Fig. 4. Distribution of the main categories of RF cities depending on the population size according to the 2020 census¹⁴

Источник: составлено автором на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 10

**Численность и динамика роста крупнейших городов
Российской Федерации по материалам
Всероссийской переписи населения 2020 г.**

Table 10

**The number and growth dynamics of the largest cities
of the Russian Federation according to the materials
of the All-Russian Population Census 2020**

Город	Все население (человек)	Доля мужского населения (%)	Доля женского населения (%)	Динамика роста за 2010–2020 гг. (%)	Категория
Москва	13 010 112	46,4	53,6	13,1	крупнейший
Санкт-Петербург	5 601 911	45,1	54,9	14,8	крупнейший
Новосибирск	1 633 595	44,9	55,1	10,8	крупнейший
Екатеринбург	1 544 376	46,6	53,4	14,4	крупнейший
Казань	1 308 660	45,3	54,7	14,4	крупнейший
Нижний Новгород	1 226 076	43,9	56,1	-2,0	крупнейший
Челябинск	1 189 525	45,1	54,9	5,3	крупнейший
Красноярск	1 187 771	45,8	54,2	22,0	крупнейший
Самара	1 173 299	44,9	55,1	0,7	крупнейший
Уфа	1 144 809	45,8	54,2	7,8	крупнейший
Ростов-на-Дону	1 142 162	45,9	54,1	4,9	крупнейший
Омск	1 125 695	45,2	54,8	-2,5	крупнейший
Краснодар	1 099 344	46,7	53,3	47,6	крупнейший
Воронеж	1 057 681	45,4	54,6	18,9	крупнейший
Пермь	1 034 002	44,4	55,6	4,3	крупнейший
Волгоград	1 028 036	46,0	54,0	0,7	крупнейший

Источник: составлено автором на основе данных Всесоюзной переписи населения 2020 г.¹⁵

Подводя итоги анализу динамики и категориальной структуры российских городов на основе данных переписей населения, имевших место в период с 1897 по 2020 г., можно отметить определенную устойчивость городского развития, несмотря на исторически характерные политические и социально-экономические потрясения. Проведенное авторское исследование показало устойчивый рост как общего количества городов, так и постепенное увеличение с 1989 г. числа крупнейших, крупных и больших городов. В то же время стоит обратить пристальное внимание на тенденцию сокращения числа средних и малых городов с населением от 20 до 50 тыс. человек, что может быть обусловлено «выпадением» ряда городов России из зоны влияния крупных городских агломераций, утратой демографического потенциала и миграционным оттоком населения (табл. 11).

¹⁵ Итоги ВПН-2020. Том 1 Численность и размещение населения // Росстат : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 18.06.2023).

Таблица 11

Динамика количества и структуры городов в соответствии с данными официальных переписей населения с 1897 по 2020 гг.

Table 11

Dynamics of the number and structure of cities according to official census data from 1897 to 2020

Категории городов	Число городов в соответствии с данными переписей населения							
	1897	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Крупнейшие (более 1000 тыс.)	1	2	6	8	12	13	12	16
Крупные (от 500 до 1000 тыс.)	1	12	11	18	22	20	25	21
Крупные (от 250 до 500 тыс.)	0	22	32	41	42	42	36	42
Большие (от 100 до 250 тыс.)	5	56	75	87	90	93	91	96
Средние (от 50 до 100 тыс.)	19	101	114	135	168	165	155	150
Малые (от 20 до 50 тыс.)	53	285	342	354	354	362	361	353
Малые (от 10 до 20 тыс.)	73	239	261	244	248	279	264	254
Малые (до 10 тыс.)	283	159	133	115	101	133	156	208
Всего	435	876	974	1 002	1 037	1 107	1 100	1 140

Источник: составлено автором на основе данных всеобщих переписей населения с 1897 по 2020 г.

Рассматривая актуальные тенденции динамики численности российских городов различных категорий в период с 2020 по 2023 гг., можно увидеть закономерность между их величиной и усредненной динамикой изменения их численности (рис. 4).

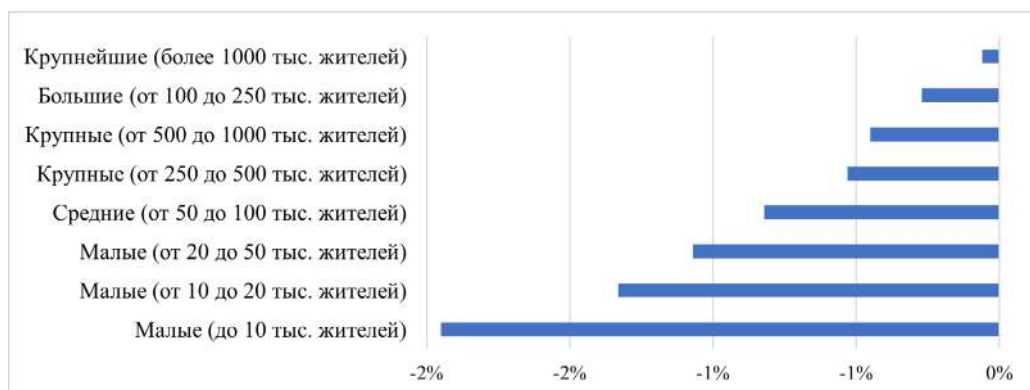

Рис. 5. Средняя динамика численности населения городов, входящих в основные категории Минстроя в 2020–2023 гг.

Fig. 5. Average population dynamics of cities in the main categories of the Ministry of Construction in 2020–2023

Источник: составлено автором на основе данных Росстата¹⁶

Так, крупнейшие города (более 1 000 тыс. жителей) испытали наименьшее уменьшение численности – всего на 0,06%. Крупные города (от 500 до 1 000 тыс. жителей) показали уменьшение на 0,45%, что больше по сравнению с крупнейшими городами,

¹⁶ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям // Росстат : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13282> (дата обращения: 18.06.2023).

но меньше, чем у других категорий. Крупные города (от 250 до 500 тыс. жителей) продемонстрировали еще большее уменьшение населения, составившее 0,53%. Большие города (от 100 до 250 тыс. жителей) показали уменьшение численности менее чем на полпроцента, на 0,27%, что является вторым наименьшим уменьшением среди всех категорий. Средние города (от 50 до 100 тыс. жителей) продемонстрировали уменьшение численности на 0,82%. Малые города (от 20 до 50 тыс. жителей), (от 10 до 20 тыс. жителей) и (до 10 тыс. жителей) показали более выраженное уменьшение населения, с тенденцией к увеличению уменьшения от более крупных к более мелким городам (1,07%, 1,33% и 1,95% соответственно).

Исходя из этих данных, можно сделать вывод о том, что меньшие города испытали более выраженное уменьшение численности по сравнению с крупными городами. Это может быть вызвано различными факторами, включая экономические, социальные и демографические процессы, которые в большей степени влияют на меньшие по численности населения города.

Заключение

Проведенное автором статьи исследование позволяет сделать ряд выводов о том, как изменялось количество городов разных категорий в России на протяжении рассматриваемого периода. С 1897 по 2020 г. общее количество городов значительно возросло: с 435 до 1 140, что явилось более чем двухкратным увеличением. Период после 1959 г. характеризуется значительным увеличением числа городов во всех категориях, и это может быть связано с интенсивной урбанизацией и промышленным ростом. На протяжении всего изучаемого периода наблюдается устойчивый рост количества крупнейших и крупных городов, что указывает на концентрацию населения в больших городах.

Произошло и существенное увеличение числа крупнейших городов: с одного в 1897 г. до 16 в 2020 г. Наблюдается и стабильное увеличение числа крупных городов (от 500 тыс. до 1 млн), хотя после 1989 г. обнаруживается некоторое снижение их количества, а затем небольшой к 2020 г. рост. Обращает на себя внимание и динамика числа второй категории крупных городов (от 250 до 500 тыс. человек), в частности, их рост до 1979 г., стабилизация и незначительный увеличение к 2020 г. Большие и средние города демонстрировали устойчивый рост, но после 1989 г. начался процесс стабилизации с некоторым снижением к 2020 г. Количество же малых городов сначала увеличивалось, затем начало снижаться, особенно в категории до 10 тыс. человек. Однако в последние десятилетия наблюдается некоторое восстановление числа малых городов, особенно тех, которые имеют население до 10 тыс. человек, что может быть вызвано развитием инфраструктуры и улучшением условий жизни в меньших населенных пунктах, а также постепенным ростом и переходом сельских населенных пунктов в статус городов.

Список литературы

1. Семенов-Тянь-Шанский, В. П. Город и деревня в Европейской России : Очерк по экономической географии. Санкт-Петербург : типография В. Ф. Киршбаума, 1910. 212 с.
2. Хорев, Б. С. Проблемы городов: Урбанизация и единая система расселения в СССР. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Мысль, 1975. 428 с.
3. Андреев, Е. М. Демографическая история России: 1927–1959 / Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова. Москва : Информатика, 1998. 187 с. ISBN 5-89476-021-6.

4. Анохин, А. А. Современные тенденции динамики численности населения городов России / А. А. Анохин, Д. В. Житин, А. И. Краснов, С. С. Лачининский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2014. № 4. С. 167–179. EDN [SXTVSE](#).
5. Карачурина, Л. Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). С. 23–36. EDN [RNFLIZ](#).
6. Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы : [монография] / М. Ф. Черныш, В. В. Маркин, Г. Р. Баймурзина [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, В. В. Маркин ; предисл. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. 598 с. ISBN 978-5-89697-378-2. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021](#). EDN [AOXBVP](#).
7. Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и научн. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А. В. Старикова. Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с. ISBN 978-5-907372-87-0. EDN [PFUAXK](#).
8. Киселева, Н. Н. Управление пространственными изменениями на региональном и муниципальном уровнях : учебное пособие / Н. Киселева, Э. Маркварт, И. Стародубровская ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Москва : Издательский дом «Дело», 2018. 280 с. ISBN 978-5-7749-1363-3. EDN [LPZNBV](#).

Сведения об авторе:

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, заведующий отделом геурбанистики и пространственной демографии, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; старший научный сотрудник, Центр территориальных изменений и городского развития, Институт прикладных экономических исследований, РАНХиГС, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); РИНЦ Author ID: [539479](https://elibrary.ru/539479); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57195734612](https://orcid.org/57195734612).

Статья поступила в редакцию 10.07.2023; принята в печать 13.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF RUSSIAN CITIES ACCORDING TO POPULATION CENSUSES OF 1897–2020

Vadim A. Bezverbny

Institute of Demographic Research FNISC RAS;

RANEPА, Moscow, Russia

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

For citation: Bezverbny, Vadim A. Demographic Development of Russian Cities According to Population Censuses of 1897–2020. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 131–152. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.9](#).

Abstract. The purpose of the study was to analyze the population dynamics and gender structure of Russian cities from 1897 to 2020. The presented time period made it possible to study both short-term and long-term trends in the development of cities of various categories, based on data from official population censuses. A key aspect of the study was to assess the dynamics of population growth and changes in the gender balance in the largest cities of the country. The main attention was paid to the dynamics of population changes in cities of various categories according to the classification of the Ministry of Construction of the Russian Federation. The study made it possible to draw a conclusion about a significant transformation of the settlement system of the Russian Federation during the analyzed period. The most noticeable trend is towards an increase in the number of largest cities, which indicates the processes of urbanization and concentration of the population in the large administrative and economic centers of the country. At the same time, there is a recovery in the number of small towns, especially with a population of up to 10 thousand people, which may be due to the development of infrastructure and improvement of living conditions in small settlements. This study examines quantitative and percentage changes in the population in the context of cities of various categories, analyzes the gender composition of the population in the largest cities of Russia for various periods, and assesses the rate of population growth or decline over different time periods. The study seeks to contribute to the understanding of

urbanization processes and demographic changes in Russia, and can serve as a basis for developing strategies for sustainable urban development and planning socio-economic policies at local and regional levels.

Keywords: cities; urbanization; settlement system; demographic development; population size; gender and age structure of the population; population census.

References

1. Semenov-Tyan-Shansky, V. P. *Gorod i derevnya v Yevropeyskoy Rossii : Ocherk po ekonomicheskoy geografii [City and village in European Russia: Essay on economic geography]*. St. Petersburg : Printing House of V. F. Kirshbaum, 1910. 212 p. (In Russ.).
2. Khorev, B. S. *Problemy gorodov: Urbanizatsiya i yedinaya sistema rasseleniya v SSSR [Problems of cities: Urbanization and a unified settlement system in the USSR]*. 2-nd ed., revised. Moscow : Mysl Publishing House, 1975. 428 p. (In Russ.).
3. Andreev, E. M. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959]* / E. M. Andreev, L. E. Darsky, T. L. Kharkova. Moscow : Informatika Publishing House, 1998. 187 p. ISBN 5-89476-021-6. (In Russ.).
4. Anokhin, A. A. Modern Trends in Population Quantity Dynamics of Cities in Russia / A. A. Anokhin, D. V. Zhitin, A. I. Krasnov, S. S. Lachininsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 7. Geology. Geography*. 2014. No. 4. Pp. 167–179. (In Russ.).
5. Karachurina, L. B. Demograficheskiye transformatsii gorodov postsovetskoy Rossii [Demographic transformations of cities in post-Soviet Russia]. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Studies]*. 2013. No. 3 (41). Pp. 23–36. (In Russ.).
6. *Small towns of Russia: New Challenges, Social Problems and Prospects* : [monograph] / M. F. Chernysh, V. V. Markin, G. R. Baymurzina [et al.] ; ed. by M. F. Chernysh, V. V. Markin ; preface by M. K. Gorshkov; FCTAS RAS. Moscow : FCTAS RAS Publishing, 2021. 598 p. ISBN 978-5-89697-378-2. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-378-2.2021). (In Russ.).
7. *Old-Developed Regions in the Sociogeographic Space of Russia: History and Contemporaneity* / comp. and sci. ed. by T. G. Nefedova, ed. by A. V. Starikova. Moscow : KMK Partnership of Scientific Publications, 2021. 379 p. ISBN 978-5-907372-87-0. (In Russ.).
8. Kiseleva, N. N. *Upravleniye prostranstvennyimi izmeneniyami na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh [Management of spatial changes at the regional and municipal levels]* : textbook / N. Kiseleva, E. Markvart, I. Starodubrovskaya ; Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA). Moscow : Delo Publishing House, 2018. 280 p. ISBN 978-5-7749-1363-3. (In Russ.).

Bio note:

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economic Sciences, Head Department for Geo-Urban Studies and Spatial Demography, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Senior Researcher, Centre for Territorial Change and Urban Development, Institute of Applied Economic Research, RANEPA, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); RSCI Author ID: [539479](https://www.rsci.ru/author/539479); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57195734612](https://orcid.org/57195734612).

Received on 10.07.2023; accepted for publication on 13.09.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.10)
EDN [HLQXPO](https://edn.ru/HLQXPO)

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 1990–2010 ГГ.

Стеценко В. В.

Санкт-Петербургский национально-исследовательский академический университет имени Ж. И. Алфёрова РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: vv_stec@mail.ru

Для цитирования: Стеценко, В. В. Динамика численности и трансформация расселения русских в Российской Федерации в 1990–2010 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 153–170. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.10). EDN [HLQXPO](https://edn.ru/HLQXPO).

Аннотация. В настоящей статье на основе сравнения данных переписей населения страны 1989 г., 2002 г. и 2010 г. предложен вариант количественного описания динамики расселения русского народа в период 1989–2010 гг., основанный на классификации регионов России по доле этнических русских в населении и по индексу Эккеля. Установлено, что в регионах РФ, где русские являются абсолютным или относительным большинством, несмотря на процесс депопуляции, уменьшение их доли в составе населения регионов не наблюдается. Анализируются причины данного факта. На основании сопоставления изменения численности русских и других народов в рассматриваемый период делается вывод о преобладании в регионе демографических факторов: естественного прироста или убыли этнических русских либо миграционных и ассимиляционных процессов. Выявлены основные регионы, в которые и из которых в рассматриваемый период происходила миграция русских, исследованы причины миграции. Так, активная миграция русских шла в такие регионы, как Белгородская область, Москва, Калининградская область, Краснодарский край, Тюменская область. Регионы же, из которых происходил значительный миграционный отток русских, это ряд республик Северного Кавказа, Республика Саха (Якутия), Тува, а также некоторые регионы Арктической зоны России. Автор обращает внимание на тенденцию, фиксируемую в межпереписной период: увеличение числа лиц, не указавших национальную принадлежность. При сохранении данной тенденции, очевидно, будет искажаться картина национального состава России и ее регионов.

Ключевые слова: перепись населения; характер расселения; миграция населения; естественный прирост/убыль; этнические русские; ассимиляционные процессы; индекс Эккеля.

Введение

Вследствие естественных демографических процессов у этноса происходит изменение расселения. Миграция населения влияет на изменение этнического состава населения намного быстрее, чем естественное движение. Еще один фактор, влияющий на изменение численности народов, и, соответственно, на национальный состав населения – это этнические или ассимиляционные процессы.

По причине тяжелого социально-экономического кризиса 1990-х гг. у этнических русских стала сокращаться рождаемость и возросла смертность. В 1992 г. во всех регионах России наблюдалась депопуляция русских. В результате комплекса причин, связанных с распадом СССР и «парадом суверенитетов» в российских регионах, построенных по национально-территориальному признаку, из стран нового зарубежья и некоторых республик РФ русские вынуждены были мигрировать во внутренние области России. Таким образом, ареал расселения русского народа в 1990-е гг. начал сокращаться. Расселению русского народа по территории Российской империи и СССР посвятил свое ис-

следование российский демограф В. М. Кабузан [1]. Он писал: «В силу положительного естественного прироста и непрерывных ассимиляционных процессов число русских быстро росло. А интенсивное переселенческое движение быстро расширяло ареалы их проживания, увеличивало русскую этническую территорию. Начавшееся усыхание ее – явление нового, демократического этапа нашей истории, подлинное и глубокое изучение которого принадлежит будущему» [1, с. 246]. В данном случае автор был не совсем точен, так как тенденция сужения ареала расселения русских начала просматриваться еще с 1960-х гг. Сам автор говорил о доле русского населения в республиках РСФСР: «В большинстве республик доля русского населения возрастала до 1960-х гг., а затем начала снижаться. Это следует объяснять более низким естественным приростом у русских, а также прекращением притока сюда новых мигрантов из Центра и уходом ссыльнопоселенцев, преимущественно русских» [1, с. 249].

Задача нашей статьи – определить, как изменяется пространство расселения русских в 1990–2000-е гг. Количественным показателем для определения этого пространства в работе выступает удельный вес русских в регионе. Ограничение временного периода, рассматриваемого в статье, итогами переписи 2010 г. обусловлено тем фактом, что данные переписи 2021 г., касающиеся национального состава, вызывают у специалистов сомнения и требуют дополнительной верификации, пока еще не реализованной научным сообществом.

Динамика численности русских в России в 1989–2010 гг.

В табл. 1 на основании данных переписей 1989 г., 2002 г. и 2010 г. представлены сведения о динамике численности всего населения РФ, этнических русских, а также изменение доли русских к населению России в целом, указавшему национальную принадлежность.

Таблица 1

Динамика численности населения России и русских в 1989–2010 гг.

Table 1

Dynamics of the Population of Russia and Russians in 1989–2010

Год переписи	1989	2002	2010
Население России, млн человек	147,02	145,17	142,86
Указавшие национальную принадлежность, млн человек	147,00	143,71	137,23
Из них русские, млн человек	119,87	115,89	111,02
В % к указавшим национальную принадлежность	81,53	80,64	80,90

Источник: составлено автором по данным Росстата¹

Данные отражают уменьшение общей численности населения на 4,16 млн человек и уменьшение числа русских на 8,85 млн человек. Снижение доли русских в населении страны доказывает, что демографический кризис оказал влияние на русских в большей мере, чем на население в целом.

Эти данные не раскрывают основные показатели естественного движения населения. В монографии «Население России в XX веке. Исторические очерки» приводятся данные по естественному движению населения, включая отдельные национальности, за период 1989–2002 гг. (табл. 2) [2, с. 112–114].

¹ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/biblio01.php> (дата обращения: 10.08.2023).

Таблица 2

Компоненты изменения численности народов России, 1989–2002 гг., тыс. человек

Table 2

Components of population change of peoples of Russia, 1989–2002, thousand people

Народы	Численность		Прирост за 1989–2002 гг.				Отношение к численности на 1989 г.			
	1989 г.	2002 г.	Общий	Естественный	Миграционный	Ошибка закрытия баланса	Общего прироста	Естественного прироста	Миграционного прироста	Ошибка закрытия баланса
Русские	119 865,9	115 889,1	-3 976,8	-8 002	2 977,6	1 047,7	-3,3	-6,7	2,5	0,9
Татары	5 522,1	5 554,6	32,5	-5,4	246,9	-209	0,6	-0,1	4,5	-3,8
Украинцы	4 362,9	2 943,0	-1 419,9	-425,7	229,2	-1223,5	-32,5	-9,8	5,3	-28
Башкиры	1 345,3	1 673,4	328,1	87,9	43	197,2	24,4	6,5	3,2	14,7
Чуваши	1 773,6	1 637,1	-136,5	1,5	21	-159	-7,7	0,1	1,2	-9
Народы Дагестана	1 746,9	2 597,7	851,8	435,7	40,1	376	48,8	24,9	2,3	21,5
Цеценцы	899	1 360,3	461,3	194,5	10,9	255,8	51,3	21,6	1,2	28,5
Армяне	532,4	1 130,5	598,1	35,8	352,9	209,4	112,3	6,7	66,3	39,3
Мордва	1 072,9	843,4	-229,6	-125,9	25,9	-129,6	-21,4	-11,7	2,4	-12,1
Казахи	635,9	654	18,1	75,2	-10,2	-46,9	2,8	11,8	-1,6	-7,4
Азербайджанцы	335,9	621,8	285,9	88	82,4	115,5	85,1	26,2	24,5	34,4
Всего	147 021,9	145 166,7	-1 855,2	-7 346,1	3 872,4	1 678,5	-1,3	-5	2,6	1,1

Источник: составлено автором по данным результатов переписей [2]

Как следует из приведенных в таблице данных, у русских, наиболее многочисленного народа России, естественная убыль составила 8 млн человек за рассматриваемый период, что равно 6,7%. Эта величина вызывает серьезную тревогу и озабоченность у всех неравнодушных к судьбе русского народа. Если сравнить с данными естественной убыли и других многочисленных народов РФ, то ситуация будет хуже только у мордвы и украинцев.

Миграционный прирост русских из-за рубежа в количестве 2 977,6 тыс. человек внес свой вклад в улучшение статистики по численности русских, но в 2000-е гг. этот поток сильно сократился, его влияние снизилось. По-видимому, большинство русских, желавших уехать из стран СНГ в Россию, уже сделало это в первой половине 1990-х гг., а остальные адаптируются к жизни в странах нового зарубежья.

Как видно из табл. 2, отклонение численности русских в России от данных текущего учета составило 1 047,7 тыс. человек. «Основной причиной этого послужила, по всей видимости, смена идентичности. Вероятно, этот процесс затронул смешанные русско-украинские и русско-белорусские семьи, в меньшей степени – семьи «титультных» этносов России» [2, с. 115]. Таким образом, ассимиляция украинцев и белорусов вносила в период 1989–2002 гг. определенный вклад в увеличение численности русских в России. Как показал анализ переписи 2010 г., ассимиляционные процессы в пользу русских у украинцев и белорусов продолжались и в период 2002–2010 гг.

По данным переписей населения, численность русских за период с 1989 по 2002 г. снизилась примерно на 4 млн человек, а за следующий межпереписной период – увеличилась до приблизительно 4,9 млн русских. То есть следует говорить о дальнейшем ухудшении демографической ситуации для русских в первое десятилетие XXI века, а не о переходе к стабилизации численности.

Классификация регионов России по удельному весу русских в их населении

Россия – полиэтническое государство, этносы в нем расселены по сложной схеме: у каждого этноса есть территория наиболее компактного расселения, характеризующаяся этнической однородностью, и есть этническая периферия – зоны, в которых представители данного этноса живут совместно с другими этносами. У большинства этносов России территории их компактного расселения в большей или меньшей степени не совпадают с политическими границами субъектов федерации. Распространенным является случай, когда в определенном регионе малочисленный этнос имеет зону своего компактного расселения (этнического ядра), но помимо этого этноса расселены представители и других этносов, делая регион этнически неоднородным. Расселение русских, как наиболее многочисленного и широко расселенного по территории страны этноса, имеет свою особенность. Зона компактного расселения русских обширна, состоит из большого числа субъектов РФ, характеризующихся высоким уровнем этнической однородности. Русское этническое ядро располагается на территории Восточно-Европейской равнины. Регионы с различной, но меньшей плотностью расселения русских относятся к зоне этнической периферии и характеризуются разной степенью этнической неоднородности. Поэтому вместо плотности расселения этноса на территории (доли этноса в населении территории относительно всей численности этноса) и удельного веса этноса на территории (доли этноса относительно численности всего населения территории) применительно к русским можно использовать один параметр, например, удельный вес русских в регионе. Для цели определения динамики расселения русских в период 1990–2010 гг. составим классификацию регионов России по удельному весу русских в них.

При исследовании этнической структуры регионов используется понятие этнической мозаичности. Д. Ю. Дорофеева и М. С. Савоскул предложили в своей статье [3] вариант классификации регионов России по степени этнической мозаичности на основе индекса Эккеля, который вычисляется по следующей формуле:

$$P_i = 1 - \sum_{(i=1)}^m \pi_i^2 \quad (1),$$

где P_i – индекс мозаичности национального состава i -го региона; m – число национальностей в i -м регионе; π – доля i -той национальности во всем населении i -го региона.

Индекс Эккеля принимает значения от нуля до единицы. Если регион этнически однороден, то значение индекса приближается к нулю, если в регионе присутствует достаточное количество этносов, которые составляют значимую долю в составе населения региона, и при этом нет доминирующего этноса, индекс Эккеля стремится к единице. В качестве регионов здесь рассматривались все субъекты РФ, существовавшие в 2010 г., и еще шесть, которые после преобразований 2005–2007 гг. утратили статус субъектов федерации, (Эвенкийский район, Усть-Ордынский Бурятский округ, Таймырский Долгано-Ненецкий район, Корякский округ, Коми-Пермяцкий округ, Агинский Бурятский округ). Всего, таким образом, включено в разработку 89 регионов.

Проведена классификация регионов по группам и типам. В основе классификации регионов по типам – три критерия: 1) величина индекса Эккеля; 2) соотношение национальностей (в одних случаях это доля доминирующего этноса, в других – суммарная доля двух крупнейших этносов); 3) изменение индекса Эккеля в 2002 г. по сравнению с 1989 г. По темпам роста индекса Эккеля регионы разделялись на группы: 1) с отрицательным приростом ($< -0,02$); 2) с незначительным изменением (от $-0,02$ до $0,02$); 3) с положительным приростом ($> 0,02$) [3, с. 88]. В итоге выделено семь типов регионов:

1. *Русские регионы Азиатской части России.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,0 до 0,2, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $-0,05$ до $-0,02$, более 90% населения являются представителями одного этноса.
2. *Русские регионы Европейской части России.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,0 до 0,2, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $-0,02$ до $+0,09$, более 90% населения являются представителями одного этноса.
3. *Русские регионы со значительными этноконтактными зонами.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,2 до 0,5, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $-0,05$ до $+0,02$.
4. *Столицы. Москва и Санкт-Петербург.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,2 до 0,5, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $+0,02$ до $+0,09$.
5. *Национальные образования с низкой долей русских и ее сокращением.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,5 до 0,9, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $-0,05$ до $-0,02$.
6. *Равновесные национальные образования с долей титульных народов не менее 1/3.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,5 до 0,9, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $-0,02$ до $+0,02$.
7. *Национальные образования с большой долей русских и ее сокращением.* Индекс Эккеля (2002 г.) от 0,5 до 0,9, изменение индекса Эккеля в 1989–2002 гг. от $+0,02$ до $+0,09$.

Эта классификация основывалась на ряде утверждений. Наиболее однородный национальный состав наблюдался в областях центра Европейской России, но за период 1959–2002 гг. уровень мозаичности этнического состава практически во всех регионах

центральной России вырос примерно на 0,05–0,07, что связано с миграционным притоком других этносов. [3, с. 80]. На территориях юга Западной Сибири и юга Дальнего Востока, которые активно заселялись русскими, украинцами, белорусами, немцами и народами Поволжья, мозаичность в середине XX века в два-три раза превышала мозаичность в центре Европейской части России, но со временем такая мозаичность интенсивно уменьшалась из-за процессов ассимиляции мелких этнических групп. Наконец, максимальные значения индекса мозаичности наблюдались в национально-территориальных образованиях: за 1959–2002 гг. мозаичность почти всех республик и автономных округов России возросла в основном за счет увеличения доли коренной национальности. Иными словами, регионы центра Европейской России, юга Западной Сибири и юга Дальнего Востока являются русскими регионами (с низким уровнем этнической мозаичности), а национально-территориальные образования – это регионы с большой этнической мозаичностью и уменьшающейся долей русского народа.

В данной классификации не нашлось места однородным национальным образованиям, у которых индекс Эккеля будет в пределах 0,0–0,2, и которые характеризуются низкой долей русских и ее дальнейшим сокращением. На 2002 г. таким критериям отвечало одно национальное образование – Чеченская Республика. В 2002 г. чеченцев в Чечне насчитывалось 93,5%, а русские составляли всего 3,7%. Однако в 2010 г. к этой группе добавился еще один регион – Республика Ингушетия. В ней и в 2002 г. было лишь 1,2% русских, а ингушей и чеченцев – 77,3% и 20,4% соответственно. Индекс Эккеля в Ингушетии был равен 0,360. К 2010 г. в результате миграции части чеченцев в Чечню доля ингушей достигла 94,1%, чеченцев – 4,6%. Индекс Эккеля упал до 0,113, т. е. регион стал этнически однородным. Для таких регионов, как Чечня и Ингушетия, мы введем в нашу классификацию следующую группу: «*Однородные национальные образования с абсолютным русским меньшинством*». К данной группе будут относиться регионы с доминирующим этносом, доля которого превышает 90%, а доля русских составляет менее 5% населения, индекс Эккеля лежит в пределах 0,0–0,2.

Предложенная классификация представляется не полностью функциональной. Так, например, Архангельскую область следует отнести ко второму типу, так как она располагается в Европейской части России, но изменение индекса Эккеля в ней с 1989 по 2002 г. относит ее к первой группе. В этой связи первую и вторую группу мы объединяем в один тип – «*Русские регионы России*», который будем использовать в нашей классификации. К данной группе будут относиться регионы с наименьшей этнической мозаичностью и с русскими в качестве абсолютного большинства.

В нашей классификации изменение индекса Эккеля не будет являться классифицирующим признаком. Основным классифицирующим признаком для нашей классификации служит удельный вес русских в составе населения региона, а дополнительным признаком – величина индекса Эккеля. По этой причине столичные регионы не будут нами выделяться в отдельную группу. Кроме того, Москва и Санкт-Петербург являются самыми трудными для исследования регионами, поскольку их национальный состав сложно определить с необходимой степенью точности. Москва и Санкт-Петербург привлекательны для мигрантов, и их приток сюда проявляется в наибольшей степени, что влияет на изменение национального состава регионов. Однако при переписи населения 2002 г. не полностью были учтены нелегальные мигранты, в силу чего реальное количество представителей некоторых национальностей не поддается точному исчислению и возможно многократно превышает офи-

циальные данные переписи². С другой стороны, в 2002 г. отклонение численности населения Москвы по переписи населения от оценок Росстата в сторону превышения составляло 1 854 тыс. человек. Логичным объяснением этого является как раз неучтенная миграция населения, с чем согласны многие эксперты. Однако, по мнению Н. В. Мкртчяна, целиком списать на нее расхождение в 1 854 тыс. человек нельзя. «По-видимому, в Москве были массовые случаи «двойного счета населения»: часть жителей города были учтены по разным адресам внутри города, например, по месту фактического проживания и по месту регистрации, по данным паспортных столов. То, что жители российской столицы реже, чем все остальные россияне, встречались с переписчиками, признавало руководство Росстата» [4, с. 33].

Дальше у Д. Ю. Дорофеевой и М. С. Савоскул следует типология с национальными образованиями, отличающимися изменением индекса Эккеля и долей русских в них: национальные образования с низкой долей русских и ее сокращением, равновесные национальные образования с долей титульных национальностей не менее 1/3 и национальные образования с большой долей русских и ее сокращением. В основе разделения у авторов вновь лежит изменение индекса Эккеля. Мы же для классификации предлагаем другую группировку. Третья группа – «национальные образования с русскими в качестве относительного большинства» (доля русских наибольшая среди всех национальностей региона), четвертая группа – «национальные образования с русскими в качестве относительного меньшинства» (доля русских меньше доли хотя бы одной другой национальности, но превышает 5% населения). Пятая группа уже обозначена нами выше – это «однородные национальные образования с абсолютным русским меньшинством».

Сформированная таким образом классификация регионов России по доле русских в населении и по индексу Эккеля представлена в табл. 3.

Таблица 3

Классификация регионов России по доли русских в населении и по индексу Эккеля
Table 3

**Regions of Russia classified by the share of Russians in the population
and using the Eckel index**

№	Группы регионов	Удельный вес русских в населении региона	Индекс Эккеля на 1989 г.	Число регионов в группе
1	Русские регионы России	Более 90%	0,00–0,19	27
2	Русские регионы со значительными этноконтактными зонами	Более других национальностей, но менее 90%	0,19–0,47	30
3	Национальные образования с русскими в качестве относительного большинства	Наибольшая среди всех национальностей региона	0,30–0,75	21
4	Национальные образования с русскими в качестве относительного меньшинства	Меньше доли хотя бы одной национальности региона, но превышает 5%	0,40–0,90	11
5	Однородные национальные образования с абсолютным русским меньшинством	Менее 5%	0,0–0,2	–
Всего:				89

Источник: составлено автором на основе данных переписи 1989 г.

² Перепись 2002 года показала изменение национального состава населения Москвы // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/tema01.php> (дата обращения: 07.07.2023).

Обращает на себя внимание такой факт, что в группах два и три доля русских может быть одинаковой, но они все же разделены, так как имеют разный административно-территориальный или национально-территориальный принцип обустройства своих территорий.

Так как индекс Эккеля, показывающий уровень этнической мозаичности региона, в основном зависит от доли доминирующей этнической группы и не зависит от того, являются ли русские доминирующей группой, в третьей и четвертой группе значения индекса Эккеля могут пересекаться. То обстоятельство, что диапазон значений индексов Эккеля в четвертой группе лежит немного выше диапазона индексов Эккеля третьей группы, говорит о том, что этническая мозаичность регионов, в которых русские являются меньшинством, выше, чем у регионов, где русских большинство.

Перечислим регионы России, вошедшие в указанные группы (используются современные названия регионов).

На 1989 г. в группу «Русские регионы России» входили: Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская, Псковская, Кировская, Нижегородская, Курганская, Кемеровская и Новосибирская области.

«Русскими регионами со значительными этноконтактными зонами» являлись г. Москва, г. Санкт-Петербург, Калининградская, Мурманская, Астраханская, Вологодская, Ростовская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, Иркутская, Омская, Томская, Амурская, Магаданская и Сахалинская области; Краснодарский, Ставропольский, Пермский, Алтайский, Красноярский, Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края.

Группу «Национальные образования с русскими в качестве относительного большинства» составляли республики Карелия, Коми, Адыгея, Карачаево-Черкесская, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Алтай, Хакасия, Бурятия, Саха, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Эвенкийский район, Таймырский Долгано-Ненецкий район, Усть-Ордынский Бурятский Округ, Еврейская АО, Чукотский АО, Корякский округ.

В группу «Национальные образования с русскими в качестве относительного меньшинства» вошли 11 регионов: Республика Калмыкия; Чеченская Республика (чеченские районы бывшей Чечено-Ингушской АССР), Республика Ингушетия (ингушские районы бывшей Чечено-Ингушской АССР), Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания; Республика Татарстан, Чувашская Республика, Республика Тыва; Коми-Пермяцкий округ; Агинский Бурятский округ.

Заметим, что в 1989 г. среди всех национально-территориальных образований РСФСР почти двукратное большинство имели образования с русскими в качестве относительного этнического большинства – 21 регион против 11.

«Однородных национальных образований с абсолютным русским меньшинством» в 1989 г. не существовало. Таким образом, можно заключить, что вся территория России в ее нынешних границах была русской этнической периферией.

Динамика расселения русских в России в 1989–2010 гг.

В первую очередь следует рассмотреть первые две группы регионов с абсолютным большинством русских в населении. Из 27 регионов, отнесенных в 1989 г. к первой группе, ни один регион ни в 2002 г., ни в 2010 г. не перешел во вторую группу, доля русских не упала ниже 90%. Напротив, в первую группу в 2002 г. перешли 8 регионов: г. Санкт-Петербург, Алтайский край, Иркутская область, Томская область, Забайкальский край (в 2010 г. доля русских вновь понизилась до 89,9%), Приморский край, Хабаровский край и Амурская область. В 2010 г. к ним добавились еще 5 регионов: г. Москва, Волгоградская область, Ростовская область, Свердловская область и Красноярский край. Однако, если посмотреть на абсолютное изменение численности русских в данных регионах, то только в Белгородской области численность русского населения в 2002 г. возросла на 10% по отношению к численности в 1989 г. В остальных регионах она убывала в диапазоне от 0,5% (Ленинградская обл.) до 14% (Ивановская обл.). К 2010 г. абсолютная численность русского населения возросла на 3% в Московской области, в той же Белгородской области статистически значимых изменений не было, а в остальных 25 регионах численность русских падала от 1% (Ленинградская обл.) до 14% (Тверская, Новгородская и Псковская области).

Естественная убыль русских за 1989–2002 гг. составляла 6,7% при миграционном приросте 2,5% (табл. 2). Естественное движение русских по регионам России распределяется неравномерно, но незначительно отличается от средних показателей. В большинстве случаев, если в регионе наблюдалось значительное отклонение (более чем на 2–3%) от средней убыли русского населения, равного 6,7%, то наряду с естественной убылью происходили заметные миграционные процессы.

Исходя из этого, увеличение численности русских к 2002 г. в Белгородской области, как и сохранение численности русских в Московской области и небольшое уменьшение в Ленинградской области, объясняются процессом миграции в данные регионы русского населения. Так, в Белгородскую область миграция русских в 1990-е гг. шла с территории Украины.

Необходимо прояснить, почему уменьшение численности русских в регионах первой группы в большинстве случаев даже увеличивает их долю в населении. Одна из причин заключается в том, что в 22 из 27 рассматриваемых регионов вторые и третьи места по численности занимали украинцы и белорусы соответственно, а численность других народов не превышала 1% (исключение – карелы в Тверской области, доля которых с 1989 г. по 2010 г. упала с 1,4% до 0,5%). Так, доля украинцев в данных регионах составляла 2,0% в 1989 г., к 2002 г. – уменьшилась до 1,6%, а к 2010 г. – до 1,2%. Очевидно, что естественная убыль украинцев не могла уменьшить их долю в численности населения за 20 лет почти вдвое. У белорусов в регионах запада и северо-запада России наблюдалась схожая тенденция. Здесь мы должны согласиться с мнением авторов работы [2], приведенным выше, об активной смене идентичности у украинцев и белорусов в пользу русских. Это внесло весомый вклад в сохранение доли русских в населении регионов, несмотря на сокращение их численности.

Следует отметить, что рост числа не указавших свою национальную принадлежность (с 1% в 2002 г. до 3,9% (5,63 млн человек) в 2020 г.) искажает точность расчетов, так как допущение, что не указавшие национальность, распределены в соответствии с реальным распределением по национальностям страны, скорее всего, неверно. В статье сделано предположение, что доля русских среди этих 5,63 млн ниже, чем 80% (средний показатель по стране), в связи с чем расчеты дают завышенное значение

доли русских в населении регионов первой группы. Особенно искажения могут быть характерны для Санкт-Петербурга и Москвы, где 13,4% и 5,8% соответственно не указали национальность. Там же, где русские являются меньшинством, ошибка в расчете для них минимальна.

Вторая группа регионов («Русские регионы со значительными этноконтактными зонами»), включавшая в себя 30 регионов, являлась на 1989 г. самой многочисленной. Доля русских в ней в 1989 г. колебалась от 72% (Астраханская обл.) до 89,7% (г. Москва). К 2002 г. доля русских выросла в 25 регионах из 30. Диапазон доли русских увеличился: от 69,9% (Астраханская обл.) до 92,2% (Амурская обл.), а к 2010 г. – от 67,6% до 94,3%. За весь рассматриваемый период доля русских упала только в Астраханской области. Придерживаясь принятого критерия, 12 регионов из 30 к 2010 г. перешли в регионы группы «Русские регионы России». Таким образом, если придерживаться предложенного варианта расчета национального состава, то регионы стали более однородными.

В абсолютных значениях численность русских за межпереписной период 1989–2002 гг. выросла в 11 регионах, а в 2002–2010 гг. – только в трех (г. Москва, Краснодарский край, Тюменская область). Заметное увеличение численности русских в Москве понятно: это главный экономический центр притяжения для населения всей страны. Для Краснодарского края и Тюменской области следует дать более подробные пояснения.

По мнению исследователей, рост численности русских (несмотря на естественную убыль) происходил благодаря миграционным процессам, связанным с Федеративным договором 1992 г., определившим различный правовой статус титульных и нетитульных национальностей в республиках России, что подтолкнуло русских к выезду в регионы с преобладанием русского населения. На Северном Кавказе это Краснодарский и Ставропольский края [5, с. 50], получившие миграционный прирост. На такое явление обращает внимание и Н. Ф. Бугай: «Русские стали по известным причинам «собираться» в свою Россию, в том числе и в ее неосвоенных Центральных районах Черноземья..., а также в значительной мере в регионы Юга страны» [6, с. 30].

Тюменская область к 2000 г. была одним из 15 регионов РФ, в которых наблюдался естественный прирост населения³. О том, что эти регионы сохранили естественный прирост и в 2000-е гг., говорят данные Демографического доклада, посвященного демографической ситуации в 2007 г. в России. Как отмечается в докладе, «в 2007 г. естественный прирост был зарегистрирован в целом по Южному федеральному округу и в 19 субъектах РФ, а в 2008 г. – в том же Южном федеральном округе и 21 субъекте РФ» [7, с. 23].

Дополнительным фактором, влияющим на увеличение числа русских, зарегистрированных переписями 2002 г. и 2010 г. в Тюменской области, является большая доля украинцев, здесь проживающих. На 1989 г. их доля в населении области составляла 8,4%, а затем начала резко снижаться до 6,5% в 2002 г. и 4,9% в 2010 г. Здесь, как и повсюду в России, происходила ассимиляция украинцев в пользу русских. Такого же мнения придерживаются авторы статьи «Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.)», которые обратили внимание на две противоположные тенденции: сокращение численности украинцев в Западной Сибири на 49% за 1989–2010 гг. и миграционный прирост украинцев в регион (в

³ Российский статистический ежегодник // Проект «Исторические материалы»: [сайт]. URL: <https://istmat.org/node/45859> (дата обращения: 10.08.2023).

ту же Тюменскую область). С учетом рождаемости у украинцев, в Западной Сибири превосходящей рождаемость у русских, это не должно приводить к сокращению их населения в регионе, если бы не влияние ассимиляционных процессов [8, с. 146].

Группа регионов «Национальные образования с русскими в качестве относительного большинства» состояла из 21 региона, а доля русских в ней на 1989 г. находилась в диапазоне от 39% (Республика Башкортостан) до 83,2% (Еврейская АО). За 1989–2010 гг. доля русских не изменялась в Республике Марий Эл (колебания от 47,4% до 47,6%). В 8 регионах группы к 2002 г. доля русских повысилась, в 12 – понизилась, диапазон увеличился с 33,6% (Карачаево-Черкессия) до 90,1% (Еврейская АО). К 2010 г. доля русских выросла в 9 регионах, а в 11 упала. Если в 2002 г. рост доли русских наблюдался в Республике Карелия, Республике Коми, Республике Мордовия, Удмуртской Республике, Ханты-Мансийском АО, Ямало-Ненецком АО, Республике Хакасия и Еврейской АО, то в 2010 г. из данного списка выбыла Республика Мордовия, у которой наметилось резкое уменьшение доли русских с 61,1% до 53,4%, а добавились – Ненецкий АО и Усть-Ордынский Бурятский округ, у которых спад доли русских в 2002 г. сменился ее подъемом в 2010 г. Как и в 2002 г., минимальная доля русских наблюдалась в Карачаево-Черкесии (31,6%), а максимальная в Еврейской АО (92,7%).

В среднем по всем регионам этой группы доля русских за рассматриваемый период упала с 62% в 1989 г. до 59,2% к 2010 г. В двух регионах (Карачаево-Черкесская Республика и Республика Саха (Якутия)) русские перестали быть относительным большинством. Эти республики перешли из третьей группы в четвертую – в группу национальных образований с русскими в качестве относительного меньшинства.

За весь рассматриваемый период численность русских оставалась приблизительно неизменной только в Республике Алтай (115,2 тыс. человек в 1989 г., 116,5 тыс. в 2002 г. и 114,8 тыс. в 2010 г.). К 2010 г. национальная структура Республики Алтай состояла из русских (56,6%), алтайцев (33,9%), казахов (6,2%) и других этнических групп. Выше отмечено, что Республика Алтай оставалась одним из регионов, в которых естественный прирост наблюдался в 1990-е и 2000-е гг. Историк М. С. Каташов обращает внимание на то, что для этносов республики характерны заметные различия в уровне рождаемости. Он пишет, ссылаясь на данные переписи 2010 г.: «...Наиболее высокий показатель рождаемости на 1 000 женщин в Республике Алтай отмечен у казашек – 2 310 детей. У алтаек этот показатель составил 2 080 детей. Для русских женщин характерен низкий показатель – 1 763 ребенка. Аналогичное соотношение показателей уровня рождений среди основных национальностей республики наблюдалось по итогам переписи 2002 г.» [9, с. 136]. Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что в Республике Алтай в период 1989–2002 гг. естественного прироста русских не наблюдалось, а вклад в общий прирост в республике внесли алтайцы и казахи, данные о численности русских в республике отражают их естественное движение.

В 2002 г. из оставшихся 20 регионов группы численность русских увеличилась в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в Удмуртской Республике сохранялась постоянной, а в 17 оставшихся – уменьшалась. При этом в некоторых регионах, таких как Карачаево-Черкессия, Республика Коми и Республика Саха уменьшение численности русских по сравнению с 1989 г. было весьма заметным – на 16%, 16% и 29% соответственно. Однако самое большое сокращение числа русских, связанное, конечно же, с миграцией, наблюдалось в ряде северных территорий: в Ненецком АО на 27%, в Эвенкийском автономной округе – на 34%, в Таймырском АО – на 38%, в Корякском АО – на 49%, в Чукотском АО – на 74%!

К 2010 г. в Ненецком АО сокращение 2002 г. сменилось небольшим повышением численности – на 3%, а в Карачаево-Черкесии – на 1%. В остальных 17 регионах третьей группы сохранялась тенденция на сокращение численности русских. В северных регионах уменьшение численности замедлилось, что можно объяснить эффектом низкой базы (резкого снижения в предыдущий период). Численность коренного населения этих автономных округов не претерпевает в рассматриваемый период заметных изменений, и потому изменения числа русских связаны с миграционными процессами.

Северные регионы относятся к регионам арктической зоны Российской Федерации с естественными трудностями жизнеобеспечения, поэтому большую роль здесь всегда играли меры государственной поддержки жизни на Крайнем Севере. Однако с 1990-х гг. в государственном управлении в отношении территорий Крайнего Севера возобладал экономико-технократический подход, и на уровне правительства утвердилась точка зрения, согласно которой российскую Арктику осваивать оказалось невыгодным и неперспективным, поскольку экономические выгоды неочевидны, а издержки велики [10, с. 626]. Это повлияло на то, что в большинстве субъектов Арктической зоны наблюдалось отрицательное сальдо миграции. Как отмечает тот же автор, «выезду из арктического региона способствует и современная политика государства, направленная на поддержку граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, реализуемая с 2002 г.» [10, с. 628].

Из других республик данной группы, где на фоне сокращения численности русских происходит заметное увеличение представительства титульного этноса, можно назвать Адыгею, Мордовию и Бурятию.

В группе «Национальные образования с русскими в качестве относительного меньшинства» на 1989 г. насчитывалось 11 регионов. Доля русских в ней в 1989 г. находилась в диапазоне от 9,2% (Республика Дагестан) до 43,3% (Республика Татарстан). В течение рассматриваемого времени доля русских практически не изменялась в Чувашской Республике (от 26,7% до 26,9%), повышалась – в Коми-Пермяцком округе (с 36,1% до 43,1%). В Республике Татарстан доля русских в 1989 г. составляла 43,3%, в 2002 г. понизилась до 39,5%, а в 2010 г. немного повысилась – до 39,7%. В остальных восьми регионах группы доля русских стабильно снижалась в течение всего исследуемого периода. Нужно отметить, что из 11 регионов доля титульной этнической группы повышалась стабильно в девяти регионах, а в Коми-Пермяцком округе – снижалась. Еще один регион – Республика Дагестан – уникален своим этническим многообразием: в нем самая большая этническая мозаичность из всех регионов России. Индекс Эккеля в 1989 г. в Дагестане был максимальным – 0,854, к 2010 г., опустился до 0,835. Самым многочисленным народом республики являются аварцы (27,6% в 1989 г., 29,4% к 2010 г.), доли еще трех этносов (даргинцы, кумыки и лезгины) превышали 10%. Восемь народов в Дагестане имели долю от 9,2% (русские), до 0,8% населения (агулы и рутульцы). Дагестан, обладая таким пестрым этническим составом населения, не имеет титульного этноса, так как республика при своем создании в 1921 г. была сформирована по географическому, а не этническому принципу.

Большинство многочисленных этносов республики (даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, азербайджанцы) стабильно увеличивали свою долю в населении. За рассматриваемый период сократилась доля табасаранов (с 4,3% в 1989 г. до 4,1% в 2010 г.). Стабильная доля чеченцев в Дагестане (3,2%) при высокой рождаемости может быть легко объяснима их возвратной миграцией в Чечню в 2000-е гг. Доля русских в Да-

гестане заметно сокращалась: с 9,2% в 1989 г. до 3,6% в 2010 г. Таким образом, Республика Дагестан должна перейти из четвертой группы в пятую, но неоднородность ее этнического состава и максимальный индекс Эккеля (0,835 в 2010 г.) де-факто делает ее обособленной. В пятую же группу однозначно перешли Чеченская Республика и Республика Ингушетия: здесь сокращение русских в долевым выражении можно назвать «абсолютным». В Чеченских районах Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. проживали 24,8% русских, к 2002 г. в Чечне их число уменьшилось до 3,7%, а к 2010 г. – до 1,9%. Что касается Ингушетии, то русские тоже почти полностью покинули эту республику: в 1989 г. их было 13,2%, в 2002 г. – 1,2%, а в 2010 г. – 0,8%. В среднем по всем регионам четвертой группы доля русских снижалась.

Покажем динамику средних значений доли русских по каждой группе в табл. 5. Регионы в каждой из них представлены для 1989 г. и далее – без изменений по группам.

Таблица 5

Динамика средних значений доли русских в каждой группе регионов

Table 5

Dynamics of the average share of the Russians in each group of regions

Группы регионов	Доля русских в среднем по регионам группы, %		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.
1 группа	94,4	94,6	94,9
2 группа	83,2	85,3	86,7
3 группа	62,0	59,4	59,2
4 группа	29,5	22,8	21,7

Источник: рассчитано автором на основе данных переписей 1989 г., 2002 г., 2010 г.

Из этих цифр следует, что у первых двух групп регионов доля русских стабильно повышалась, а у третьей и четвертой группы, наоборот, снижалась. Причем в третьей и четвертой группе основное снижение доли русских произошло в первый межпереписной период – с 1989 г. по 2002 г. Как видно, значительно больше доля русских уменьшалась у четвертой группы, где русские и так являются относительным меньшинством.

Возвращаясь вновь к регионам четвертой группы, отметим, что из 11 регионов к 2002 г. абсолютная численность русских уменьшилась во всех регионах, к 2010 г. увеличилась в Республике Татарстан на 1%, а в остальных десяти регионах продолжила снижаться. Очень большое сокращение числа русских наблюдалось в 2002 г. в Республике Дагестан (на 27%), в Тыве (38%), в Республике Ингушетии (77%) и в Чечне (85%).

К 2010 г. темпы сокращения русского населения в республиках заметно снизились. В естественных пределах сократилось число русских в Агинском бурятском округе (1%), Коми-Пермяцком округе (4%), Чувашской Республике (7%). Заметное снижение числа русских вновь наблюдалось в Республике Тыва (20%), в Чеченской Республике (40%) и в Республике Ингушетия (42%). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наибольшее сокращение численности русских в 2010 г. зафиксировано в тех же республиках, что и в 2002 г. Это наблюдение лишь подчеркивает общую тенденцию: в тех регионах, где русских меньшинство, дальнейшее уменьшение их численности идет быстрее, чем в тех регионах, где доля русских в населении выше. Так, если в регионах третьей группы абсолютное сокращение в среднем по группе к 2002

г. составило 15%, а к 2010 г. – 7%, то в регионах четвертой группы сокращение было значительно большим: к 2002 г. русских стало меньше на 27%, а к 2010 г. – на 15%.

Из 11 регионов четвертой группы в восьми наблюдалось снижение числа русских, превышающее их естественную убыль (приблизительно 13%) – это Республика Тыва, Агинский Бурятский округ, Республика Калмыкия, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия. Причинами сокращения численности русских, превышающие цифры естественной убыли, являются переезд русских из данных республик, ассимиляционные процессы и последствия конфликтов в Чечне. Разбор конкретных причин для каждой из республик в задачи настоящей статьи не входит.

Заключение

В статье для определения пространства русского расселения предложена классификация регионов России на группы, отличающиеся долей русских в населении региона. Почти повсеместное естественное сокращение численности русских влияло на то, что данный показатель в подавляющем большинстве регионов в рассматриваемый период уменьшался. Основной вклад в увеличение численности русских в регионах-исключениях внесла миграция. Несмотря на уменьшение численности русских в подавляющем большинстве регионов России, далеко не во всех из них это привело к уменьшению доли русских в населении регионов.

В регионах первой группы, в которых доля русских в населении максимальна (более 90%), не было регионов, где бы эта доля стабильно уменьшалась. Средняя по всем регионам группы доля русских в 1989 г. составляла 94,4%, а к 2010 г. она возросла до 94,9%. В регионах второй группы – «русские регионы со значительными этноконтактными зонами» – также наблюдалось увеличение доли русских. Средняя доля в 1989 г. составляла 83,2%, а к 2010 г. увеличилась до 86,7%. Только Астраханской области доля русских стабильно снижалась – с 72,0% в 1989 г. до 67,6% в 2010 г. Что объясняется ростом численности и, соответственно, доли в населении области казахов. Из 30 регионов второй группы в 12 доля русских в рассматриваемый период увеличилась до значений, превышающих 90%, что перевело их в регионы первой группы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Волгоградская область, Ростовская область, Свердловская область, Алтайский край, Красноярский край, Иркутская область, Томская область, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область). Это привело к росту числа регионов первой группы с 27 до 39.

Основным фактором, почему уменьшение численности русских не привело к сокращению их доли в населении данных регионов, стали ассимиляционные процессы, наблюдаемые в рассматриваемый период у украинцев и белорусов, проживающих в России, а также у ряда поволжских народов. Здесь же можно назвать и увеличение числа лиц, не указавших национальную принадлежность: таких в 2002 г. был 1% населения, а в 2010 г. уже 3,9%. Они не были включены в базу для расчета национального состава РФ, что, вероятно, приводит к завышенным значениям доли русских в тех регионах, где они являются абсолютным или относительным большинством. Как представляется, ситуацию с национальным составом Российской Федерации прояснило бы возвращение в паспорта отметки о национальной принадлежности. В июле 2021 г. такое предложение было внесено в Госдуму, но до широкого обсуждения этот вопрос так и не дошел. Надо признать дискуссионный характер данного вопроса. Однако несомненным представляется то, что в рамках переписей населения нужно бороться с таким недостатком, как неполный охват переписчиками населения региона.

В регионах третьей и четвертой групп уменьшение численности русских привело и к сокращению их доли в населении регионов. В группе «Национальные образования с русскими в качестве относительного большинства» средняя по регионам группы доля русских упала с 62% до 59,2%. Из 21 региона группы в двух (Карачаево-Черкесская Республика и Республика Саха (Якутия)) доля русских уменьшилась настолько, что она стала уступать доле титульных национальностей, что перевело оба региона из третьей группы в четвертую. Следует отметить также необъяснимо большое сокращение доли русских в Мордовии: с 61,1% – в 2002 г., до 53,4% – в 2010 г., что, вероятно, требует внимательного исследования специалистов. Быстрыми темпами происходит сокращение численности и доли русского населения в малонаселенных Таймырском районе и Корякском округе вследствие высоких темпов миграции из этих регионов.

В группе «Национальные образования с русскими в качестве относительного меньшинства» в 1989 г. насчитывалось 11 регионов. Во всех, кроме Чувашской Республики и Коми-Пермяцкого округа, в рассматриваемый период в разной степени уменьшалась доля русских. В Татарстане, после серьезного сокращения численности (и доли) русских, данные показатели стабилизировались. В Агинском Бурятском округе на фоне роста численности бурят численность русских в период 2002–2010 гг., после сокращения в 1990-е гг., стабилизировалась. В Кабардино-Балкарии численность русских падает, но и численность кабардинцев как наиболее многочисленного этноса сокращается, что определяет и общее уменьшение населения республики. В Тыве, Калмыкии, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии и Дагестане в рассматриваемый период наблюдалось сокращение численности русского населения на фоне увеличения численности титульных народов (к примеру, в Дагестане – аварцев), что влияет на сильное уменьшение доли русских в населении названных республик. Это в основном обуславливается процессами миграции.

По результатам проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы. В регионах, где русские являются меньшинством, численность русского населения со временем лишь уменьшается, причем в ряде национальных республик до значений, близких к нулевым. Другой вывод заключается в том, что во второй и третьей группе регионов, в которых русские являются большинством, динамика демографических процессов протекает по-разному. Если во второй группе, несмотря на естественное уменьшение численности русских, их доля за счет положительного сальдо миграции и за счет ассимиляционных процессов с другими народами не уменьшалась, а переписи показывают даже ее увеличение, то в третьей группе, объединяющей субъекты, являющиеся национальными образованиями, в 12 регионах из 21 наблюдалось сокращение доли русских. Такое различие можно объяснить тем, что в национальных образованиях ассимиляционные процессы действуют не в сторону увеличения русских, а скорее наоборот: в смешанных семьях дети берут национальность родителя, которая является титульной для данного региона. Кроме того, в большинстве республик наблюдается миграционный отток русских, происходящий по разным причинам, в том числе, и связанным с национальным фактором.

Кроме того, стоит отметить, что естественная убыль является свидетельством иных проблем государственного и общественного развития – экономических, социальных (например, урбанизация населения), культурных, связанных с кризисом института традиционной семьи, и психологических. Демографические проблемы в целом носят трудноразрешимый характер, так как не все сферы жизни подвержены

государственному регулированию. Однако в силах самого государства определить, какие факторы из числа тех, на которые оно может повлиять, оказывают на демографическую проблему большее влияние, а какие – меньшее, расставив таким образом приоритеты в своей политике.

В заключение еще раз назовем те регионы, в которых наблюдается сильное сокращение русских в рассматриваемый период. Это почти все республики Северного Кавказа, а также регионы Восточной и Северо-Восточной Сибири – Тыва и Якутия. Здесь нужно уточнить, что территория Якутии составляет 3 103 тыс. км², что лишь немногим меньше, чем площадь всей Европейской части России. Малочисленность населения Якутии в сочетании с процессом оставления русскими огромных пространств Северо-Восточной Сибири может в перспективе привести к неприятным политическим последствиям.

Список литературы:

1. Кабузан, В. М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. Санкт-Петербург ; Блиц, 1996. 352 с. ISBN 5-86789-022-8. EDN [RNOKYV](#).
2. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3-х томах Т. 3. Кн. 3: 1991–2000. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2012. 396 с. ISBN 978-5-8243-1645-2. EDN [RCIMRN](#).
3. Дорощева, Д. Ю. Изменение этнической мозаичности регионов России / Д. Ю. Дорощева, М. С. Савоскул // Этническая демография. Сборник статей. Москва : МАКС Пресс, 2010. С. 72–93. ISBN 978-5-317-03205-0. EDN [VLSNND](#).
4. Мкртчян, Н. В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 5. С. 28–41. EDN [OJBVTP](#).
5. Ракачев, В. Н. Этнодемографические изменения в Краснодарском крае, 1989–1999 гг. // Социологический журнал. 2001. № 2. С. 49–55. EDN [PZQMCJ](#).
6. Бугай, Н. Ф. Русские в системе федеративных отношений в России // Славянские народы на Северном Кавказе: современные демографические процессы. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 1–2 декабря 2005 г.). Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 158 с. ISBN 5-87872-141-4. EDN [QOFILZ](#).
7. Население России 2007 : Пятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. Москва, Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2009. 296 с. ISBN 978-5-7598-0678-3.
8. Дашинамжилов, О. Б. Этнодемографические процессы в Западной Сибири в постсоветский период (1989–2010 гг.) / О. Б. Дашинамжилов, В. В. Лыгденова // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 144–151. DOI [10.17223/19988613/44/20](#). EDN [XHNGVT](#).
9. Каташов, М. С. Особенности демографического развития в Республике Алтай в 1990–2015 гг. // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития: Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Улан-Удэ : Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2018. С. 131–141. DOI [10.30792/978-5-7925-0522-3-2018-131-141](#). EDN [YLIYGL](#).
10. Шапаров, А. Е. Миграционные процессы в регионах арктической зоны Российской Федерации // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14. Ч. 1. Москва : ИНИОН РАН, 2019. С. 626–631. EDN [ZEHXNJ](#). ISBN 978-5-248-00919-0.

Сведения об авторе:

Стеценко Владимир Викторович, ведущий инженер, Санкт-Петербургский национально-исследовательский академический университет имени Ж. И. Алфёрова РАН, Санкт-Петербург, Россия
Контактная информация: e-mail: vv_stec@mail.ru; РИНЦ Author ID: [1205566](#).

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; принята в печать 21.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

POPULATION DYNAMICS AND SETTLEMENT TRANSFORMATION OF RUSSIANS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN 1990–2010

Vladimir V. Stetsenko

Alferov Saint Petersburg National Research Academic University of the RAS, Saint Petersburg, Russia

E-mail: vv_stec@mail.ru

For citation: Stetsenko, Vladimir V. Population Dynamics and Settlement Transformation of Russians in the Russian Federation in 1990–2010. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 153–170. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.10).

Abstract. This article compares national census data of 1989, 2002, and 2010 to offer a quantitative description of the distribution dynamics of the Russian people in 1989–2010 based on a classification of Russian regions by the share of Russians in their population and using the Eckel index. Research has found that in regions of the Russian Federation where Russians constitute the absolute or the relative majority, despite the ongoing process of depopulation of Russians, censuses indicate no decline in the share of Russians in the population. The article analyzes the reasons behind this fact. Having contrasted the magnitude of changes in the size of the population of Russians and other peoples of the region in the period concerned, the author concludes specific demographic factors, such as natural Russian population growth/decline as well as migration or assimilation processes, to prevail in the respective region. The author identifies the key regions that were the origin or the destination of migration of Russians in the period under consideration and examines the reasons for such migration. It is found that Russians migrated to such regions as Belgorod Oblast, Moscow, Kaliningrad Oblast, Krasnodarsky Krai, Tyumen Oblast. Among regions that saw a considerable migration outflow of Russians are several republics of the North Caucasus, the Sakha Republic (Yakutia), Tuva, Koryak Okrug, as well as some regions of the Russian Arctic. A special focus is given to a trend that has been present in recent censuses, namely, the growing number of people who “did not specify their ethnicity”. If that trend persists, it will evidently lead to a distortion of the overall picture of the ethnic composition of Russia and its regions.

Keywords: census; population distribution pattern; human migration; natural population growth/ decline; ethnic Russians; assimilation processes; the Eckel index.

References

1. Kabuzan, V. M. *Russkiye v mire: Dinamika chislenosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda [Russians in the world: Population dynamics and movement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]*. Saint Petersburg: Blits, 1996. 352 p. ISBN 5-86789-022-8. (In Russ.).
2. *Naseleniye Rossii v XX veke. Istoricheskiye ocherki [The Russian population in the 20th Century. Historical essays]*. In three vols. Vol. 3. Book 3. 1991–2000. Moscow: ROSSPEN, 2012. 396 p. ISBN 978-5-8243-1645-2. (In Russ.).
3. Dorofeyeva, D. Yu. *Izmeneniye etnicheskoy mozaichnosti regionov Rossii [The changing ethnic mosaicity of Russian regions]*. In: D. Yu. Dorofeeva, M. S. Savoskul. *Etnicheskaya demografiya [Ethnic Demography]*. A collection of articles. Moscow, MAKS Press, 2010. Pp. 72–93. ISBN: 978-5-317-03205-0. (In Russ.).
4. Mkrtchyan, N. V. *Dynamic of the Russian region population and role of migration: critical evaluation on the base of census of 2002 and 2010. Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Geography*. 2011. No. 5. Pp. 28–41. (In Russ.).
5. Rakachev, V. N. *Etnodemograficheskiye izmeneniya v Krasnodarskom kraye, 1989–1999 gg [Ethnodemographic changes in Krasnodarsky Krai in 1989–1999]. Sociological Journal*. 2001. No. 2. Pp. 49–55. (In Russ.).
6. Bugay, N. F. *Russkiye v sisteme federativnykh otnosheniy v Rossii [Russians in the Russian federative relations system]*. In: *Slavyanskiye narody na Severnom Kavkaze: sovremennyye demograficheskiye protsessy [Slavic Peoples in the North Caucasus: Modern Demographic Processes]*. Proceedings of the Third Regional Research to Practice Conference (Rostov-on-Don, December 1–2, 2005). Rostov-on-Don : SKNTS VSH Publishing, 2006. 158 p. ISBN 5-87872-141-4. (In Russ.).

7. *Naseleniye Rossii 2007 [Population of Russia in 2007]*. 15th Annual Demographic Report / ed. by A. G. Vishnevskiy. Moscow : HSE Publishing House, 2009. 296 p. ISBN 978-5-7598-0678-3. (In Russ.).
8. Dashinamzhirov, O. B. Ethnical demographic processes in Western Siberia in post-Soviet period (1989–2010) / O. B. Dashinamzhirov, V. V. Lygdenova. *Bulletin of Tomsk State University. History*. 2016. No. 6, Vol. 44. Pp. 144–151. DOI [10.17223/19988613/44/20](https://doi.org/10.17223/19988613/44/20). (In Russ.).
9. Katashov, M. S. Demographic Development Features in the Republic of Altai (1990–2015). In: *Republics of the Russian East: Trajectories of Economic, Demographic, and Territorial Development: A collection of scientific articles summarizing the results of the All-Russia Research to Practice Seminar*. Institute for Mongolian, Buddhist, and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Ulan-Ude : Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS, 2018. Pp. 131–141. DOI [10.30792/978-5-7925-0522-3-2018-131-141](https://doi.org/10.30792/978-5-7925-0522-3-2018-131-141). (In Russ.).
10. Shaparov, A. Ye. Migratsionnyye protsessy v regionakh arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Migration processes in the regions of the Arctic Zone of the Russian Federation]. In: *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and development prospects]*. Yearbook. Issue 14. Part 1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences of the RAS, 2019. Pp. 626–631. ISBN 978-5-248-00919-0. (In Russ.).

Bio note:

Vladimir V. Stetsenko, Leading Engineer, Alferov Saint Petersburg National Research Academic University of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Contact information: e-mail: vv_stec@mail.ru; RSCI Author ID: [1205566](https://orcid.org/1205566).

Received on 19.06.2023; accepted for publication on 21.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11)
EDN [HGACQT](https://edn.ru/HGACQT)

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СИСТЕМУ РАССЕЛЕНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Рязанцев С. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: riazan@mail.ru*

Добрякова В. А.

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail: v.a.dobryakova@utmn.ru*

Смирнов А. В.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: sofetel@mail.ru*

Рязанцев Н. С.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: ryazantsev080700@ya.ru*

Для цитирования: Рязанцев, С. В. Влияние демографических и миграционных процессов на систему расселения в Тюменской области / С. В. Рязанцев, В. А. Добрякова, А. В. Смирнов, Н. С. Рязанцев // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 171–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11). EDN [HGACQT](https://edn.ru/HGACQT).

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация системы расселения в Тюменской области между перепи-сьями населения в контексте демографических процессов и миграции населения. Выявлены тенденции естественного движения населения области, в том числе естественный прирост, рождаемость и смертность в разрезе городских и сельских поселений. Проанализирован рост численности населения крупных и средних городов региона, а также сельских муниципальных образований. Исследованы абсолютные объемы миграции, а также разнообразные формы мигра-ции, представленные в регионе. Определен их вклад в демографические и социально-экономические процессы. На основе результатов социологического опроса проведен анализ миграционных установок населения Тюменской области на отъезд из региона. Установлено, что миграция не только пополняет численность населения региона, но и формирует структуру населения с повышенной долей переселенцев. Это служит основной предпосылкой формирования у насе-ления региона высокого уровня миграционных установок на переезд в другие регионы страны и за рубеж. Выделены особенности развития сети поселений в Тюменской области, охарактеризованы тренды трансформации системы расселения и опорного каркаса региона.

Ключевые слова: Тюменская область; демографическая динамика; миграция; расселение; естественное движе-ние; рождаемость; смертность; система расселения.

Введение

В начале 1990-х гг. Российская Федерация столкнулась с проблемой депопуляции. Тюменская область относится к немногочисленным регионам страны, где на фоне повсеместной депопуляции по-прежнему отмечается восходящая динамика численности населения, несмотря на многие негативные факторы, детерминирующие демографические процессы в последние годы в большинстве регионов Российской Федерации. В межпереписной период 2010–2021 гг. численность населения Тюменской области увеличилась на 584 тыс. человек.

Тюменская область является уникальным административно-территориальным образованием в РФ так называемого «матрешечного» типа административного устройства: в состав области входят два автономных округа – Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО). В последние годы Тюменская область имела небольшой, но положительный прирост численности населения за счет двух компонент – и естественного, и миграционного приростов. Важно отметить, что демографическая динамика была различной в городах и сельской местности: в городских поселениях отмечался рост, в сельской местности – снижение численности населения.

Регион относится к территориям относительно нового экономического освоения, в котором миграция традиционно имела важное значение в пополнении численности населения, а кроме того, стимулировала социально-экономическое развитие населенных пунктов и территорий. В настоящее время в области международная миграция играет наиболее значимую роль в формировании численности и состава населения. За счет международной миграции Тюменская область ежегодно наращивает в среднем 10–11 тыс. человек. А в 2021 г. миграционный прирост достиг рекордной отметки – 22 тыс. человек. Также на территории области имеют место активные внутрирегиональные и межрегиональные миграции, вследствие чего население отличается повышенной долей «новоселов». Вместе с тем, с демографической точки зрения, данные виды миграции не имеют прямого воздействия на численность населения, но при этом трансформируют качественный состав населения региона. На фоне сокращающейся численности населения в большинстве регионов страны прирост численности в Тюменской области можно рассматривать как уникальное явление, требующее глубокого изучения и тиражирования на других территориях. В статье обсуждаются результаты исследования тех качественных изменений, которые имеют демографические и миграционные процессы для системы расселения и опорного каркаса расселения Тюменской области.

Источники информации и методы исследования

В статье применяются статистические, картографические и социологические методы исследования. Проанализированы данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата), данные Тюменского областного комитета государственной статистики об особенностях демографической ситуации и расселения населения, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В том числе анализировались данные переписи населения 2020–2021 гг. и данные текущего учета демографических процессов (рождаемость, смертность, миграция). Поясним: перепись была смещена из-за пандемии COVID-19 и проведена с 15 октября по 14 ноября 2021 г., а в труднодоступных районах страны – с 1 апреля по 20 декабря 2021 г. Впервые перепись проводилась также в электронном формате – через сайт «Госуслуги».

Использовался метод геоинформационного моделирования. В качестве основного инструмента применялись современные геоинформационные системы. С их помощью были обработаны и проанализированы данные семи переписей населения (1926, 1939, 1959, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.) для определения тенденций и закономерностей пространственного расселения в Тюменской области. Для исследования демографического пространства реги-

она была использована гравитационная модель потенциала поля расселения и на ее основе построена серия карт, позволившая выявить пространственно-временные закономерности расселения в изучаемом регионе. Расчеты проводились в Excel. Вычисленные значения потенциалов были преобразованы в тематическую растровую поверхность. Преобразование и визуализация значений потенциала поля расселения проводились в программе ArcGIS Pro 2.8 (с помощью инструментов «Отобразить XY», «Точки в растр», «Символы»).

Дополнительно в статье были использованы результаты социологического опроса населения Тюменской области, проведенного ее авторами в мае-июне 2022 г. (выборка N=1 543 респондента). Ранее результаты этого опроса были частично опубликованы, но не окончательно проанализированы. Выборка для данного социологического опроса построена на основе репрезентативности населения Тюменской области по трем параметрам, а именно: по полу, возрасту, месту проживания (городское и сельское население). Анкета социологического опроса «Демографическое поведение населения Тюменской области», помимо вопросов репродуктивного и самосохранительного поведения, включала блок вопросов, связанных с миграцией и занятостью.

Динамика численности населения Тюменской области

С учетом данных переписи 2020–2021 гг. численность населения Тюменской области на начало 2023 г. составила 3 849 тыс. человек, в том числе в ХМАО – 1 730 тыс., ЯНАО – 512 тыс., Тюменской области без учета автономных округов – 1 607 тыс. человек (табл. 1). Тюменская область занимала 29-е место среди субъектов Российской Федерации по численности населения. Около 81% населения региона проживало в городах и городских поселениях.

Таблица 1

Предварительная оценка численности постоянного населения с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. (человек)

Table 1

Preliminary estimate of the resident population taking into account the results of the All-Russian Population Census 2020 (people)

Регион	На 1 января 2023 г.			В среднем за 2022 г.		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Российская Федерация	146 424 729	109 634 815	36 789 914	146 702 395	109 808 572	36 893 823
Тюменская область,						
в том числе:	3 848 620	3 116 159	732 461	3 838 150	3 105 007	733 143
ХМАО – Югра	1 729 472	1 594 904	134 568	1 721 618	1 586 434	135 184
ЯНАО	511 874	433 508	78 366	511 559	433 225	78 334
Тюменская область без авт. окр.	1 607 274	1 087 747	519 527	1 604 973	1 085 348	519 625

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики¹

¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site_xlsx (дата обращения: 15.06.2023).

Тюменская область относится к немногочисленным регионам России, где по-прежнему еще отмечается восходящая динамика численности населения, несмотря на многие негативные факторы, детерминирующие демографические процессы в последние годы в большинстве регионов РФ. В межпереписной период 2010–2021 гг. численность населения Тюменской области увеличилась на 584 тыс. человек. Также восходящая демографическая динамика была отмечена во всех трех субрегионах Тюменской области и городе Тюмени (рис. 1).

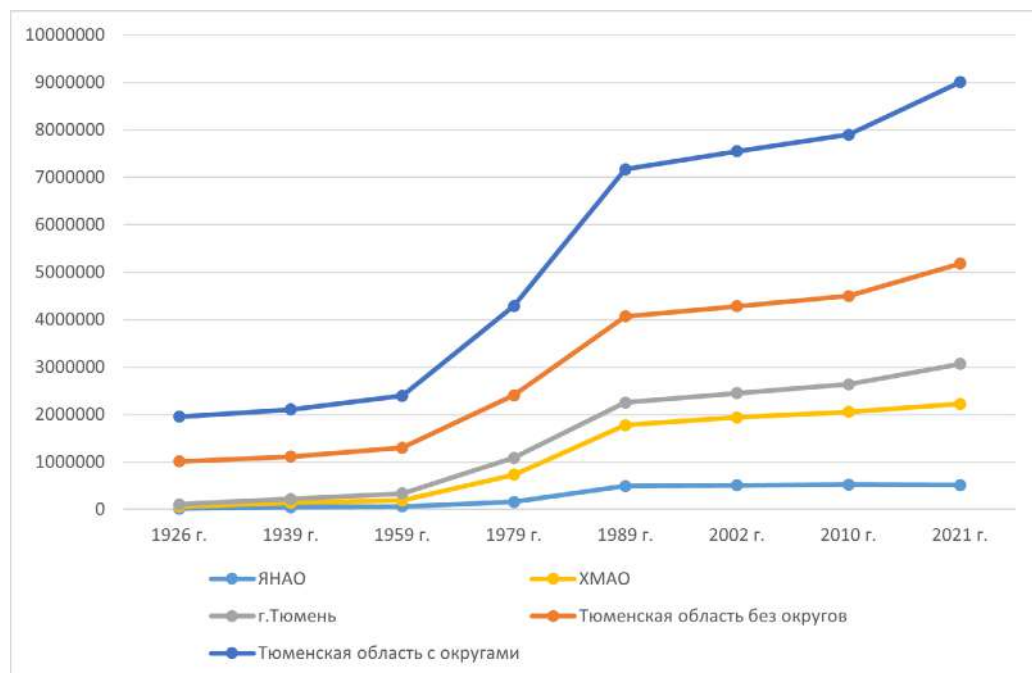

Рис. 1. Динамика численности населения Тюменской области в 1926–2021 гг. (тыс. человек)

Fig. 1. Dynamics of the population of the Tyumen Region in 1926–2021 (thousand people)

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения²

Последние шесть лет (2017–2022 гг.) динамика численности населения Тюменской области имела небольшой положительный прирост, который формировался как за счет естественного, так и миграционного прироста. Устойчивый рост численности населения отмечался в большинстве городских поселений области. А в сельской местности, напротив, в 2017–2020 гг. наблюдалось снижение численности населения. Результаты переписи населения 2020–2021 гг. заставили пересмотреть данные о численности населения. Применительно к сельским районам Тюменской области это означало статистическое «увеличение» численности населения на 23,8 тыс. человек в 2021 г. в сравнении с 2020 г. Скорее всего, такая статистическая коллизия была обусловлена недоучетом мигрантов в сельской местности региона. Однако в 2022 г. численность сельского

² Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 15.06.2023).

населения продолжила снижение и сократилась на 1,2 тыс. человек. Соотношение городского и сельского населения в области оставалось достаточно стабильным на протяжении 2017–2022 гг.: доля горожан – около 81%, доля сельского населения – примерно 19% (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика доли городского и сельского населения Тюменской области
в 2017–2022 гг.**

Table 2

Dynamics of the share of urban and rural population of the Tyumen Region in 2017–2022

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля городского населения (%)	80,7	80,8	81,0	81,2	80,8	81,0
Доля сельского населения (%)	19,3	19,2	19,0	18,8	19,2	19,0

Примечание: учитываются данные Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики³.

Естественное движение населения Тюменской области в 2017–2021 гг. отличалось позитивной динамикой, обусловленной превышением числа родившихся над умершими. Однако естественный прирост в абсолютных значениях за пять лет сократился практически в четыре раза – с 23 тыс. в 2017 г. до 5,7 тыс. – в 2021 г. (табл. 3). В этот период снижалось абсолютное число рождений и росло число смертей. Снижалась лишь младенческая смертность – с 4,7 в 2017 г. до 3,6 детей в 2021 г. на 1 тыс. родившихся живыми.

Таблица 3

Естественное движение населения в Тюменской области в 2017–2021 гг.

Table 3

Natural population change in the Tyumen Region in 2017–2021

Параметр	2017	2018	2019	2020	2021
Число родившихся (тыс. человек)	52,1	50,5	46,7	46,5	45,1
Число умерших (тыс. человек)	28,9	29,4	28,8	35,0	39,4
Естественный прирост/ убыль (тыс. человек)	23,3	21,0	18,0	11,5	5,7
Рождаемость (человек на 1 000 населения)	14,2	13,6	12,5	12,3	11,9
Число умерших (человек на 1 000 населения), в том числе:	7,9	7,9	7,7	9,3	10,4
Число умерших в возрасте до 1 года (детей на 1 000 родившихся живыми)	4,7	3,8	4,3	3,7	3,6
Естественный прирост/ убыль (человек на 1 000 населения)	6,3	5,7	4,8	3,0	1,5

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁴

³ Демографические показатели // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_obl (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Там же.

Очевидно, что снижение рождаемости обусловлено неблагоприятной возрастной структурой населения, когда в репродуктивный возраст в Тюменской области вступили численно меньшие поколения женщин [1]. Успехи снижения младенческой смертности связаны с усилиями органов власти разного уровня в сфере строительства и развития перинатальных центров, поддержки беременности и родов. Рост общей смертности по-прежнему детерминируется мужчинами трудоспособных возрастов [2]. Кроме того, в 2020–2021 гг. повышение смертности было обусловлено пандемией COVID-19.

Демографические процессы в городах и сельской местности Тюменской области

Тюменская область является высокоурбанизированным регионом – в городах и городских поселениях проживает 81% населения региона. Крупнейший город – Тюмень, где проживают 830 тыс. человек. В последние годы город активно развивался экономически и рос демографически, выступая центром притяжения мигрантов как внутри Тюменского региона, так и из-за его пределов. В Тюмень приезжало большое число мигрантов из Сибири, Урала, Дальнего Востока. Кроме того, значительный приток трудовых мигрантов и соотечественников происходил из стран бывшего СССР, которые постепенно переходили в категорию постоянных жителей.

Вторым по численности населения городом в Тюменской области является Нефтеюганск, расположенный в ХМАО. В 2002–2022 гг. город имел устойчивый рост численности населения, – в 2022 г. его численность превысила 128 тыс. человек.

Третий крупный город региона – центр ХМАО город Ханты-Мансийск, который стабильно увеличивал численность населения. В 2020 г. численность населения города достигла почти 105 тыс. человек.

Более 100 тыс. человек проживает в Тобольске. Этому городу было свойственно неравномерное изменение численности населения на протяжении последних двадцати лет (2002–2022 гг.): в 2000-е гг. население сокращалось, в 2015–2020 гг. – росло, между 2020–2022 гг. – снова снижалось. В 2022 г. численность населения Тобольска составила 101 тыс. человек.

К группе средних городов с численностью населения более 50 тыс. человек в регионе относились: Когалым – 69 тыс., Ишим – 63 тыс., Нягань – 58 тыс., Мегион и Салехард – по 52 тыс. человек. Для средних городов Тюменской области была свойственна неустойчивая демографическая динамика с переменной результативностью. Только в двух средних городах – Когалыме и Салехарде – численность населения в 2002–2022 гг. стабильно росла.

В малых городах Тюменской области также отмечалась переменная демографическая динамика: рост сменялся сокращением численности населения. Таких городов в Тюменской области девять, главным образом они сосредоточены на территории ХМАО (табл. 4).

Таблица 4

Динамика численности городского населения Тюменской области в разрезе муниципальных образований в 2002–2022 гг. (тыс. человек)

Table 4

Dynamics of the urban population of the Tyumen Region by municipalities in 2002–2022 (thousand people)

Муниципальное образование	2002	2010	2015	2020	2022
Тюменская область без округов, в том числе:					
г. о. Тюмень	564,18	595,25▲	697,04▲▲	807,27▲▲	828,57▲
г. о. Тобольск	107,49	103,85▼	101,78▼	102,28▲	101,40▼
г. о. Ишим	67,76	65,26▼	65,29▲	64,41▼	63,63▼
г. о. Заводоуковский	48,38	46,79▼	46,37▼	46,77▲	46,17▼
г. о. Ялуторовск	36,09	36,22▲	38,84▲	40,27▲	39,82▲
г. о. Голышмановский	27,91	26,81▼	26,13▼	25,14▼	24,59▼
ХМАО-Югра, в том числе:					
г. о. Нефтеюганск	107,83	121,55▲▲	125,37▲	127,25▲	128,68▲
г. о. Ханты-Мансийск	53,95	77,47▲▲	95,35▲▲	101,46▲	105,99▲
г. о. Когалым	55,63	57,71▲	62,33▲	67,87▲	69,40▲
г. о. Нягань	57,45	54,54▼	56,62▲	58,56▲	58,53▼
г. о. Мегион	54,03	56,29▲	56,10▼	53,45▼	52,74▼
г. о. Лангепас	37,18	41,20▲	42,95▲	44,64▲	45,75▲
г. о. Радужный	47,06	43,23▼	42,91▼	43,66▲	44,43▲
г. о. Урай	39,58	39,38▼	40,36▲	40,54▲	40,61▲
г. о. Пыть-Ях	41,81	41,36▼	41,01▼	39,57▼	39,31▼
г. о. Покачи	17,02	17,12▲	17,73▲	18,07▲	18,33▲
ЯНАО, в том числе:					
г. о. Салехард	37,03	42,33▲	48,61▲	51,26▲	52,27▲
г. о. Губкинский	20,41	23,04▲	27,07▲	29,16▲	38,33▲

Примечание: ▲/▼ – увеличение/ уменьшение численности населения менее чем на 10 тыс. человек; ▲▲ – увеличение численности населения от 10 тыс. до 100 тыс. человек; ▲▲▲ – увеличение численности населения более чем на 100 тыс. человек.

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁵

Естественный прирост городов Тюменской области снизился с 22,5 тыс. в 2017 г. до 8,2 тыс. человек в 2021 г. Такая отрицательная результативность была обусловлена противоположно направленными демографическими процессами: рождаемость снижалась с 43 тыс. в 2017 г. до 37 тыс. родившихся в 2021 г., а смертность, напротив, за аналогичный период выросла с 20 до 29 тыс. (табл. 5). В относительных значениях показатели рождаемости и смертности изменялись схожим образом.

⁵ Официальная статистика // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: <https://tumstat.gks.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.06.2023).

Таблица 5

Естественное движение городского населения в Тюменской области в 2017–2021 гг.

Table 5

Natural urban population change in the Tyumen Region in 2017–2021

Параметр	2017	2018	2019	2020	2021
Число родившихся (тыс. человек)	43,0	41,4	38,5	38,2	37,2
Число умерших (тыс. человек)	20,4	20,9	20,6	25,5	29,0
Естественный прирост/убыль (тыс. человек)	22,5	20,5	17,9	12,7	8,2
Рождаемость (человек на 1 000 населения)	14,5	13,8	12,7	12,5	12,1
Число умерших (человек на 1 000 населения), в том числе:	6,9	7,0	6,8	8,4	9,4
Число умерших в возрасте до 1 года (детей на 1000 родившихся живыми)	4,0	3,1	4,0	3,5	3,3
Естественный прирост/убыль (человек на 1000 населения)	7,6	6,8	5,9	4,1	2,7

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁶

Естественный прирост сельских поселений Тюменской области снизился с 0,7 тыс. в 2017 г. до -2,5 тыс. человек в 2021 г. Отрицательная результативность была обусловлена падением рождаемости с 9,2 тыс. в 2017 г. до 7,9 тыс. родившихся в 2021 г. и ростом смертности с 8,4 тыс. до 10,4 тыс. за аналогичный период (табл. 6). В относительных значениях показатели рождаемости и смертности изменялись схожим образом.

Таблица 6

Естественное движение сельского населения в Тюменской области в 2017–2021 гг.

Table 6

Natural rural population change in the Tyumen Region in 2017–2021

Параметр	2017	2018	2019	2020	2021
Число родившихся (тыс. человек)	9,2	9,0	8,2	8,3	7,9
Число умерших (тыс. человек)	8,4	8,5	8,2	9,4	10,4
Естественный прирост/убыль (тыс. человек)	0,7	0,5	0,1	-1,2	-2,5
Рождаемость (человек на 1 000 населения)	12,8	12,6	11,6	11,6	11,2
Число умерших (человек на 1 000 населения), в том числе:	11,8	11,9	11,5	13,3	14,7
Число умерших в возрасте до 1 года (детей на 1 000 родившихся живыми)	8,1	6,8	5,9	4,6	5,3
Естественный прирост/убыль (человек на 1000 населения)	1,0	0,7	0,1	-1,7	-3,5

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁷

Большинство сельских муниципальных образований Тюменской области на протяжении 2002–2022 гг. характеризовались сокращением абсолютной численности населения. Редкие исключения составляли сельские районы с позитивной демографической динамикой. На Юге Тюменской области это были Уватский муниципальный район, в ХМАО – Белоярский, Нижневартовский, Сургутский муниципальные районы, в ЯНАО – Тазовский

⁶ Демографические показатели // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_obl (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Там же

и Ямальский муниципальные районы (табл. 7). Таким образом, положительная динамика отмечалась только в шести из 25 муниципальных сельских районов Тюменской области.

Таблица 7

Динамика численности сельского населения Тюменской области в разрезе муниципальных образований в 2002–2022 гг.

Table 7

Dynamics of the rural population of the Tyumen Region by municipalities in 2002–2022

Муниципальное образование	2002	2010	2015	2020	2022
Юг Тюменской области, в том числе:					
Исетский м. р-н	26,56	25,96▼	25,85▼	24,88▼	24,54▼
Ярковский м. р-н	25,07	23,29▼	22,94▼	23,04▲	22,81▼
Нижнетавдинский м. р-н	24,06	22,95▼	23,39▲	21,67▼	21,27▼
Казанский м. р-н	23,97	22,46▼	22,04▼	21,25▼	20,99▼
Упоровский м. р-н	20,86	20,58▼	20,68▲	20,29▼	19,77▼
Уватский м. р-н	19,27	19,31▼	19,26▲	19,33▲	19,18▲
Ялуторовский м. р-н	15,79	14,43▼	14,56▲	14,07▼	14,02▼
Юргинский м. р-н	13,47	12,38▼	11,78▼	11,17▼	10,91▼
Сорокинский м. р-н	11,80	10,29▼	10,04▼	9,40▼	9,16▼
ХМАО – Югра, в том числе:					
Сургутский м. р-н	106,62	110,84▲	121,82▲	125,71▲	126,87▲
Советский м. р-н	44,72	47,85▲	48,49▲	47,62▼	46,71▼
Нефтеюганский м. р-н	45,35	45,01▼	44,71▼	44,66▼	45,16▼
Нижневартовский м. р-н	33,51	35,63▲	35,78▲	35,99▲	36,30▲
Кондинский м. р-н	35,02	34,77▼	32,07▼	30,76▼	30,33▼
Белоярский м. р-н	9,49	30,11▲▲	29,68▼	28,40▼	28,69▲
Октябрьский м. р-н	29,28	32,47▼	29,57▼	28,19▼	27,32▼
Березовский м. р-н	27,17	25,97▼	23,86▼	22,16▼	22,13▼
Ханты-Мансийский м. р-н	17,01	19,52▲	19,73▲	19,81▲	19,27▼
ЯНАО, в том числе:					
Надымский м. р-н	23,47	67,12▲▲	66,27▼	64,57▼	н/д
Пуровский м. р-н	47,67	51,56▲	51,86▲	51,68▼	н/д
Тазовский м. р-н	15,60	16,44▲	17,24▲	17,55▲	н/д
Ямальский м. р-н	14,92	16,15▲	16,46▲	16,99▲	н/д
Приуральский м. р-н	7,68	14,91▲	15,25▲	15,24▼	н/д
Шурышкарский м. р-н	9,56	9,78▲	9,65▼	9,43▼	9,43▲
Красноселькупский м. р-н	6,38	6,18▼	6,02▼	5,75▼	н/д

Примечание: ▲/▼ – увеличение/ уменьшение численности населения менее чем на 10 тыс. человек; ▲▲ – увеличение численности населения от 10 тыс. до 100 тыс. человек.

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁸

⁸ Демографические показатели // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_obl (дата обращения: 15.06.2023).

Миграционное движение населения Тюменской области

Регион является достаточно привлекательным для мигрантов как из других российских регионов, так и зарубежных стран. Данный «магнетизм» притяжения мигрантов связан с успешным экономическим развитием региона на основе сырьевой модели, основанной главным образом на нефтяной, нефтеперерабатывающей и газовой промышленности. Высокий уровень зарплаты, развития социальной сферы, инфраструктуры привлекал мигрантов. Главным образом миграция была временной трудовой, хотя зачастую она затем превращалась в постоянное переселение.

Миграционный прирост Тюменской области за последние пять лет значительно вырос: если в 2017 г. он составил 9,1 тыс. человек, то по итогам 2021 г. – 22,8 тыс. человек. В основном миграционный прирост (98%) обеспечивала международная миграция, причем за счет мигрантов из стран СНГ. Миграционный прирост Тюменской области за счет внутрисоссийской миграции имел мизерное значение, аналогично с притоком мигрантов из государств дальнего зарубежья (табл. 8).

Таблица 8

Миграционный прирост/убыль в Тюменской области в 2017–2021 гг. (человек)

Table 8

Migration increase/ decrease in the Tyumen Region in 2017–2021 (people)

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021
Миграционный прирост (убыль), в том числе:	9 102	10 524	14 570	10 503	22 755
Миграция в пределах России	-3 266	1 042	-2 865	3 914	437
Миграция за пределы России, в том числе:	12 368	9 482	17 435	6 589	22 318
– со странами СНГ	12 191	9 455	16 800	6 727	22 028
– с другими странами	177	27	635	-138	290
Прибыло мигрантов, в том числе:	174 815	177 064	169 499	149 853	157 311
Из регионов России, в том числе:	148 597	153 596	138 177	125 368	127 342
– внутри Тюменской области	66 688	69 722	64 653	56 815	59 161
– из других регионов России	81 909	83 874	73 524	68 553	68 181
Из-за рубежа, в том числе:	26 218	23 468	31 322	24 485	29 969
– из стран СНГ	25 452	22 778	30 147	23 720	29 363
– из других стран	766	690	1 175	765	606
Выбыло мигрантов, в том числе:	165 713	166 540	154 929	139 350	134 556
В регионы России, в том числе:	151 863	152 554	141 042	121 454	126 905
– внутри Тюменской области	66 688	69 722	64 653	56 815	59 161
– в другие регионы России	85 175	82 832	76 389	64 639	67 744
За рубеж, в том числе:	13 850	13 986	13 887	17 896	7 651
– в страны СНГ	13 261	13 323	13 347	16 993	7 335
– в другие страны	589	663	540	903	316

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики⁹

⁹ Демографические показатели // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_obl (дата обращения: 15.06.2023).

Половина миграционного прироста Тюменской области в 2021 г. в области пришлась на Таджикистан – 10 тыс. человек. Далее в порядке убывания основными странами-донорами мигрантов были Казахстан (2,6 тыс.), Кыргызстан (2,3 тыс.), Азербайджан (2,3 тыс.), Украина (1,7 тыс.), Армения (1 тыс.), Узбекистан (900) и Беларусь (470 человек) (рис. 2).

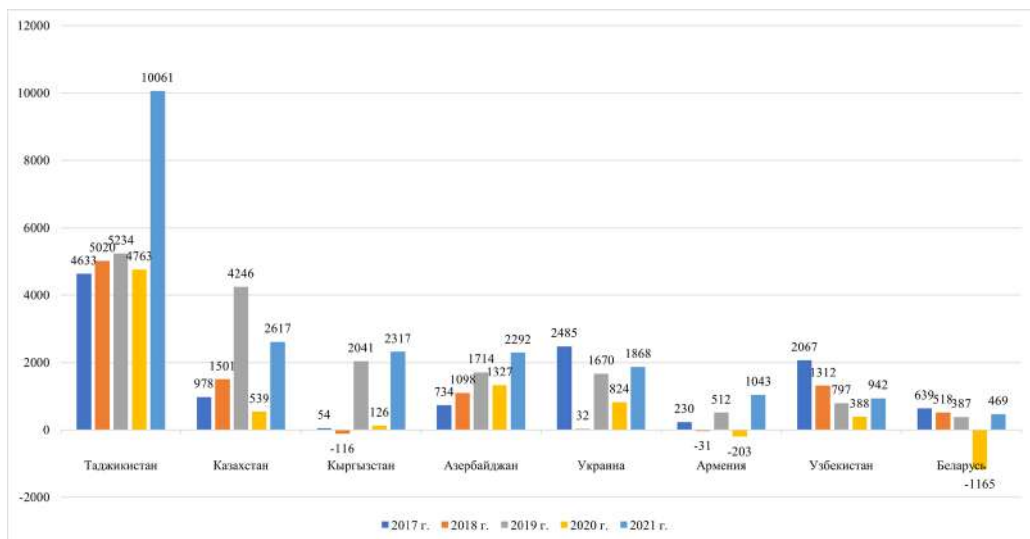

Рис. 2. Географическая структура миграционного прироста Тюменской области в обмене со странами СНГ в 2017–2021 гг. (человек)

Fig. 2. Geographical structure of migration growth of the Tyumen Region in exchange with the CIS countries in 2017–2021 (people)

Источник: составлено авторами по данным Тюменского областного комитета государственной статистики¹⁰

Международная миграция представляла собой важный демографический ресурс для Тюменской области, формируя примерно в равной степени наряду с естественным движением общий прирост населения. Благодаря миграции область ежегодно прибавляла в среднем 10–11 тыс. человек к численности населения. В 2021 г. миграционный прирост достиг рекордной отметки для Тюменской области – около 23 тыс. человек. Демографический эффект международной миграции для области в последние годы был достаточно очевиден.

В регионе имеют место внутрirosсийская и внутрорегиональная формы миграции. Отечественная школа изучения переселений в Сибирь оперировала несколькими важными понятиями. В советское время в научных работах Л. Л. Рыбаковского понятия переселенческой школы («новоселы», «старожилы» и «уроженцы») «обрели второе дыхание» и активно использовались с целью изучения межрегиональной миграции через призму генезисной структуры миграционных потоков. С. А. Новосельский к «коренному населению» относит людей, родившихся в данном регионе, а к «пришлomu» – родившихся за предела-

¹⁰ Демографические показатели // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу : [сайт]. URL: https://72.rosstat.gov.ru/ofs_demp_obl (дата обращения: 15.06.2023).

ми этой территории [3]. Л. Л. Рыбаковский в прошлом населении выделяет старожилов и новоселов [4]. В категорию «новоселов» включались люди, проживавшие менее десяти лет в месте жительства, не успевшие «обрасти» прочными социальными связями и, следовательно, сохранявшие большую миграционную подвижность. К «старожилам» относили людей, проживших более десяти лет в месте жительства, которые становятся более закрепленными и менее подвижными. А «уроженцами» названы те, кто родился в данном месте жительства и не покидал его в течение жизни, отличавшиеся наименьшей миграционной подвижностью. Такие категории населения, по мнению Л. Л. Рыбаковского, коррелируют и определяют миграционную подвижность населения региона [4].

Наш социологический опрос населения Тюменской области зафиксировал, что 77% опрошенных были «уроженцами» южной части региона (без округов), около 5% респондентов родились в ХМАО, а чуть более 6% – в ЯНАО. 11,5% опрошенных были уроженцами различных регионов России, а 0,5% родились за рубежами Российской Федерации. В генезисной структуре региона более половины респондентов (51%) были уроженцами региона; тех кто переселился и жил к моменту проведения опроса от одного до десяти лет было 49% респондентов; а тех кто переселился в область менее чем за год до опроса было только 0,3% [5]. Таким образом, доля переселенцев в регионе является достаточно высокой.

Тюменская область характеризуется разнообразием форм миграции. Следует отметить, что регион более масштабно обменивается населением с другими регионами России, чем с зарубежьем. Около 68 тыс. человек приехали в Тюменскую область на постоянное место жительства из других субъектов страны, и примерно столько же выехали за ее пределы. То есть по межрегиональной внутрисредской миграции сложился практически нулевой миграционный баланс. В наших предыдущих публикациях мы фиксировали данный феномен, отмечая нулевую результативность миграции при высокой миграционной активности населения – соотношение численности прибывших и выбывших мигрантов очень близкое, но при этом имеет большие абсолютные значения [5; 6].

Внутри самой Тюменской области в 2021 г. поменяли место жительства более 59 тыс. человек, хотя такая миграция не имела никакой демографической результативности для региона – она способствовала трансформации системы расселения региона, в основном способствуя перемещению значительных контингентов молодого и трудоспособного населения из сельской местности в города.

Кроме того, социологический опрос свидетельствует о широком распространении в Тюменской области временных форм миграции (временная трудовая, вахтовая, маятниковая), которые связаны с экономической специализацией и географическим положением региона. В этих формах миграции участвует значительное количество населения области и округов. Примерно пятая часть (21%) жителей области имела работу в другом населенном пункте. Еще каждый двенадцатый житель (7%) имел работу в другом российском регионе. Также широко здесь распространены вахтовые миграции. Каждый четвертый респондент (24%) работал на выезде, был «вахтовиком». В ежедневной маятниковой миграции между населенными пунктами области участвовало около 65% респондентов. Каждый десятый опрошенный (11%) в области был сезонным рабочим [5].

По мнению Л. Л. Рыбаковского, «маятниковые миграции представляют собой ежедневные или еженедельные поездки населения от мест жительства до места работы и обратно, расположенных в разных населенных пунктах. В наиболее существенных масштабах маятниковые миграции распространены в крупных городах и агломерациях. Маятниковые мигранты увеличивают количественно и изменяют качественно трудовые ресурсы центров притяжения. Сезонные миграции – это перемещения, главным образом, трудо-

способного населения к местам временной работы и жительства, на срок, обычно несколько месяцев, с сохранением возможности возвращения в место постоянного жительства. Сезонная миграция не только повышает реальный жизненный стандарт, но и удовлетворяет потребности производства, испытывающего дефицит рабочей силы» [4].

Население Тюменской области имеет высокий уровень миграционных установок на смену места жительства. Каждый третий респондент (31%) желал бы сменить настоящее место проживания. В основном потенциальные переселенцы хотят уехать в столичные мегаполисы – Москву (68%) и Санкт-Петербург (14%). Вместе с тем популярна Калининградская область (6%). Три четверти опрошенных (79%), желающих сменить место жительства, уже начали реализацию своих планов в форме различных подготовительных мероприятий. Например, 78% – проводили «разведку» и посещали регион будущего проживания, 9% – купили там жилье, 3% – отправили учиться в регион детей. В Тюменской области очень распространена модель миграции с постепенным (поэтапным) переездом в европейскую часть России. Каждый третий респондент (32%) ориентирован на временную работу в других российских регионах. Отдельного рассмотрения заслуживает ситуация с эмиграционными установками. Порядка половины опрошенных (43%) были ориентированы на временный выезд за границу для трудоустройства или обучения. И такой же процент (43%) участников опроса имел желание эмигрировать на постоянное место жительства [5].

Помимо прочего были определены условия реализации миграционных планов. Значительная часть потенциальных переселенцев ориентирована на факторы рынка труда: две трети респондентов (64%) готовы переехать на более высокую оплату труда 41% – при условии наличия работы по их специальности. Также большая группа потенциальных переселенцев ориентирована на социальные условия: 42% «мечтают» о бесплатном жилье, 38% хотели бы получить «подъемные» средства, а 38% рассчитывают найти в новом регионе развитую инфраструктуру [5].

Повышенную территориальную мобильность жителей Тюменской области можно объяснить значительной долей новоселов в структуре населения. Однако результативность внутрироссийской миграции является практически нулевой и не вносит вклада в общий прирост населения области. Внутрироссийская и внутрирегиональная миграция имеют в большей степени значение с точки зрения социально-экономического развития и трансформации системы расселения изучаемого региона.

Трансформация системы расселения Тюменской области

Тюменская область при высоком уровне урбанизации имеет низкую плотностью населения: на 1 км² проживает всего 2,6 человека. Южная часть региона заселена более плотно – здесь плотность составляет 9,7 человек на 1 км². Это связано с особенностями исторического заселения территории и размещением основных производительных сил. В ХМАО плотность населения составляет 3,2 человека на 1 км². Самым слабозаселенным субрегионом является ЯНАО с суровыми климатическими условиями – 0,7 человека на 1 км² [7].

Опорный каркас расселения региона составляют города – центры нефтяной и нефтеперерабатывающей промышленности – Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьск, Салехард, Сургут, Тюмень, Ханты-Мансийск (рис. 3). Города скрепляют территорию региона в единую сетку расселения. Крупнейшим городом региона является Тюмень, на которую приходится примерно половина численности населения. Население областного центра растет достаточно динамично: за пять лет, с 2015 г. по 2020 г., оно выросло на 110 тыс. человек.

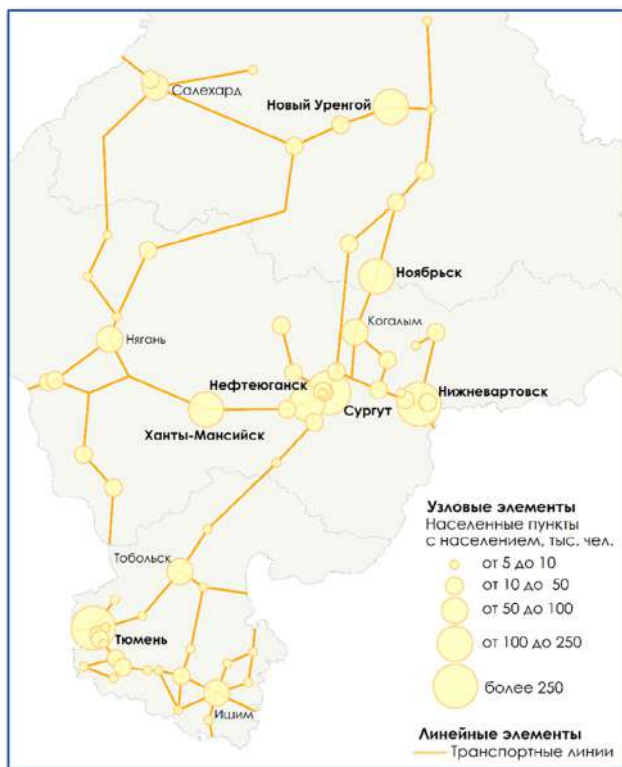

Рис. 3. Опорный каркас расселения Тюменской области в 2021 г.

Fig. 3. The supporting framework of the settlement of the Tyumen Region in 2021

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики¹¹

Мониторинг демографической ситуации, как и анализ процессов территориального и временного перераспределения населения позволяют выявить основные направления социально-экономического развития и сформулировать варианты планирования региона. Сложность анализа связана с многоаспектностью демографических процессов, неоднородностью социально-экономической территориальной структуры, большим числом информационных точек.

В качестве основного инструмента для решения подобных задач используют современные геоинформационные системы, которые позволяют рассматривать пространственные закономерности поведения населения. Для исследования демографического пространства Тюменской области использовалась гравитационная модель потенциала поля расселения [8; 9; 10; 11; 12]. На картах (рис. 4) представлен потенциал поля расселения или степень демографического тяготения в границах Тюменской области.

Потенциал рассчитывался по формуле:

$$P_i = \sum_{j=1}^n k \frac{N_j}{R_{ij}^j} \quad (1),$$

¹¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx (дата обращения: 15.06.2023).

где $k = 1$, R_{ij} – расстояние от i -ой точки территории до j -ого населенного пункта, N_j – людность j -ого населенного пункта, n – количество населенных пунктов, попадающих в окрестность i -ой точки, радиус переменный.

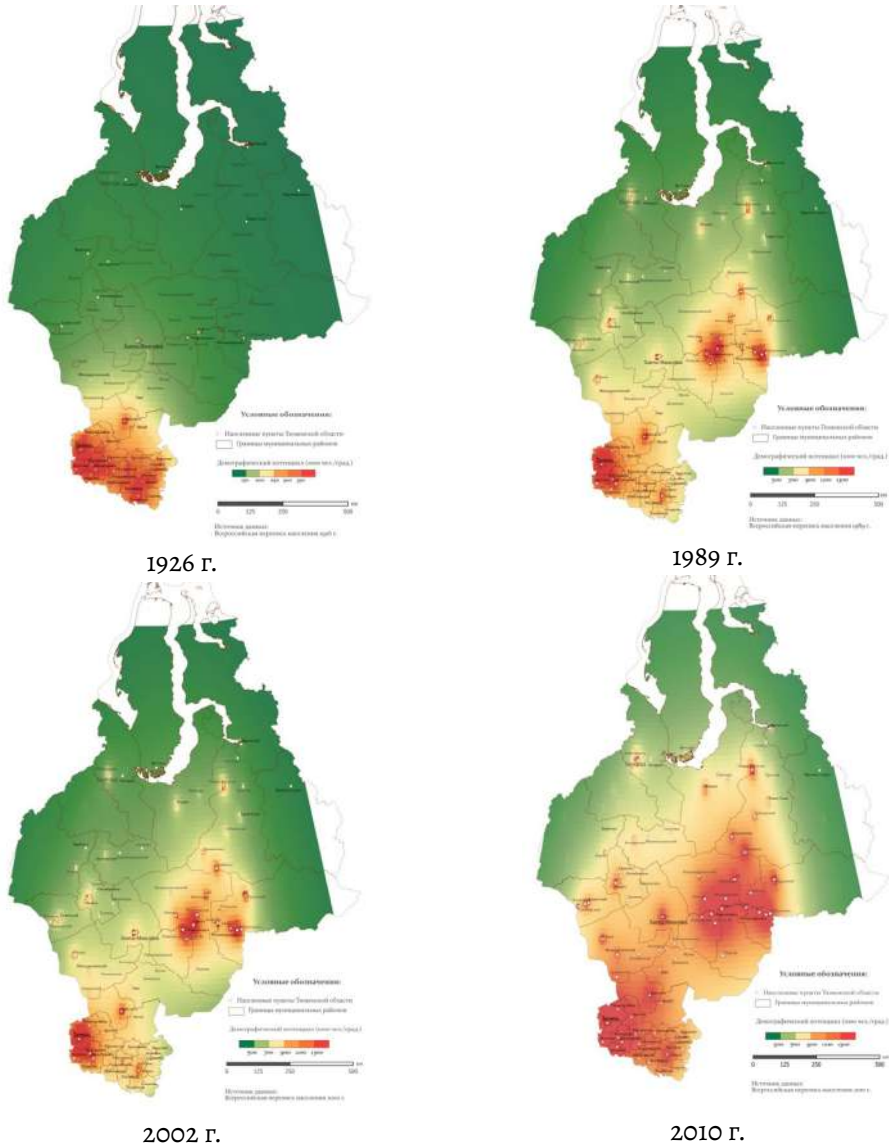

Рис. 4.1-4.4. Карта потенциалов поля расселения Тюменской области в 1926, 1989, 2002, 2010 гг.

Fig. 4.1-4.4. Map of the potentials of the field of settlement of the Tyumen Region in 1926, 1989, 2002, 2010

Источник: составлено авторами по данным Всесоюзных и Всероссийских переписей населения¹²

¹² Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Демоскоп Weekly : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=1> (дата обращения: 15.06.2023).

Для построения поля демографического влияния на рассматриваемой территории были введены координаты и данные о людности населенных пунктов с населением не менее 100 человек. Таких объектов для каждого периода времени было выделено более 930 единиц. Информационную основу исследования составили материалы Всероссийских переписей населения 1926, 1989, 2002, 2010 гг. Исследуемая территория была «накрыта» сеткой от 59,6° до 83,8° восточной долготы и от 55,2° до 72° северной широты с размером ячейки 0,2°. Для каждого узла сетки по формуле, представленной выше, был рассчитан гравитационный потенциал воздействия по отобранным населенным пунктам (с людностью не менее 100 человек).

Следует отметить, что количество населенных пунктов в Тюменской области на протяжении второй половины XX века и в первом десятилетии XXI века снижалось (рис. 5).

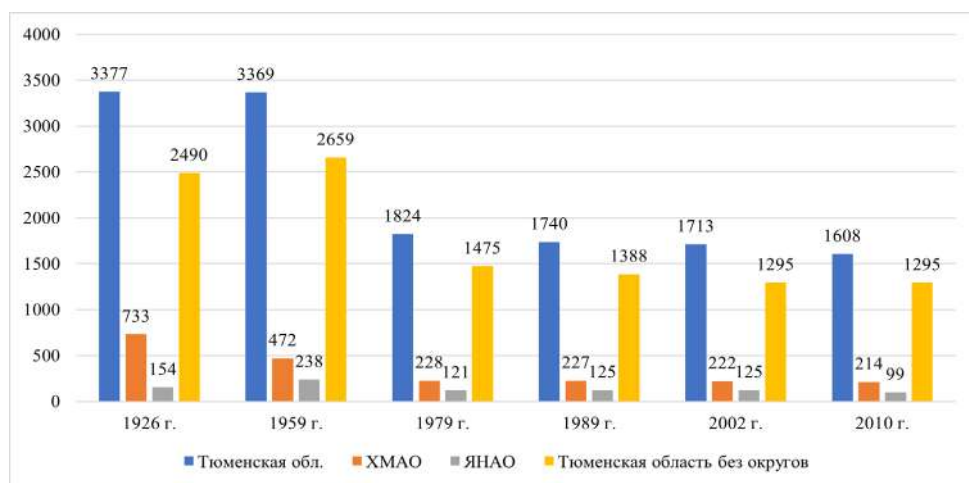

Рис. 5. Количество населенных пунктов в Тюменской области, по данным Всероссийских переписей населения 1926–2010 гг.

Fig. 5. The number of settlements in the Tyumen Region according to the All-Russian censuses of 1926–2010

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики¹³ и публикации итогов Всероссийской переписи населения¹⁴

Таким образом, система расселения в Тюменской области постепенно трансформируется в сторону сокращения количества населенных пунктов и уплотнения опорного каркаса вокруг областного центра, крупных и средних городов. Происходит «стягивание» населения в крупные населенные пункты, прежде всего в города.

¹³ Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения – 2010 : [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁴ Итоги Всероссийской переписи населения – 2002 : статистический сборник : в 11 частях / Госкомстат России, Тюменский обл. ком. гос. статистики. Тюмень : Тюменский обл. ком. гос. статистики, 2004. ISBN 5-901798-86-4.

Заключение

Тюменская область относится к немногочисленным регионам Российской Федерации, где на фоне повсеместной депопуляции по-прежнему отмечается восходящая динамика численности населения, несмотря на многие негативные факторы, детерминирующие демографические процессы в последние годы в большинстве регионов РФ. Восходящая демографическая динамика была отмечена во всех трех субрегионах Тюменской области и в городе Тюмени.

Последние шесть лет динамика численности населения Тюменской области имела небольшой, но положительный прирост, который главным образом формировался за счет как естественного, так и миграционного прироста. Устойчивый рост численности населения отмечался в большинстве городских поселений области. В сельской местности, напротив, констатировалось снижение численности населения.

Тюменская область отличается широким распространением различных форм миграции. Международная миграция представляет собой важный демографический ресурс для региона, формируя примерно в равной степени наряду с естественным приростом общий прирост населения. Демографический эффект международной миграции для области в последние годы достаточно очевиден.

Регион более масштабно обменивается населением с другими регионами Российской Федерации, чем с зарубежьем. Внутриобластная миграция хотя и была масштабной, но не имела для региона никакой демографической результативности – она способствовала трансформации системы расселения, в основном способствуя перемещению значительных контингентов молодого и трудоспособного населения из сельской местности в города.

Широкое распространение в Тюменской области получили временные формы миграции (временная трудовая, вахтовая, маятниковая), которые связаны с экономической специализацией и географическим положением региона. В этих формах миграции участвует большое количество населения области и округов.

Значительно распространены миграционные установки жителей на отъезд из области. Третья часть опрошенных ориентирована на смену места жительства в перспективе. В основном популярен выезд в европейскую часть России, прежде всего в столичные регионы и Калининградскую область на основе модели постепенной (поэтапной) миграции. Важно отметить, что три четверти респондентов уже предпринимали реальные действия по подготовке своего переезда.

Столь высокую миграционную подвижность населения Тюменской области можно объяснить существенной долей новоселов в генезисной структуре населения. При этом внутрироссийская миграция имеет фактически нулевую демографическую результативность и в большей степени несет с собой социально-экономические изменения и трансформирует систему расселения.

Список литературы

1. Архангельский, В. Н. Рождаемость в Тюменской области: динамика, возрастная модель, региональные различия // ЦИТИСЭ. 2022. № 3. С. 54–69. DOI [10.15350/2409-7616.2022.3.05](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.05). EDN [LMIFXW](https://www.edn.ru/1MIFXW).
2. Рязанцев, С. В. Сдвиги смертности трудоспособного населения Тюменской области с позиций контроля факторов риска / С. В. Рязанцев, В. Г. Семенова, А. Е. Иванова // Сегодня и завтра

русской экономики. 2022. № 107–108. С. 5–25. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-01](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2022-107-108-01). EDN [EEDAQE](https://www.edn.ru/10.26653/1993-4947-2022-107-108-01).

3. Демография для практических работников: методические рекомендации для специалистов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. Москва : Экон-информ, 2014. 254 с. ISBN 978-5-9506-1143-8.

4. Рыбаковский, Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). Москва : Экон-информ, 2003. 217 с. ISBN 978-5-907057-90-6.

5. Рязанцев, С. В. Роль миграции в формировании населения Тюменской области / С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов, В. А. Добрякова // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. 2022. № 2–3. С. 5–16. DOI [10.26653/2076-4650-2022-2-3-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-2-3-01). EDN [DIFVWL](https://www.edn.ru/10.26653/2076-4650-2022-2-3-01).

6. Письменная, Е. Е. Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в российских городах: результаты социологического опроса / Е. Е. Письменная, С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. С. Гришин, А. В. Смирнов // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 5–20. DOI [10.26653/2076-4685-2018-6-01](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-01). EDN [ZCOSAH](https://www.edn.ru/10.26653/2076-4685-2018-6-01).

7. Добрякова, В. А. Анализ миграционных процессов в Тюменской области / В. А. Добрякова, А. Б. Добряков // Географический вестник. 2021. № 1 (56). С. 42–52. DOI [10.17072/2079-7877-2021-1-42-52](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-1-42-52). EDN [PSITQZ](https://www.edn.ru/10.17072/2079-7877-2021-1-42-52).

8. Червяков, В. А. Концепция поля в современной картографии. Новосибирск : Наука, 1978. 145 с.

9. Robinson, A. The Cartographic Representation of the Statistical Surface // International Yearbook of Cartography. 1961. Vol. 1. Pp. 53–63.

10. Robinson, A. Elements of Cartography. 3rd edition / A. Robinson, J. Morrison, P. Muehrcke, A. Kimerling, S. Guptill. New York : John Wiley & Sons, 1995. 688 p. ISBN 978-0471555797.

11. Stewart, J. Demographic Gravitation: Evidence and Applications // Sociometry. 1948. Vol. 11, No. 1/2. Pp. 31–58. DOI [10.2307/2785468](https://doi.org/10.2307/2785468).

12. Zipf, G. Human Behavior and the Principle of Least Effort // The Economic Journal. 1950. Vol. 60, No. 240. Pp. 808–810. DOI [10.2307/2226729](https://doi.org/10.2307/2226729).

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ Author ID: [77673](https://elibrary.ru/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Добрякова Валентина Аркадьевна, кандидат географических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: v.a.dobryakova@utmn.ru; РИНЦ Author ID: [250368](https://elibrary.ru/250368).

Смирнов Алексей Викторович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); РИНЦ Author ID: [1068065](https://elibrary.ru/1068065).

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); РИНЦ Author ID: [1032293](https://elibrary.ru/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPD-3864-2022](https://orcid.org/GPD-3864-2022); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/57220204335).

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-411-720005р_а Тюменская область «Демографическая динамика и совершенствование региональной демографической политики Тюменской области».

Статья поступила в редакцию 26.05.2023; принята в печать 24.07.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMPACT OF DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES ON THE SETTLEMENT SYSTEM IN THE TYUMEN REGION

Sergey V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: riazan@mail.ru

Valentina A. Dobryakova

Tyumen State University, Tyumen, Russia
E-mail: v.a.dobryakova@utmn.ru

Alexey V. Smirnov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: sofetel@mail.ru

Nikita S. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: ryazantsev080700@ya.ru

For citation: Ryazantsev, Sergey V. *Impact of Demographic and Migration Processes on the Settlement System in the Tyumen Region* / S. V. Ryazantsev, V. A. Dobryakova, A. V. Smirnov, N. S. Ryazantsev. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 171–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11).

Abstract. The article analyzes the transformation of the settlement system of Tyumen Region between censuses in the context of demographic processes and population migration. The paper reveals trends in the natural movement of population in the region, including natural increase, birth rate and mortality in the context of urban and rural settlements. The growth of population in large and medium-sized cities in the region and rural municipalities has been analyzed. We have also analyzed the absolute volumes of migration, as well as various forms of migration that are represented in the region. Their contribution to demographic and socio-economic processes has been determined. The results of the sociological survey have been used to analyze the migration patterns of the Tyumen Region population with regard to their departure from the region. It has been established that migration not only replenishes the population of the region, but also forms the structure of population with a high proportion of migrants. This is a prerequisite for a high level of migratory attitudes among the population of the region with a view to moving to other regions of the country or abroad. Highlighted features of the settlement network development in the Tyumen Region, characterized trends in the transformation of the settlement system and the framework of settlement pattern of the territory.

Keywords: Tyumen Region; demographic dynamics; migration; settlement; migration; natural movement; birth rate; mortality; settlement system.

References

1. Arkhangelsky, V. N. Birth Rate in the Tyumen Region: Dynamics, Age Model, Regional Differences. *CITISE*. 2022. No. 3. Pp. 54–69. DOI [10.15350/2409-7616.2022.3.05](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.05). (In Russ.).
2. Ryazantsev, S. V. Mortality Shifts of the Able-Bodied Population of the Tyumen Region from the Standpoint of Risk Factor Control / S. V. Ryazantsev, V. G. Semenova, A. E. Ivanova. *Today and Tomorrow of Russian Economy*. 2022. No. 107–108. P. 5–25. DOI [10.26653/1993-4947-2022-107-108-01](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2022-107-108-01). (In Russ.).
3. *Demografiya dlya prakticheskikh rabotnikov: metodicheskiye rekomendatsii dlya spetsialistov organov ispolnitel'noy vlasti sub'yektov Rossiyskoy Federatsii [Demography for Practitioners: Guidelines for Specialists of the Executive Authorities of the Subjects of the Russian Federation]* / Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow : Ekoninform Publ., 2014. 254 p. ISBN 978-5-9506-1143-8. (In Russ.).
4. Rybakovsky, L. L. *Migratsiya naseleniya. Tri stadii migratsionnogo protsessa. (Ocherki teorii i metodov issledovaniya) [Population Migration. Three Stages of the Migration Process. (Essays on Theory*

and Research Methods]. Moscow : Ekon-inform Publ., 2003. 217 p. ISBN 978-5-907057-90-6. (In Russ.).

5. Ryazantsev, S. V. The Role of Migration in the Formation of the Population of the Tyumen Region / S. V. Ryazantsev, A. V. Smirnov, V. A. Dobryakova. *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 2022. No. 2–3. P. 5–16. DOI [10.26653/2076-4650-2022-2-3-01](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-2-3-01). (In Russ.).

6. Pismennaya, E. E. Adaptation and Integration of Labor Migrants in Russian Cities: Results of a Sociological Survey / E. E. Pismennaya, S. V. Ryazantsev, M. N. Khranova, A. S. Grishin, A. V. Smirnov. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2018. No. 6. P. 5–20. DOI [10.26653/2076-4685-2018-6-01](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2018-6-01). (In Russ.).

7. Dobryakova, V. A. Migration Processes in the Tyumen Region / V. A. Dobryakova, A. V. Dobryakov. *Geographical Bulletin*. 2021. No. 1 (56). Pp. 42–52. DOI [10.17072/2079-7877-2021-1-42-52](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2021-1-42-52). (In Russ.).

8. Chervyakov, V. A. *Kontseptsiya polya v sovremennoy kartografii [The Concept of the Field in Modern Cartography]*. Novosibirsk : Nauka Publ., 1978. 145 p. (In Russ.).

9. Robinson, A. The Cartographic Representation of the Statistical Surface. *International Yearbook of Cartography*. 1961. Vol. 1. P. 53–63.

10. Robinson, A. *Elements of Cartography. 3rd edition* / A. Robinson, J. Morrison, P. Muehrcke, A. Kimerling, S. Guptill. New York : John Wiley&Sons, 1995. 688 p. ISBN 978-0471555797.

11. Stewart, J. Demographic Gravitation: Evidence and Applications. *Sociometry*, 1948. Vol. 11, No. 1/2. P. 31–58. DOI [10.2307/2785468](https://doi.org/10.2307/2785468).

12. Zipf, G. Human Behavior and the Principle of Least Effort. *The Economic Journal*. 1950. Vol. 60, No. 240. P. 808–810. DOI [10.2307/2226729](https://doi.org/10.2307/2226729).

Bio notes:

Sergey V. Ryazantsev, RAS Corresponding Member, Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI Author ID: [77673](https://www.rsci.ru/author/77673); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875).

Valentina A. Dobryakova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: v.a.dobryakova@utmn.ru; RSCI Author ID: [250368](https://www.rsci.ru/author/250368).

Alexey V. Smirnov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sofetel@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-6559-1679](https://orcid.org/0000-0002-6559-1679); RSCI Author ID: [1068065](https://www.rsci.ru/author/1068065).

Nikita S. Ryazantsev, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID ID: [0000-0001-6835-310X](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); RSCI Author ID: [1032293](https://www.rsci.ru/author/1032293); Web of Science Researcher ID: [GPD-3864-2022](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X); Scopus Author ID: [57220204335](https://orcid.org/0000-0001-6835-310X).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) according to the research project No. 20-411-720005-r_a_Tyumen Region "Demographic dynamics and improvement of the regional demographic policy of the Tyumen Region".

Received on 26.05.2023; accepted for publication on 24.07.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕМОГРАФИЯ

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.12)

EDN [IMXVBW](https://www.edn.ru/IMXVBW)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАВОДНЕНИЙ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 2013–2023 ГГ.

Мищук С. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН,

Биробиджан, Россия

E-mail: svetamic79@mail.ru

Для цитирования: Мищук, С. Н. Социально-демографические аспекты наводнений на российском Дальнем Востоке в 2013–2023 гг. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 191–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.12). EDN [IMXVBW](https://www.edn.ru/IMXVBW).

Аннотация. В статье рассмотрены наводнения в южных регионах Дальнего Востока России с точки зрения возможности их предотвращения и управления для улучшения качества жизни населения. Проанализированы данные об ущербе от наводнений в период с 2013 по 2023 г. в отдельных дальневосточных регионах. На примере наводнения 2021 г. показано, что ряд защитных мероприятий, реализованных в Амурской области после катастрофического наводнения 2013 г., привел к снижению ущерба. Однако в целом до настоящего времени сохраняется высокая вероятность повторения паводков, приводящих к потере личного имущества населения, ущербу транспортной инфраструктуре, сельскому хозяйству территорий, что существенно снижает качество жизни населения в дальневосточных регионах. На основе открытых данных об ущербе за 2021 г. установлено, что в финансовом выражении более высокий ущерб от наводнений на душу населения отмечается в регионах с меньшей плотностью населения. Природно-социальный характер наводнений отражается как на причинах их возникновения, так и их последствиях. Доказано, что антропогенные причины возникновения наводнений во многом связаны с расширением хозяйственной деятельности. Несмотря на широкий перечень и объемы финансовой поддержки для регионов в целом, для населения общая сумма компенсаций при нанесении ущерба не может рассматриваться как возможность восполнить все их финансовые потери. Одним из вариантов снижения ущерба рассматривается возможность разработки программы по переселению населения из территорий, находящихся в зоне подтопления.

Ключевые слова: наводнение; ущерб; инженерные защитные сооружения; зоны затопления; зоны подтопления; чрезвычайная ситуация; меры регулирования; Дальний Восток; Приамурье.

Введение

Причины и последствия наводнений носят природно-социальный характер. Наводнения приводят к изменению самой местности, а также оказывают большое влияние на качество жизни населения, его миграционное поведение, систему управления данными территориями.

По результатам исследований коллектива авторов [1] на Дальнем Востоке (ДВ) за более чем столетний период наблюдений выделено девять периодов низкой и высокой водности Амура. Начиная с 2009 г., регистрируется период высокой водности. В рамках текущего периода в южных регионах Дальнего Востока произошло несколько

крупных наводнений. Одно из них, признанное катастрофическим, имело место в 2013 г. и затронуло огромные территории России и Китая. В российских публикациях о наводнениях на ДВ и в Сибири многие авторы рассматривали причины и последствия природного характера [2; 3; 4; 5], необходимость методики их прогнозирования [6].

После данного наводнения вопрос организации защитных мероприятий, строительства гидрозакщитных сооружений в зонах затопления активно обсуждается на федеральном и региональном уровнях. Значимость мероприятий по прогнозированию и предотвращению негативных последствий наводнений для Дальнего Востока становится все более актуальной в связи с ростом его инвестиционной привлекательности, дальнейшей реализацией проектов по привлечению и закреплению населения.

Важным для анализа последствий наводнений является вывод о том, что «количество наводнений связано не только с числом соответствующих природных бедствий, но и со степенью заселенности и хозяйственной освоенности территорий» [7, с. 9]. Поэтому дальнейшее хозяйственное освоение и экономическое развитие дальневосточных регионов требует более пристального внимания к реализации мероприятий, направленных на защиту от наводнений.

Практика восстановления ущерба по факту, при условии дальнейшего освоения территории ДВ, реализации новых инвестиционных проектов предполагает использование превентивных мер, позволяющих снизить затраты, с одной стороны, и повысить качество жизни населения регионов, подверженных затоплениям, с другой.

Цель настоящего исследования – проанализировать системы предупреждения и предотвращения наводнений на ДВ как фактора снижения рисков и повышения качества жизни населения.

Методика исследования. Работа основана на материалах, полученных из открытых источников, включая данные федеральных и региональных органов власти, МЧС РФ, региональных средств массовой информации, научной литературы по теме наводнений на Дальнем Востоке. Сбор данных о материальном ущербе от наводнений и финансировании строительства гидротехнических сооружений в рассматриваемых регионах осложняется большим количеством программ, в которые включены отдельные статьи финансирования. Поэтому перед нами не стояла задача собрать и обобщить все источники, содержащие информацию о финансировании предупредительных мер или ущерба от последствий наводнений. Используемые в статье материалы позволили выявить основное направление управленческих решений, связанных с проблемой наводнений на Дальнем Востоке.

В первой части статьи дан сравнительный анализ нескольких крупных наводнений, произошедших в начале XXI века в южных регионах Дальнего Востока (Амурской и Еврейской автономной области, Хабаровском и Забайкальском крае). Отдельно рассмотрены наводнения в Приморском крае, что объясняется разными причинами их возникновения. Для регионов, расположенных в бассейне р. Амур, а также Забайкальского края, основные причины наводнений – это в первую очередь таяние снега, ливневые дожди. Для Приморья основные причины паводков и наводнений не связаны с ситуацией на Амуре, а обусловлены формированием тайфунов, в результате которых происходит резкий подъем уровня рек, возникает вероятность размывов дорог и мостовых сооружений, подтопления территорий и наводнений. Однако, несмотря на различия в причинах, последствия и меры по предотвращению ущерба от наводнений для всех регионов имеют много общего.

Во второй части статьи представлен обзор принимаемых мер по предупреждению последствий наводнений. Отдельно выделены меры поддержки населению в зоне чрезвычайной ситуации.

Описание последствий наводнений на Дальнем Востоке России в 2013–2023 гг.

На Дальнем Востоке, начиная с 2010 г., произошло несколько крупных наводнений, которые оказали негативное влияние на качество жизни населения макрорегиона, экономическую ситуацию, включая потери в сельском хозяйстве, транспортной инфраструктуре.

Катастрофическое наводнение 2013 г. [8; 9; 10] усилило внимание органов региональной и федеральной власти на необходимость мероприятий по предотвращению и снижению последствий наводнений.

Рассмотрим отдельные показатели произошедших крупных наводнений на ДВ в 2013 и 2021 гг.¹ (табл. 1).

Таблица 1

Последствия наводнений на Дальнем Востоке в 2013 и 2021 гг.

Table 1

Consequences of floods in the Far East in 2013 and 2021

Показатели	2013 г.	2021 г.
Ущерб в натуральном выражении	– Паводок охватил пять субъектов ДФО (Республика Саха (Якутия), Амурская и Еврейская автономная область, Приморский край) (режим ЧС федерального значения). Общая площадь затопленных территорий составила более 8 млн кв. км. – В зоне подтопления – 37 муниципальных районов, 235 населенных пунктов и более 13 тыс. жилых домов, 2,5 тыс. жилых объектов признаны непригодными для проживания. Подтоплены более 2 тыс. км автодорог регионального или межмуниципального и местного значения, 1,4 тыс. км дорог разрушены². – Уничтожены 627 тыс. га посевов сельскохозяйственных культур, в зоне подтопления оказались 11 тыс. голов крупного рогатого скота³. – Всего пострадали более 220 тыс. человек.	– Пострадали территории Амурской и Еврейской автономной области, Забайкальского и Хабаровского краев. Введен режим ЧС федерального значения. – В зоне подтопления – 56 муниципальных образований, 145 населенных пунктов, около 3 тыс. жилых домов, более 1 тыс. жилых помещений признаны непригодными для проживания, 8,9 тыс. приусадебных и дачных участков, 160 социальных объектов. Повреждено более 950 км автомобильных дорог. – Ущерб нанесен на площади более 40 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Пострадавшими признаны более 24 тыс. человек⁴.

¹ Сильный паводок отмечался на Дальнем Востоке и летом 2019 г. В отдельных регионах ДВ ущерб в 2019 г. превысил показатели 2021 г.

² МЧС: наводнение на Дальнем Востоке – самое масштабное с начала XX века // РИА Новости : [сайт]. 26.09.2013. URL: <https://ria.ru/20130926/965955666.html> (дата обращения: 12.06.2023).

³ Ущерб от наводнения на Дальнем Востоке составит 8,6 млрд рублей // Деловой Петербург : [сайт]. 19.08.2013. URL: https://www.dp.ru/a/2013/08/19/Ushherb_ot_navodnenija_na_Da (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Более 24 тысяч жителей Дальнего Востока России пострадали от паводков // ИА EADaily : [сайт]. 11.08.2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/08/11/bolee-24-tysyach-zhiteley-dalnego-vostoka-rossii-postradali-ot-pavodkov> (дата обращения: 12.06.2023).

Показатели	2013 г.	2021 г.
Финансовый ущерб	Общий объем ущерба превысил 42 млрд рублей ⁵ . Прямой ущерб от наводнения составил 87,9 млрд рублей, косвенный – 439 млрд. Общая сумма ущерба – 527 млрд рублей ⁶ .	Ущерб от наводнения превысил 13 млрд рублей ⁸ .

Источник: составлено автором по данным публикаций 2–7.

Зачастую в источниках о размерах ущерба от наводнения в 2013 г. в целом по Дальнему Востоку приводилась информация о более 40 млрд рублей. Однако уже в апреле 2014 г. была названа сумма общего ущерба в размере 527 млрд. рублей⁹. Можно предположить, что сумма в размере 40–42 млрд рублей была выплачена пострадавшим жителям регионов. Сюда не входили затраты на восстановительные работы, не учитывался ущерб в агропромышленном комплексе, дорожном хозяйстве и пр.

Между тем, на наш взгляд, этот момент является крайне важным. Учет косвенных и прямых затрат, что было сделано по итогам наводнения 2013 г., позволяет более корректно оценить затраты и потери при проведении мероприятий, предупреждающих повторение чрезвычайных ситуаций, связанных с обильными осадками и наводнениями.

Сравнивая последствия наводнений 2013 и 2021 гг. с точки зрения их причин, специалисты отмечают много общего, в то же время, с точки зрения подготовки к наводнению, все же можно увидеть определенные различия.

На совещании по проблемам ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока¹⁰, которое состоялось 27 июля 2021 г. в г. Южно-Сахалинске, главы дальневосточных регионов представили доклады о последствиях наводнений в 2021 г. и о необходимых мероприятиях для их предотвращения.

В Амурской области уже в конце июня 2021 г. был введен режим ЧС федерального значения. Однако ущерб и последствия наводнения были значительно ниже уровня 2013 г. Материальный ущерб по области в 2021 г. составил 6,3 млрд рублей, что в 5,2 раза меньше ущерба 2013 г.

Губернатор Амурской области В. Орлов в качестве основных мер, позволивших избежать серьезных последствий, обозначил следующие: созданный материальный

⁵ Юрий Трутнев возглавит комиссию по ликвидации последствий ЧС на Дальнем Востоке // Администрация Белогорского муниципального округа : [сайт]. 28.07.2021. URL: <http://www.belraion.ru/index.php/component/k2/item/5421-yurij-trutnev-vozglavit-komissiyu-po-likvidatsii-posledstvij-chs-na-dalnem-vostoke> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Ущерб от наводнения 2013 года на Дальнем Востоке превышает 500 миллиардов рублей – Трутнев // ДВ-новости : [сайт]. 25.04.2014. URL: <https://www.dvnovosti.ru/khab/2014/04/25/19506/> (дата обращения: 18.06.2023).

⁷ Наводнения в нескольких регионах Дальнего Востока признаны ЧС федерального уровня // Ведомости : [сайт]. 13.08.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/08/13/882094-navodneniya-chs-federalnogo-urovnya> (дата обращения: 18.06.2023)

⁸ Данные по сумме прямого и косвенного ущерба от наводнения в 2021 г., к сожалению, автором не были найдены.

⁹ О социально-экономическом развитии Дальнего Востока. Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. 25.04.2014. URL: <http://government.ru/news/12006/> (дата обращения: 21.07.2023).

¹⁰ Совещание о ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. URL: <http://government.ru/news/42886/#zin2707> (дата обращения: 27 августа 2023).

и финансовый резерв, наличие прогноза за неделю до прихода воды, осуществление контроля за сбросами воды на Бурейской и Зейской ГЭС¹¹.

Исходя из сделанного заблаговременно прогноза, в области было возведено 54 дамбы, протяженностью 28 км, что защитило от подтопления 16 населенных пунктов с численностью населения более 67 тыс. человек. При этом транспортная инфраструктура пострадала больше, чем за предыдущие 2018–2020 гг. В 2021 г. ущерб дорожному хозяйству составил 3,1 млрд рублей, в то время как общая сумма за три предыдущих года – 2,5 млрд рублей. Отметим, что нанесенный дорогам ущерб составил около 50% от общего объема, вторая часть расходов включала суммы на возмещение ущерба сельскому хозяйству, на ремонт и приобретения жилья¹².

В июне 2021 г. в Забайкальском крае было зафиксировано три волны осадков, которые привели к наводнению на площади более 130 тыс. кв. км. Пострадали около 12 тыс. человек в пятидесяти населенных пунктах, около 130 социальных объектов, более 60 защитных дамб и других гидротехнических объектов, 555 км автомобильных дорог, 56 автомобильных мостов, водопропускных труб. Ущерб составил около 3,7 млрд рублей. Ориентируясь на данные по статьям расходов, на восстановление автомобильных дорог и гидротехнических сооружений в крае требуется более 50% от общей суммы.

На территории Хабаровского края в 2021 г. был введен режим ЧС регионального характера из-за затопления двух населенных пунктов в Верхнебуриинском муниципальном образовании. Были подтоплены 89 жилых домов, понесли ущерб 344 человека, разрушены 6 участков внутрипоселковых дорог, повреждены 10 мостов. В финансовом выражении разрушение дорог и мостов являлось основной статьёй ущерба от наводнения.

В Еврейской автономной области летом 2021 г. паводок не причинил значительного ущерба, тем не менее регулярные подтопления в течение 2013–2020 гг. нанесли ущерб в размере около 12 млрд рублей, пострадавшими были признаны более 15% населения области (25 тыс. человек). Губернатор ЕАО Р. Э. Гольдштейн отметил, что кроме экономического ущерба для области существенной проблемой является рост оттока населения из-за высокой вероятности повторения наводнений на территории их проживания, что связано с отсутствием соответствующих новых гидротехнических сооружений при эксплуатации устаревших. На территории ЕАО были запланированы строительство и реконструкция четырех гидротехнических сооружений с объемом финансирования на 2022–2023 гг. в 3,2 млрд рублей¹³.

Отдельно остановимся на ситуации в Приморском крае. Влияние тайфунов ежегодно оказывает негативное влияние на гидрологическую ситуацию в крае. Ситуация осложняется высокой численностью населения, что отражается на больших суммах ущербов.

¹¹ Юрий Трутнев возглавит комиссию по ликвидации последствий ЧС на Дальнем Востоке // Администрация Белогорского муниципального округа : [сайт]. 28.07.2021. URL: <http://www.belraion.ru/index.php/component/k2/item/5421-yurij-trutnev-vozglavit-komissiyu-po-likvidatsii-posledstvij-chs-na-dalnem-vostoke> (дата обращения: 15.06.2023).

¹² Наводнение-2021 при большом уровне воды прошло со значительно меньшим ущербом // Безформата : [сайт]. 27.09.2021. URL: <https://blagoveshensk.bezformata.com/listnews/navodnenie-2021-pri-bolsheem/96045927/> (дата обращения: 20.08.2023).

¹³ Совещание о ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. 27.07.2021. URL: : <http://government.ru/news/42886/#zin2707> (дата обращения: 21 августа 2023).

В 2016 г. в результате выхода на территорию края тайфуна Lionrock постановлением губернатора Приморского края от 31 августа 2016 г. № 63-пг был введен режим чрезвычайной ситуации регионального характера.

Были подтоплены 27 муниципальных образований, в том числе 170 населенных пунктов, 15,5 тыс. домовладений с населением 42,4 тыс. человек, 29,3 тыс. га сельскохозяйственных земель. Материальный ущерб от наводнения, без учета затрат на его ликвидацию, оценивался в сумме более 7 млрд рублей¹⁴.

По данным МЧС по Приморскому краю, в 2019 г. из десяти тропических штормов (тайфунов и ураганов) четыре оказали влияние на территорию края в виде фронтальных разделов Danas, Francisko, Lekima и Krosa и привели к обильным осадкам. Режим ЧС регионального характера на территории края действовал с 28 августа по 11 декабря 2019 г.¹⁵ В результате наводнения пострадали более 13 тыс. человек, 17 социально-значимых объектов, 22 моста и 104 участка автодорог, площадь пострадавших посевов составила 12,3 тыс. га. Общий ущерб составил более 2,5 млрд рублей¹⁶.

В августе 2023 г. тайфуны нанесли большой ущерб территории Китая, Южной Кореи. На территории российского Дальнего Востока в зону их влияния попал Приморский край¹⁷. Масштаб наводнения и нанесенный им ущерб еще будет оцениваться, но перевод ЧС из регионального значения в федеральный говорит о необходимости федеральной поддержки и нехватке региональных средств для восстановления последствий стихии. По предварительным данным¹⁸, пострадали более 5,6 тыс. жилых домов и более 10,2 тыс. приусадебных участков в 105 населенных пунктах, эвакуировано из затопленных регионов около 7,1 тыс. человек, признаны пострадавшими около 44 тыс. жителей, нанесен ущерб сельскому хозяйству – уничтожены посевы на площади 34,5 тыс. гектаров, ущерб транспортной инфраструктуре еще не озвучен, однако известно о разрушении 46 мостов¹⁹. Предварительный общий ущерб краю составил 10 млрд рублей²⁰.

¹⁴ Государственная программа Приморского края «Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах Приморского края» // Правительство Приморского края : [сайт]. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/civil-defence/gosudarstvennaya-programma-primorskogo-kрая.php> (дата обращения: 21.07.2023).

¹⁵ Постановлением Губернатора Приморского края от 28.08.2019 № 59-пг введен режим ЧС регионального характера. Режим ЧС отменен Постановлением Губернатора Приморского края от 11.12.2019 № 109-пг.

¹⁶ Государственная программа Приморского края «Защита населения и территории от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах Приморского края» // Правительство Приморского края : [сайт]. URL: <https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/civil-defence/gosudarstvennaya-programma-primorskogo-kрая.php> (дата обращения: 21.07.2023).

¹⁷ Приморцев призывают быть бдительными в период прохождения тайфуна // Правительство Приморского края : [сайт]. 09.08.2023. URL: <https://primorsky.ru/news/284491/> (дата обращения: 14.08.2023).

¹⁸ Уссурийску выделяют около 300 млн на расчистку русел рек из федерального бюджета // Ussurmedia.ru : [сайт]. 04.09.2023. URL: <https://ussurmedia.ru/news/1576002/> (дата обращения: 04.09.2023).

¹⁹ Ущерб от августовских наводнений в Приморье составил 7 млрд рублей // Primamedia.ru : [сайт]. 03.09.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1575925/> (дата обращения: 03.09.2023).

²⁰ На ликвидацию последствий августовских ливней в Приморье направят еще 3,5 млрд рублей // ПримаМедиа : [сайт]. 06.09.2023. URL: <https://primamedia.ru/news/1577826/> (дата обращения: 06.08.2023).

Сложившаяся в августе 2023 г. в Приморском крае ситуация подтвердила необходимость проектирования гидрозащитных сооружений с учетом разных вариантов развития паводковых ситуаций и активного принятия мер по предупреждению подобных чрезвычайных ситуаций.

По имеющимся данным об общем ущербе и числе пострадавшего населения мы рассчитали сумму ущерба на одного пострадавшего. Полученные данные показывают, что чем больше численность населения территории, тем ниже сумма ущерба на одного человека. Так, ущерб в Забайкальском крае в 2021 г. составил 308,3 тыс. рублей на одного пострадавшего жителя края. В Еврейской автономной области за период с 2013 по 2020 гг. средний размер ущерба составил 480 тыс. рублей на пострадавшего. В Приморском крае в 2016 г. эта сумма составила 165,1 тыс. рублей, в 2019 г. – 192,3 тыс. рублей, в 2023 г., по предварительным оценкам, 165,9 тыс. рублей на одного пострадавшего жителя края. Полученные суммы позволяют сделать вывод о том, что при наводнениях на территориях с меньшей плотностью населения сумма ущерба в расчете на одного пострадавшего выше.

Смешанный природно-антропогенный характер наводнений отражается на их прогнозировании и оценке ущерба. М. Н. Истомина на основе результатов анализа крупных наводнений в мире приходит к выводу, что в большинстве случаев при оценке ущерба учитываются лишь освоенные территории [7]. Одним из важных параметров, влияющих на оценку ущерба в результате наводнения освоенных территорий, рассматривают площадь затопления (в большинстве случаев подразумевается площадь затопления сельскохозяйственных земель) и площадь административных субъектов, пострадавших от наводнений [7].

Соглашаясь с мнением М. Н. Истоминой, отметим, что на примере дальневосточных регионов распределение расходов от наводнений по статьям зависит от нескольких условий. Во-первых, от освоенности территории и количества проживающего населения. В данной работе под освоенностью мы понимаем уровень развития транспортной инфраструктуры, количество населенных пунктов, жилых помещений, социальных объектов, площадь сельскохозяйственных территорий и т. д. Если исходить из структуры ущерба от наводнений по Амурской области в 2021 г., то можно сделать вывод о том, что максимальный ущерб в прямых издержках приходится на транспортную инфраструктуру. Аналогичная структура расходов отмечается в Забайкальском крае.

Во-вторых, наличие современных гидротехнических сооружений позволяет защитить территории от затопления. Климатические условия, ландшафт и гидрологические особенности территории являются базовыми объективными факторами.

Причины наводнений

Говоря о необходимых мероприятиях, предупреждающих разрушительные последствия наводнений, остановимся на причинах, их вызывающих.

Для дальневосточных регионов выделяют причины природного и антропогенного характера, меняющиеся климатические условия, трансформирующиеся экосистемы [4].

В работе А. Н. Махинова и В. И. Кима [4] подчеркивается ведущая роль глобального изменения климата в происходящих процессах в бассейне р. Амура, включая частоту и силу наводнений, неустойчивость ледовых явлений. Однако кроме климатических изменений определены природные и антропогенные факторы, влияющие на силу наводнений.

После наводнения 2013 г. исследователи выявили возможные причины, сочетание которых привело к экстремальному наводнению, самому крупному за весь период наблюдений. Если сочетание природных факторов послужило главной причиной возникновения наводнения, то антропогенные факторы усилили его негативную роль.

Исходя из задачи данного исследования, кратко обозначим природные факторы, больше внимания уделив факторам антропогенного характера.

К основным природным факторам возникновения наводнений на территории дальневосточных регионов относят:

- большое количество выпадающих осадков, чаще всего в течение июля-августа;
- направленную аккумуляцию наносов в среднем и нижнем течении р. Амур, что приводит к повышению уровня воды [10];
- превышение объемов паводка над регулирующей способностью пойменно-руслового комплекса реки Амур и припойменных озер [11];
- для территории Приморского края необходимо отметить роль тайфунов.

Несмотря на то, что важнейшие причины, вызывающие наводнения на Дальнем Востоке известны, спрогнозировать их на данный момент не представляется возможным. Роль антропогенных факторов остается высокой, в то же время проводимые защитные мероприятия не позволяют говорить о значительном положительном эффекте, что во многом связано с их недостаточным финансированием [10].

К основным антропогенным факторам, способствующим затоплениям или подтоплениям в районе среднего и нижнего Приамурья можно отнести:

- строительство берегозащитных дамб, мостов. Например, железнодорожная насыпь Транссибирской магистрали, не имеющая сквозных отводов для стока воды, влияет на подъемы воды около Хабаровска [10]. Кроме того, железнодорожные и автомобильные насыпи, обеспечивающие выход на мосты, сокращают ширину потока при прохождении паводка;
- интенсивные лесоразработки в бассейнах рек и лесные пожары, которые на Дальнем Востоке в большинстве случаев имеют антропогенный характер, являются одним из факторов увеличения частоты и мощности паводков на территории [12].

По мнению Б. И. Гарцмана, о снижении уровня опасности и последствий можно говорить лишь в отношении небольших наводнений, в то время как наибольший ущерб приносят катастрофические. Поэтому, наряду с прогнозированием природных явлений, возрастает значимость системы мер и механизмов регулирования хозяйственного развития территорий, испытывающих воздействие паводков [13].

Меры защиты от наводнений

В настоящее время допустимо говорить о формировании системы управления территориями в условиях наводнений, которая включает в себя соответствующую нормативно-правовую базу, строительство инженерных защитных сооружений, а также неинженерные способы, включающие меры по организации хозяйства и социальной сферы на территориях, подверженных влиянию высокой воды (регулирование землепользования и реализация агролесотехнических мероприятий, создание системы предупреждения и реагирования в случае наводнения и т.д.) [14].

В рамках нашего исследования рассматриваются направления реализации инженерных и неинженерных защитных мер, включая организацию защитных соору-

жений в регионах Дальнего Востока, результаты работы по выделению зон затоплений и подтоплений, оказание помощи населению, проживающему на подтопляемых территориях.

Строительство гидротехнических сооружений

Предупреждение наводнений могут обеспечить специальные гидротехнические сооружения (дамбы, каналы). Начиная с 2013 г., со стороны федеральных и региональных органов власти проводится большая работа по подготовке необходимых документов. Однако обращает на себя внимание несоизмеримость сумм ущерба от наводнений с финансированием гидротехнических объектов.

Напомним, что ущерб от наводнения 2013 г. составил 527 млрд рублей. После 2013 г. были другие менее разрушительные, но также крупные наводнения, ущерб от которых составлял миллиарды рублей. Несмотря на это при выделении финансирования на строительство гидротехнических сооружений суммы постоянно урезаются.

Например, на территории Дальнего Востока к 2021 г. перечень объектов инженерных сооружений для защиты от паводков и наводнений включал 58 объектов, в том числе 29 относящихся к категории «приоритетных». Необходимое финансирование данных объектов составляло более 20 млрд рублей, что представляло сумму, превышающую ожидаемое поступление средств на указанные задачи. В результате были определены только шесть ключевых объектов для строительства²¹.

В декабре 2021 г. на ДВ было построено одиннадцать сооружений и четыре – строились. Их общий объем финансирования был равен 9 млрд рублей. В целом дальневосточным регионам на предотвращение наводнений планировалось направить 13,2 млрд рублей²².

Кроме того, в декабре 2021 г. были определены 22 гидротехнических объекта, на реализацию которых будет направлено по 5 млрд рублей в 2022–2024 гг. Глава Росводресурсов Д. Кириллов отметил, что строительство данных объектов защитит от наводнений 51 тыс. жителей²³.

В Приморском крае на строительство четырех гидротехнических сооружений с 2022 по 2024 гг. будет направлено 929 млн рублей, что защитит от наводнений территории с населением более 60 тыс. человек. После разрушительного наводнения в августе 2023 г. в начале сентября было принято решение о выделении более 3 млрд рублей из федеральных средств Приморскому краю для приобретения необходимой техники, что позволит расчищать русла рек и проводить работы по берегоукреплению²⁴.

Достаточно спорным вопросом является степень эффективности проводимых работ, в том числе экономическая. Целесообразность и экономическая обоснован-

²¹ Совещание о ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. 27.07.2021. URL: <http://government.ru/news/42886/#zin2707> (дата обращения: 21.08.2023).

²² Новые дамбы и плотины построят в Приморье для защиты от паводков // Правительство Приморского края : [сайт]. 06.12.2021. URL: https://primorsky.ru/news/246615/?sphrase_id=6020755 (дата обращения: 17.07.2023).

²³ Порядка 15 млрд рублей направят на защиту от наводнений на Дальнем Востоке до 2024 года // Рамблер : [сайт]. 02.12.2021. URL: <https://news.rambler.ru/disasters/47691035-poryadka-15-mlrd-rublej-napravyat-na-zaschitu-ot-navodneniy-na-dalnem-vostoke-do-2024-goda/> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁴ Обновленное водохранилище вблизи Уссурийска защитит 3 тысячи человек от наводнений // Правительство Приморского края : [сайт]. 11.01.2022. URL: https://primorsky.ru/news/262858/?sphrase_id=6336483 (дата обращения: 13.08.2023).

ность строительства гидротехнических сооружений может быть рассмотрена исходя из степени освоенности территорий, для которых планируется строительство таких объектов.

Наводнения и население

Одним из основных аспектов реагирования и минимизации ущерба от наводнений выступает вопрос о безопасности жителей подтопляемых территорий. В рамках неинженерных защитных мер выделим направление по предупреждению и снижению ущерба от наводнений, а также направление работы с населением, проживающим в пострадавших от стихии населенных пунктах.

1. Переселение населения из зон затопления

В феврале 2023 г. на совещании по вопросам восстановления жилой инфраструктуры²⁵ губернатор Амурской области В. Орлов предложил рассмотреть целесообразность берегозащитных сооружений в населенных пунктах с малой численностью населения и ее негативной динамикой. В области в зону затопления включены 219 населенных пунктов с численностью населения около 500 тыс. человек. Был приведен пример деревни с численностью населения менее 500 человек, для которой стоимость строительства гидротехнического сооружения (дамбы) составит около 1,2 млрд рублей²⁶. За 2020–2022 гг. в Амурской области при федеральной поддержке было переселено из зон затопления 2,8 тыс. человек. Одним из вариантов реализации программы переселения жителей подтопляемых территорий называлась возможность разработки федеральной программы, включающей механизм субсидированной ипотеки. Между тем реализация данной программы может осложняться не только ее высокой финансовой стоимостью, но и необходимостью населению вынужденно покинуть свои дома, отказываться от привычного образа жизни и окружения. Мало того губернатор Амурской области отметил, что часть жителей области, проживая на затопляемых территориях, не согласна переезжать²⁷. Еще один важный аспект – это рассмотрение практически возможных мест для переселения населения из опасных зон. При условии возможности выбора места проживания за пределами региона выселения весьма вероятно усиление миграционной подвижности населения. Переселение же в рамках одного субъекта РФ позволит снизить вероятность миграционного оттока населения.

В Еврейской автономной области за 2019–2021 гг. в результате чрезвычайных ситуаций, связанных с наводнениями, пострадали более 2,7 тыс. человек. На переселение 2,3 тыс. человек за данный период было потрачено около 3 млрд рублей.

Обсуждение федеральной программы по переселению населения из подтопляемых территорий возможно после утверждения перечня зон, для которых характерна высокая вероятность наводнений.

В Постановлении Правительства РФ «О зонах затопления и подтопления» от 18 апреля 2014 г. № 360²⁸ в зависимости от причин явления выделены зоны затопления и зоны

²⁵ Совещание по вопросам восстановления жилой инфраструктуры // Президент России : [сайт]. 01.02.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70428> (дата обращения: 20.08.2023).

²⁶ Исходя из указанных данных, расходы на строительство дамбы для защиты указанного села составят около 2,4 млн рублей на одного жителя.

²⁷ Как уроки прошлых наводнений помогли в ликвидации последствий большой воды в Приамурье // Амурская правда : [сайт]. 29.07.2021. URL: <https://ampravda.ru/2021/08/05/0106036.html> (дата обращения: 15.07.2023).

²⁸ Постановление Правительства РФ «О зонах затопления и подтопления» от 18 апреля 2014 г. № 360 (с изменениями) // Правительство России : [сайт]. 18.04.2014. URL: <http://government.ru/docs/all/91100> (дата обращения: 20.08.2023).

подтопления. Затопление происходит за счет обильного количества осадков и, как следствие, разлива водоемов. Подтопления возникают в результате поднятия грунтовых вод.

Согласно требованиям к территориям, входящим в границы зон затопления, подтопления²⁹ могут быть отнесены места, прилегающие к рекам и естественным водоемам, которые подвержены затоплению при паводках и половодьях не реже одного события в 100 лет, а также в результате нагонных явлений (зона затопления). Зоны подтопления прилегают к зонам затопления и в зависимости от глубины залегания грунтовых вод делятся на три категории (сильного, умеренного и слабого) подтопления.

Зоны подтопления устанавливаются в отношении территорий, прилегающих к зонам затопления, с учетом уровня залегания грунтовых вод³⁰. Изменения границ зон затопления и подтопления происходят не реже одного раза в 10 лет.

В перечне итогов совещания «О мерах по ликвидации последствий наводнения на территории Иркутской области», на котором обсуждались вопросы предотвращения наводнений в целом на территории России, шестым пунктом обозначена необходимость установления «границ зон затопления и подтопления на территориях субъектов Российской Федерации» и внесения соответствующих изменений в «документы территориального планирования субъектов Российской Федерации и соответствующих сведений в Единый государственный реестр недвижимости»³¹.

В целом по России весь план установления границ зон затоплений и подтопленных должен быть выполнен к концу 2026 г. Планируется установить соответствующие зоны для 8 551 населенного пункта³². На долю дальневосточных населенных пунктов приходится 10% от общероссийского плана. Согласно графикам установления зон затопления, подтопления, представленным на сайте Амурского бассейнового водного управления, для ДВ обозначены 877 населенных пунктов, где необходимо провести работы. Из них 80% населенных пунктов расположены в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области (282, 200 и 219 населенных пунктов, соответственно)³³. В каждом рассматриваемом населенном пункте может быть выделено несколько зон.

В апреле 2023 г. в Амурской области в ЕГРН внесена информация о более 800 зон затопления и подтопления Приамурья, из которых более 220 отнесены к зонам затопления и более 580 – к зонам подтопления³⁴.

²⁹ Приложение к Положению о зонах затопления, подтопления (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2019 г. № 1171) // Правительство России : [сайт]. 07.09.2019. URL: <http://government.ru/docs/all/91100> (дата обращения: 20.08.2023).

³⁰ Почти 250 зон затопления и подтопления Приморья внесены в ЕГРН за год // ДВ Капитал : [сайт]. 02.02.2023. URL: <https://dvpkapital.com/archives/8202> (дата обращения: 21.08.2023).

³¹ Перечень поручений по итогам совещания о мерах по ликвидации последствий наводнения в Иркутской области (утв. Президентом РФ 23.07.2019 № Пр-1430) // Президент России : [сайт]. 23.07.2019. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/61098/print> (дата обращения: 21.08.2023).

³² 24 региона страны полностью выполнили план по зонам затопления и подтопления // Министерство природы России : [сайт]. 22.12.2021. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/24_regiona_strany_polnostyu_vypolnili_plan_po_zonam_zatopeniya_i_podtopleniya/ (дата обращения: 22.08.2023).

³³ Графики установления зон затопления, подтопления // Росводресурсы. Амурское бассейновое водное управление : [сайт]. 02.03.2023. URL: <HTTPS://AMURBVU.RU/1546-GRAFIKI-USTANOVLENIJA-GRANIC-ZON-ZATOPENIJA-PODTOPLENIJA.HTML> (дата обращения: 23.08.2023).

³⁴ Более 800 зон подтопления в Приамурье внесли в Росреестр // Амурское областное телевидение : [сайт]. 13.04.2023. URL: <https://amurobl.tv/news/proisshestviya/2023-04-13-bolce-800-zon-podtopleniya-v-priamure-vnesli-v-rosreestra-> (дата обращения: 23.08.2023).

В апреле 2022 г. в Хабаровском крае были выделены 275 зон подтопления в 102 населенных пунктах. Исходя из уровня подтопления территорий, 34% выделенных зон отнесены к территориям сильного и умеренного подтопления, 32% – слабого подтопления³⁵.

После выделения зон затопления и подтопления будет обсуждаться стратегия дальнейшего развития данных территорий.

2. Помощь населению, пострадавшему от наводнений

В настоящее время законом установлены выплаты жителям, проживавшим в зоне подтопления. Сумма выплат зависит от размера нанесенного ущерба и уровня чрезвычайной ситуации. Перечень и размер компенсационных выплат, предоставляемых населению при ликвидации чрезвычайных ситуаций федерального, межрегионального и регионального характера, определены в п. 4 постановления Правительства РФ от 28.12.2019 г. № 1928.

В нем выделены следующие виды помощи населению:

- единовременная материальная помощь в размере 10 тыс. рублей на человека;
- выплаты в связи с утратой имущества в размере 50 тыс. или 100 тыс. рублей на человека;
- единовременные выплаты в случае гибели члена семьи в размере 1 млн рублей в равных долях каждому члену семьи;
- выплаты в случае получения вреда здоровью в размере от 200 до 400 тыс., исходя из степени тяжести вреда здоровью³⁶.

В случае потери жилого имущества предусмотрены получение сертификата на приобретение нового жилья или получение выплаты для восстановления пострадавшего в результате наводнения жилого помещения. Компенсация на ремонтные работы составляет 7 тыс. рублей за 1 кв. м пострадавшего жилого помещения. Размер компенсации за потерянное жилье определяется стоимостью квадратного метра в регионе ЧС и нормативами предоставления жилой площади, в зависимости от количества членов домохозяйства³⁷.

В рамках региональной поддержки отметим компенсацию населению затрат на электроэнергию, расходы которой значительно возрастают при использовании тепловых пушек в затопленных жилых помещениях во время на-

³⁵ Как узнать, не попадает ли земельный участок в зону подтопления, рассказали в хабаровском Росреестре // Тихоокеанская звезда : [сайт]. 28.04.2022. URL: https://toz.su/news/kak_uznat_ne_popadaet_li_zemelnyy_uchastok_v_zonu_podtopleniya_rasskazali_v_khabarovskom_rosreestre/ (дата обращения: 20.08.2023).

³⁶ Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/73364757/> (дата обращения: 25.08.2023).

³⁷ Приморцам, потерявшим в результате ЧС единственное жилье, выплатят компенсацию // Правительство Приморского края : [сайт]. 07.09.2023. URL: <https://primorsky.ru/news/285548/> (дата обращения: 07.09.2023).

воднения³⁸. При потере урожая на приусадебных участках региональные власти выплачивают компенсацию, а также обеспечивают население овощами, оказывают помощь в приобретении кормов для животных³⁹. Для жителей в сельской местности предоставляется возможность приобрести дрова по льготной цене.

На уровне регионов определена адресная единовременная материальная помощь неработающим пенсионерам. Такая помощь осуществляется в рамках региональных социальных программ, включающих мероприятия по оказанию адресной помощи неработающим пенсионерам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий⁴⁰. При условии установления чрезвычайной ситуации регионального или федерального значения Пенсионный Фонд России предоставляет дополнительное финансирование на реализацию данной меры поддержки⁴¹. После катастрофического наводнения 2013 г. дети из пострадавших регионов были отправлены на отдых в детские летние лагеря и санатории⁴².

Кроме государственной поддержки, отметим корпоративную форму оказания помощи населению. Например, в связи с наводнением в Приморском крае в августе 2023 г. руководство ОАО «РЖД» подписало распоряжение о предоставлении финансовой помощи сотрудникам и пенсионерам компании в размере от 15 тыс. до 50 тыс. рублей в зависимости от уровня ущерба⁴³.

Анализ мер поддержки и помощи населению в условиях ликвидации наводнений позволил сделать вывод о наличии региональной специфики при реализации мер по предотвращению наводнений, а также в период ликвидации их последствий. Региональные особенности связаны как с финансовой самостоятельностью регионов, так и с разработанной на уровне регионов системой защитных и восстановительных мер. Среди дальневосточных регионов Амурская область обладает положительным опытом работы в условиях чрезвычайных ситуаций, связанных с наводнениями⁴⁴. Со стороны Приморского края, Амурской области поступают рекомендации о внесении изменений в федеральное законодательство в части расширения полномочий регионов при реализации защитных мер (по расчистке русел рек)⁴⁵, по упрощению порядка предоставления федеральной финансовой помощи пострадавшим и др.

³⁸ В режиме взаимопомощи: тысячи пострадавших от наводнения приморцев получают меры поддержки // EastRussia : [сайт]. 31.08.2023. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/v-rezhime-vzaimopomoshchi-tysyachi-postradavshikh-ot-navodneniya-primortsev-poluchayut-mer-y-podderzhi/> (дата обращения: 02.09.2023).

³⁹ Совещание о ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. 27.07.2021. URL: <http://government.ru/news/42886/#zin2707> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴⁰ Информация об оказании помощи пострадавшим при подтоплении в Дальневосточном федеральном округе на 9 сентября 2013 года // Минтруд России : [сайт]. 10.09.2013. URL: <https://mintrud.gov.ru/social/force-majeur/62> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴¹ На выплаты пострадавшим от наводнения пенсионерам Приморья дополнительно направят 20 млн рублей // Интерфакс Россия : [сайт]. 01.11.2016. URL: <https://www.interfax-russia.ru/far-east/news/na-vyplaty-postradavshim-ot-navodneniya-pensioneram-primorya-dopolnitelno-napravyat-20-mln-rublej> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴² Там же

⁴³ Люди сильнее стихии // Гудок : [сайт]. 21.08.2023. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=1644030&archive=2023.08.21> (дата обращения: 28.08.2023).

⁴⁴ Совещание о ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на территории Дальнего Востока // Правительство России : [сайт]. 27.07.2021. URL: <http://government.ru/news/42886/#zin2707> (дата обращения: 21.08.2023).

⁴⁵ Приморье получит больше возможностей для предотвращения наводнений // Правительство Приморского края : [сайт]. 18.07.2023. URL: <https://primorsky.ru/news/283748/> (дата обращения: 21.08.2023).

Заключение

Природные явления чрезвычайного характера, к которым относят и наводнения, происходят на Дальнем Востоке ежегодно. Активное экономическое развитие дальневосточных регионов, хозяйственное освоение, сопровождающееся трансформацией природных ландшафтов, могут рассматриваться как дополнительные риски увеличения ущерба от наводнений.

За прошедшее десятилетие после катастрофического наводнения 2013 г. в регионах ДВ создаются гидротехнические сооружения, проводится работа по определению зон затопления и подтопления, однако расширение хозяйственной деятельности, включая вырубку лесных ресурсов, изменение экосистем, в сочетании с климатическими изменениями на глобальном уровне опережает проводимые мероприятия по предотвращению или снижению последствий наводнений. Важно максимально корректно оценить и спрогнозировать роль антропогенных факторов на формирование паводковых явлений в дальневосточных регионах.

Сохранение высоких рисков наводнений снижает качество жизни населения регионов, включая вероятность потери личного имущества, низкий уровень развития транспортной инфраструктуры в связи с частым разрушением мостовых переходов, ухудшением качества дорог.

В настоящее время более значимой является организация мер по снижению ущерба от наводнений, включая систему инженерных сооружений, организацию хозяйственной деятельности на территориях, подверженных затоплениям.

В регионах Дальнего Востока формируется система предотвращения и ликвидации последствий наводнений. Со стороны региональных властей финансовая поддержка населению, проживающему в зонах затопления, может превышать нормы, установленные законодательством. Кроме того, со стороны регионов поступают предложения для внесения изменений в федеральное законодательство, что позволит расширить полномочия регионов по предотвращению и ликвидации последствий наводнений. Одним из предложений является разработка программы по переселению населения, проживающего в зонах затоплений. Принятие данной программы требует детальной проработки не столько финансовой составляющей, сколько вопросов адаптации жителей, вынужденных покинуть свои населенные пункты, и обеспечения им соответствующего качества жизни в новых условиях.

Список литературы

1. Махинов, А. Н. Особенности больших наводнений на реке Амур в период высокой водности 2009–2021 гг. / А. Н. Махинов, Ш. Лю, В. И. Ким, А. Ф. Махинова // Тихоокеанская география. 2023. № 1 (13). С. 66–74. DOI [10.35735/26870509_2023_13_6](https://doi.org/10.35735/26870509_2023_13_6). EDN [LKSHQQ](https://www.edn.ru/LKSHQQ).
2. Семенов, Е. К. Муссонная циркуляция над бассейном Амура в периоды катастрофического наводнения и аномально засушливого летнего сезона / Е. К. Семенов, Н. Н. Соколичина, Е. В. Татаринovich // Метеорология и гидрология. 2017. № 3. С. 5–17. EDN [YGFHNT](https://www.edn.ru/YGFHNT).
3. Водный режим рек и опасные гидрологические явления на территории Забайкальского края : монография / А. В. Шаликовский, К. А. Курганович, Д. А. Шаликовский [и др.] ; Забайкальский государственный университет. Чита : ЗабГУ, 2022. 276 с. ISBN 978-5-9293-2996-8. EDN [KIFXGA](https://www.edn.ru/KIFXGA).
4. Махинов, А. Н. Влияние изменений климата на гидрологический режим реки Амур / А. Н. Махинов, В. И. Ким // Тихоокеанская география. 2020. № 1 (1). С. 30–39. DOI [10.35735/7102875.2020.1.1.004](https://doi.org/10.35735/7102875.2020.1.1.004). EDN [IGYLKS](https://www.edn.ru/IGYLKS).
5. Бортин, Н. Н. Проблемы комплексного использования и управления водными ресурсами на территории Амурского бассейна // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2017. № 6. С. 16–33. EDN [ZXFTYD](https://www.edn.ru/ZXFTYD).

6. Гарцман, Б. И. Влияние изменений климата на максимальный сток в бассейне Амура: оценка на основе динамико-стохастического моделирования / Б. И. Гарцман, С. Ю. Лупаков // Водные ресурсы. 2017. Т. 44, № 5. С. 532–542. DOI [10.7868/S0321059617050066](https://doi.org/10.7868/S0321059617050066). EDN [ZDQIJD](https://www.edn.ru/ZDQIJD).
7. Истомина, М. Н. Комплексная оценка крупных наводнений в мире и их негативных последствий : автореф. дис. ... к-та геогр. наук. Москва, 2005. 26 с.
8. Остроухов, А. В. Пространственный анализ воздействия катастрофического наводнения 2013 года на геосистемы долины реки Амур на основе спутниковых данных // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2015. № 6. С. 93–96. EDN [YDOLCN](https://www.edn.ru/YDOLCN).
9. Порфирьев, Б. Н. Экономические последствия катастрофического наводнения на Дальнем Востоке в 2013 г. // Регион: Экономика и Социология. 2015. № 3 (87). С. 257–272. DOI [10.15372/REG20150911](https://doi.org/10.15372/REG20150911). EDN [UFHNR](https://www.edn.ru/UFHNR).
10. Махинов, А. Н. Наводнение в бассейне Амура 2013 года: причины и последствия / А. Н. Махинов, В. И. Ким, Б. А. Воронов // Вестник ДВО РАН. 2014. № 2 (174). С. 5–14. EDN [THYDOH](https://www.edn.ru/THYDOH).
11. Махинов, А. Н. Основные факторы формирования катастрофических наводнений в бассейне реки Амур в 2013 году // Чтения памяти Владимира Яковлевича Леванидова. 2014. № 6. С. 435–442. EDN [SMPGHV](https://www.edn.ru/SMPGHV).
12. Махинов, А. Н. Наводнение на Амуре в 2013 году: причины, масштабы, последствия // Природа. 2016. № 3 (1207). С. 26–36. EDN [VZSUJV](https://www.edn.ru/VZSUJV).
13. Гарцман, Б. И. Дождевые наводнения на реках юга Дальнего Востока: методы расчетов, прогнозов, оценок риска : автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Иркутск, 2005. 40 с.
14. Истомина, М. Н. Защитные мероприятия и генезис наводнений / М. Н. Истомина, А. Г. Кочарян, И. П. Лебедева // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4, № 1. С. 156–166. EDN [SCHGKY](https://www.edn.ru/SCHGKY).

Сведения об авторе:

Мищук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, Биробиджан, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); РИНЦ Author ID: [147787](https://elibrary.ru/147787); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); Scopus Author ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 21-510-92008.

Статья поступила в редакцию 12.06.2023; принята в печать 11.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS OF FLOODS IN THE RUSSIAN FAR EAST IN 2013–2023

Svetlana N. Mishchuk

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Institute for Complex Analysis of Regional Problems FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: svetamic79@mail.ru

For citation: Mishchuk, Svetlana N. Socio-Demographic Aspects of Floods in the Russian Far East in 2013–2023. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 191–207. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.12).

Abstract. The article presents the results of a study of floods in the southern regions of the Russian Far East. The analysis is based on the search for options for flood prevention, as well as better management of the consequences of floods to improve the quality of life of the population. The data on damage from floods in the period from 2013 to 2023 in certain Far Eastern regions are

analyzed. On the example of the 2021 flood, it is shown that protective measures in the Amur Region after the catastrophic flood of 2013 helped reduce damage. However, there is still a high probability of recurrence of floods. Floods lead to the loss of personal property of the population, damage to transport infrastructure, agriculture in the regions, which reduces the quality of life of the population in the Far Eastern regions. Based on open damage data for 2021, it is shown that higher flood damage per capita is observed in regions with lower population density. The natural and social aspects of floods are reflected in their causes and consequences. It is shown that the anthropogenic causes of floods are largely associated with the expansion of economic activity. Despite the wide range and volume of financial support for the regions, for the population, the total amount of compensation in case of damage cannot compensate for all their financial losses. One of the options for reducing damage is considered the possibility of developing a program for the resettlement of the population from areas located in the flood zone.

Keywords: flood; damage; engineering protective structures; flood zones; emergency; regulatory measures; Far East; Amur region.

References

1. Makhinov, A. N. Great Floods on the Amur River During the High Water Period in 2013–2021 / A. N. Makhinov, Sh. Liu, V. I. Kim, A. F. Makhinova. *Pacific Geography*. 2023. No. 1. Pp. 66–74. DOI [10.35735/26870509_2023_13_6](https://doi.org/10.35735/26870509_2023_13_6). (In Russ.).
2. Semenov, E. K. Monsoon Circulation over the Amur River Basin During Catastrophic Flood and Extreme Drought in Summer / E. K. Semenov, N. N. Sokolikhina, E. V. Tatarinovich. *Russian Meteorology and Hydrology*. 2017. Vol. 42, No. 3. Pp. 141–149. DOI [10.3103/S1068373917030013](https://doi.org/10.3103/S1068373917030013). (In Russ.).
3. Vodnyy rezhim rek i opasnyye gidrologicheskiye yavleniya na territorii Zabaykal'skogo kraya [Water regime of rivers and dangerous hydrological phenomena in the territory of the Trans-Baikal territory] : monograph / A. V. Shalikovskiy, K. A. Kurganovich, D. A. Shalikovskiy [et al.] ; Transbaikal State University. Chita : Transbaikal State University Publ., 2022. 276 p. ISBN 978-5-9293-2996-8. (In Russ.).
4. Makhinov, A. N. Effect of Climate Changes on the Hydrological Regime of the Amur River / A. N. Makhinov, V. I. Kim. *Pacific Geography*. 2020. No. 1. Pp. 30–39. DOI [10.35735/7102875.2020.1.1.004](https://doi.org/10.35735/7102875.2020.1.1.004). (In Russ.).
5. Bortin, N. N. Problems of Water Resources Integrated Use and Management of the Territory of the Amur River Basin. *Water Sector of Russia: Problems, Technologies, Management*. 2017. No. 6. Pp. 16–33. (In Russ.).
6. Gartsman, B. I. Effect of Climate Changes on the Maximal Runoff in the Amur Basin: Estimation Based on Dynamic–Stochastic Simulation / B. I. Gartsman, S. Y. Lupakov. *Water Resources*. 2017. Vol. 44, No. 5. Pp. 697–706. DOI [10.1134/S0097807817050062](https://doi.org/10.1134/S0097807817050062). (In Russ.).
7. Istomina, M. N. *Kompleksnaya otsenka krupnykh navodneniy v mire i ikh negativnykh posledstviy [Comprehensive assessment of major floods in the world and their negative consequences]* : abstract of Dissertation for the degree of Candidate of Geographic Sciences. Moscow, 2005. 26 p. (In Russ.).
8. Ostroukhov, A. V. Prostranstvennyy analiz vozdeystviya katastroficheskogo navodneniya 2013 goda na geosistemy doliny reki Amur na osnove sputnikovykh dannykh [Spatial analysis of the impact of the catastrophic flood of 2013 on the geosystems of the Amur River valley based on satellite data]. *Izvestia Vuzov "Geodesy and Aerophotosurveying"*. 2015. No. 6. Pp. 93–96. (In Russ.).
9. Porfiriev, B. N. Economic Consequences of the 2013 Catastrophic Flood in the Far East. *Region: Economics and Sociology*. 2015. No. 3. Pp. 257–272. DOI [10.15372/REG20150911](https://doi.org/10.15372/REG20150911). (In Russ.).
10. Makhinov, A. N. Floods in the Amur Basin in 2013: Causes and Consequences / A. N. Makhinov, V. I. Kim, B. A. Voronov. *Vestnik of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences*. 2014. No. 2 (174). Pp. 5–14. (In Russ.).
11. Makhinov, A. N. Osnovnyye faktory formirovaniya katastroficheskikh navodneniy v bassejne reki Amur v 2013 godu [Main factors in the formation of catastrophic floods in the Amur River basin in 2013]. *Chteniya pamyati Vladimira Yakovlevicha Levanidova [Readings in memory of Vladimir Yakovlevich Levanidov]*. 2014. No. 6. Pp. 435–442. (In Russ.).
12. Makhinov, A. N. 2013 Flood on the Amur River: Reasons, Scale, Impact. *Priroda*. 2016. No. 3. Pp. 26–36. (In Russ.).
13. Gartsman, B. I. *Dozhdevyye navodneniya na rekakh yuga Dal'nego Vostoka: metody raschetov, prognozov, otsenok riska [Rain floods on the rivers of the south of the Far East: methods of calculations, forecasts, risk assessments]* : abstract of Dissertation for the degree of Doctor of Geographic Sciences. Irkutsk, 2005. 40 p. (In Russ.).
14. Istomina, M. N. Zashchitnyye meropriyatiya i genezis navodneniy [Protective measures and the genesis of floods] / M. N. Istomina, A. G. Kocharyan, I. P. Lebedeva. *Strategiya grazhdanskoj zashchity:*

problemy i issledovaniya [Civil protection strategy: problems and research]. 2014. Vol. 4, No. 1. Pp. 156–166. (In Russ.).

Bio note:

Svetlana N. Mishchuk, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the RAS, Birobidzhan, Russia.

Contact information: e-mail: svetamic79@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352); RSCI Author ID: [147787](https://www.rsci.ru/147787); Web of Science Researcher ID: [B-2042-2014](https://orcid.org/B-2042-2014); Scopus Author ID: [0000-0002-8117-6352](https://orcid.org/0000-0002-8117-6352).

Acknowledgements and financing:

The reported study was funded by RFBR and VASS according to the research project No. 21-510-92008.

Received on 12.06.2023; accepted for publication on 11.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.13)
EDN [KDFMTH](https://edn.kdfmth.ru)

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Мирязов Т. Р.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

Для цитирования: Мирязов, Т. Р. Демографическая ситуация в Прибайкалье // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 208–223. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.13). EDN [KDFMTH](https://edn.kdfmth.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются современные вопросы и проблемы демографического развития муниципальных образований в пределах центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Цель исследования – проведение анализа демографических и миграционных процессов в условиях природоохранных ограничений. Особенно важными являются актуализация данных и пересмотр общих положений о представленных процессах в условиях глобальной экономической и политической нестабильности в период 2014–2023 гг. В ходе исследования планировалось получить результаты, свидетельствующие об изменении демографических тенденций в регионе. В этих целях были проанализированы и обобщены данные Федеральной службы государственной статистики и экспертного опроса населения Иркутского, Ольхонского и Слюдянского районов. На их основе автором разработаны наглядные картографические материалы, иллюстрирующие пространственные особенности демографических процессов в восьми муниципальных образованиях Иркутской области и Республики Бурятия. Результатом работы стало целостное восприятие демографической и миграционной ситуации в рассматриваемом регионе. Актуализированы статистические данные всего Прибайкалья. Проведена классификация обозначенных выше муниципальных районов и городских округов по параметрам естественного и миграционного прироста, половозрастному составу населения. В ходе проведения экспертного опроса большая часть респондентов была представлена жителями Слюдянского района. Именно в данном муниципальном образовании, по всей видимости, социально-демографические проблемы вызывают наибольшую обеспокоенность органов местного управления. Статья безусловно интересна с точки зрения комплексного изучения демографии всей территории Прибайкалья на современном этапе. Анализ социально-демографической ситуации в регионе вкупе с результатами экспертного опроса могут быть использованы в разработке и реализации управленческих инициатив.

Ключевые слова: центральная экологическая зона; Прибайкалье; демографические процессы; население; миграция; расселение.

Введение

На всем протяжении истории ключевым и определяющим фактором социально-экономического развития рассматриваемой территории оставалось оз. Байкал. Расположенное в глубине евразийского континента, озеро было местом пересечения маршрутов кочевых народов и торговых путей. Такие географические особенности продолжают оказывать влияние на развитие Прибайкалья и в наше время.

Байкал – один из самых популярных природных объектов России. Сохранение озера является важнейшей экологической задачей. Вместе с тем данный вопрос остается крайне спорным в связи с высокой степенью ангажированности. Ключевой остается проблема социально-экономического развития прибрежных территорий.

За последние сто лет регион подвергся интенсивному промышленно-аграрному освоению. В период до активной индустриализации и развития транспортной сети (строительства Транссибирской железнодорожной магистрали), этнические группы, проживавшие по берегам Байкала, в связи с небольшой численностью и примитивными методами ведения хозяйства оказывали незначительное влияние на экосисте-

му. Однако с ростом населения, началом бурного промышленного и аграрного освоения Сибири многократно вырос и уровень антропогенного воздействия на озеро. Строительство водохранилищ на Ангаре, развитие промышленных предприятий в непосредственной близости к берегу, развитие транспортной сети, лесная промышленность, рыболовство – все эти факторы на протяжении XX в. негативно влияли на экосистему.

В 1999 г. был принят федеральный закон «Об охране озера Байкал», устанавливающий природоохранные зоны, в пределах которых хозяйственное использование земель ограничивалось¹. Сегодня наибольшие ограничения касаются центральной экологической зоны озера. Среди прочего, здесь ограничены возможности для капитального строительства и реконструкции некоторых типов объектов, вылова редких видов рыб.

Таким образом, главным фактором, влияющим на развитие Прибайкалья, стал природоохранный режим, лимитирующий хозяйственную деятельность в регионе. В этом смысле принятые законодательные инициативы вступают в противоречие с интересами местного населения, для которого ключевым остается социальное и экономическое благополучие.

В представленной статье рассматриваются проблемы, связанные с демографическим развитием муниципальных образований, значительная часть населения которых проживает в пределах центральной экологической зоны Байкальской природной территории. Всесторонне исследуется современное демографическое и миграционное состояние семи муниципальных районов (в Иркутской области – Иркутский, Ольхонский и Слюдянский, в Бурятии – Прибайкальский, Баргузинский, Кабанский, Северобайкальский) и городского округа Северобайкальск. Анализируется динамика численности населения в последнее десятилетие. Приводятся результаты экспертного опроса жителей муниципальных районов Иркутского Прибайкалья на тему социально-экономического развития и миграционных предпочтений.

Вместе с экологическими ограничениями в последние десять лет в Прибайкалье обострились характерные и актуальные для всей страны проблемы пространственного развития. Возникли новые факторы, связанные с политическими и экономическими ограничениями. Это вызвало необходимость провести актуализацию данных о демографическом состоянии территории.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении вопроса социально-демографического развития в контексте наложенных природоохранных ограничений. Поднимается вопрос о влиянии трансформации хозяйственной специализации на численность населения. В этом смысле причины рассматриваемых процессов лежат не только в плоскости объективных экономических изменений, но и в вопросах правовых ограничений. Подобные обстоятельства могут дополнительно воздействовать на демографическую ситуацию. После принятия закона «Об охране озера Байкал» на рассматриваемой территории в связи с наложенными ограничениями происходит трансформация структуры экономики – отход от традиционных видов хозяйственной деятельности. Это непосредственно влияет на рынок труда и социально-экономическую привлекательность Прибайкалья. Демографические последствия управленческих решений еще предстоит изучать, и данная работа проливает определенный свет на формирующиеся здесь новые тенденции в социально-демографической ситуации. В статье проводится обстоятельное демографическое сравнение всех

¹ Федеральный закон от 1 мая 1999 г. N 94-ФЗ «Об охране озера Байкал» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/2157025/> (дата обращения: 25.05.2023).

районов, выходящих к оз. Байкал, вне зависимости от региона. В этом смысле становится возможным оценить различия и перспективы в демографическом развитии территорий, входящих в Иркутскую область и Республику Бурятия.

Обзор научной литературы

Актуальность настоящей статьи подтверждается значительным числом упоминаний в СМИ и научными работами в сфере экологии, природопользования и права. При этом социально-экономический аспект проблемы широко не изучается. Большой интерес вызывают исследования специалистов из Иркутской области и Бурятии.

Проблемы демографического развития в условиях центральной экологической зоны оз. Байкал в своих работах рассматривают Н. В. Воробьев и А. Н. Воробьев [1; 2]. Исследования авторов выделяет глубокая проработка статистической информации по Прибайкальским районам Иркутской области наряду с анализом пространственного развития территории. Однако представленные ими выводы требуют корректировки в связи с глобальными политическими и экономическими изменениями, произошедшими в последние пять лет.

Д. З. Убонова в статье «Проблемы экономического развития байкальских районов Республики Бурятия» дает анализ современных экономических проблем территории [3]. В этом же направлении исследования проводил коллектив авторов Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН [4]. Выводы, сделанные исследователями, указывают на значительное негативное влияние природоохранного режима оз. Байкал на экономику Бурятии.

Н. В. Роговская и Р. В. Филлипов занимались изучением перспектив и особенностей сельскохозяйственного производства в пределах центральной экологической зоны оз. Байкал [5].

Социологические исследования с использованием анкетирования на территории Слюдянского района проводились сотрудниками Института географии имени В. Б. Сочавы СО РАН Т. И. Заборцевой и О. А. Игнатовой [6]. Общественное мнение жителей о Ольхон по социально-экологическим проблемам Прибайкалья нашло отражение в работе Н. В. Сидоровой [7].

В статье «Институциональные дефициты хозяйственной деятельности в условиях экологических ограничений в центральной экологической зоне Байкальской природной территории» Т. И. Заборцева и О. В. Евстропьева показали ключевые проблемы и противоречия в туристско-рекреационном развитии в центральной экологической зоне Байкальской природной территории (ЦЭЗ БПТ) [8].

Ц. Б. Дашпилов в своих работах проанализировал транспортное воздействие на рекреационное развитие центральной экологической зоны Байкала и представил картографические материалы по транспортной доступности территорий ЦЭЗ БПТ [9; 10].

Несмотря на то, что социально-экономические проблемы Байкальского региона исследуются в большей степени в России, вопросы влияния природоохранного статуса территории на демографическую ситуацию также изучаются и за рубежом.

Ключевыми можно считать работы Л. Джоппы, в которых поднимаются вопросы демографического развития территорий вблизи природоохранных зон [11]. Автор выявляет невозможность формирования глобального, общего подхода к демографическому развитию в условиях особо охраняемых природных территорий (ООПТ), ибо каждый природный объект уникален в контексте географического положения, законодательной базы, экономического развития и т. д.

Методология и методы исследования, источники информации

В статье применен комплексный междисциплинарный подход, на основе которого проблема рассматривается исходя из результатов исследований в сфере демографии, экономики, социологии, экономической географии.

Изучение демографической ситуации подразумевает подход, определяющийся комплексной количественной характеристикой и качественной оценкой демографических процессов, протекающих на определенной территории: их тенденций и итогов в известный период времени, в нашем случае это период с 2014 по 2023 г. [12].

Основными инструментами являлись методы статистического и сравнительного анализа, экспертный опрос представителей муниципальных служб и работников бюджетных организаций, а также картографический метод.

В качестве источников использовались данные Федеральной службы государственной статистики (база данных муниципальных образований), данные переписей населения 2010 и 2021 гг., картографический материал из статей авторов, исследовавших пограничные вопросы.

Обзор демографической ситуации в Прибайкалье

Сибирские регионы традиционно представляют собой территории, на которых происходит как естественная, так и миграционная убыль населения. Рассматриваемые районы Иркутской области и Бурятии в большинстве своем не являются исключением. В то же время нельзя не отметить большую миграционную привлекательность иркутских районов Прибайкалья (рис. 1). И как следствие в Иркутском и Ольхонском районах уже в 2022 г. фиксировался естественный прирост.

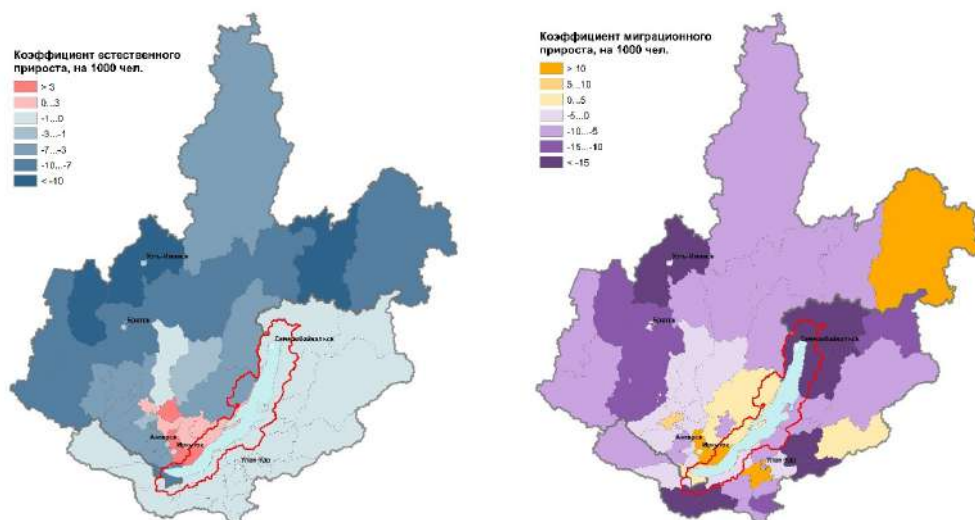

Рис. 1. Естественный и миграционный прирост населения муниципальных районов Иркутской области и Республики Бурятия, 2021 г.

Fig. 1. Natural and migration growth of the population of municipal districts of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia, 2021

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Ограничения, накладываемые на хозяйственную деятельность в границах центральной экологической зоны оз. Байкал, продолжают оказывать воздействие на социально-экономическую ситуацию. Наряду с этим в исследуемых муниципальных образованиях наблюдаются процессы, в разной степени влияющие на демографическую обстановку.

Наряду с природоохранным статусом и трансформацией хозяйственной структуры в регионе наблюдаются характерные для всей территории России тенденции, связанные с концентрацией населения в крупных городах, естественной убылью населения, стагнацией социальной сферы и экономики.

Отличительной особенностью последнего десятилетия стало замедление сокращения численности и даже рост в некоторых муниципальных образованиях – центрах туризма и рекреации (табл. 1). В период с 2018 по 2022 г. население выросло в Иркутском и Ольхонском районах. Незначительный прирост зафиксирован в Северобайкальске, однако в большей степени он был связан с притоком населения из Северо-Байкальского района.

Таблица 1

Динамика численности населения в прибрежных районах оз. Байкал

Table 1

Population dynamics in the coastal areas of the Baikal

Муниципальное образование	Динамика численности 2018–2022 гг. (%)
Иркутский муниципальный район	12,02492
Ольхонский муниципальный район	2,498976
Город Северобайкальск	0,196876
Слюдянский муниципальный район	-1,8215
Прибайкальский муниципальный район	-3,05323
Кабанский муниципальный район	-3,61139
Баргузинский муниципальный район	-4,37032
Северо-Байкальский муниципальный район	-9,06413

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

В 2021 г. определяющим для демографической картины региона оказался показатель миграционного прироста. Только в Ольхонском, Слюдянском и Кабанском районах население сокращалось в основном за счет естественной убыли.

В период с 2016 по 2021 г. общий коэффициент естественного прироста по всем представленным районам падал (рис. 3). Низкие значения в последние годы объясняются влиянием пандемии COVID-19 и значительным ростом смертности в совокупности с падением рождаемости. Тенденции естественного движения населения в этом смысле коррелируют с большинством регионов Российской Федерации. В 2021 г. высокая смертность заметно повлияла на общее представление о векторе демографического развития, однако данные по трем муниципальным районам Иркутской области за 2022 г. уже демонстрируют рост – по всей видимости, схожая ситуация в будущем отразится и на статистике по Республике Бурятия.

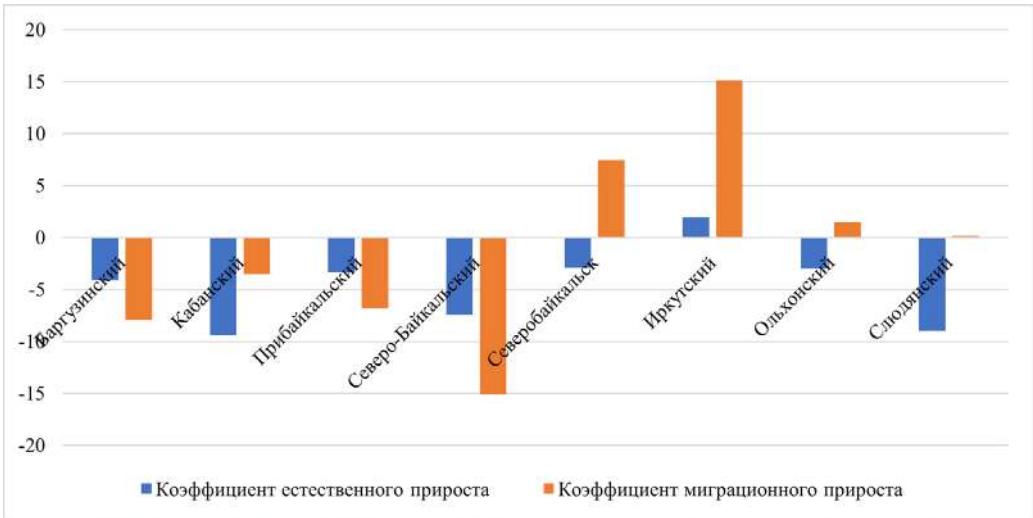

Рис. 2. Соотношение естественного и миграционного прироста в прибрежных районах оз. Байкал, 2021 г.

Fig. 2. The ratio of natural and migration growth in the coastal areas of the Baikal, 2021

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

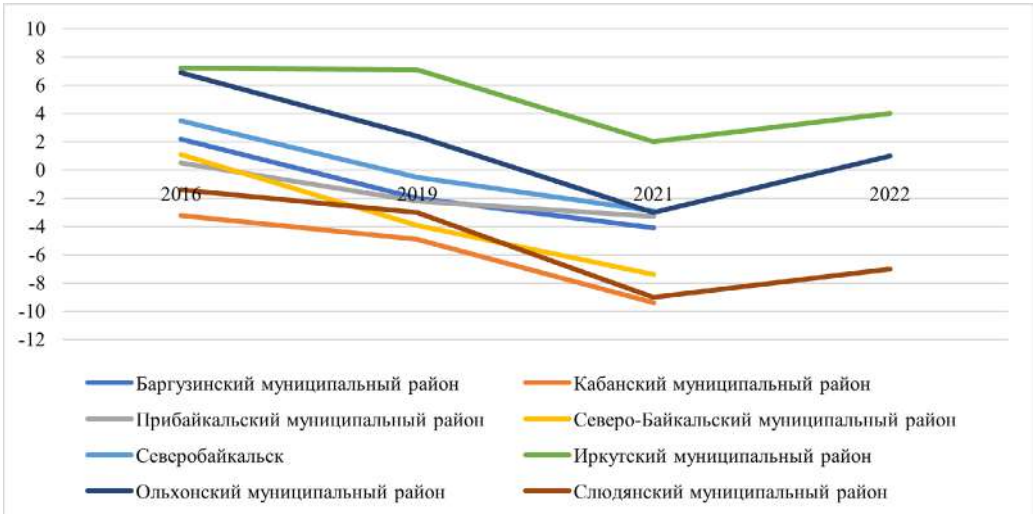

Рис. 3. Динамика естественного прироста, 2016–2022 гг. (%)

Fig. 3. Dynamics of the natural growth, 2016–2022 (%)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Для большей части исследуемых муниципальных образований в период с 2016 по 2021 г. была характерна миграционная убыль (рис. 4). В последние годы прирост наблюдался в трех районах Иркутской области и Северобайкальске, и именно миграционный приток обеспечивал общий рост численности населения. В то же время показатель для Иркутского района на рассматриваемом этапе снижался. Немалая часть населения Иркутской области и соседних регионов стремится в областной центр и переселяется в том числе в соседние районы. Возможной причиной падения темпов

миграционного прироста для Иркутского района может быть названо исчерпание демографического потенциала в малых городах и сельской местности.

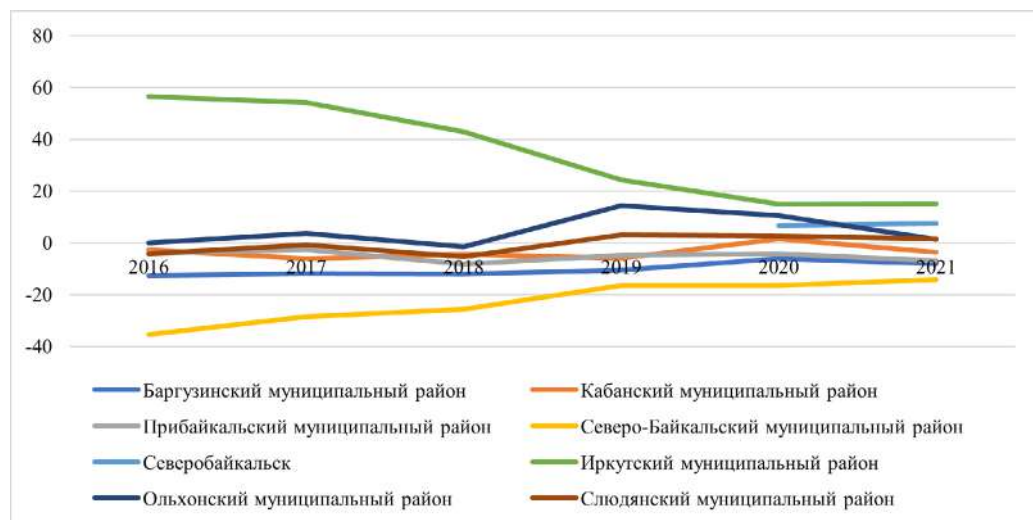

Рис. 3. Динамика миграционного прироста, 2016–2021 гг. (%)

Fig. 3. Dynamics of migration growth, 2016–2021 (%)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

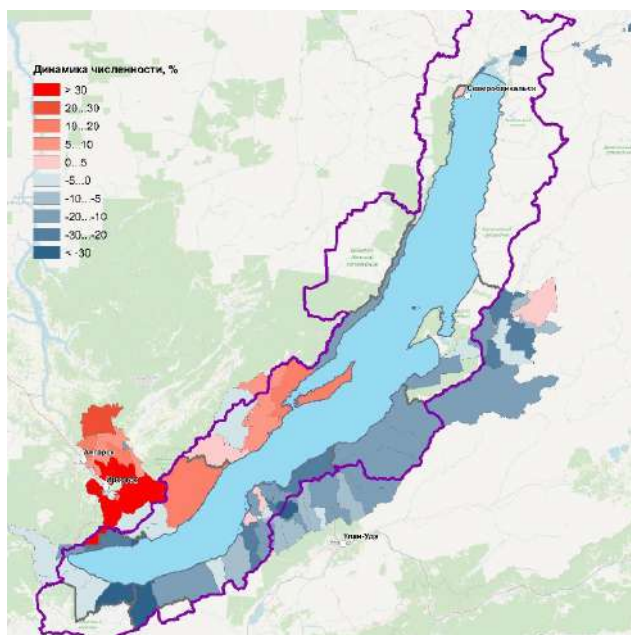

Рис. 4. Динамика численности населения прибайкальских районов (на уровне городских и сельских поселений), 2014–2023 гг. (%)

Fig. 4. Dynamics of the population of the Baikal region (at the level of urban and rural settlements), 2014–2023 (%)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Для территории Прибайкалья характерна значительная концентрация населения в пределах ЦЭЗ в южной, северной, а также центральной (в пределах Республики Бурятия) частей озера. Наибольшая численность и концентрация населения отмечается в Северобайкальске, Слюдянском, Байкальском и Усть-Баргузинском городских поселениях. Значительная часть территории в пределах центральной экологической зоны является слабозаселенной.

Вместе с тем практически все населенные пункты в пределах ЦЭЗ теряют в численности (рис. 4), за исключением населенных пунктов Ольхонского и Иркутского районов, Северобайкальска. Причем наибольший прирост отмечается в поселениях Иркутской области за пределами природоохранной зоны.

В Новоснежинском и Кабанском сельских поселениях численность за 10 лет сократилась более чем на 30%.

В целом неравномерность демографического развития в рамках двух регионов и муниципальных районов очевидна. Особенно выделяются Иркутский и Ольхонский районы Иркутской области. Если в первом случае население стремится к региональному центру, то во втором значительную роль играет развитие туристско-рекреационного кластера. В обоих случаях воздействие оказывал и высокий естественный прирост.

В 2021 г. среди муниципальных образований с положительным миграционным и естественным приростом был только Иркутский район. Ольхонский и Слюдянский районы имели положительные показатели миграции вместе с естественной убылью. И миграционная, и естественная убыль фиксировалась в Северо-Байкальском, Прибайкальском, Кабанском и Баргузинском районах.

В связи с половозрастной структурой населения можно выделить три группы районов:

- 1) районы с преобладанием возрастной группы 25–40 лет;
- 2) районы с преобладанием возрастной группы 5–15 лет;
- 3) районы с высокой долей пожилого населения (старше 70 лет).

В первой группе представлены наиболее экономически перспективные территории. Молодое население трудоспособного возраста (в первую очередь мужчины) остается в этих районах в связи с наличием функционирующих предприятий, в том числе туристско-рекреационной направленности. Кроме того, в Иркутском районе фиксируется наименьшее падение рождаемости за последние 5 лет (рис. 5).

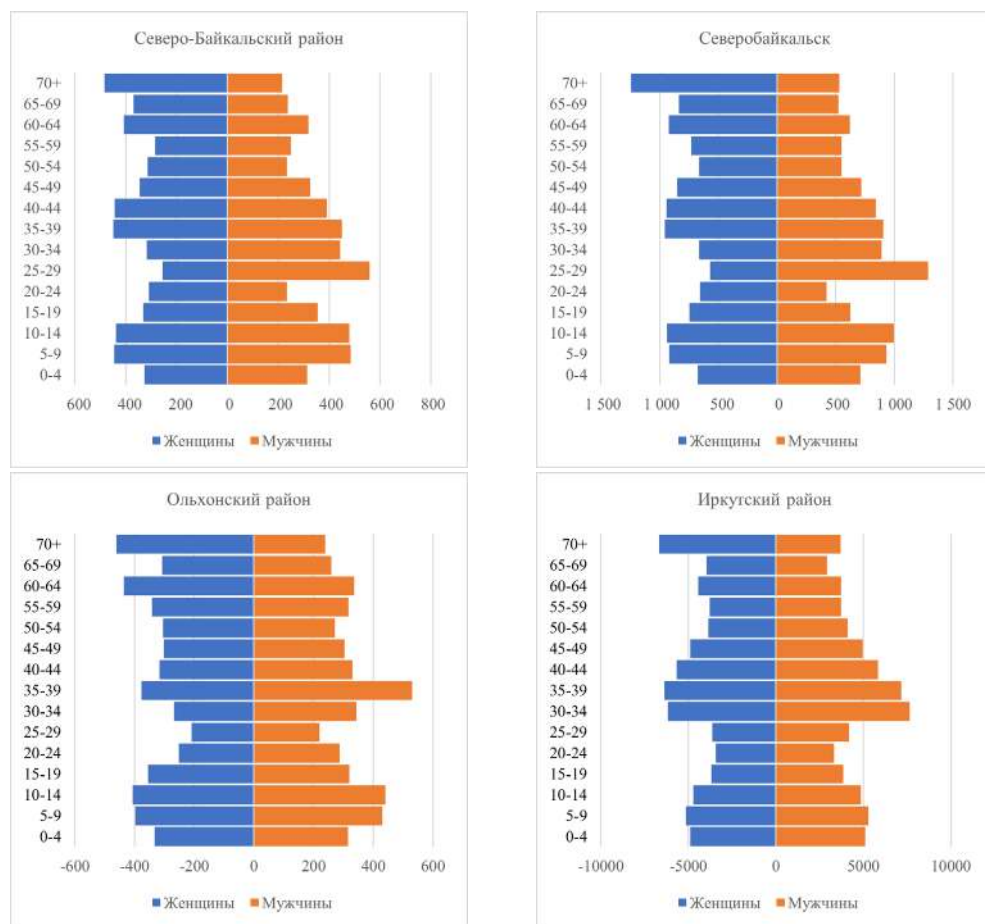

Рис. 5. Половозрастная структура населения районов с преобладанием возрастной группы 25–40 лет

Fig. 5. Gender and age population structure of districts with a predominance of the age group of 25–40 years

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

В трех районах Республики Бурятия в связи с трансформацией структуры хозяйственного освоения и утратой части экономически активных предприятий, наблюдается отток работоспособного населения. Наиболее заметным является провал в возрастной группе 20–35 лет в Баргузинском районе (рис. 6).

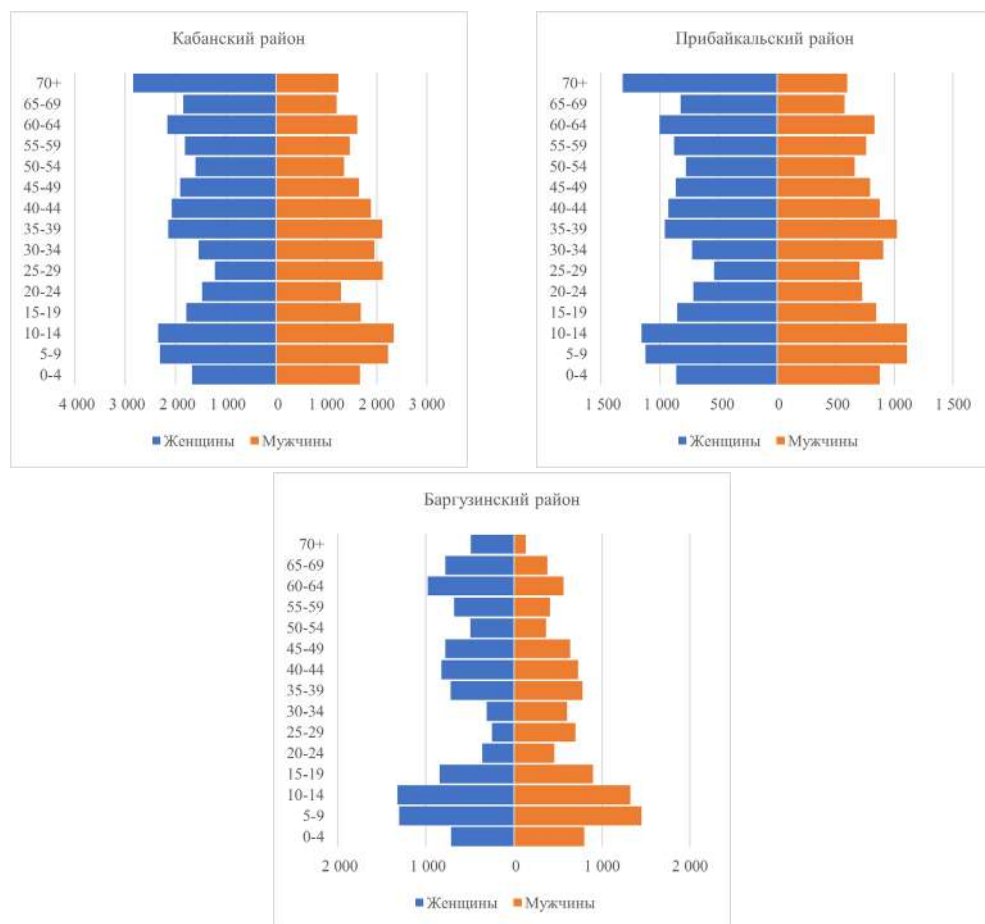

Рис. 6. Половозрастная структура населения районов с преобладанием возрастной группы 5–15 лет

Fig. 6. Gender and age population structure of districts with a predominance of the age group of 5–15 years

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

В Слюдянском районе половозрастная структура сравнительно ровная, что может говорить об активном миграционном оттоке работающего населения. Здесь также проживает значительная доля населения старше 70 лет – в первую очередь женщин (рис. 7).

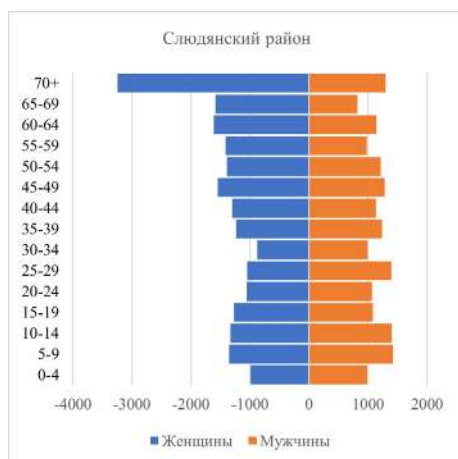

Рис. 7. Половозрастная структура населения районов с высокой долей пожилого населения (старше 70 лет)

Fig. 7. Gender and age population structure of districts with a high proportion of the elderly population (over 70 years old)

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

Результаты экспертного опроса, проведенного среди представителей бюджетных учреждений

Исследование проводилось в ноябре-декабре 2022 г. на территории Ольхонского, Иркутского и Слюдянского муниципальных районов. В опросе приняли участие 107 человек – в основном представители муниципальных администраций, работники сферы образования. Подавляющее большинство респондентов (около 80%) пришлось на жителей Слюдянского района, в силу чего выводы по результатам опроса могут быть отнесены преимущественно к данному муниципальному образованию. Здесь же отметим, что свыше 80% опрошенных имели высшее образование. Укажем и на то, что в анкете был представлен блок социально-экономических вопросов, вопросы миграционных предпочтений.

Результаты исследования говорят о том, что более половины опрошенных (54,8%) предпочли бы не переезжать из своего населенного пункта. Желают переехать чуть более трети респондентов.

Особенно популярными направлениями для переезда назывались Краснодарский край и Крым (27,6%), иной населенный пункт в пределах Иркутской области (25,9%), Москва или Санкт-Петербург, другие регионы Европейской части России (оба – 12,1%).

Наиболее значимые причины переезда – это низкий уровень развития инфраструктуры (21,2%), невысокий уровень услуг сферы здравоохранения (18,5%), низкий уровень оплаты труда (17,2%) и высокие цены, в том числе на ЖКХ и продукты питания (15,2%).

Среди самых актуальных проблем социально-экономического развития респонденты выделили опять же низкий уровень развития инфраструктуры (26,7%), невысокий уровень доходов (25,3), отсутствие карьерных и жизненных перспектив (24,1%).

Более половины респондентов (54,5%) заявили о наличии проблемы нехватки трудовых ресурсов в их населенном пункте, тогда как только 21,2% сказали о том, что

ресурсов достаточно, а 18,2% указали на то, что в качестве работников не всегда требуется местное население.

Среди наиболее важных отраслей экономики чаще всего выделялись туризм (29,0%), сельское хозяйство (21,0%) и транспорт (16,5%).

При ответе на вопрос об изменении качества жизни за последние пять лет мнения опрошенных разделились приблизительно в равной степени: 34,7% отметили изменения в лучшую сторону, 33,7% – отсутствие таковых, 31,7% – изменения в худшую сторону.

51,0% опрошенных констатировал, что в связи с пандемией коронавирусной инфекции качество жизни местного населения не изменилось. Чуть меньшая доля – 48,0% – посчитали, что ее качество ухудшилось. И только 1% опрошенных отметил улучшение качества жизни.

47,5% респондентов обратили внимание на то, что им хватает денег только для приобретения необходимых продуктов питания и одежды, а более крупные покупки приходится откладывать. 23,8% заявили о том, что денег хватает лишь для приобретения продуктов питания, а 22,8% опрошенных – что покупка товаров длительного пользования (телевизор, холодильник) не вызывает трудностей, однако покупка автомобиля или дачи им сейчас недоступна.

48,0% участников опроса уверены в том, что близость оз. Байкал почти не влияет на социально-экономическое развитие их населенного пункта, при этом 38,2% утверждают, что влияние положительное, и только 13,7% говорят об отрицательном влиянии.

Ровно 50% респондентов полагают, что природоохранный статус оз. Байкал никакого влияния на качество жизни местного населения не оказывает, тогда как голоса относительно отрицательного и положительного влияния разделились почти поровну – 25,5% и 24,5% соответственно.

69,7% опрошенных положительно относятся к развитию туризма в регионе, 22,5% – нейтрально, и только 7,8% – отрицательно. 27,0% считают, что туризм следовало бы развивать более активно. То же, но в меньшей степени, касается и таких отраслей, как строительство (19,9%) и сельское хозяйство (16,4%). Причем половина респондентов уверена в том, что туризм негативно влияет на экологическое состояние оз. Байкал.

Около трети опрошенных указывают на то, что в ходе пандемии COVID-19 развитие туризма резко замедлилось. Примерно столько же отмечают то, что во время ограничений отрасль была заморожена, но после их отмены вернулась к прежнему состоянию. При этом 26,5% опрошенных не заметили никакого влияния пандемии коронавирусной инфекции на развитие сферы туризма. В дополнение к сказанному добавим: почти в равной степени участники опроса подытожили, что число туристов после пандемии COVID-19 сократилось (44,3%) и осталось прежним (40,2%).

Одинаковое число респондентов отметило то, что их населенный пункт практически не зависит от туристической отрасли (47,0%), и то, что туризм является важной, но не определяющей отраслью (47,0%). При этом только 6,0% опрошенных подчеркнули сильную зависимость населенного пункта от туризма.

Обсуждение

С точки зрения демографического развития территории, наибольшую ценность представляет комплексный анализ. Различные подходы к исследованию террито-

рии центральной экологической зоны оз. Байкал позволяют сформировать целостное представление относительно динамики социально-экономических процессов. Многофакторность вопроса сосуществования охраняемой природной территории и социума требует усиленного развития в направлении междисциплинарных исследований.

Несмотря на тенденции к сокращению численности населения, в Байкальском регионе на отдельных территориях отмечается миграционный прирост. Развитие туристско-рекреационного кластера способствует привлечению трудящегося населения, развитию экономики региона. Вместе с тем ограничения, связанные с природоохранным статусом Байкала, служат непреодолимой преградой прежде всего для местных жителей. Налицо ежегодный рост числа туристов, тогда как инфраструктурные объекты на территории ЦЭЗ БПТ не всегда возможно построить. Отсюда все большую популярность приобретает так называемый дикий туризм, который в связи с обширностью территории сложно подвергнуть административному регулированию.

Одновременно с этим ограничения в хозяйственной деятельности традиционных для региона отраслей вынуждают жителей менее востребованных в туристическом плане районов покидать их. Массовый туристический поток сегодня направлен на Ольхон и прибрежные районы Иркутской области. При этом речь идет не только о приезжих, но и о местных туристах. Неконтролируемый процесс пространственного сжатия провоцирует концентрацию населения в Иркутской агломерации. Рост антропогенной нагрузки в данной части озера может спровоцировать негативные экологические последствия, итогом которых станет еще большее ужесточение природоохранного законодательства.

Вышеуказанные проблемы лежат в плоскости практических исследований. В то же время в русскоязычной научной литературе практически не освещен вопрос демографического развития в условиях ограничений на хозяйственное освоение. Особенностью центральной экологической зоны оз. Байкал является беспрецедентные размеры природоохранной зоны со значительной численностью постоянно проживающего населения. К берегу озера выходят абсолютно разные с точки зрения социального и экономического развития территории. Перспективными видятся исследования влияния природоохранного статуса на демографическую ситуацию в регионе. В этом случае важнейшим моментом становится разработка модели, которая будет оценивать именно влияние природоохранных ограничений на миграцию и естественное движение населения без учета географических факторов или общероссийских процессов пространственного сжатия.

Описываемые вопросы сильно зависимы от внешнеполитической и экономической обстановки. События последних десяти лет оказывают заметное влияние на ключевые показатели. Решения, принимаемые в ходе реализации программы экономического развития региона, также ощутимо влияют на социально-экономический ландшафт. В этом смысле прогнозирование демографического развития на прибрежной территории Байкала остаётся сложной задачей.

Заключение

Миграционный отток населения характерен для большей части муниципальных образований в пределах центральной экологической зоны Байкальской природной территории. До сих пор данный процесс остается определяющим для демографии ре-

гиона. Параллельно с 2016 г. снижается уровень рождаемости в связи с вступлением в детородный возраст наиболее малочисленной возрастной группы 25–29 лет – продолжается вторая волна депопуляции. Наиболее важными остаётся обеспечение социально-экономического развития рассматриваемых территорий, решение вопроса миграции, так как в ближайшем будущем многочисленное поколение родившихся в период 2007–2016 гг. будет стоять перед выбором места проживания, учебы, работы. А нерешенные проблемы станут поводом к новой волне миграционного оттока.

Разработка общего подхода к решению демографических проблем может быть осложнена социально-экономической и демографической неоднородностью представленных районов. В этом случае требуется глубокое изучение и дальнейшая классификация районов Прибайкалья. Дополнительный интерес представляет анализ управленческих решений, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Несмотря на активную работу в области развития туризма – заметных успехов добились Иркутский и Ольхонский районы, в это же время для остальной территории важным остается вопрос развития прочих видов хозяйственной деятельности. Тем не менее фактор природоохранной зоны оказывает значительное влияние на принятие решений в данном направлении.

Список литературы

1. Воробьев, Н. В. Демографическое развитие в условиях центральной экологической зоны Байкальской природной территории / Н. В. Воробьев, А. Н. Воробьев // Вестник Евразийской науки. 2018. Т. 10, № 6. С. 76. DOI [10.15862/45NZVN618](https://doi.org/10.15862/45NZVN618). EDN [VUYOQ](https://www.edn.ru/VUYOQ).
2. Воробьев, Н. В. Составление карты субрегиональных типов динамики населения Иркутской области / Н. В. Воробьев, А. Н. Воробьев // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2021. Т. 27, № 4. С. 361–372. DOI [10.35595/2414-9179-2021-4-27-361-372](https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-361-372). EDN [UUBILW](https://www.edn.ru/UUBILW).
3. Убонова, Д. З. Проблемы экономического развития байкальских районов Республики Бурятия // Управленческий учет. 2022. № 11–3. С. 859–865. DOI [10.25806/uu11-32022859-865](https://doi.org/10.25806/uu11-32022859-865). EDN [UVGLPD](https://www.edn.ru/UVGLPD).
4. Дондоков, З. Б.-Д. Оценка воздействия особого режима природопользования на развитие экономики Республики Бурятия с использованием межотраслевых моделей / З. Б.-Д. Дондоков, Д. Б. Дугаржапова, Е. Ю. Пискунов, Д. З. Убонова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 38–46. DOI [10.18101/2304-4446-2022-4-38-46](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-38-46). EDN [SZITDQ](https://www.edn.ru/SZITDQ).
5. Роговская, Н. В. Особенности сельскохозяйственного производства в центральной экологической зоне Байкальской природной территории / Н. В. Роговская, Р. В. Филиппов // География и природные ресурсы. 2016. № S5. С. 151–157. DOI [10.21782/GIPR0206-1619-2016-5\(151-157\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(151-157)). EDN [XQRYLX](https://www.edn.ru/XQRYLX).
6. Заборцева, Т. И. Развитие туризма и социально-экономический ландшафт модельной территории Прибайкалья (по итогам анкетирования) / Т. И. Заборцева, О. А. Игнатова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7, № 2. С. 71–82. EDN [ZPZQXS](https://www.edn.ru/ZPZQXS).
7. Сидорова, Н. В. Социально-экологические проблемы Прибайкалья: анализ общественного мнения жителей острова Ольхон // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 29–33. DOI [10.24158/tipor.2017.11.5](https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.5). EDN [ZSMXIX](https://www.edn.ru/ZSMXIX).
8. Заборцева, Т. И. Институциональные дефициты хозяйственной деятельности в условиях экологических ограничений в центральной экологической зоне Байкальской природной территории / Т. И. Заборцева, О. В. Евстропьева // Институциональная трансформация экономики: пространство и время : Сборник докладов V Международной научной конференции : в 2-х т. Кемерово, 24–27 мая 2017 г. Т. 1. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2017. С. 208–213. ISBN: 978-5-86338-090-2. EDN [ZHECND](https://www.edn.ru/ZHECND).
9. Даштилов, Ц. Б. Анализ транспортного воздействия на рекреационное развитие централь-

ной экологической зоны Байкальской природной территории Иркутской области и его картографирование // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13, № 3 (85). С. 115–124. DOI [10.24411/1995-042X-2019-10309](https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10309). EDN [EWKMGH](https://www.edn.ru/ewkmgH).

10. Дашилов, Ц. Б. Картографическое отображение и анализ транспорта Байкальского региона // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2015. Т. 11. С. 2–13. EDN [TjbbSB](https://www.edn.ru/tjbbSB).

11. Jorja, L. Population Change in and around Protected Areas // Journal of Ecological Anthropology. 2012. Vol. 15, № 1. С. 58–64. DOI [10.5038/2162-4593.15.1.4](https://doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4).

12. Практическая демография. Учебное пособие для вузов. Коллективная монография / Под ред. Л. Л. Рыбаковского. Москва : ЦСП, 2005. 280 с. ISBN 5-98201-007-4.

Сведения об авторе:

Мирязов Тимур Робертович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); ПИНЦ Author ID: [1025136](https://www.pinc.ru/1025136); Web of Science Researcher ID: [AAV-1530-2021](https://orcid.org/AAV-1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Статья поступила в редакцию 07.07.2023; принята в печать 04.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE BAIKAL REGION

Timur R. Miryazov

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: miryazov_timur@mail.ru

For citation: Miryazov, Timur R. Demographic Situation in the Baikal Region. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 208–223. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.13).

Abstract. The article deals with current issues and problems of demographic development of municipalities within the central ecological zone of the Baikal Natural Territory. The purpose of the study is to analyze demographic and migration processes under environmental restrictions. It is especially important to update the data and revise the general provisions on the presented processes in the context of global economic and political instability in the period 2014–2023. It is expected to obtain results indicating a change in demographic trends in the presented region. In the course of the study, data from the Federal State Statistics Service and an expert survey of the population of Irkutsk, Olkhon and Slyudyansky districts were analyzed. Cartographic materials fixing spatial features of demographic processes in eight municipalities of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia are presented. The result of the work was a comprehensive view of the demographic and migration situation in the region under consideration. Updated statistical data of the entire Baikal region. The classification of the considered municipal districts and urban districts according to the parameters of natural and migration growth, gender and age composition of the population is carried out. As a result of the expert survey, most of the respondents were represented by residents of the Slyudyansky district. It is in this municipality that, apparently, socio-demographic problems are of the greatest concern to local governments. The work is of interest from the point of view of a comprehensive study of the demography of the entire territory of the Baikal region at this time stage. The analysis of the socio-demographic situation in the region together with the results of the expert survey can be used in the implementation of management initiatives.

Keywords: central ecological zone; Baikal region; demographic processes; population; migration; settlement.

References

1. Vorobyev, N. V. Demographic Development in the Conditions of the Central Ecological Zone of the Baikal Natural Territory / N. V. Vorobyev, A. N. Vorobyev. 2018. *The Eurasian Scientific Journal*. Vol. 10, No. 6. Pp. 76. DOI [10.15862/45NZVN618](https://doi.org/10.15862/45NZVN618). (In Russ.).

2. Vorobyev, N. V. Mapping Subregional Types of Population Dynamics of Irkutsk Region / N. V. Vorobyev, A. N. Vorobyev. *InterCarto. InterGIS*. 2021. Vol. 27, No. 4. Pp. 361–372. DOI [10.35595/2414-9179-2021-4-27-361-372](https://doi.org/10.35595/2414-9179-2021-4-27-361-372). (In Russ.).

3. Ubonova, D. Z. Problems of Economic Development of the Baikal Regions in the Republic of Buryatia. *Management Accounting*. 2022. No. 11–3. Pp. 859–865. DOI [10.25806/uu11-32022859-865](https://doi.org/10.25806/uu11-32022859-865). (In Russ.).
4. Dondokov, Z. B.-D. Assessment of the Impact of Special Regime of Nature Management on the Development of Economy of the Republic of Buryatia Using Input-Output Models / Z. B.-D. Dondokov, D. B. Dugarzhapova, E. Yu. Piskunov, D. Z. Ubonova *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2022. No. 4. Pp. 38–46. DOI [10.18101/2304-4446-2022-4-38-46](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2022-4-38-46). (In Russ.).
5. Rogovskaya, N. V. Features of Agricultural Production in the Central Ecological Zone of the Baikal Natural Territory / N. V. Rogovskaya, R. V. Filippov. *Geography and Natural Resources*. 2016. No. S5. Pp. 151–157. DOI [10.21782/GIPR0206-1619-2016-5\(151-157\)](https://doi.org/10.21782/GIPR0206-1619-2016-5(151-157)). (In Russ.).
6. Zabortseva, T. I. The Tourism Development and Socio-Economic Landscape of the Baikal Region Model Territory (Based on the Results of the Questionnaire Study) / T. I. Zabortseva, O. A. Ignatova. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology*. 2021. Vol. 7, No. 2. Pp. 71–82. (In Russ.).
7. Sidorova, N. V. Social and Ecological Problems of the Baikal Region: Analysis of Public Opinion of Olkhon Island Residents. *Theory and Practice of Social Development*. 2017. No. 11. Pp. 29–33. DOI [10.24158/tipor.2017.11.5](https://doi.org/10.24158/tipor.2017.11.5). (In Russ.).
8. Zabortseva, T. I. Institutional Deficits of Economic Activity in Terms of Environmental Restrictions in the Central Ecological Zone of the Baikal Natural Territory / T. I. Zabortseva, O. V. Evstrop'yeva. In: *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: prostranstvo i vremya [Institutional Transformation of the Economy: Space and Time]*: Proceedings of the V International Scientific Conference : in 2 vols. Kemerovo, May 24–27, 2017. Vol. 1. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2017. Pp. 208–213. ISBN: 978-5-86338-090-2. (In Russ.).
9. Dashpilov, Ts. B. Analysis of Transport Impact on Recreational Development in the Central Environmental Zone of the Baikal Natural Territory of Irkutsk Region and its Cartography. *Services in Russia and Abroad*. 2019. Vol. 13, No. 3 (85). Pp. 115–124. DOI [10.24411/1995-042X-2019-10309](https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10309). (In Russ.).
10. Dashpilov, Ts. B. Cartographic Mapping and Analysis of Transport of the Baikal Region. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "Earth Sciences"*. 2015. Vol. 11. Pp. 2–13. (In Russ.).
11. Joppa, L. Population Change in and around Protected Areas. *Journal of Ecological Anthropology*. 2012. Vol. 15, No. 1. Pp. 58–64. DOI [10.5038/2162-4593.15.1.4](https://doi.org/10.5038/2162-4593.15.1.4).
12. *Prakticheskaya demografiya [Practical demography]*. Textbook for universities. Monograph. Ed. by L. L. Rybakovsky. Moscow : TSP Publishing House, 2005. 280 p. (In Russ.).

Bio note:

Timur R. Miryazov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: miryazov_timur@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-9143-1740](https://orcid.org/0000-0002-9143-1740); PИИЦ Author ID: [1025136](https://www.iiiz.ru/author/1025136); Web of Science Researcher ID: [AA1530-2021](https://orcid.org/AA1530-2021); Scopus Author ID: [57209221088](https://orcid.org/57209221088).

Received on 07.07.2023; accepted for publication on 04.09.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.14)

EDN [FQCJNK](https://edn.fqcjnk.ru)

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ РУССКОЯЗЫЧНЫХ СООБЩЕСТВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Храмова М. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

Для цитирования: Храмова, М. Н. Экспедиция по изучению русскоязычных сообществ в Латинской Америке // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 224–233. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.14). EDN [FQCJNK](https://edn.fqcjnk.ru).

Аннотация. С 1 по 17 августа 2023 г. сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН находились в научной экспедиции в Чили и Перу в рамках проекта № 22-68-00210, поддержанного Российским научным фондом. Целью экспедиции было изучение некоторых аспектов жизни и взаимодействия русскоязычных сообществ в этих странах. Также были проведены встречи научной группы в Посольствах Российской Федерации в Сантьяго (Чили) и Лиме (Перу). Члены научного коллектива, участвовавшие в экспедиции, выступили с докладами на круглом столе «Миграция и экономическое развитие после пандемии COVID-19: взгляд из крупнейших метрополий Латинской Америки», организованном Экономической комиссией по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ECLAC). Экспедиция позволила получить уникальные материалы по численности и социально-демографической структуре современных русскоязычных сообществ в Чили и Перу, провести ряд интервью и встреч с российскими соотечественниками, проживающими за рубежом, лучше понять те проблемы, с которыми сталкиваются наши соотечественники в странах Латинской Америки. Отдельный исследовательский интерес членов научной экспедиции лежал в сфере функционирования русскоязычной экономики в Чили и Перу.

Ключевые слова: Чили; Перу; русскоязычные сообщества; Россотрудничество; Российский центр науки и культуры; адаптация русскоязычных мигрантов в странах Латинской Америки; социальные сети мигрантов.

Введение

С 1 по 17 августа 2023 г. в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 22-68-00210 «Эмиграция и положение русскоязычного населения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях новых глобальных вызовов» научные сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (ИДИ ФНИСЦ РАН) совершили экспедицию в две страны, находящиеся на Тихоокеанском побережье Южной Америки, – Чили и Перу. В состав научной группы вошли руководитель проекта РНФ, директор ИДИ ФНИСЦ РАН, кандидат физико-математических наук М. Н. Храмова; исполнители проекта: заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, кандидат экономических наук А. С. Лукьянец, ведущий отделом миграции и миграционной политики, ведущий научный сотруд-

ник, кандидат экономических наук Р. В. Маньшин и младший научный сотрудник Н. С. Рязанцев.

Целью научной экспедиции было исследование положения и особенностей взаимодействия русскоговорящих сообществ в Чили и Перу, а также участие в двух конференциях, посвященных проблемам международной миграции в постковидный период и диаспоральным отношениям. В течение экспедиции были проведены встречи в Посольстве РФ в Чили, Посольстве РФ в Перу, встречи в Российском центре науки и культуры в Сантьяго (Чили), встречи с российскими соотечественниками в обеих странах.

На основе двусторонних соглашений между Российской Федерацией и Республикой Чили, а также между Российской Федерацией и Республикой Перу действуют безвизовые режимы, позволяющие, в частности, гражданам России посещать эти страны с туристическими целями без оформления виз сроком до 90 дней. Это делает Чили и Перу привлекательными для туристов из России. Однако географическая удаленность, отсутствие прямого авиасообщения и, как следствие, высокие цены на туристические путевки, не позволяют в настоящее время говорить о высокой востребованности этих стран для российских туристов. Тем не менее, исторически интерес у россиян к Чили и Перу, а также другим странам Южной Америки, складывался уже долгое время. В результате нескольких волн эмиграции в них сформировались довольно значительные по численности русскоговорящие сообщества. К сожалению, на основе официальной статистической информации далеко не всегда представляется возможным оценить реальную численность русскоговорящих сообществ за рубежом. Объективными ограничениями здесь служат неполнота предоставляемой страновыми службами информации о въезде, выезде и продолжительности пребывания иностранных граждан, их гражданстве и основных демографических характеристиках. Также определенная часть иностранных граждан, проживающих в той или иной стране, с течением времени может менять свой статус, например, вступая в гражданство принимающей страны. Дополнительным фактором неопределенности является и то, что для россиян постановка на консульский учет в странах текущего проживания является добровольной. Соответственно, российские консульские учреждения за рубежом могут лишь давать оценку текущей численности российских соотечественников, опираясь на число тех, кто встал на консульский учет, обратившихся за теми или иными документами в консульские учреждения, а также на число россиян, принимавших участие в выборах. Именно поэтому одним из важнейших источников знаний о численности, социально-демографической структуре, занятости, условиях жизни российских соотечественников за рубежом являются экспертные и социологические опросы, встречи с соотечественниками, изучение различных социальных сетей, посредством которых происходит общение российских соотечественников в их ежедневных практиках.

Исследовательская программа в Чили

Научная программа экспедиции сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН началась в Сантьяго (Чили), где был проведен ряд встреч и интервью. Первая встреча состоялась в Посольстве РФ в Чили. Научную группу ИДИ ФНИСЦ РАН любезно принял временный поверенный в делах России в Чили А. В. Соколов (рис. 1). Он расска-

зал об особенностях современных российско-чилийских отношений, изменениях, произошедших после февраля 2022 г.

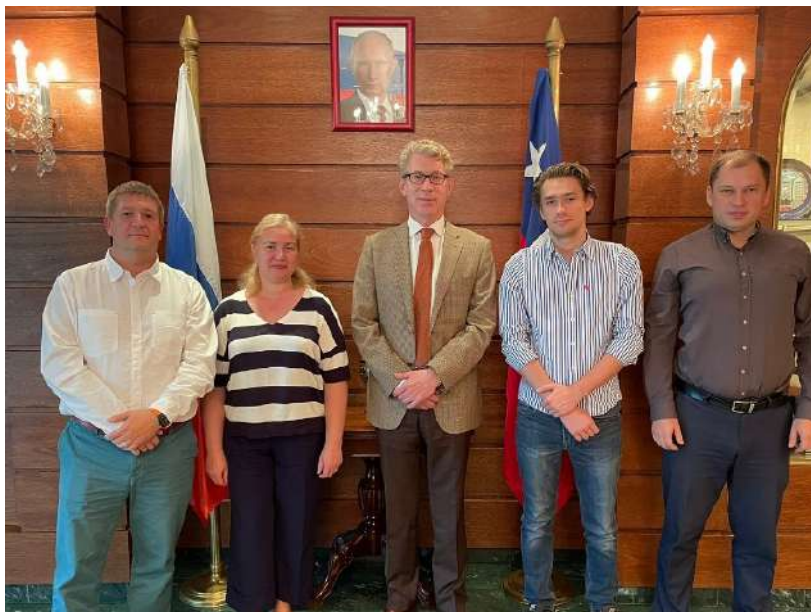

Рис. 1. Встреча в Посольстве РФ в Чили

На фото слева направо: Р. В. Маньшин, заведующий отделом миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН; М. Н. Храмова, директор ИДИ ФНИСЦ РАН; А. В. Соколов, временный поверенный в делах РФ в Чили; Н. С. Рязанцев, младший научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН; А. С. Лукьянец, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН

Рис. 1. Meeting at the Russian Embassy in Chile

In the photo from left to right: R. V. Manshin, Head Department for Migration and Migration Policy, IDR FCTAS RAS; M. N. Khramova, Director of the IDR FCTAS RAS; A. V. Sokolov, Charge d'Affaires of the Russian Federation in Chile; N. S. Ryazantsev, Junior Researcher, IDR FCTAS RAS; A. S. Lukyanets, Deputy Director of the IDR FCTAS RAS

Особое место во время встречи заняли вопросы, связанные с российскими соотечественниками, проживающими в Чили. Так, А. В. Соколов дал приблизительную оценку численности российских соотечественников в восемь тысяч человек. Эта численность сформировалась под влиянием нескольких волн эмиграции из России. Нужно отметить, что образовательный уровень российских соотечественников в Чили довольно высок. Среди них много специалистов с высшим профессиональным образованием. Многие довольно активно включены в жизнь русскоговорящих сообществ, в экономическую и социальную жизнь чилийского общества. А. В. Соколов рассказал также о работе общеобразовательной школы при Посольстве РФ в Чили и комплексе мероприятий, которые были реализованы Посольством РФ в честь памятных российских дат. Одним из важнейших таких мероприятий было проведение в мае 2023 г. акции Бессмертного полка,

в которой приняло участие большое количество российских соотечественников, живущих в Чили. Также коллеги из Посольства РФ рассказали о занятости наших соотечественников, особенностях ведения бизнеса в Чили, предоставили контакты нескольких россиян, имеющих собственный бизнес в Сантьяго.

При поддержке Посольства РФ в Чили, а также при активном содействии руководителя Представительства Россотрудничества в Чили Н. И. Миловидовой члены научной группы ИДИ ФНИСЦ РАН провели плодотворную встречу с российскими соотечественниками в Российском центре науки и культуры (РЦНК) в Сантьяго (рис. 2). Во время встречи наши соотечественники рассказали о том, каким образом они попали в Чили, как учили испанский язык, искали работу и жилье после переезда из России, с какими основными проблемами столкнулись в первое время после переезда, через какие каналы в основном общаются между собой. Участники встречи отметили, что многие российские соотечественники принимают активное участие в жизни и мероприятиях русскоговорящего сообщества в Чили. Наибольший интерес представляют праздники, которые устраиваются для детей. Например, в новогодней елке в конце 2022 г. приняло участие около 300 детей соотечественников. Представители РЦНК отметили, что в настоящее время молодежный вектор во взаимодействии с российскими соотечественниками играет особую роль.

Нельзя также не упомянуть и значительную роль, которую исторически во взаимодействии русскоговорящих сообществ в Чили играет Кладбищенское общество (*Asociación ProCementerio Rusos Orthodoxos Residentes en Chile*) – одна из старейших организаций, объединяющих русских эмигрантов в Чили. Это общество имеет статус юридического лица и в 2016 г. отметило свое шестидесятилетие.

Члены научной группы ИДИ ФНИСЦ РАН по приглашению настоятеля приняли участие в воскресной службе в Храме Святой Троицы и Казанской иконы Божьей Матери.

Функционирование русскоязычной экономики и особенности организации бизнеса российскими соотечественниками в Чили – еще один пункт научной повестки экспедиции. Члены научной группы встретились с владелицей русской пекарни *Panaderia Rusa Siberia* в Сантьяго в районе станции метро *Fernando Castillo Velasco* (рис. 3). На вывеске ее пекарни, которая широко известна и среди местного населения, надпись: «Горячий хлеб из холодной Сибири». Хозяйка пекарни рассказала, что после переезда в Сантьяго она некоторое время работала у другого эмигранта из России, а потом основала свою пекарню, в которой разрабатывает собственные рецепты. В пекарне у нее также трудятся российские соотечественники. Высоким спросом пользуются русские булки (*Bulka Rusa*) и очень популярное и в России пирожное – картошка (*Trufa Rusa “Papas”*). Хозяйка пекарни отметила, что не все бизнесы эмигрантов из России являются удачными. Так, после пандемии коронавирусной инфекции закрылся один из бизнесов, связанный с изготовлением и продажей пельменей. Знакомство с хозяйкой пекарни позволило нашей исследовательской группе расширить представления о социально-демографическом портрете, контактах и способах взаимодействия российских соотечественников, проживающих в Чили.

Рис. 2. Визит научной группы ИДИ ФНИСЦ РАН в Российский центр науки и культуры в Сантьяго (Чили)
Pic. 2. Visit of the IDR FCTAS RAS research team to the Russian Center for Science and Culture in Santiago (Chile)

Рис. 3. Русская пекарня в Сантьяго (Чили)
Pic. 3. Russian bakery in Santiago (Chile)

Члены научной группы ИДИ ФНИСЦ РАН, помимо встреч с соотечественниками в Сантьяго, также приняли участие в международном круглом столе «Миграция и экономическое развитие после пандемии COVID-19: взгляд из крупнейших метрополий Латинской Америки», организованном Экономической комиссией по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ECLAC). Модераторами круглого стола выступили старший исследователь Демографического центра ECLAC Хорхе Родригес Виньоли и директор ИДИ ФНИСЦ РАН М. Н. Храмова. Доктор Х. Р. Виньоли во

вступительном слове отметил важную роль, которую играет миграция для формирования человеческого капитала крупнейших мегаполисов Латинской Америки. Научные сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН представили несколько докладов: «Русскоговорящие сообщества в странах Латинской Америки после пандемии COVID-19: стратегии адаптации» (С. В. Рязанцев), «Особенности адаптации эмигрантов из России в крупнейших городах Чили» (М. Н. Храмова), «Российская диаспора в Перу до и после пандемии COVID-19» (А. С. Лукьянец), «Россияне в Эквадоре после пандемии COVID-19: основные проблемы и перспективы возвращения в Россию» (Р. В. Маньшин).

Рис. 4. Рабочая встреча исследовательской группы ИДИ ФНИСЦ РАН с представителями Экономической комиссии по Латинской Америке и Карибскому бассейну (ECLAC) в Сантьяго (Чили)

На фото слева направо: Р. В. Маньшин, заведующий отделом миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН; М. Н. Храмова, директор ИДИ ФНИСЦ РАН; Хорхе Родригес Виньоли и Мария Вероника Кано, старшие исследователи Демографического центра ECLAC

Рис. 4. Working meeting of the IDR FCTAS RAS research team with representatives of the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC) in Santiago (Chile)
In the photo from left to right: R. V. Manshin, Head Department for Migration and Migration Policy, IDR FCTAS RAS; M. N. Khramova, Director of the IDR FCTAS RAS; Jorge Rodriguez Vignoli and Maria Veronica Cano, Senior researchers of the Demographic Centre of ECLAC

После круглого стола также была проведена рабочая встреча сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН и коллег Демографического центра ECLAC (рис. 4). М. Н. Храмова рассказала об основных направлениях работы Института демографических исследований, крупнейших научных и образовательных проектах, а также некоторых результатах, достигнутых по проекту РНФ № 22-68-00210 в течение 2022–2023 гг. В свою очередь чилийские коллеги рассказали о целях и задачах Экономической комиссии по Латинской Америке и Карибскому бассейну, поделились некоторыми материала-

ми о демографическом развитии и расселении населения в изучаемом ими регионе, предоставили статистические данные последнего раунда переписей населения о численности русскоговорящего населения в странах Латинской Америки и Карибского бассейна.

Исследовательская программа в Перу

Научная программа экспедиции продолжилась в Лиме (Перу). Здесь также была проведена встреча в Посольстве РФ с временным поверенным в делах России в Перу Н. Н. Сентенковой и руководителем Представительства Россотрудничества А. К. Егоровой (рис. 5). Наши коллеги рассказали о том, что оценочная численность россиян в Перу может достигать примерно трех-четырёх тысяч человек. Россияне, живущие в Перу, как правило, обращаются в Консульский отдел Посольства РФ со стандартными жизненными ситуациями, связанными с продлением паспорта, необходимостью заверения тех или иных документов, получения справок.

Рис. 5. Встреча в Посольстве РФ в Перу

На фото слева направо: Р. В. Маншин, заведующий отделом миграции и миграционной политики ИДИ ФНИСЦ РАН; М. Н. Храмова, директор ИДИ ФНИСЦ РАН; Н. Н. Сентенкова, временный поверенный в делах РФ в Перу; А. С. Лукьянец, заместитель директора ИДИ ФНИСЦ РАН

Fig. 5. Meeting at the Russian Embassy in Peru

In the photo from left to right: R. V. Manshin, Head Department for Migration and Migration Policy, IDR FCTAS RAS; M. N. Khramova, Director of the IDR FCTAS RAS; N. N. Sentenkova, Charge d'Affaires of the Russian Federation in Peru; A. S. Lukyanets, Deputy Director of the IDR FCTAS RAS

Особое место во встрече заняли вопросы, касающиеся преодоления пандемии коронавирусной инфекции. Н. Н. Сентенкова обратила внимание, что несмотря на относительно небольшую численность россиян в Перу, именно из Лимы в начале

апреля 2020 г. был сформирован один из крупнейших вывозных рейсов из стран Латинской Америки: он взял на борт более 300 граждан России из Перу и Бразилии, где была сделана промежуточная остановка. Посольство РФ проделало огромную работу, связанную с определением места нахождения россиян на территории Перу, их оповещением и сбором к моменту отправки борта в Россию в беспрецедентных условиях ковидных ограничений.

Во время встречи также обсуждались вопросы российско-перуанских отношений, мероприятия, направленные на усиление сотрудничества между нашими странами (рис. 6), а также перспективы расширения образовательных и академических обменов между Россией и Перу. В частности, Н. Н. Сентенкова отметила, что в последние годы значительно вырос интерес к получению российского образования, увеличилось и число квот для перуанской молодежи, желающей учиться в России. Конечно, в настоящее время число таких квот еще несопоставимо с такими странами, как например, Китай или Вьетнам, но позитивная тенденция существует.

Рис. 6. Информационный плакат о праздновании Дня российско-перуанской солидарности возле Посольства РФ в Лиме (Перу)

Fig. 6. Information poster about the celebration of Russian-Peruvian Solidarity Day near the Russian Embassy in Lima (Peru)

Весьма интересным с исследовательской точки зрения было посещение национального перуанского рынка Inca Market в Лиме. На этом рынке, о котором знает каждый турист, посещающий страну, можно найти самые разнообразные товары местного производства, от небольших магнитов до теплой одежды из альпаки, ставшей одним из национальных символов Перу. Еще до пандемии коронавирусной инфекции число российских туристов, посещавших Лиму, было относительно высоким. Поэтому некоторые местные торговцы весьма неплохо выучили русский язык. Один из них рассказал членам научной группы, что давно изучает русский язык, охотно практикует его в общении с туристами и русскоязыч-

зачным населением Лимы, а особым стимулом для изучения русского языка стало желание посетить Чемпионат мира по футболу, который прошел в ряде российских городов в 2018 г. Отметим, что это не единственные случаи, на основании которых можно сделать вывод об интересе к изучению русского языка в странах Латинской Америки.

Заключение

Научная часть экспедиции сотрудников Института демографических исследований ФНИСФ РАН в рамках проекта РНФ № 22-68-00210 завершилась в г. Сан-Паулу (Бразилия). Члены научной группы приняли участие в конференции «Роль диаспор в социально-экономическом и культурном развитии стран Латинской Америки», организованной Бразильским институтом образования, развития и исследований, а также провели рабочую встречу в Законодательной ассамблее штата Сан-Паулу (ALESP, Legislative Assembly of the State of São Paulo) и встретились с председателем комиссии по международным связям Марио Мауриси де Лима Мораесом (Mário Maurici de Lima Moraes) и председателем Координационного совета организаций российских соотечественников в Бразилии доктором наук Верой Герс Димитров (Vera Gers Dimitrov). Во время встречи обсуждались вопросы в сфере международного сотрудничества, наиболее актуальные для России и Бразилии на современном этапе: о регулировании международной миграции, о роли миграции в развитии принимающих стран, о совершенствовании миграционного законодательства с целью более успешной адаптации и интеграции мигрантов в принимающие общества, об образовательной миграции и развитии программ студенческого и академического обмена между российскими и бразильскими образовательными и научными организациями. По результатам встречи была достигнута договоренность об ответном визите депутатов Законодательного собрания Бразилии в Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН в конце сентября 2023 г.

В целом научная экспедиция сотрудников ИДИ ФНИСЦ РАН в Чили и Перу получилась очень насыщенной и позволила собрать поистине уникальные материалы о жизни российских соотечественников, основных каналах их взаимодействия между собой, развитии русскоязычной экономики в принимающих странах, о роли российского государства в консолидации русскоговорящих общин в Чили и Перу. Собранные материалы и интервью лягут в основу ряда научных статей и будут представлены на крупнейших российских и международных конференциях. Члены научной группы Института демографических исследований ФНИСЦ РАН выражают особую благодарность представителям Посольств Российской Федерации в Чили и Перу, а также представителям Россотрудничества, Российского центра науки и культуры в Сантьяго (Чили), и российским соотечественникам, принявшим активное участие в встречах.

Сведения об авторах:

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); РИНЦ Author ID: [126144](https://elibrary.ru/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-68-00210.

В статье использованы фотографии из личных архивов М. Н. Храмовой, Р. В. Маньшина, А. С. Лукьянца и Н. С. Рязанцева.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; принята в печать 19.09.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EXPEDITION TO STUDY RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES IN LATIN AMERICA

Marina N. Khramova

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kh-mari08@yandex.ru

For citation: Khramova, Marina N. Expedition to Study Russian-Speaking Communities in Latin America. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 224–233. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.14](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.14).

Abstract. From August 1 to August 17, 2023, scientific employees of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS made a scientific trip to Chile and Peru as part of project No. 22-68-00210, supported by the Russian Science Foundation. The purpose of the expedition was to study some aspects of the life and interaction of Russian-speaking communities in these countries. Meetings of the scientific group were also held at the Embassies of the Russian Federation in Santiago (Chile) and Lima (Peru). Members of the RSF research team who participated in the scientific trip took part in the round table “Migration and economic development after the COVID-19 pandemic: a look from the major metropolitan areas of Latin America” organized by the Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). The expedition made it possible to obtain unique materials on the size and socio-demographic structure of modern Russian-speaking communities in Chile and Peru, to conduct a number of interviews and meetings with Russian compatriots living abroad, and to better understand the problems that our compatriots face in Latin American countries. The special research interest of the members of the research team was in the functioning of the Russian-speaking economy in Chile and Peru.

Keywords: Chile; Peru; Russian-speaking communities; Rossotrudnichestvo; Russian Center for Science and Culture; adaptation of Russian-speaking migrants in Latin American countries; social networks of migrants.

Bio note:

Marina N. Khramova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kh-mari08@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-0893-3935](https://orcid.org/0000-0002-0893-3935); RSCI Author ID: [126144](https://rsci.org/126144); Web of Science Researcher ID: [C-8107-2015](https://orcid.org/C-8107-2015); Scopus Author ID: [57195735740](https://orcid.org/57195735740).

Acknowledgments and financing:

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, Project [No. 22-68-00210](https://rscf.ru/project/22-68-00210).

The article uses photos from the personal archives of M. N. Khramova, R. V. Manshin, A. S. Lukyanets, and N. S. Ryazantsev

Received on 21.08.2023; accepted for publication on 19.09.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.15)

EDN [DZKNNB](https://edn.zknnb.ru)

II МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА «ЕВРАЗИЙСКИЕ ОБЩЕСТВА В ФОКУСЕ МОЛОДЫХ СОЦИОЛОГОВ»

Осадчая Г. И.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Киреев Е. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: yegorkireev@gmail.com

Рославцева М. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru

Для цитирования: *Осадчая, Г. И. II Международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов» / Г. И. Осадчая, Е. Ю. Киреев, М. В. Рославцева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 234–240. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15). EDN [DZKNNB](https://edn.zknnb.ru).*

21–23 июня 2023 г. в ИДИ ФНИСЦ РАН прошла Вторая международная летняя школа «Евразийские общества в фокусе молодых социологов». Организаторами школы выступили Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН и Научный совет «Социально-политические проблемы формирования ЕАЭС» при Отделении общественных наук РАН. Для участия в мероприятии зарегистрировались около 50 бакалавров, магистрантов, аспирантов и докторантов из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Монголии, России, Таджикистана, Узбекистана и Кубы. Особенностью проведения школы в этом году стало очное участие 12 человек, которые смогли приехать в Москву и посетить ИДИ ФНИСЦ РАН. В работе школы также активно принимали очное участие студенты-социологи МГУ имени М. В. Ломоносова, РГГУ и РГСУ.

В первый день работы школы с приветственным словом к участникам обратился чл.-корр. РАН, д-р социол. наук, дир. Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук М. Ф. Черныш. Кроме того, участников школы приветствовали и.о. дир. ИДИ ФНИСЦ РАН, зав. отделом демографической безопасности и моделирования демографических процессов, канд. физ.-мат.

наук М. Н. Храмова; зам. нач. Управления образования и науки Россотрудничества Н. В. Мамаева; акад. РАН, д-р филос. наук, проф. Г. В. Осипов; ген. секр. Ассамблеи народов Евразии А. Ю. Бельянинов; пред. координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума Н. Н. Бордюжа; дир. международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия» (МАК «ИКБЕ»), проф. кафедры менеджмента Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина А. А. Кочербаева.

Установочную лекцию «Социологическое измерение евразийской интеграции: достижения, проблемы и решения» прочитала д-р социол. наук, проф., зав. отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, Председатель Научного Совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН Г. И. Осадчая.

Рис. 1. Открытие летней школы

Рис. 1. Opening of the Summer School

Источник: из личного архива организаторов

В тот же день будущие специалисты в области социальных наук представили свои доклады на русском и английском языках в рамках молодежной конференции в формате дискуссионной площадки «Евразийские общества в фокусе молодых социологов». Особенно стоит отметить доклады А. Г. Кусмановой (асп., социология, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Astana IT University) на тему «Внутренняя миграция казахстанцев с юга на север: стратегия выживания или развития?», А. С. Кузьминой (бакалавр, социология, Казанский (Приволжский) федеральный университет) на тему «Медиа постсоветских стран в контексте глобализации: опыт изучения экологических дискурсов в России и Казахстане» и Е. Нурымбетова (асп., социология, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби) «Exploring the motivations for choosing teaching as a career: A qualitative study in the Almaty region of Kazakhstan».

Рис. 2. Работа летней школы
Pic. 2. Work of the Summer School

Источник: из личного архива организаторов

Рис. 3. Мастер-класс В. С. Алексеевой
Pic. 3. Workshop from V. Alexeeva

Источник: из личного архива организаторов

В соответствии с миссией школы, выражающейся в поддержке межкультурного диалога и сотрудничества между учеными евразийского пространства, лучшего понимания обществ стран-соседей России, осознания важности уделения внимания этнокультурному разнообразию участников, свои лекции и мастер-классы во второй день работы провели ученые из Армении, Узбекистана, Кыргызстана и России. Так, науч. рук. Института философии, социологии и права НАН РА, през. Армянской социологической ассоциации, акад. НАН РА, иностранный чл. РАН, д-р социол. наук

Г. А. Погосян представил лекцию на тему «Молодежный вектор Евразийской интеграции».

Зам. дир. Республиканского центра изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр» (Узбекистан), д-р философии по социологическим наукам (PhD), доц. В. С. Алексеева провела матер-класс по «Гендерным различиям динамики социального самочувствия узбекистанцев (по результатам ряда социологических исследований)».

Зав. центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований НАН Кыргызской Республики, през. Социологической Ассоциации Кыргызстана, д-р социол. наук, проф. Н. А. Омуралиев познакомил участников с историей становления и развития социологии в Кыргызстане в рамках выступления «Кыргызская социологическая школа: история и современность».

М. Н. Храмова прочитала для участников школы лекцию «Миграция, демографическое развитие и демографическая безопасность на Евразийском пространстве».

Третий день работы школы был посвящен подведению итогов конкурса эссе «Миграция в истории моей семьи» под руководством гл. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, д-ра социол. наук, проф. Т. Н. Юдиной и гл. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН О. А. Волковой. Победителями конкурса стали студентки-социологи М. Чолпонбай кызы (Бишкекский государственный университет) и Л. А. Соколова (Российский государственный социальный университет).

В качестве лауреатов и призеров конкурса также можно отметить Е. И. Яковлеву (РГСУ), М. Махмудову (Таджикский национальный университет), А. Маратбек кызы (Бишкекский государственный университет), А. В. Калиничева (РГСУ) и Г. К. Стакнева (РГСУ).

Рис. 4. Вручение почетных грамот

Pic. 4. Awarding with certificates of honor

Источник: из личного архива организаторов

В завершении работы школы соответствующими сертификатами были отмечены лучшие выступления и наиболее активные участники школы. Для очных участников школы была проведена экскурсия в Государственный исторический музей.

Рис. 5. Участники летней школы

Рис. 5. Participants of the Summer School

Источник: из личного архива организаторов

Рис. 6. Участники летней школы

Рис. 6. Participants of the Summer School

Источник: из личного архива организаторов

В заключение следует упомянуть, что одной из главных задач, которую перед собой ставили организаторы школы, было формирование ситуативного сообщества молодых исследователей и опытных ученых, в рамках которого возможно установление как формальных, так и неформальных контактов, как профессиональных, так и дружеских связей. Понимая важность сетевой коммуникации и горизонтального взаимодействия, для поддержания этого сообщества были созданы группа в социальной сети «ВКонтакте» и чат в мессенджере «Telegram» (на данный момент группа насчитывает около 50 участников, студентов и аспирантов в области социальных наук, представляющих страны ЕАЭС). Таким образом были сделаны первые шаги к формированию сетевого сообщества, которое в дальнейшем может быть включено в орбиту исследований и мероприятий, проводимых под эгидой ИДИ ФНИСЦ РАН.

Организаторы благодарят всех слушателей школы и волонтеров, поздравляют победителей, призеров и лауреатов конкурса и выражают надежду на продолжение традиции в следующем, 2024 году.

Сведения об авторах:

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); РИНЦ Author ID: [118648](https://elibrary.ru/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/G-2163-2017); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/35737719800).

Киреев Егор Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); РИНЦ Author ID: [638340](https://elibrary.ru/638340); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/U-4398-2017); Scopus Author ID: [56712933700](https://orcid.org/56712933700).

Рославцева Мария Васильевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.roslavtseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); РИНЦ Author ID: [1137594](https://elibrary.ru/1137594); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/AAE-1252-2022).

Статья поступила в редакцию 25.06.2023; принята в печать 25.08.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

II INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL “EURASIAN SOCIETIES IN THE FOCUS OF YOUNG SOCIOLOGISTS”

Galina I. Osadchaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: osadchaya111@gmail.com

Egor Y. Kireev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yegorkireev@gmail.com

Maria V. Roslavl'tseva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: maria.roslavl'tseva@yandex.ru

For citation: Osadchaya, Galina I. II International Summer School "Eurasian Societies in the Focus of Young Sociologists" / G. I. Osadchaya, E. U. Kireev, M. V. Roslavl'tseva. DEMIS. Demographic Research. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 234–240. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.15](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.15).

Bio notes:

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head Department for the Study of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI Author ID: [118648](https://www.rsci.ru/author/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724).

Egor Y. Kireev, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yegorkireev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-5441-0430](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); RSCI Author ID: [638340](https://www.rsci.ru/author/638340); Web of Science Researcher ID: [U-4398-2017](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430); Scopus Author ID: [56712933700](https://orcid.org/0000-0002-5441-0430).

Maria V. Roslavl'tseva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCATS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: maria.roslavl'tseva@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0003-3947-1793](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793); RSCI Author ID: [1137594](https://www.rsci.ru/author/1137594); Web of Science Researcher ID: [AAE-1252-2022](https://orcid.org/0000-0003-3947-1793).

Received on 25.06.2023; accepted for publication on 25.08.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.16](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.16)EDN [DYWQPQ](https://edn.demiss.org/DYWQPQ)

НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ В ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Кочербаева А. А.

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: ainura_koch@mail.ru*

Осадчая Г. И.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: osadchaya111@gmail.com*

Юдина Т. Н.

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: ioudinatn@mail.ru*

Для цитирования: *Кочербаева, А. А. Новые тренды миграции в Евразии в контексте интеграционных процессов (по материалам международной научной конференции) / А. А. Кочербаева, Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 241–252. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.16](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.16). EDN [DYWQPQ](https://edn.demiss.org/DYWQPQ).*

18–21 мая 2023 г. состоялась Международная конференция «Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов», организованная Институтом демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН, Кыргызско-Российским Славянским университетом имени Б. Н. Ельцина и Международным аналитическим клубом «Иссык-Куль – Большая Евразия». Соорганизаторами и партнерами мероприятия выступили: Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), Белорусский государственный университет (Минск, Белоруссия), Евразийская ассоциация социологов, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), Институт философии, социологии и права НАН РАН (Ереван, Армения), Ташкентский государственный экономический университет (Ташкент, Узбекистан), Научно-исследовательский институт труда, миграции и занятости населения (Душанбе, Таджикистан).

Участников конференции приветствовали: академик НАН Кыргызской Республики, член Координационного совета Евразийского информационно-аналити-

ческого консорциума (ЕАИК), д-р техн. наук, проф. В. И. Нифадьев (Бишкек, Кыргызстан), и. о. директора ИДИ ФНИСЦ РАН, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, канд. физ.-мат. наук М. Н. Храмова (Москва, Россия), член Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам национальностей А. О. Удальцова (Москва, Россия), министр труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики К. Б. Базарбаев (Бишкек, Кыргызстан), советник Посольства Российской Федерации в Кыргызской Республике, д-р полит. наук В. А. Харченко (Бишкек, Кыргызстан), председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Евразийского информационно-аналитического консорциума Н. Н. Бордюжа (Москва, Россия), председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных, межрелигиозных и миграционных отношений В. Ю. Зорин (Москва, Россия), первый заместитель генерального секретаря – руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, председатель Совета Ассамблеи народов России, д-р полит. наук С. К. Смирнова (Москва, Россия), член Совета по миграции при Парламенте Кыргызской Республики, член комитета по миграции Евразийской экономической комиссии С. Н. Баштовенко (Бишкек, Кыргызстан), президент Российского государственного гуманитарного университета Е. И. Пивовар (Москва, Россия), научный руководитель Института философии, социологии и права НАН Республики Армения, президент Армянской социологической ассоциации, академик НАН Республики Армения, иностранный член РАН Г. А. Погосян (Ереван, Армения) и др.

Рис. 1. Участники конференции

Fig. 1. Participants of the Conference

Источник: из личного архива Т. Н. Юдиной

В приветствиях официальных лиц внимание в первую очередь акцентировалось на проблемах постоянного роста миграционных потоков, их разнообразия

как глобальной тенденции современности. Отмечалось, что растущий интенсивный поток мигрантов – сложный и деликатный вопрос. С одной стороны, миграция дает человечеству новые возможности, например, такие как межкультурное и межнациональное сближение и интеграция, повышение уровня жизни населения, обмен трудовыми и интеллектуальными ресурсами. С другой стороны, несет немало актуальных вызовов, включающих в себя обеспечение бесконфликтного пребывания мигрантов в странах приема, соблюдение прав мигрантов, контроль за пересечением границ и другие тренды вследствие формирования новых миграционных потоков. Во многом подобные проблемы связаны с законодательством, культурными и языковыми различиями, разностью менталитетов, наконец, с предрассудками местных жителей.

Особый акцент в приветствиях делался на современных миграционных потоках между Россией и Кыргызстаном: возвратной миграции и эмиграции из России в Кыргызстан, их влиянии на интеграционные процессы между странами. Внимание обращалось на важность социально-экономической реинтеграции возвратных мигрантов, реализацию государственных программ и мероприятий по оказанию помощи в социально-экономической реинтеграции возвратных мигрантов.

Предлагалось развивать дипломатию, содействовать межнациональному и межконфессиональному диалогу, активно используя ресурс национальных общественных организаций, которые принимают участие в культурно-просветительских мероприятиях, так как совместные усилия органов государственной власти и институтов гражданского общества способны оказать большое влияние на укрепление межнационального мира и согласия в странах ЕАЭС и СНГ.

Высказывались рекомендации о разработке конкретных предложений для принятия конструктивных управленческих решений, направленных на дальнейшее развитие евразийских интеграционных процессов, поскольку здесь накопилось немало нерешенных проблем, таких как неразвитость аналитических технологий; недооценка аналитических проектов со стороны недальновидных представителей органов управления и крупного бизнеса; отсутствие системы подготовки специалистов-аналитиков, обладающих высоким уровнем образования и квалификации, теоретическими знаниями в области истории евразийства как цивилизационного пространства, культурно-исторических особенностей евразийских государств, знаний об экономике, культуре, науке, технике современных евразийских государств, а также имеющих навыки исследовательской и проектной работы в различных этнокультурных средах, в многонациональной рабочей команде.

В приветствиях подчеркивалась необходимость обмена знаниями, опытом и инновационными идеями между странами, которые помогут развивать и укреплять интеграционные процессы на евразийском пространстве. В частности, отмечалась приверженность отдельных вузов и научных организаций академическому сотрудничеству на международном уровне, потому как развитие науки и образования способствует укреплению дружбы и партнерства между странами и народами.

В приветствиях официальных лиц также звучали пожелания плодотворной работы, появления новых научно-практических разработок, интересных и содержательных дискуссий на конференции, успешного сотрудничества не только в рамках самого форума, но и после его окончания на основе сложившихся контактов.

 ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
 ФЕДЕРАЛЬНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 ИЮСНОГО СОЗМА
ДЕПУТАТ
 ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

15 мая 2023 *ж. ЕМ*

Приветственное слово А.О. Удальцовой участникам международной конференции «НОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»
 г. Бишкек, 18-19 мая 2023 г.

Уважаемые участники конференции!

От имени Комитета Государственной Думы по делам национальностей сердечно приветствую организаторов и участников конференции, посвященной решению насущных проблем, связанных с миграцией населения на евразийском пространстве.

Постоянно растущая миграция сегодня — это глобальная тенденция, которая, с одной стороны, дает человечеству много новых возможностей, таких, как межкультурное и межэтническое обогащение и интеграция, повышение уровня жизни населения, обмен трудовыми и интеллектуальными ресурсами; с другой стороны, несет много новых вызовов, включающих в себя обеспечение бесконфликтного пребывания мигрантов в странах приема, соблюдение прав мигрантов, контроль за пересечением границ и другие тренды вследствие формирования новых миграционных потоков.

Актуальность темы миграции не спадает, а только усиливается и требует пристального внимания общества. Я хотела бы поблагодарить организаторов конференции Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН и ГОУ ВПО Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина за организацию данной международной конференции.

Важное место в поиске конференции займут вопросы социально-экономического вклада возвратной миграции из России в Кыргызстан, участия общественных организаций в миграционных процессах, социально-экономической реинтеграции возвратных мигрантов из России в Кыргызстане.

Ваша конференция послужит серьезным вкладом в работу, которую проводит Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН.

Уверена, что международная конференция «Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов», организованная в Бишкеке, позволит специалистам обменяться накопленным опытом и выработать новые подходы и решения задач по управлению рисками, связанными с миграционными потоками, с целью обеспечения безопасного и комфортного взаимодействия граждан стран евразийского пространства.

Желаю организаторам и участникам конференции плодотворной и успешной работы.

С уважением,

Депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, руководитель рабочей группы по нормативно-правовому регулированию социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев, находящихся на территории Российской Федерации, при Комитете Государственной Думы по делам национальностей

А.О. УДАЛЬЦОВА

 Общественная палата
 Российской Федерации
 PUBLIC CHAMBER OF THE RUSSIAN FEDERATION
 ул. Мухоморова, д. 1, стр. 1, Москва, 125080
 Тел.: +7(495) 421-44 44, +7(495) 21-43 43, www.oprf.ru, info@oprf.ru

№ _____ от _____

КОМИССИЯ ПО ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Приветственное слово участникам международной конференции «НОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»
 г. Бишкек, 18-19 мая 2023 года

Рад приветствовать организаторов, участников и гостей научно-практической конференции «Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов», организованной Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН и ГОУ ВПО Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина.

Конференция собралась в Бишкеке представительной органов государственной власти, международных организаций, российского и зарубежного академического и экспертного сообщества, занимающихся вопросам изучения миграционных процессов, представителей общественных организаций, студенчества и средств массовой информации.

В последние десятилетия миграция стала важным фактором глобальных изменений. Растущий интенсивный поток мигрантов — сложный и деликатный вопрос. Превращая в Российскую Федерацию, люди из разных регионов и дружественных республик сталкиваются со множеством барьеров. Они проходят нелегкий путь адаптации и интеграции. Во многом подобные барьеры связаны с законодательством, культурными и языковыми различиями, разницей менталитетов, наконец, с предрассудками местных жителей. Не менее важными аспектами являются вопросы реализации государственных программ и

2

мероприятий по оказанию помощи в социально-экономической реинтеграции возвратных мигрантов.

В этой связи вопрос, вынесенные сегодня на обсуждение, становятся особо актуальными.

Необходимо развивать народную дипломатию, содействовать межнациональному и межконфессиональному диалогу. Необходимо активно использовать ресурс национальных общественных организаций, которые принимают участие в культурно-просветительских мероприятиях. Совместные усилия органов государственной власти и институтов гражданского общества способны оказать большое влияние на поиск эффективных путей адаптации и интеграции мигрантов, укрепления межнационального мира и согласия в странах ЕАЭС и СНГ.

Желаю всем плодотворной работы, интересных и ярких дискуссий!

Председатель Комиссии *М. Вязовский* В.Ю. Зорин

Рис.2. Приветственные письма участникам конференции
Рис 2. Welcome Letters to the Conference Participants
 Источник: из входящей документации ИДИ ФНИСЦ РАН

В конференции приняли участие ученые из Армении, Беларуси, Казахстана Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, США, Японии и др. стран. Свое внимание участники форума прежде всего сосредоточили на вопросах влияния на евразийскую интеграцию новых типов миграционных потоков, проявившихся на евразийском пространстве в последние годы.

На пленарном заседании конференции выступил член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, председатель Научного совета Центра евразийской интеграции, академик РАН, д-р экон. наук, проф. С. Ю. Глазьев, который в своем видеодокладе на тему «Евразийская интеграция: экономика, политика, общество» обосновал предпосылки и последствия интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном мире, особо подчеркнув то, что имеющийся в ЕАЭС потенциал экономического роста и углубления интеграции в полной мере не реализуется. За время, прошедшее после принятия ориентиров экономического развития Евразийского экономического союза до 2030 г., макроэкономические показатели ЕАЭС, включая показатели взаимной и внешней торговли, изменились весьма незначительно, связанность экономик государств-членов не повысилась. Вместе с тем сохранение макроэкономической стабильности в условиях беспрецедентных санкций против России продемонстрировало высокую адаптивность союза к резким ухудшениям внешних факторов. Фактически ЕАЭС в условиях мировой гибридной войны функционирует как самостоятельный центр силы. Это свидетельствует об устойчивости союза к внешним потрясениям, способности быстро активизировать имеющийся научно-производственный и интеграционный потенциал, гибко использовать созданную сеть международного торгово-экономического сотрудничества в целях дальнейшей интеграции стран ЕАЭС.

Зав. центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Национальной Академии наук Кыргызской Республики, президент Социологической ассоциации Кыргызстана, д-р социол. наук, проф. Н. А. Омуралиев (Бишкек, Кыргызстан) в докладе на тему «Демографическая политика Кыргызстана в современный период: социологический анализ» дал подробный анализ демографической ситуации, сложившейся в стране, показал место и роль возвратной миграции и эмиграции из России для дальнейшего социально-экономического развития Кыргызстана.

Зав. отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, председатель Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. Г. И. Осадчая (Москва, Россия) представила доклад «Возвратная миграция из России в Кыргызстан: динамика, причины, структура», в котором обосновала методологические и методические подходы к исследованию возвратной миграции из России в Кыргызстан и изложила основные результаты проведенного эмпирического исследования. Полученные данные свидетельствуют о возрастающих потоках кыргызстанских мигрантов из России в период после июня 2022 г. При возвращении на родину большинство кыргызстанцев сохраняет занятость в секторе экономики миграционного опыта, часть восстанавливает свое прежнее пространство, а часть пытается сменить сферу экономической активности, открывает собственное дело, но некоторые из вернувшихся пока не работают или находятся в поисках работы. Информанты по-разному оценивают свои шансы на успех после возвращения домой. Основными причинами возвратной миграции из России в Кыргызстан по результатам проведенного исследования стали семейные и личные причины, включая состояние здоровья, необходимость лечения, используя при этом более дешевые медицинские услуги на родине, уход за родителями, образование детей, остававшихся с родственниками в Кыргызстане. Треть информантов в качестве причины назвали специальную военную операцию и, в связи

с этим ухудшение экономической ситуации. Часть причин связана с закончившимся контрактом, достигнутыми миграционными целями, предложением работы на родине. Кроме того, докладчик подчеркнула, что кыргызстанцы, выбравшие для себя стратегию возвращения в Россию, более активно поддерживают интеграционные процессы в ЕАЭС и чаще ориентированы на получение российского гражданства.

Академик НАН РА Г. А. Погосян (Ереван, Армения) выступил с докладом «Диверсификация миграционных потоков: проблемы и перспективы». Он отметил, что в настоящее время наблюдается приток мигрантов в Армению из России, как россиян, так и этнических армян. Многие россияне, которые переехали и перевезли свой бизнес в Армению, открыли здесь новые офисы и банковские счета, создали десятки тысяч рабочих мест, приняли армянское гражданство. Однако докладчик считает, что такое явление носит сугубо временный характер, и что за этим последует обратный отток релокантов. Но на сегодняшний день миграция привнесла в Армению большие ресурсы для экономического развития страны.

Гл. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, зам. председателя Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза» при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. Т. Н. Юдина (Москва, Россия) в своем выступлении рассказала об итогах исследования по ключевым вопросам реинтеграции возвратных мигрантов из России в Кыргызстан. Было отмечено, что в основу изучения реинтеграции был положен комплексный подход, который охватил три аспекта реинтеграции: экономический, социальный и психологический. Были предложены эмпирические показатели устойчивой реинтеграции возвращающихся. По итогам исследования докладчиком были сделаны следующие выводы: реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстан носит достаточно устойчивый характер во всех сферах реинтеграции – экономической, социальной и социально-психологической; у возвратившихся мигрантов есть определенные проблемы, что отразилось на уровне оправдания их ожиданий от возвращения из России на родину; в Кыргызстане нет даже «узкого» пакета поддержки возвращающихся. Решение вопроса о возвращении домой полностью зависит только от конкретного лица.

Большой интерес вызвали и другие пленарные доклады российских и зарубежных ученых, в том числе директора Центра Евразийских исследований, д-ра полит. наук, проф. Л. Л. Хоперской (Бишкек, Кыргызстан) по теме «Релокация из России как социально-политический феномен 2022 г.»; директора НИИ труда, миграции и занятости населения Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан, канд. полит. наук М. Ш. Махмадбекзода (Душанбе, Таджикистан) по теме «Возвратная миграция и вызовы в Таджикистане: проблемы и пути решения»; зав. кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова, почетного д-ра Кыргызско-Российского Славянского университета, д-ра экон. наук, проф. В. А. Ионцева (Москва, Россия) по теме «Международная миграция населения и евразийский путь демографического развития в России и в Кыргызстане»; члена Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям, члена Общественного совета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации, проф. ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», д-ра полит. наук, проф. В. А. Волох (Москва, Россия) по теме «Проблемы и приоритеты государственной политики Российской Федерации в сфере миграции».

населения»; проф. университета Рикке К. Охаси (Токио, Япония) «Transformation of Russian-Speaking Tourism Mobilities in Vietnam: Some Ethnographic Accounts on Recent Trends»; доц. кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени Аль-Фараби, члена Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, PhD в области международных отношений Л. Ф. Деловаровой (Алматы, Казахстан) по теме «Казахстан в современных миграционных процессах: потенциал сотрудничества со странами Центральной Азии»; зав. кафедрой финансов Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, д-ра экон. наук, проф. А. А. Саякбаева (Бишкек, Кыргызстан) по теме «Демографическая ситуация в Кыргызской Республике»; вед. науч. сотр. Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, канд. экон. наук Д. В. Полетаева (Москва, Россия) по теме «Беременность, роды и здоровье трудовых мигранток из Кыргызстана в России»; директора международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия» (МАК «ИКБЕ»), проф. кафедры менеджмента Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина, члена Секретариата Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (КС ЕИАК), члена Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, д-ра экон. наук, проф. А. А. Кочербаевой (Бишкек, Кыргызстан) по теме «Экономические последствия релокации россиян в Кыргызстане»; руководителя аппарата генерального директора, директора по коммуникациям, директора дивизиона «Развитие регионов и инвестиции» АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» И. О. Карачина (Москва, Россия) по теме «Актуальные подходы миграционной политики России в свете новой национальной доктрины».

Результаты своих исследований подготовили сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН: гл. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза» при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. О. А. Волкова (Москва, Россия) «Ресурсный потенциал женских некоммерческих организаций России по социальной интеграции мигранток из Кыргызстана»; зав. отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, председатель Комитета Ассамблеи народов России по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. В. Ю. Леденева (Москва, Россия) «Формирование многоуровневой системы адаптации и реинтеграции мигрантов»; зам. директора по научной работе ИДИ ФНИСЦ РАН, проф. экономического факультета РУДН, зам. председателя Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, д-р социол. наук, проф. Т. К. Ростовская (Москва, Россия) «Формирование новой парадигмы развития образовательной миграции в части привлечения молодых соотечественников»; зам. директора по инновационному проектированию ИДИ ФНИСЦ РАН, канд. экон. наук А. С. Лукьянец (Москва, Россия) «Особенности функционирования рынков труда и их влияние на миграцию в условиях интеграционных группировок: случаи ЕС и ЕАЭС»;

вед. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, член Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, канд. социол. наук Е. Ю. Киреев (Москва, Россия) «Новые эмигранты из России в Кыргызстане: причины эмиграции, повседневные практики и особенности адаптации, представления о будущем»; гл. науч. сотр. ИДИ ФНИСЦ РАН, проф. Финансового университета при Правительстве РФ, д-р социол. наук, доцент Е. Е. Письменная (Москва, Россия) «Радмиссия как межстрановой регулятор трудовой миграции: опыт России и Кыргызстана»; вед. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, ученый секретарь Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, канд. экон. наук, доцент М. Л. Вартанова (Москва, Россия) «Основные страны назначения трудовых мигрантов Кыргызстана».

Рис.3. Работа конференции

Рис 3. Work of the Conference

Источник: из личного архива Т. Н. Юдиной

В рамках конференции работали три секции: секция «Демографическая политика Кыргызстана и России: экономические и социальные аспекты» (модераторы: А. А. Саякбаева, О. А. Волкова); секция «Реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстане: социально-экономические проблемы» (модераторы: Л. С. Крыжанова, Е. В. Плоских, В. Ю. Леденева); секция «Возвратная миграция и эмиграция из России в Кыргызстан: динамика, причины и повседневные практики» (модераторы: Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева).

Участниками конференции стали более 100 человек. Ученые-участники форума из разных стран договорились об обмене результатами проведенных научных исследований.

Участники секций свое основное внимание сосредоточили на вопросах евразийской интеграции, так как актуальность данной темы в современных геополити-

ческих условиях возросла многократно. В выступлениях отмечалось, что в условиях геополитического кризиса, сопровождающегося новыми вызовами и угрозами, в том числе с появлением ряда дезинтеграционных тенденций, следует формировать иные подходы к евразийской интеграции. Для активизации интеграционных процессов необходимы новые подходы и современные драйверы евразийской интеграции, которая может быть успешно реализована только при четко продуманной и выстроенной интеграционной политике.

Подчеркивалось, что свободное перемещение рабочей силы как одного из факторов производства является одним из ключевых аспектов эффективного функционирования ЕАЭС как интеграционного объединения. Это относится и к появлению новых типов миграционных потоков, определению их особенностей и перспектив.

Так, актуальным трендом в регионе Центральной Азии стала возвратная миграция, имеющая большое значение для стран ЦА, но пока все еще остающаяся в значительной степени недостаточно изученным феноменом. Мало исследованы такие аспекты, как эффективность миграционной политики в странах происхождения и назначения, направления для ее дальнейшего развития, взаимосвязи между источниками уязвимости мигрантов и более общими рисками и возможностями в регионе. Также требуется разработка законодательства о добровольной возвратной миграции в странах Центральной Азии. Для будущего развития миграционных потоков на интеграционном пространстве ЕАЭС в рамках создаваемого общего рынка труда серьезной проблемой является отсутствие «специализированных» миграционных законов в странах данного интеграционного объединения. Существуют лишь законы об иностранных гражданах, в которых отчасти проработаны вопросы, относящиеся к регулированию миграции в целом и трудовой миграции в частности.

Для получения положительного эффекта от возвращения своих граждан наивысший приоритет должно получить оказание помощи безработным и уязвимым мигрантам, то есть тем, кому не удалось реализовать собственные планы в миграции по причинам запрета или отсутствия экономических перспектив в стране назначения. Тем не менее многие из них возвращаются с улучшенными или новыми навыками, приобретенными во время работы за границей. Вместе с тем для использования такого потенциала в странах возврата должны быть разработаны и действовать системы профессиональной подготовки и сертификации.

Еще одним новейшим трендом стали процессы (само)организации новой волны российских эмигрантов, которые зафиксированы в ряде стран ЕАЭС.

Предлагалось, что в рамках ЕАЭС важно создать необходимые комфортные условия для миграции высококвалифицированных специалистов, ибо трудовая миграция специалистов высокой квалификации положительно скажется на национальных рынках труда всех государств ЕАЭС. Для решения данной задачи необходимо стимулировать развитие инновационной инфраструктуры и создавать единое образовательное пространство, что станет следствием формирования единого рынка труда высококвалифицированных специалистов.

Обсуждались вопросы разработки сценариев развития демографической ситуации в странах ЕАЭС. Подчеркивалось, что основные проблемы прогнозирования вызваны тем, что миграционный прирост населения любой страны формируется в результате взаимодействия иммиграции и эмиграции, в свою очередь обусловленные различными факторами. В случае с интеграционными объединениями, которым и

является ЕАЭС, прогнозирование миграции усложняется неоднородностью социально-экономического и политического развития государств, в него входящих. Близок к интеграции в ЕАЭС Таджикистан. Одним из оснований для вступления Таджикистана в союз может стать активная и масштабная трудовая эмиграция в Россию и Казахстан. Для Республики Таджикистан, как посылающей страны, вхождение в единый рынок труда приведет как к легализации тех трудовых мигрантов, которые работают в странах ЕАЭС без документов, так и к увеличению потоков трудовой миграции из Таджикистана.

Кроме того, учитывая масштабные потоки трудовых мигрантов из Кыргызстана, Армении и Таджикистана в Россию изучение русского языка трудовыми мигрантами является залогом получения более высокооплачиваемого рабочего места.

В рамках конференции для молодых преподавателей, аспирантов и студентов университетов г. Бишкек прошла Демографическая школа ИДИ ФНИСЦ РАН под руководством вед. науч. сотр. отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, члена Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, канд. социол. наук Е. Ю. Киреева.

На занятиях Школы выступили ученые ИДИ ФНИСЦ РАН Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, В. Ю. Леденева, Е. Ю. Киреев, О. А. Волкова. А в обучении приняли участие 35 слушателей. Всем ее участникам по окончании учебы были вручены сертификаты.

Рис.4. Участники Демографической школы

Рис 4. Participants of the Demographic School

Источник: из личного архива Т. Н. Юдиной

Работа конференции освещалась средствами массовой информации Кыргызстана. Т. Н. Юдина и В. Ю. Леденева дали интервью радиостанции «Sputnik Кыргызстан».

Рис.5. Интервью радиостанции «Sputnik Кыргызстан»

Рис 5. Interview with “Sputnik Kyrgyzstan” Radio Station

Источник: из личного архива Т. Н. Юдиной

Сведения об авторах:

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, директор Международного аналитического клуба «Иссык-Куль – Большая Евразия»; профессор кафедры менеджмента, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан.

Контактная информация: e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4205-8940](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); РИНЦ Author ID: [207179](https://elibrary.ru/207179); Web of Science Researcher ID: [AAD-1263-2019](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); Scopus Author ID: [57202029218](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940).

Осадчая Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); РИНЦ Author ID: [118648](https://elibrary.ru/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724).

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: iudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); РИНЦ Author ID: [690209](https://elibrary.ru/690209); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730).

NEW MIGRATION TRENDS IN EURASIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES (BASED ON MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE)

Ainura A. Kocherbaeva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: ainura_koch@mail.ru

Galina I. Osadchaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: osadchaya111@gmail.com

Tatyana N. Yudina

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: ioudinatn@mail.ru

For citation: Kocherbaeva, Ainura A. *New Migration Trends in Eurasia in the Context of Integration Processes (Based on Materials of the International Scientific Conference)* / A. A. Kocherbaeva, G. I. Osadchaya, T. N. Yudina. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 241–252. DOI [10.19181/demis.2023.3.216](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.216).

Bio notes:

Ainura A. Kocherbaeva, Doctor of Economic Sciences, Professor, Director, International Analytical Club “Issyk-Kul – Greater Eurasia”; Professor, Department of Management, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: ainura_koch@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4205-8940](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); RSCI Author ID: [207179](https://elibrary.ru/207179); Web of Science Researcher ID: [AAD-1263-2019](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940); Scopus Author ID: [57202029218](https://orcid.org/0000-0003-4205-8940).

Galina I. Osadchaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: osadchaya111@gmail.com; ORCID ID: [0000-0002-2597-9724](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); RSCI Author ID: [118648](https://elibrary.ru/118648); Web of Science Researcher ID: [G-2163-2017](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724); Scopus Author ID: [35737719800](https://orcid.org/0000-0002-2597-9724).

Tatyana N. Yudina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ioudinatn@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5325-0730](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); RSCI Author ID: [690209](https://elibrary.ru/690209); Web of Science Researcher ID: [S-6912-2016](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730); Scopus Author ID: [55962445600](https://orcid.org/0000-0001-5325-0730).

Received on 25.05.2023; accepted for publication on 21.07.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.17)EDN [CUJQKC](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2023.3.3.17)

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТА-ДЕМОГРАФА: ОБЗОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА

Ростовская Т. К.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

Для цитирования: Ростовская, Т. К. Особенности работы специалиста-демографа: обзор профессионального стандарта // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.17). EDN [CUJQKC](https://www.edn.ru/entry/10.19181/demis.2023.3.2.17).

Аннотация. В соответствии с профессиональным стандартом «Демограф» актуализирована значимость появления новой профессии – демограф, представлена функциональная карта вида профессиональной деятельности. Рассмотрены наиболее востребованные должности демографов, определена потребность в выпускниках-демографах.

Ключевые слова: подготовка специалистов демографов; профессиональный стандарт «Демограф»; вид профессиональной деятельности демографа; определение потребности в выпускниках-демографах.

Сегодня как никогда ранее в России назрела острая необходимость в подготовке высококвалифицированных специалистов-демографов, работающих в различных областях науки и практики. По состоянию на 2022 г. потребность в демографах органов государственной и муниципальной власти, аналитических центров, внебюджетных фондов, Росстата, социологических служб, крупных российских компаний составляет примерно 5 300 человек [1].

В соответствии с утвержденным в 2022 г. профессиональным стандартом «Демограф», видом профессиональной деятельности специалиста-демографа является мониторинг, прогнозирование и разработка механизмов демографического развития, а основной целью – «Повышение качества разработки социальной и демографической политики государства, региона, отрасли, организации»¹. Таким образом, демографы должны уметь создавать базы данных на основе современных цифровых технологий, определять демографическую конъюнктуру на различных уровнях, моделировать сценарии развития демографических процессов, формировать информационно-аналитическое обеспечение и проводить экспертизу программ и проектов развития общества.

В профессиональном стандарте «Демограф» вид профессиональной деятельности специалиста-демографа «Мониторинг, прогнозирование и разработка механизмов демографического развития» отнесен к области профессиональной деятельности «Социальное обслуживание» – код 03 (с учетом международных классификаторов).

В рамках данного вида профессиональной деятельности в профессиональном стандарте «Демограф» правильно выстроена последовательность обобщенных трудовых функции (ОТФ):

¹ Приказ Минтруда России № 346н от 8 июня 2022 г. «Об утверждении профессионального стандарта “Демограф”» // Минтруд России : [сайт]. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2368> (дата обращения: 18.07.2023).

- мониторинг демографических процессов в обществе;
- прогнозирование демографических процессов в обществе;
- демографическая экспертиза и консультирование.

Вся структура профессиональной деятельности, предложенная в профессиональном стандарте «Демограф», включающая в себя, помимо ОТФ, также трудовые функции (табл. 1), позволяет говорить о целостном взгляде на деятельность специалистов-демографов [2].

Таблица 1

**Функциональная карта вида профессиональной деятельности
профессионального стандарта «Демограф»**

Table 1

**Functional map of the type of professional activity
of the professional standard “Demograph”**

Обобщенные трудовые функции			Трудовые функции	
Код	Наименование	Уровень квалификации	Наименование	Код
А	Мониторинг демографических процессов в обществе	6	Формирование демографических баз данных на основе современных цифровых технологий	А/01.6
			Определение демографической конъюнктуры на различных уровнях	А/02.6
В	Прогнозирование демографических процессов в обществе	7	Моделирование демографических процессов в обществе	В/01.7
			Разработка сценариев развития демографических процессов в обществе	В/02.7
С	Демографическая экспертиза и консультирование	7	Проведение демографической экспертизы проектов и работ	С/01.7
			Информационно-аналитическое обеспечение реализации программ и проектов демографического развития общества	С/02.7

Источник: [2]

В совокупности три обобщенные трудовые функции соответствуют сформулированной цели вида профессиональной деятельности «Демограф»: «Повышение качества разработки социальной и демографической политики государства, региона, отрасли, организации». Знания о численности и структуре населения, тенденциях демографических процессов и миграционных потоках становятся важным элементом обоснования экономической и маркетинговой стратегии предприятий и фирм, развития социально ответственного бизнеса и рыночной, социальной, транспортной инфраструктуры.

Принятие профессионального стандарта «Демограф» позволило разработать и утвердить приказом Национального агентства развития квалификаций от 14 ноября 2022 года № 129/22-ПР проекты наименований квалификаций и требования к квалификациям «Специалист в области демографии (демограф)» – 6 уровень квалификации; «Аналитик в демографической сфере» – 7 уровень квалификации².

² Т. К. Ростовская представила проекты квалификаций в соответствии с профстандартом «Демограф»//ИДИФНИСЦРАН: [сайт]. 13.07.2022. URL: <https://idrras.ru/news/2022/july/tk-rostovskaya-predstavila-proekty-kvalifikatsij-v-sootvetstvii-s-ps-demograf.html> (дата обращения: 18.07.2023).

Среди новых должностей демографов востребованы: демограф в социальной сфере, экономист-демограф, специалист-демограф, специалист в области народосбережения, аналитик в демографической сфере, консультант (советник) демографических экспертиз и др.

Следующим важным этапом в подготовке специалистов-демографов на национальном уровне является разработка по инициативе Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН совместно с Координационным центром развития кадрового потенциала в области демографии макета ФГОС ВО нового поколения «Демография» в рамках укрупненной группы специальностей направлений подготовки «Политика, социология и международные процессы». Утверждение данного проекта ФГОС позволит начать системный процесс подготовки в образовательных организациях высшего образования специалистов-демографов.

Как определить потребность в выпускниках-демографх?

Направление подготовки «Демограф», являясь новым, не имеющим аналогов в стране, не имеет и универсальной формулы расчета.

Работа по определению потребностей в квалифицированных кадрах в субъектах РФ в 2019 г. была проведена ФГБУ «ВНИИ Труда» Минтруда России¹. Ее основной целью стала подготовка рекомендаций по совершенствованию региональных механизмов определения потребностей в квалифицированных кадрах, в том числе по востребованным и перспективным профессиям. Было выявлено, что экономические и демографические ориентиры, прогнозирование социально-экономического развития учитываются в осуществлении прогноза (мониторинга) потребностей в кадрах на региональном уровне².

На уровне г. Москвы примерная необходимая численность специалистов-демографов оценивается в 740 человек (предполагаемые профессии и должности: демограф; главный демограф; ведущий демограф; аналитик в сфере демографического развития; экономист-демограф; специалист в области народосбережения; специалист по краудсорсингу демографического развития; демограф в социальной сфере; консультант по семейно-демографической политике; советник по корпоративной демографической политике и ряд других).

Для обсуждения может быть предложена следующая методика:

ЧИСЛО РЕГИОНОВ * НА ЧИСЛО X СПЕЦИАЛИСТОВ В ОРГАНАХ УПРАВЛЕНИЯ.

При этом X – выравненное для регионов, расчетное значение (либо на численность населения, либо на численность государственных и муниципальных служащих).

В состав органов управления могут быть включены министерства труда, здравоохранения, образования, социальной защиты, миграционные службы, министерство экономики, МВД и Минобороны, Пенсионный Фонд и его отделения, ЗАГСы. Также необходимо учитывать потребность в специалистах-демографх для НКО по работе с уязвимыми группами населения, негосударственных пенсионных фондов, банков и страховых компаний, маркетинговых служб предприятий и фирм, исследований

¹ Савина, Н. М. Практика определения потребностей в квалифицированных кадрах в субъектах РФ (на основании анализа региональных нормативных правовых актов и материалов // Профессиональные стандарты : [сайт]. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/upload/medialibrary/b8b/Изучение%20НПА%20о%20кадровых%20потребн.pdf> (дата обращения: 18.07.2023).

² Вузы приступают к подготовке высококвалифицированных специалистов-демографов // Репортер ВУЗа. 2022. № 9. С.34–39.

рынка, служб по работе с персоналом и разработке корпоративной социальной политики, исследований тенденций демографической ситуации, ее прогнозирования, включая влияние демографических процессов на экономику.

Представленная формула (методика) не апробирована и является ориентировочной для предварительного понимания потребностей в специалистах-демографах.

Выпускники-демографы, обладая обширными знаниями о населении и опираясь на базы данных (такие как постоянный учет, выборочные обследования, сплошные наблюдения, административные источники информации, открытые (большие) данные), понимая закономерности изменений численности и структуры населения, параметры формирования демографической конъюнктуры, и таким образом имея ряд преимуществ перед другими соискателями на рынке труда, могут найти себе применение в различных сферах деятельности. Среди них можно выделить следующие:

- работники социальных служб (специалист по работе с семьей, социальный работник, специалист по социальной работе и проч.);
- специалист по работе с молодежью;
- социолог;
- педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования;
- специалист по управлению персоналом;
- специалист по трудовой миграции;
- специалист-демограф в сфере маркетинга;
- специалист-демограф в сфере страхования.

Особо востребованы специалисты-демографы в Центрах общественного здоровья и медицинской профилактики. Приказом Минздрава России от 28.07.2020 г. № 748 н внесены изменения в «Порядок организации и осуществления профилактики неинфекционных заболеваний и проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в медицинских организациях»³. Согласно данному приказу, к новым функциям Центров общественного здоровья и медицинской профилактики относятся:

- разработка, реализация и оценка эффективности мер, направленных на снижение заболеваемости и предотвратимой смертности от неинфекционных заболеваний, увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни за счет увеличения доли лиц, ведущих здоровый образ жизни (далее – укрепление общественного здоровья);
- анализ смертности от неинфекционных заболеваний на региональном и муниципальном уровнях с оценкой географических, половозрастных и социальных факторов, включая оценку ожидаемой продолжительности жизни и повозрастных коэффициентов смертности;
- мониторинг и анализ распространенности факторов риска неинфекционных заболеваний на региональном и муниципальном уровнях, в том числе проведение эпидемиологических исследований;

³ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 29.10.2020 № 1177н «Об утверждении Порядка организации и осуществления профилактики неинфекционных заболеваний и проведения мероприятий по формированию здорового образа жизни в медицинских организациях» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012030043> (дата обращения: 18.07.2023).

- разработка и реализация региональных программ укрепления общественного здоровья, содержащих мероприятия по профилактике неинфекционных заболеваний, формированию здорового образа жизни;
- участие в разработке и мониторинге реализации муниципальных и корпоративных программ укрепления общественного здоровья;
- организация межведомственного взаимодействия на региональном, муниципальном уровнях по вопросам общественного здоровья,
- мониторинг и анализ грамотности населения по вопросам общественного здоровья, включая оценку информированности относительно риска неинфекционных заболеваний на региональном и муниципальном уровнях, а также оценку мотивированности населения к ведению здорового образа жизни.

И вышесказанного следует вывод: роль специалистов-демографов в современном обществе не только очевидна, но и чрезвычайно актуальна.

Список литературы:

1. Ростовская, Т. К. Разработка системы подготовки демографов для комплексного решения демографических проблем / Т. К. Ростовская, Н. С. Рычихина // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 21–32. DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-21-32](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-21-32). EDN [YWPSJD](https://www.edn.ru/ywpsjd).
2. Ростовская, Т. К. Демографическое развитие: концептуализация модели кадрового потенциала в области исследования и управления / Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 20 / Отв. ред. М. К. Горшков ; ФНИСЦ РАН. Москва : Новый Хронограф, 2022. С. 200–228. DOI [10.19181/ezheg.2022.8](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.8). EDN [HQICXI](https://www.edn.ru/hqicxi).

Сведения об авторе:

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, руководитель Координационного центра развития кадрового потенциала в области демографии, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); PИИЦ Author ID: [767943](https://www.iiict.ru/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://www.researcherid.org/rid/F-5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57192987864).

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; принята в печать 17.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

FEATURES OF THE WORK OF A DEMOGRAPHER: AN OVERVIEW OF THE PROFESSIONAL STANDARD

Tamara K. Rostovskaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru

For citation: Rostovskaya, Tamara K. Features of the Work of a Demographer: An Overview of the Professional Standard. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 253–258. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.17](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.17).

Abstract. The article draws attention to the importance of the emergence of a new profession – a demographer – in accordance with the professional standard “Demographer”, and presents a functional map of the type of professional activity. The most demanded positions of demographers are considered, the need for demographer graduates is determined.

Keywords: training of demographers; professional standard “Demographer”; type of professional activity of a demographer; determination of the need for demographer graduates.

References:

1. *Rostovskaya, T. K.* Developing a System for Training Demographers for Comprehensive Solution of Demographic Problems / T. K. Rostovskaya, N. S. Rychikhina. Management Issues. 2023. Vol. 17, No. 2. Pp. 21–32. DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-21-32](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-21-32). EDN [YWPSJD](https://www.edn.ru/entry/YWPSJD). (In Russ.).
2. *Rostovskaya, T. K.* Generation of a Conceptual Model of Human Resources in the Field of Demographic Development / T. K. Rostovskaya, O. A. Zolotareva. Rossiya reformiruyushchayasya [Russia in reform] : yearbook : No. 20 / Ex. ed. M. K. Gorshkov ; FCTAS RAS. Moscow : Novyy Khronograf Publishing House, 2022. Pp. 200–228. DOI [10.19181/ezheg.2022.8](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.8). EDN [HQJCXI](https://www.edn.ru/entry/HQJCXI). (In Russ.).

Bio note:

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Deputy Director for Research, Head of the Coordinating Center for the Development of Human Resources in the Field of Demography, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-1629-7780](https://orcid.org/0000-0002-1629-7780); RSCI Author ID: [767943](https://www.rsci.ru/author/767943); Web of Science Researcher ID: [F-5579-2018](https://www.webofscience.com/author/5579-2018); Scopus Author ID: [57192987864](https://www.scopus.com/author/57192987864).

Received on 19.05.2023; accepted for publication on 17.07.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.18](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.18)
EDN [EGMTJQ](https://edn.emgtjq.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ОБЗОР РЕГИОНАЛЬНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДОКЛАДА

Ахметова Г. Ф.

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

E-mail: aguldar@yandex.ru

Для цитирования: Ахметова, Г. Ф. Современное демографическое развитие Республики Башкортостан: обзор регионального демографического доклада // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 259–264. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.18](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.18). EDN [EGMTJQ](https://edn.emgtjq.ru).

Аннотация. В статье представлен обзор коллективной научной работы, раскрывающей особенности социально-демографического развития региона – Демографического доклада Республики Башкортостан. В издании на основе данных официальной статистики, социологических исследований проведен комплексный анализ процессов естественного и миграционного движения населения республики, рассмотрены некоторые аспекты социально-экономического развития, а также меры региональной социальной и демографической политики. В Демографическом докладе отмечается, что основные тенденции Республики Башкортостан протекают в общероссийском контексте. Это старение населения, сокращение численности лиц активного трудоспособного возраста; снижение интенсивности рождаемости, сокращение численности населения репродуктивного возраста, доминирование репродуктивных установок на малодетность; изменение структуры смертности по причинам; процессы трансформации в сферах семьи и брака (изменение ценностных установок, брачного поведения и т. д.); центристский, характер миграционных процессов, высокая миграционная убыль молодых возрастных групп. В то же время в Демографическом докладе подчеркивается, что общие тренды демографического развития России и Башкортостана не исключают того, что процессы естественного и миграционного движения населения в республике имеют свою специфику. Это обусловлено возрастной, социально-территориальной, этнической структурой населения; уровнем урбанизации в регионе; сложившейся системой городского и сельского расселения; особенностями социально-экономического развития республики и другими факторами. Социально-демографические показатели в Башкортостане дифференцированы и в пределах региона, что проявляется на субрегиональном и муниципальном уровнях. В Демографическом докладе предлагаются меры в сферах социальной и демографической политики. По мнению авторов, меры в области семьи и рождаемости, смертности и здоровьесбережения, миграции и занятости должны быть тесно взаимосвязаны и дополнять друг друга.

Ключевые слова: Башкортостан; семья; рождаемость; смертность; миграция; демографическая политика.

Республика Башкортостан представляет большой интерес для анализа социально-демографических процессов на региональном уровне. Регион является одним из крупных по численности населения субъектов Российской Федерации, с развитой системой городского расселения, в которой представлены все типы городов – от малых до города-миллионника, но при этом с достаточно большой долей сельского населе-

ния¹. Высокая территориальная дифференциация республики в социально-экономическом отношении, разный уровень урбанизированности территорий наряду с другими факторами накладывают свой отпечаток на характер протекающих в Башкортостане демографических процессов, имеющих свои особенности в городской и сельской местностях, на уровне отдельных субрегионов и муниципальных образований.

Демографическая картина, которая складывается в регионе, находит отражение в регулярно издаваемых Демографических докладах Республики Башкортостан. К настоящему времени подготовлены и опубликованы пять выпусков Доклада, в каждом из которых участие приняли специалисты разных направлений (демографы, социологи, экономисты) и научных подходов как Башкортостана, так и России. Среди авторов, экспертов и рецензентов, участвовавших в подготовке разных выпусков Доклада, можно назвать таких ведущих отечественных демографов, как А. Г. Вишневский, М. Б. Денисенко, С. В. Рязанцев, В. Г. Доброхлеб, С. В. Захаров, Н. М. Калмыкова, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян.

В данной обзорной статье мы знакомим читателей с очередным, пятым, выпуском Демографического доклада Республики Башкортостан. Он посвящен памяти Р. А. Галина (20.07.1930–15.11.2021) – видного ученого, демографа, экономиста, посвятившего свою профессиональную деятельность развитию демографических исследований в Башкортостане. Р. А. Галин являлся одним из основных авторов и экспертов предыдущих выпусков Демографического доклада.

Настоящий выпуск Демографического доклада² нацелен на всесторонний анализ демографической ситуации в регионе в пандемийный и постпандемийный периоды. Он выполнен на основе широкого круга статистических и социологических данных, нормативно-правовых актов и состоит из трех тематических разделов.

В первом разделе рассмотрены динамика численности, структуры и расселения населения; основные сферы демографического развития республики; представлены результаты демографических прогнозов по Республике Башкортостан.

Особенность структуры населения Башкортостана заключается в большей, чем в среднем по России, представленности в ее составе молодых возрастных групп, сельского населения. За последний межпереписной период произошли изменения в расселении населения: наблюдается постепенное «перетекание» жителей в наиболее крупные сельские населенные пункты, в большие города; активно растут пригороды агломераций, особенно Уфимской.

Ситуация с пандемией коронавируса оказала значительное влияние на характер демографических процессов в республике. Это выразилось в том, что показатели рождаемости, смертности, брачности и разводимости, а также миграции в пандемийный (2020–2021 гг.) и постпандемийный (2022 г.) периоды демонстрировали разнонаправленные изменения. Общим для всех сфер демографического развития явилось наступление в постпандемийный период так называемого компенсационного эффекта, когда показатели естественного и миграционного движения населения стали иметь крайне высокие значения, а затем начали постепенно возвращаться к

¹ Республика с численностью жителей более 4 млн человек занимает седьмое место среди субъектов РФ по этому показателю. Сельское население составляет около 38%, что заметно выше среднероссийского уровня, равного 25%.

² Республика Башкортостан. Демографический доклад. Выпуск 5: научное издание / под ред. В. Л. Савичева, Г. Ф. Ахметовой, Р. М. Валиахметова, Я. А. Скрыбиной, Р. Н. Комлевой, И. Б. Утяшевой [Электронный ресурс]. Уфа : РИЦ УУНиТ, 2023. 304 с. ISBN 978-5-7477-5708-0. URL: <https://clck.ru/352wiC>

допандемийному уровню.

Исключением являются процессы рождаемости, которые в силу своего характера более инерционны и зависят не только от изменения внешних условий, но во многом определяются и внутренними демографическими факторами, в том числе возрастно-половой структурой и численностью населения, а также устойчивыми репродуктивными установками.

Для процессов рождаемости в республике, которые всегда характеризовались более высокими значениями, нежели в целом по России, характерна тенденция постепенного снижения ее интенсивности. Это проявилось в том, что в 2021–2022 гг. в республике сложился СКР с более низкими значениями, чем по стране в целом. Это беспрецедентная для Башкортостана ситуация, которая говорит о том, что тренд на снижение рождаемости носит глобальный характер, и Башкортостан вслед за Россией постепенно входит в него (в том числе и сельское население, которое, как правило, следует более традиционным репродуктивным установкам).

На ситуацию со смертностью пандемия оказала как прямое, так и косвенное влияние. В первом случае речь идет о росте смертности в связи с поражением легких, во втором – от болезней органов кровообращения. Наиболее высокая избыточная смертность сложилась в городах (в первую очередь, в г. Уфе), среди женского населения; преждевременная смертность (среди лиц до 65 лет) – в сельской местности. Уровень ОПЖ в период пандемии в республике значительно снизился, а после пандемии, равно как и в России в целом, вырос. Это обусловлено тем, что в период пандемии избыточная смертность наблюдалась у той категории населения, которая имела наибольший риск смерти (лица пожилого возраста с хроническими заболеваниями), но которые могли бы прожить дольше и уйти из жизни в последующие годы, а не в период пандемии. В связи с чем потенциал смертности (возможных смертей) в первый постпандемийный год был значительно сокращен.

Изменились тренды последних лет в сфере семьи и брака: резкое снижение показателей брачности и разводимости в связи с ограничительными санитарно-эпидемиологическими мерами в 2020 г. сменилось их ростом в дальнейшем. Сегодня в сфере семьи и брака происходят глубокие трансформационные процессы: распространяются разные формы брачных союзов, меняется характер внутрисемейных отношений, формируются новые ценности. Об этом говорят результаты социологических исследований, проведенные в Республике Башкортостан среди студенческой молодежи, и лиц, вступающих в брак либо планирующих развестись.

Показатели структуры населения, рождаемости, смертности, здоровья отражают уровень развития человеческого потенциала отдельных территорий республики. В анализируемой нами работе отмечается, что демографические детерминанты человеческого развития определяются как объективными (занятость, образование, экология, доходы и т. д.), так и субъективными факторами (образ жизни, культура межличностных отношений, семья, дети и т. д.).

В докладе рассмотрены разные направления и виды миграции, объемы которых в период пандемии значительно снизились, затем возросли и постепенно стали возвращаться к допандемийному уровню. Исключительная ситуация сложилась в сфере межрегиональной миграции, показатели которой по итогам 2021 г. впервые приобрели положительные значения. Миграционная ситуация в Башкортостане характеризуется тем, что здесь с меньшей интенсивностью, чем в среднем по стране, наблюдается международная и межрегиональная миграция и с большей – внутрирегио-

нальная. Острой проблемой для республики остается высокая убыль в другие регионы молодежи в возрасте от 15 до 34 лет, т. е. лиц активного брачного и репродуктивного возраста. Внутрорегиональная миграция в Башкортостане носит центростремительный характер и ведет к концентрации населения в центральных территориях республики, пригородах агломераций. Башкортостан сохраняет лидирующие позиции по абсолютным показателям временной трудовой миграции в другие субъекты РФ, значения которых даже в период пандемии не снизились. Социологические данные показывают, что во временную трудовую миграцию в большей степени вовлечены мужчины, молодые люди, лица со средним специальным образованием, состоящие в браке и имеющие детей. Мужчины и молодежь также вносят кардинальный вклад в потенциал не только временной, но и постоянной миграции, связанной со сменой работы.

В докладе проведен сравнительный анализ основных показателей демографического развития на территориальном уровне: субрегиональном и муниципальном; показаны особенности сложившейся демографической ситуации в двух малых городах республики – г. Агидель и г. Баймак. Различия демографических показателей представлены на картах-схемах, а также отражены в демографическом паспорте муниципальных образований Республики Башкортостан.

Во втором разделе Демографического доклада рассматриваются социальные и экономические факторы демографических процессов. Анализируются вопросы влияния ряда социально-экономических показателей на значения естественного прироста и ОПЖ в регионах Урала и Поволжья. Наиболее значимыми факторами в рассматриваемых регионах выступают уровни жилищной обеспеченности, заболеваемости, материального благосостояния, обеспеченности врачами и жильем. Влияние социальных факторов на демографические процессы исследуется авторами и во внутрорегиональном разрезе: на основе анализа сложившейся дифференциации муниципальных образований республики в плане обеспечения объектами социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, культуры).

Занятость и состояние рынка труда тесно взаимосвязаны с демографическим развитием республики. Для Башкортостана характерен уровень занятости населения ниже, чем в среднем по России, однако налицо более высокие показатели занятости в неформальном секторе экономики. Как показывают социологические исследования по Республике Башкортостан, установки населения на профессиональную самореализацию являются положительным фактором формирования человеческого капитала, вместе с тем они нередко оказывают отрицательное воздействие на репродуктивные установки населения, на принятие решений о рождении детей.

Уровень и качество жизни населения подвергаются анализу через призму развития человеческого потенциала. Авторские расчеты индекса развития человеческого потенциала по отдельным регионам (ИЧР-регион) демонстрируют, что еще в 2019 г., т. е. до начала пандемии, которая повлияла на уровень смертности, в республике наблюдались неблагоприятные тенденции в изменении индекса долголетия, в основном за счет сокращения ОПЖ сельского населения.

К социальным факторам демографического развития можно отнести и такие криминальные проявления, как преступность в сфере миграции и насилие в семейно-бытовой сфере. Уровень преступности среди международных мигрантов не является высоким, однако в этой сфере существуют проблемы, требующие своего неза-

медлительного решения. Бытовое насилие в республике часто носит скрытый, латентный характер, и криминальная статистика лишь частично отражает ее реальные масштабы.

Третий раздел Демографического доклада посвящен вопросам реализации региональной социальной и демографической политики. Отдельно рассматриваются меры в области семьи и рождаемости, смертности и здоровьесбережения, миграции и занятости. Предлагается широкий спектр мер по повышению эффективности демографической политики. В частности, подчеркивается, что меры финансовой поддержки в области семьи и рождаемости должны быть направлены не только на уязвимые категории населения, но и на благополучные семьи с детьми, которые тоже подвержены риску оказаться в сложных финансовых условиях. Эффективным инструментом предоставления социальных услуг семьям может выступить так называемая «социальная экосистема территории», когда через единый цифровой интерфейс обеспечивается взаимодействие поставщиков и потребителей социальных услуг. Меры миграционной политики тесно взаимосвязаны с решением вопросов в сферах занятости, повышения уровня и качества жизни населения, доступности услуг в сферах образования, здравоохранения, культуры. Авторы констатируют, что меры в области семьи и рождаемости, смертности и здоровьесбережения, миграции и занятости должны дополнять друг друга и формироваться с учетом особенностей социально-экономического и демографического развития региона и отдельных его территорий, потребностей разных возрастных, социальных групп населения. При этом основным подходом в такой политике должен стать принцип демографической безопасности, когда в стране создаются не только необходимые условия для естественного воспроизводства населения, но и оказывается противодействие угрозам демографического развития, в т. ч. и информационным.

Сведения об авторе:

Ахметова Гульдар Фаритовна, кандидат исторических наук, главный специалист научной лаборатории социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: aguldar@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246); ПИНЦ Author ID: [185209](https://pinct.org/185209); Scopus Author ID: [55489625300](https://orcid.org/55489625300).

Статья поступила в редакцию 18.05.2023; принята в печать 14.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CONTEMPORARY DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: REVIEW OF THE REGIONAL DEMOGRAPHIC REPORT

Guldar F. Akhmetova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

E-mail: aguldar@yandex.ru

For citation: Akhmetova, Guldar F. Contemporary Demographic Development of the Republic of Bashkortostan: Review of the Regional Demographic Report. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 261–266. DOI [10.19181/demis.2023.3.3.18](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.18).

Abstract. *The article presents an overview of the collective scientific work revealing the features of the socio-demographic development of the region – the Demographic Report of the Republic of Bashkortostan. Based on official statistics and sociological research, the publication provides a comprehensive analysis of the processes of natural and migration movement of the population of the republic, examines some aspects of socio-economic development, as well as measures of regional social and demographic policy. The Demographic Report notes that the main trends of the Republic of Bashkortostan take place in the all-Russian context. These are the aging of the population, a decrease in the number of people of active working age; a decrease in the intensity of fertility, a decrease in the population of reproductive age, the dominance of reproductive attitudes towards childlessness; a change in the structure of mortality for reasons; transformation processes in the spheres of family and marriage (changes in value attitudes, marital behavior, etc.); centripetal, the nature of migration processes, high migration decline of young age groups. At the same time, the Demographic Report emphasizes that the general trends in the demographic development of Russia and Bashkortostan do not exclude that the processes of natural and migration movement of the population in the republic have their own specifics. This is due to the age, socio-territorial, ethnic structure of the population; the level of urbanization in the region; the existing system of urban and rural settlement; the peculiarities of socio-economic development of the republic and other factors. Socio-demographic indicators in Bashkortostan are also differentiated within the region, which is manifested at the sub-regional and municipal levels. The Demographic Report suggests measures in the areas of social and demographic policy. According to the authors, measures in the field of family and fertility, mortality and health, migration and employment should be closely interrelated and complement each other.*

Keywords: *Bashkortostan; family; fertility; mortality; migration; demographic policy.*

Bio note:

Guldar F. Akhmetova, *Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.*

Contact information: *e-mail: aguldar@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9367-0246](https://orcid.org/0000-0001-9367-0246); RSCI Author ID: [185209](https://elibrary.ru/185209); Scopus Author ID: [55489625300](https://orcid.org/55489625300).*

Received on 18.05.2023; accepted for publication on 14.07.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.19](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.19)
EDN [AXIOBO](https://axiobo.org/)

МИГРАЦИОННЫЙ АТЛАС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВЗГЛЯД ИЗ АРГЕНТИНЫ

Писарро С. А.

Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

E-mail: pizarro.cynthia@gmail.com

Для цитирования: Писарро, С. А. Миграционный атлас Российской Федерации: взгляд из Аргентины // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 265–272. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.19](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.19). EDN [AXIOBO](https://axiobo.org/).

Аннотация. В рецензии на «Миграционный атлас Российской Федерации», подготовленный группой авторов Института демографических исследований ФНИЦ РАН и Северо-Кавказского федерального университета, представлен обзор совместной работы демографов, социологов, географов и картографов двух научных организаций. Авторы атласа анализируют историческую и современную статистику миграционных процессов в Российской Федерации, ее основные направления, страны, связанные с РФ в единые миграционные каналы, сформировавшиеся за рубежом сообщества русскоязычных мигрантов и их экономическое взаимодействие. Авторы уделяют значительное внимание ряду аспектов, которые зачастую выпадают из поля зрения исследователей. Среди них – этнический состав мигрантов, особенности их пространственного расселения, процессы маятниковой миграции, влияние миграционной инфраструктуры на исследуемые процессы, особенности международного управления миграцией.

Ключевые слова: международная миграция; управление миграцией; расселение; миграционная инфраструктура; этническая миграция; русскоязычные сообщества.

Рецензируемое издание является результатом трехлетней совместной работы демографов, социологов, географов и картографов из Института демографических исследований (ИДИ) РАН и Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ). Задачей атласа является анализ тенденций, структуры и последствий миграционных процессов в Российской Федерации и ее регионах. Проанализированная информация относится к периоду 1991–2021 гг.

Атлас разделен на десять разделов: Россия в глобальной и региональной миграции; показатели и статистика миграции; миграционная и дипломатическая инфраструктура; миграция и демографическое развитие; внутрироссийская миграция; иммиграция в Россию; этнические миграции и диаспоры; эмиграция из России и русскоязычные сообщества за рубежом; паспортно-визовые отношения; глобальное управление миграцией. Информация в каждом разделе представлена визуально с помощью таблиц и карт отличного качества, что позволяет читателю наглядно представлять пространственные аспекты миграционных потоков и миграционной политики.

В первой главе дана характеристика особенностей миграции в Российскую Федерацию и из нее в глобальном и региональном контексте. В 2020 г. Россия входила в первую десятку государств по приему иммигрантов, которые составляли 8% от общей численности населения страны. В то же время она находилась на третьем месте среди государств с наибольшим количеством эмигрантов. Основными странами, откуда в Россию прибывают иммигранты, являются государства, ранее входившие в состав

Советского Союза (а ныне входящие вместе с Россией в Содружество Независимых Государств – СНГ). Среди них к ведущим относят Украину, Казахстан, Белоруссию, Киргизию и Армению.

Во второй главе анализируются источники данных о миграционных процессах, при этом делается уточнение, что российская статистика довольно ограничена. Авторы подчеркивают разрозненность информации, предоставляемой разными министерствами и ведомствами. На национальном уровне это Пограничная служба ФСБ России, упраздненная в настоящее время Федеральная миграционная служба и Главное управление по вопросам миграции (ГУВМ) МВД Российской Федерации.

Регистрация иммигрантов, которые должны подтвердить свое место пребывания или проживания по прибытии в РФ, в равной мере является источником статистических данных. Так, информация может быть получена из документов, предоставляемых при оформлении временного и постоянного проживания или при получении гражданства. Авторы показывают, что в 2016–2020 гг. количество ходатайств и заявлений о предоставлении вида на жительство постоянно росло с небольшим спадом в 2021 г. (вероятно, из-за воздействия пандемии COVID-19). Количество лиц, получающих российское гражданство, также увеличивалось на протяжении последних пяти лет, достигнув максимума в 2021 г. Основными его получателями стали украинцы, за которыми следовали таджики, казахи и армяне.

В атласе рассматривается и особая категория – соотечественники, введенная для уроженцев России (или их потомков), которые проживают за границей и хотят вернуться в Россию. Они пользуются рядом льгот и государственной программой содействия в переселении на родину. Эта программа является еще одним источником статистической информации, полезной для изучения миграции. Еще одна программа, предназначенная для оказания помощи мигрантам определенного типа, программа для вынужденных мигрантов (беженцев), которым предоставляется временное убежище на основании специального документа. Эта информация, опять-таки регистрируемая в базах данных, анализируется авторами атласа.

Следующим источником информации являются сведения, касающиеся трудящихся-мигрантов. За выдачу разрешений на работу иностранцам и нанимающим их работодателям отвечает ГУВМ МВД. Граждане Казахстана, Беларуси, Кыргызстана и Армении от таких разрешений освобождены. Иностранцам, которым для въезда в Россию виза не требуется, необходимо получить иной вид разрешения на работу – патент. Веб-сайт ГУВМ МВД публикует данные о количестве выданных патентов и разрешений на работу с указанием социально-демографических характеристик мигрантов, регионов, в которые они направляются, и стран их происхождения.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) собирает и публикует более полную и систематизированную информацию за достаточно длительный период времени: данные о мигрантах, беженцах, трудовых мигрантах и другие. Кроме того, Росстат публикует сведения о количестве российских граждан, уехавших из страны на постоянное жительство за границу. Авторы критикуют достоверность подобной информации и предлагают использовать только данные, касающиеся выезда российских граждан (а не всех выехавших из страны – например, иностранных трудовых мигрантов), а также опираться на данные статистических служб тех государств, куда направляются российские граждане. Интересен проведенный авторами критический анализ таких статистических несоответствий, учитывающий то обстоятельство, что в последние годы страны, в которые в основном направляются рос-

сийские эмигранты, являются странами, откуда прибывает большая часть трудовых мигрантов и которые относятся к СНГ. Авторы сравнивают эту информацию с данными социологических опросов (2005–2012 гг.), которые зафиксировали намерения российских граждан эмигрировать в т. н. «дальнее зарубежье» (Израиль, Германия, США, Австрия, Чехия, Нидерланды, Испания, Норвегия, страны Азии, Латинской Америки и Океании).

Следующий источник информации – всероссийские переписи населения (2002, 2010 и 2021 гг.). Кроме того, Росстат располагает данными о временных трудовых мигрантах: о количестве разрешений на работу, выданных иностранцам в России, а также о российских гражданах, работающих за рубежом, в зависимости от вида деятельности компаний, их нанимающих. Однако авторы, опираясь на другие источники, критикуют публикуемую Росстатом статистическую информацию о количестве россиян, работающих за границей. Небезынтересным является факт о том, что многие из пунктов назначения российских рабочих, зарегистрированных при переписи населения, – это «экзотические» страны, такие как Либерия, Кипр, Мальта и др. Авторы объясняют данное обстоятельство тем, что многие эмигранты работают моряками, инженерами, техниками, механиками и обслуживающим персоналом судов, зарегистрированных под флагами этих стран.

Еще одно ведомство, предоставляющее статистические сведения, которые полезны для изучения миграции, – Министерство иностранных дел (МИД) РФ. Оно через свои консульские учреждения выдает визы иностранцам для въезда в страну, а также регистрирует российских граждан, проживающих за границей, в случаях, когда тем необходимо заверить документы, получить паспорта, свидетельства о рождении и т. п. Но этот вид регистрации (консульский учет) является добровольным, и охватывает всего 10% или 15% россиян, проживающих за рубежом. К сожалению, информация МИД РФ из этих реестров исследователям недоступна.

В дополнение авторы используют данные, собранные Министерством науки и высшего образования РФ. Само это ведомство не публикует статистику, но есть несколько организаций, которые ее предоставляют в части, касающейся иностранных студентов, обучающихся в системе высшего образования.

Что касается зарубежных источников данных о миграции, авторы упоминают Статистический комитет Содружества Независимых Государств (СНГ), Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и др.

Третья глава атласа посвящена миграционной и дипломатической инфраструктуре. В ней подробно описаны пограничные переходы, расположенные по всей протяженности российской границы: наземные, воздушные, железнодорожные, речные, озерные и пешеходные, которые указаны на картах и в таблицах, структурированных по типу переходов и местоположению. Кроме того, в главе представлены карты пунктов пересечения границы в разбивке по странам, граничащими с ними, и типу пункта пересечения границы. Часть из них проиллюстрирована фотографиями.

Авторы поясняют, что некоторые страны имеют договоренности с Россией о свободном пересечении границы для развития бизнеса и туризма. Вместе с тем они приводят в пример случаи республик Абхазия и Южная Осетия, где подобная ситуация создает политические трудности в отношениях с Грузией. Еще одна сложность заключается в недостаточной развитости инфраструктуры на переходах в Абхазию, что приводит к многочисленным задержкам. Авторы предлагают оптимизировать этот узел, чтобы облегчить развитие торгово-экономических, культурных и гуманитарных связей.

Во второй части третьей главы подробно описывается дипломатическая инфраструктура Российской Федерации за рубежом, в том числе посольства, генеральные консульства, почетные консульства, представительства МВД по вопросам миграции, представительства Россотрудничества и др. Публикуются карты с указанием распределения этих организаций по различным странам.

В четвертой главе рассматривается взаимосвязь между миграцией и демографическими процессами. В последние 30 лет Российская Федерация столкнулась с сокращением численности населения по причине снижения рождаемости и увеличения смертности, что частично компенсировалось миграционным приростом. Эти процессы визуализируются по регионам на картах, иллюстрирующих динамику численности постоянного населения и мигрантов в крупных городах, рождаемости и смертности в каждом регионе, возрастную и гендерную структуру населения.

В пятой главе исследуется внутренняя миграция в России. Отмечается, что она продолжает оказывать значительное влияние на социально-экономические и демографические процессы, а также на характер расселения в регионах. Потоки внутренней миграции по территории Российской Федерации распределены неравномерно. В результате большая часть регионов теряет население, и только в некоторых из них наблюдается рост. Так, в 2015 г. миграционный прирост происходил всего в 13 регионах, 12 из которых расположены в европейской части страны. Эти тенденции с годами усиливались. Ситуация на 2020 г. представлена на карте региональной миграции в России. Регионы, из которых население выбывает, имеют самый высокий уровень безработицы.

Кроме того, в атласе анализируются потоки временных трудовых мигрантов, число которых на территории РФ в последние годы неуклонно растет. Авторы уделяют внимание и маятниковой миграции, которая наблюдается в городских агломерациях, таких как Москва. Значительное число жителей Московской области ежедневно ездит на работу в столицу, причем в среднем их путь составляет около 50 км и занимает час или более в одну сторону и столько же обратно.

Шестая глава посвящена иммиграции в Россию. После распада СССР Российская Федерация стала крупнейшей в Евразии страной приема мигрантов. Социально-экономические и политические процессы в первую очередь побудили этнических русских, проживавших в странах бывшего Советского Союза, переехать в Россию. Обмен населением со странами СНГ и Балтии увеличился настолько, что компенсировал естественную убыль населения. Основными странами-донорами были государства Центральной Азии и Южного Кавказа, Украина.

Что касается иностранных трудовых мигрантов, авторы отмечают, что наибольшее количество патентов на работу было выдано гражданам Азербайджана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Есть также трудящиеся-мигранты из Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана, которым не требуются разрешения на работу. Основными регионами, принимающими таких работников, являются Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская и Московская области, Краснодарский край. Эти работники обеспечивают 8% валового внутреннего продукта России и трудятся в основном в таких секторах, как строительство, торговля и общественное питание, сельское хозяйство и лесоводство, производство, транспорт и бытовые услуги.

Авторы анализируют особенности внешних миграционных процессов в российских регионах. В атласе опубликованы карты, на которых подробно отражена динамика международной миграции за последние годы, а также карты, отражающие воз-

растную и этническую структуру мигрантов, прибывающих в каждый регион. Кроме того, международная миграция представлена путем картографирования стран происхождения мигрантов и указана их концентрация в российских регионах.

В седьмой главе разбирается расселение этнонациональных групп, проживающих на территории Российской Федерации и в прилегающих районах. В России проживает более 180 этнических и национальных групп. Основными этносами являются русские, татары, украинцы, башкиры, чувашы, чеченцы и армяне. Некоторые национально-этнические группы сконцентрированы в регионах, которые имеют особый статус административно-правовых образований (республик, областей, краев) и пользуются правом самоуправления и сохраняют свои социокультурные особенности.

Авторы включают в эту главу и карты распределения по регионам РФ мигрантов из этнических и национальных групп, проживающих в странах бывшего СССР. Представлены графики этнонационального состава миграционных потоков в разные годы. Отмечено, что наибольшее количество мигрантов прибывает в Россию из стран Центральной Азии.

В восьмой главе рассматриваются эмиграция из России и русскоговорящие сообщества за рубежом. Обращается внимание на то, что Российская Федерация входит в пятерку крупнейших стран эмиграции (в 2020 г. 10,7 млн человек проживали за рубежом). Основными странами, в которые направляются эмигранты из России, являются государства экс-СССР, Германия, Китай, Индия, Вьетнам, Турция, Сирия, США, Афганистан, Израиль, Финляндия, Сербия, Италия, Иордания, Франция, Польша, Греция, Великобритания, Болгария, Северная Корея, Канада и такие направления, как Австралия и Новая Зеландия, страны Южной Америки. Авторы публикуют карту, показывающую количество иммигрантов из России в разных странах мира по состоянию на 2021 г.

Существует два основных исходящих потока мигрантов: постоянные эмигранты и временные, как правило, трудовые. Этот последний поток, хотя и не такой многочисленный, тем не менее очень важный. Следует подметить и то, что многие россияне ныне живут «на две страны», имея недвижимость и бизнес за границей, а иногда и вид на жительство или второе гражданство.

Авторы предупреждают: не исключено, что данные по эмиграции могут быть неточными, поскольку в эту статистику могут попадать и иностранные граждане, проживавшие в Российской Федерации, которые возвращаются на родину. В эмиграции из России можно выделить четыре волны. Первая наблюдалась после распада СССР. Авторы фиксируют, что во время второй волны (1998–2008 гг.) эмиграция сократилась по причине введения ограничений рядом западных стран на предоставление статуса беженца российским заявителям. В третьей волне (2008–2021 гг.) мотивы были преимущественно экономическими, основную массу эмигрантов составляли квалифицированные профессионалы и молодежь. Четвертая волна началась в 2022 г., после резкой дестабилизации ситуации на Украине. Вследствие чего многие молодые люди, имеющие высокий уровень образования, отправились в приграничные страны в надежде в последующем перебраться в Западную Европу или США.

Авторы характеризуют различные группы русских за рубежом, в том числе сообщества эмигрантов, покинувших Россию в дореволюционный период, в годы существования СССР и эмигрировавших из Российской Федерации. В качестве единицы для анализа они используют русскоязычные сообщества. Таким образом, авторы определяют русскоговорящую экономику за рубежом как систему институтов и эко-

номических отношений, основанных на использовании русского языка, являющегося основным интегрирующим фактором. Они отмечают, что эти сообщества сформировались в странах, где наблюдается концентрация мигрантов и где поддерживаются активные экономические связи с Россией. Приводится три иллюстрированных фотографиями тематических исследования, описывающих подобные русскоязычные общины в США (Брайтон-Бич, Нью-Йорк), Таиланде (Паттайя и Пхукет) и Вьетнаме (Нячанг).

В девятой главе анализируется паспортно-визовая система РФ. В Российской Федерации существует три типа паспортов для поездок за ее пределы: обычный, который используется гражданами для въезда в другие страны и выезда из них и обновляется каждые пять или десять лет; служебный паспорт, который выдается сроком на пять лет определенным государственным должностным лицам, сотрудникам государственных учреждений и сопровождающим их членам семей; дипломатический паспорт, аналогичный предыдущему, но выданный дипломатическим должностным лицам и членам их семей. Для каждого из названных типов паспортов представлены карты с указанием визового режима в странах мира. Встречный визовый режим (необходимость в визах для иностранцев для въезда в Россию) также представлен в данной главе с помощью карт.

В заключительной, десятой главе рассматривается глобальное управление миграцией. Авторы отмечают, что в Повестке дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 г. миграция признается важным инструментом развития. В ней беженцы, внутренне перемещенные лица и мигранты определяются как уязвимые группы, права которых необходимо защищать и расширять, а их потребности следует учитывать при разработке национальных политик. Среди целей устойчивого развития на период до 2030 г. упоминается необходимость содействия упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции, включая разработку хорошо спланированной и продуманной миграционной политики.

В связи с этим авторы выделяют раздел, озаглавленный «Миграционная политика», в котором сначала обозначают различия между миграционной политикой, управлением миграцией и миграционным законодательством. Затем они анализируют подходы Международной организации по миграции к тому, какой должна быть миграционная политика, исходя из постулатов Целей устойчивого развития об упорядоченной, законной и безопасной миграции. В следующем разделе систематизирована информация о различных международных организациях, связанных с управлением миграцией: Международная организация по миграции, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международная организация труда, Отдел народонаселения ООН, Фонд ООН в области народонаселения и Международный центр развития миграционной политики. В главу включены карты с указанием стран, входящих в состав каждого агентства.

Кроме того, подробно описаны межгосударственные консультативные механизмы по управлению миграцией. Авторы подчеркивают, что такие механизмы закладывают основу для эффективного управления миграцией и внедрения передовой практики по вопросам, связанным с миграцией. Они приводят следующие примеры: Диалог 5+5 по миграции в Западном Средиземноморье, Диалог Абу-Даби, Региональный арабский консультативный процесс по миграции и беженцам, Алматинский процесс, Диалог по миграции в Западной Африке, Будапештский процесс, Диалог по миграции Общего рынка Восточной Африки и стран Юга, Межправительственный

орган по вопросам развития – Региональный консультативный процесс по миграции, Диалог центральноафриканских государств по миграции, Южноафриканский диалог по миграции, Балтийский процесс, Пражский процесс, Средиземноморский диалог по транзитной миграции, Пуэблский процесс, Рабатский процесс, Южноамериканская конференция по миграции, Процесс Коломбо, Межправительственные консультации по вопросам миграции, убежища и предоставления убежища.

Атлас в первую очередь представляет интерес для всех исследователей, изучающих миграционные процессы в том или ином аспекте. С одной стороны, в нем рассматриваются демографические вопросы, в которых основное внимание уделяется структуре международных и внутрирегиональных миграционных потоков и их влиянию на постоянное население. Более того, обсуждаются экономические проблемы, связанные с рынками труда, региональной экономикой, происхождением трудящихся-мигрантов, трудовыми договорами, требуемой документацией, созданием русскоговорящих эмигрантских экономик и их ролью в притяжении новых мигрантов. Исторические данные приводятся при описании динамики и направлений внутренних и внешних миграционных потоков и мотивов миграции. В издании рассматриваются вопросы культуры и этничности применительно к адаптации мигрантов. Так, авторы указывают на то, что уроженцам стран бывшего СССР сравнительно проще приехать в Российскую Федерацию из-за владения русским языком и поддержки со стороны миграционных сетей в местах назначения. Аналогичным образом этнонациональные особенности обуславливают и формирование русскоязычных общин за рубежом. Авторы исследуют и вопросы, имеющие отношение к общей логике управления миграцией: миграционную политику, паспортно-визовую систему и инфраструктуру пограничных пунктов въезда и выезда из страны.

Не менее важным элементом атласа является критический анализ данных, полученных из разрозненных источников, их приведение к единой форме, что позволяет авторам формулировать собственные интерпретации миграционных процессов. Отличительной чертой книги является богатый фактологический материал в виде таблиц и карт, которые демонстрируют тщательно проделанную работу по географической привязке данных и свидетельствуют о значительном внимании к пространственным аспектам миграции. А превосходное качество печати позволяет четко и детально оценить представленные изображения.

В заключение необходимо отметить, что атлас представляет интерес не только для исследователей миграции, но и для читателей, стремящихся понять особенности такой огромной и разнообразной страны, как Российская Федерация, ее историю, географию, политику и культуру.

Сведения об авторе:

Писарро Синтия Александра, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина.

Контактная информация: e-mail: pizarro.cynthia@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-1234-126X](https://orcid.org/0000-0003-1234-126X); Scopus Author ID: [36996610700](https://scopus.org/36996610700).

Перевод с испанского:

Кузнецов Никита Григорьевич, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023; принята в печать 14.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION ATLAS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A VIEW FROM ARGENTINA

Cynthia A. Pizarro

University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

E-mail: pizarro.cynthia@gmail.com

For citation: Pizarro, Cynthia A. Migration Atlas of the Russian Federation: A View from Argentina. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 265–272. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.19](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.19).

Abstract. *The review of the Migration Atlas of the Russian Federation, prepared by a group of authors of the Institute for Demographic Research and the North Caucasus Federal University, analyzes the joint work of demographers, sociologists, geographers and cartographers of two scientific organizations. The authors analyze the historical and modern statistics of migration processes in the Russian Federation, its main directions, countries connected with the Russian Federation in migration channels, communities of Russian-speaking migrants formed abroad and their economic interaction. The authors pay considerable attention to several aspects that often dropped out of sight of researchers. Among them are the ethnic composition of migration processes, features of spatial settlement, processes of pendulum migration, the impact of migration infrastructure on the processes under study, features of international migration management.*

Keywords: *international migration; migration management; settlement; migration infrastructure; ethnic migration; Russian-speaking communities.*

Bio note:

Cynthia A. Pizarro, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina.

Contact information: e-mail: pizarro.cynthia@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-1234-126X](https://orcid.org/0000-0003-1234-126X); Scopus Author ID: [36996610700](https://orcid.org/36996610700).

Translation from Spanish:

Nikita G. Kuznetsov, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Received on 16.05.2023; accepted for publication on 14.07.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2023.3.3.20](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.20)
EDN [BWXEAQ](https://www.edn.ru/BWXEAQ)

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В РОССИИ: ОБЗОР «МИГРАЦИОННОГО АТЛАСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Сущий С. Я.

Юный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: SS7707@mail.ru

Для цитирования: Сущий, С. Я. Картографирование миграции в России: обзор «Миграционного атласа Российской Федерации» // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 3. С. 273–275. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.20](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.20). EDN [BWXEAQ](https://www.edn.ru/BWXEAQ).

Аннотация. Статья представляет собой отзыв на научное издание «Миграционный атлас Российской Федерации», подготовленное коллективом авторов ИДИ ФНИСЦ РАН и Северо-Кавказского федерального университета (Москва : ИТД «Перспектива», 2022. 180 с.) Издание охватывает широкий круг вопросов, связанных с внутрорегиональной, внутрироссийской и внешней миграцией, управлением ее потоками на национальном и международном уровнях. Атлас позволяет получить комплексное представление о масштабах, направлениях и структуре миграционных потоков внутри России, в т. ч. в региональном разрезе, а также о миграционном обмене со странами ближнего и дальнего зарубежья. Издание включает 10 разделов, посвященных внутрироссийской и международной миграции, месту России в глобальных миграционных потоках и паспортно-визовых отношениях, отдельным видам миграции (трудовая, образовательная, этническая), миграционной инфраструктуре и др. Источниками статистических данных и нормативных документов для атласа стали российские (Росстат, Пограничная служба ФСБ РФ, Главное управление по вопросам миграции МВД РФ и т.д.) и международные (Всемирный банк, Отдел ООН по народонаселению, Международная организация по миграции и др.) организации и ведомства. Атлас содержит обширную текстовую, картографическую и статистическую информацию, охватывающую миграционные процессы в России и за рубежом за период с 1991 по 2022 гг. Материалы, содержащиеся в атласе, представляют большой научный интерес и имеют выдающуюся практическую значимость. Наглядность представления информации делает ее доступной не только для исследователей, но и для представителей органов власти, а также для всех интересующихся темой миграции в Российской Федерации.

Ключевые слова: межрегиональная миграция; международная миграция; этническая миграция; трудовая миграция; Российская Федерация; картография.

В своем научно-исследовательском сегменте «[Миграционный атлас Российской Федерации](#)» можно с полным основанием назвать пионерской работой. Впервые в рамках одного издания представлен фронтально развернутый, хорошо структурированный и пространственно детализированный свод информации об основных аспектах миграционной (отчасти и демографической) динамики населения России. При этом точность и профессиональная «полезность» помещенной в издании информации дополняется доступностью и наглядностью ее подачи.

Самостоятельный интерес представляет каждая из десяти глав атласа. Тем не менее особо выделим раздел, посвященный миграционной и дипломатической инфраструктуре Российской Федерации с детальной картографией всех контрольно-пропускных пунктов страны и географией размещения по странам мира российских посольств, генеральных и почетных консульств, представительств МВД и Россотрудничества.

В главе «Иммиграция в Россию» значительной эвристической ценностью для специалистов обладает серия карт и сопроводительный аналитический комментарий, посвященные масштабам и направлениям трудовой и учебной миграции из ближнего (Украина, Казахстан, Южный Кавказ, Центральная Азия) и дальнего (Юго-Восточная Азия) зарубежья; международной географии трансграничных переводов из России; численности высококвалифицированных иностранных мигрантов в различных регионах Российской Федерации.

Глава «Этнические миграции и диаспоры» фиксирует в региональном разрезе динамику по территории России в 1980–2000-е гг. и географию расселения в 2010 г. представителей крупных национальных меньшинств (в том числе азербайджанцев, армян, белорусов, грузин, евреев, казахов, китайцев, немцев, таджиков, узбеков, украинцев). Неподдельный интерес представляет и серия диаграмм, дающих объективные представления об этнической структуре миграционного взаимообмена России с рядом стран ближнего зарубежья (ведущих миграционных доноров Российской Федерации в постсоветский период).

Можно выразить некоторое сожаление только о том, что издание вышло в 2022 г., за несколько месяцев до появления результатов переписи 2021 г., присутствие которых в картографии и тексте атласа позволили бы дать читательской аудитории самую актуальную информацию о крупнейших диаспорах российских регионов в начале 2020-х гг.

Следует отметить, что содержание атласа не ограничивается сферой миграционных процессов. В главе «Миграция и демографическое развитие» отражены ключевые показатели естественной динамики населения России. Данный картографический материал также представлен в региональном разрезе, с охватом ряда последних лет, что в сочетании с детальной информацией по механическому движению населения позволяет составить комплексное представление о демографической ситуации в Российской Федерации и ее отдельных территориальных сообществах во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. (один из самых сложных периодов в постсоветской социодемографической динамике страны).

Разнообразие содержания атласа, высокая информативность материала в сочетании с его наглядной подачей (карты, графики, диаграммы) существенно расширяют потенциальную аудиторию данного издания, позволяя включить в него помимо специалистов целого ряда научных направлений (демографы, социальные географы, регионоведы), представителей органов власти, дипломатов, работников социальной сферы, вузовских преподавателей, студентов и всех интересующихся демографическими и миграционными процессами в Российской Федерации и мире.

Наличие в издании параллельного английского текста делает атлас ценным источником информации для сотрудников многочисленных дипломатических и консульских служб иностранных государств, размещенных в России; для зарубежных исследователей, в область научных интересов которых входят наиболее актуальные проблемы и аспекты развития современной России и ее ближнего окружения.

Таким образом, можно только приветствовать появление данного комплексного издания, периодическое переиздание которого (с обязательным обновлением и дополнением картографического и аналитического материала) могло бы стать одной из продуктивных форм научно-исследовательского мониторинга миграционных процессов в Российской Федерации.

Сведения об авторе:

Суцкий Сергей Яковлевич, доктор философских наук, кандидат социологических наук, главный научный сотрудник, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.

Контактная информация: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988); РИНЦ Author ID: [76862](https://elibrary.ru/76862); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988); Scopus Author ID: [56584550300](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988).

Статья поступила в редакцию 10.05.2023; принята в печать 07.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MAPPING MIGRATION IN RUSSIA: REVIEW OF THE “MIGRATION ATLAS OF THE RUSSIAN FEDERATION”

Sergey Ya. Suschiy

Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: SS7707@mail.ru

For citation: Suschiy, Sergey Ya. Mapping Migration in Russia: Review of the “Migration Atlas of the Russian Federation”. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 3. Pp. 273–275. DOI [10.19181/demis.2023.3.2.20](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.20).

Abstract. The article is a review of the scientific publication “Migration Atlas of the Russian Federation” prepared by a team of authors from the IDR FCTAS RAS and North-Caucasus Federal University (Moscow : ITD Perspektiva, 2022. 180 p.) The publication covers a wide range of issues related to intra-regional, internal and external migration in Russia, the management of its flows at the national and international levels. The Atlas provides a comprehensive picture of the scale, directions and structure of migration flows within Russia, including in the regional context, as well as migration exchange with countries of the near and far abroad. The publication includes 10 chapters devoted to inward and international migration, the place of Russia in global migration flows, passport and visa relations, certain types of migration (labor, educational, ethnic), migration infrastructure, etc. The sources of statistical data and regulatory documents for the Atlas are Russian (Rosstat, Border Service of the Federal Security Service of the Russian Federation, Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, etc.) and international (World Bank, United Nations Population Division, International Organization for Migration, etc.) organizations and departments. The Atlas contains extensive textual, cartographic and statistical information covering migration processes in Russia and abroad for the period from 1991 to 2022. The materials contained in the Atlas are of great scientific interest and are of outstanding practical importance. The visual presentation of information makes it accessible not only to researchers, but also to representatives of authorities, as well as to all those interested in the topic of migration in the Russian Federation.

Keywords: interregional migration; international migration; ethnic migration; labor migration; Russian Federation; cartography.

Bio note:

Sergey Ya. Suschiy, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Chief Researcher, Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia.

Contact information: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5131-3988](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988); RSCI Author ID: [76862](https://elibrary.ru/76862); Web of Science Researcher ID: [U-7960-2019](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988); Scopus Author ID: [56584550300](https://orcid.org/0000-0001-5131-3988).

Received on 10.05.2023; accepted for publication on 07.07.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Компьютерная верстка: Георгий Сергеевич Довгалло

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2023. Том 3, № 3. Дата выхода в свет 30.09.2023.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>